

1

неприкосновенный
запас

ДЕБАТЫ О ПОЛИТИКЕ И КУЛЬТУРЕ

147²⁰²³

* Россия при
новом/старом режиме
* новый/старый
режим и мир
* глоссарий
инфраструктур

есть

неприкосновенный запас 1 [147] 2023

ДЕБАТЫ О ПОЛИТИКЕ И КУЛЬТУРЕ | выходит шесть раз в год | издается с сентября 1998 года

ИМПЕРСКИЕ ХРОНИКИ	003	Постимперская империя <i>Страницы</i> Владислава Иноземцева
РОССИЯ ПРИ НОВОМ/ СТАРОМ РЕЖИМЕ	010	СЕРГЕЙ РЫЖЕНКОВ. Путин и рациональность. Некоторые соображения о метаморфозах российского режима
	025	АЛЕКСЕЙ МАКАРКИН. Русская православная церковь в 2022 году: выбор патриарха Кирилла
	040	ПЕТР АЛЕКСЕЕВ. Частично-тотальные коррективы
СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ЛИРИКА	049	Вот и слезли мы с иглы <i>Страницы</i> АЛЕКСЕЯ ЛЕВИНСОНА
НОВЫЙ/СТАРЫЙ РЕЖИМ И МИР	053	Андрей Медушевский. Кризис международного права и украинский конфликт
	070	Пол Робинсон. Украинский конфликт и слом отношений России и Запада
	081	Данила Краснов. Современные автократии и военные конфликты
ПОЛИТИКА КУЛЬТУРЫ	089	Вадим Михайлин, Галина Беляева. Символический язык Павла Кузнецова: материалы к словарю
ГЛОССАРИЙ ИНФРАСТРУКТУР	121	Денис Сивков. Исследования инфраструктур
	125	Денис Сивков. Алкоголь
	131	Николай Руденко. Брусчатка
	137	Любовь Чернышева. Велопрокат
	143	Дарья Радченко. Забор
	155	Екатерина Ходжаева. Зал судебного заседания
	169	Леонид Юлдашев. Интернет
	177	Евгения Попова. Кадастр (инженерных сетей)
	183	Алиса Максимова. Краеведческий музей
	193	Жанна Кормина. Паломничество
	200	Лидия Рахманова. Переправа
	209	Михаил Агапов. Плавамагазин
	215	Владимир Картавцев. Полевой туалет
	222	Макар Терёшин. Поля падения
227	Анастасия Новкунская. Родовспоможение	
235	Яна Багина. Чат	
242	Андрей Корбут. Эскалатор	

Главный редактор
Ирина Прохорова

Шеф-редактор
Кирилл Кобрин

Редакторы
Андрей Захаров
Антон Золотов
Игорь Кобылин

Дизайн
Дмитрий Черногаев
Андрей Бондаренко

Корректор
Марина Алхазова

Маркетинг, PR и реклама
Анастасия Векшина
Тел. +7 (495) 229 91 03
e-mail:
a.vevshina@nlobooks.ru

Почтовый адрес редакции
123104, Москва,
Тверской бульвар, д. 13, стр. 1.
тел./факс: +7 (495) 229 91 03
в Санкт-Петербурге:
тел./факс: +7 (812) 579 50 04

e-mail:
nz@nlobooks.ru
электронная версия
журнала:
www.nlobooks.ru/nz

member of
the eurozine network
www.eurozine.com

Подписка по России:
Агентство «Роспечать»:
подписной индекс 45683

Зарубежная подписка:
Kubon & Sagner,
Hesstr. 39/41,
80798, München, Germany
Tel.: +49-89-54-218-130
Fax: +49-89-54-218-218
e-mail:
postmaster@kubon-sagner.de
www.kubon-sagner.de

ISSN 1815-7912
ISBN 5-86793-053-x
«Неприкосновенный запас»
Лицензия на издательскую
деятельность:
серия ЛР № 061083
от 6 мая 1997 г.

Свидетельство о регистрации
средства массовой
информации:

Серия ПИ № 77-7546 от
5 марта 2001 г.

Периодичность: 6 раз в год.
[18+]

© 000 Редакция журнала
«Новое литературное
обозрение»

Москва, 2023

Владислав
ИНОЗЕМЦЕВ

Постимперская империя

Продолжая наши «Имперские хроники», я хотел бы коснуться российского *alter ego* – Европы, – так как большинство драматических событий последнего времени в той или иной мере были порождены воображаемым противостоянием России с этим новым геополитическим центром мира, за минувшие десятилетия прошедшим впечатляющий путь от раздробленности к единству. Иногда может казаться, что отношение России к Европе свидетельствует о коллективном социальном умопомешательстве: столь назойливыми кажутся как преклонение россиян перед европейцами, так и уничижительное к ним отношение. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что это вполне объяснимый феномен, так как формальное копирование европейских практик и их сущностное

**ИМПЕРСКИЕ
ХРОНИКИ**

003

отторжение были самым содержанием большей части нашей истории.

Я уже упоминал в предшествующих колонках, что Россия во все времена стремилась обрести статус наследника или равного соперника европейских империй. Исторически московские государи тщились обосновать легитимность своей власти, возводя родословную правителей к римским цезарям, как это делал еще автор «Сказания о князьях Владимирских». Само название «Россия» происходит от греческого *Ρωσία* и распространилось в XVI веке – после того, как греческое влияние в Московии усилилось с падением Византии. Постепенно Москва стала рассматривать все покоренные территории как единое государство, а доктрина «третьего Рима» сделала эту линию преемственности официальной. Во многом российско-европейская дихотомия начала формироваться как идеологизированное противостояние наследников античной имперскости – пусть даже один из них был легитимным, а другой самозванным¹.

Однако, на мой взгляд, для объяснения особенностей текущего момента не стоит забираться так далеко в прошлое, поскольку нынешние события обусловлены процессами, происходившими в куда более недавнее время.

После окончания Второй мировой войны европейские империи – к которым относились и основные западные колониальные системы, и Советский Союз – демонстрировали противоположные векторы развития. Практически сразу после прекращения глобального противостояния важнейшие «горячие» конфликты приняли форму антиколони-

альных войн покоренных европейцами народов против далеких метрополий. Каким бы странным это ни казалось, но такой ход событий во многом повторял историю распада Российской империи, случившуюся на фоне завершения Первой мировой войны, когда ее окраины с разной степенью успешности попытались обрести независимость. И, хотя страны Западной Европы вышли из Второй мировой войны победителями, у них не хватало сил и решимости удержать или переформатировать собственные владения – и уж тем более переиначить ради сохранения заморских территорий собственную идентичность. В результате между 1945-м и 1975 годами все колониальные империи распались, вызвав в ряде европейских стран заметную волну исторического пессимизма и упаднических настроений. Советский Союз, напротив, видел в антиколониальной борьбе глобальной периферии предпосылки ускоренного распространения коммунистических идей и грядущего коллапса мирового империализма – и потому активно ее поддерживал. Однако ситуация существенно изменилась уже в следующие десятилетия.

Не стоит сомневаться в том, что постимперский синдром в основных европейских странах в 1950–1960-е был очень силен. Крах колониальной системы во многом уравнил победителей и побежденных во Второй мировой войне: с одной стороны, «тысячелетний рейх» рухнул вместе с его убогой реинкарнацией римской империи, но, с другой стороны, и империи-победительницы скукожились до размеров их метрополий. Римский договор 1957 года² стал

1 См.: *Сказание о князьях Владимирских* (<http://lib.pushkinskijdom.ru/default.aspx?tabid=5103>); ПЕРЕВЕЗЕНЦЕВ С. *Русская религиозно-философская мысль X–XVII веков*. М.: Прометей, 1999. С. 223–226; СИНИЦЫНА Н. *Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.)*. М.: Индрик, 1998. С. 323–324, 345.

2 См. текст документа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/txt/?uri=celex:11957e/txt>.

революционным событием – первым соглашением между государствами, которые либо уже переставали быть империями (как Нидерланды и Франция, только что вынужденные оставить огромные территории в Юго-Восточной Азии), либо находились на грани потери колоний (как Бельгия, утратившая Конго через несколько лет). Великобритания присоединилась к Европейскому экономическому сообществу в 1973 году, когда она растеряла почти все свои крупные колонии; Португалия вошла в его состав в 1986-м, через десятилетие после предоставления независимости своим колониями в Африке. Фактически этот договор предполагал что-то вроде «возврата к истокам»: ограничиваясь кругом бывших имперских метрополий, он на деле породил нечто намного большее, так как именно сближение бывших имперских центров и стало одним из наиболее значимых оснований успешности европейской интеграции.

Европейский союз часто называют империей, но нет ничего более ошибочного, чем подобное определение. Основы европейской интеграции формировались тогда, когда казалось очевидным отсутствие у империи как особого типа политического устройства любых исторических перспектив. Европейские метрополии – осознавали они это или нет – объединялись в том числе и в некое сообщество государств с общими проблемами: ассоциация постимперских держав была сродни «обществу анонимных алкоголиков», намеренных преодолеть свой недуг через готовность открыть друг другу свои проблемы и комплексы и объединившихся именно для этого. По мере расширения пространства интеграции ситуация не слиш-

ком изменилась: по состоянию на середину 2010-х, до печально известного Брекзита, среди 28 стран Европейского союза бывшими ярко выраженными имперскими метрополиями были двенадцать: Португалия, Испания, Франция, Великобритания, Бельгия, Нидерланды, Германия, Швеция, Польша, Литва, Австрия и Италия. Не будет лишним заметить, что на эти страны в 2015 году приходилось 82,1% населения ЕС и 88,5% его совокупного ВВП³. При этом у центральных органов ЕС не было более важной задачи, чем сокращать диапазон возможностей властей постимперских стран и утверждать идеи солидаризма на основе установленного в союзе принципа консенсуса. Так, право вето могли применять не только небольшие европейские страны, но и те из них, которые стали частью Австрийской империи в результате войн с Османской империей и Наполеоном (Словения, Хорватия) или Великобритании (Ирландия, Кипр, Мальта). Иначе говоря, система организации ЕС не только предполагала единение «собратьев по несчастью», но и закладывала основы противостояния имперским амбициям внутри сообщества.

Чем заметнее та или иная страна проявляет свои имперские комплексы, тем сложнее ей прижиться в ЕС; именно поэтому Великобритания, для которой имперская компонента политики и репрезентация себя в качестве самостоятельного центра силы обладали огромной значимостью, в конечном счете, так и не сумела найти себе место в общеевропейском объединении. (В 1960-е, когда континентальные страны ставили препоны на пути вступления Лондона в ЕЭС, Великобритания даже создала альтернативную структу-

3 См. официальные данные Евростата: <https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/tps00005/default/table?lang=en>; https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/nama_10_gdp/default/table?lang=en.

ру; на мой взгляд, страна почти обречена снова вернуться к этому проекту, хотя и в качественно новых условиях и с другим набором игроков⁴.) В то же время остальные члены ЕС продолжили развитие по пути предоставления максимальной свободы своим членам и крайне осторожного расширения – в основе последнего лежит запрос той или иной страны о возможности ее принятия в союз и выставления последним кондиций, открывающих подобную перспективу. Как известно, некоторые империи тоже порой расширялись на основе добровольного присоединения к ним новых территорий; однако принятие таковых на жестких условиях и без большого энтузиазма со стороны центра не было известно ни одной из прежних имперских структур. Более того, в определенной степени это противоречит фундаментальным целям любой империи.

Асинхронность развития Советского Союза и европейских стран, вызванная прежде всего различиями в итогах Второй мировой войны для обеих сторон (СССР существенно расширил свою зону влияния после 1945 года и продолжал этот процесс вплоть до середины 1970-х, тогда как западноевропейские страны двигались в противоположном направлении), воплотилась в почти идеальной иронии истории: всего через 43 дня после распада СССР и спуска 25 декабря 1991 года красного флага над Кремлем Западная Европа формально завершила постимперский транзит подписанием 7 февраля 1992 года Маастрихтского

договора об образовании Европейского союза⁵. Принятие в ЕС в 2004-м Польши и Литвы – стран, которые сотни лет назад были важными имперскими центрами, но с тех пор успели провести несколько веков в качестве оккупированных и присоединенных к Российской империи провинций, – не изменило того факта, что консолидация в недавнем прошлом мощных имперских образований была закончена. Россия – страна, понесшая, вероятно, самый большой экономический, социальный и мировоззренческий ущерб от распада своей империи, – в клуб коллективной постимперской психотерапии, успешно работавший к тому времени почти треть столетия, не попала, хотя и декларировала в конце 1980-х стремление к созданию «единого общеевропейского дома». Этот факт я считаю определяющим для расшифровки логики последовавших событий.

История Европы последних тридцати лет стала для новой России страшным раздражителем. Не могу сказать, что именно заставило Владимира Путина выдать из себя слова: «Что касается европейской интеграции, то мы не просто поддерживаем эти процессы, мы смотрим на них с надеждой»⁶, но мне сложно предположить, что Москва действительно когда-то радовалась этому, поскольку как раз данная интеграция лучше чего-либо другого подчеркивала российскую ущербность. После 1992 года объединенная Европа «отметилась» как минимум четырьмя выдающимися результатами: во-первых,

4 См. информацию о Европейской ассоциации свободной торговли: *EFTA through the Years. Main Events in the History of EFTA from 1960 until Today* (www.efta.int/About-EFTA/EFTA-through-years-747); см. также мою статью о перспективах этого объединения: INOZEMTSEV V. *Sur le Brexit et une "nouvelle AELE" // Politique étrangère*. 2020. № 2. P. 169–183.

5 Подробнее см.: www.cvce.eu/en/education/unit-content/-/unit/d5906df5-4f83-4603-85f7-0cab24b9fe1/e038b310-f139-407f-9bfb-a1b2e901fb56.

6 *Выступление в Бундестаге ФРГ. 25 сентября 2001 года* (<http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21340>).

созданием единого социально-политического пространства с установлением в 1995-м Шенгенской визовой зоны; во-вторых, четырьмя раундами расширения, которые довели число членов ЕС с 12-ти до 28; в-третьих, введением с 1999 года единой блоковой валюты – евро и, в-четвертых, принятием в 2007-м своего рода Конституции ЕС в виде Лиссабонского договора. При этом Москва, которая также вынашивала интеграционные проекты с участием своих бывших колоний, достигла немногого: единого визового пространства и единой валюты не случилось даже с Белоруссией; создание Евразийского экономического союза стало во многом профанацией, так как соглашения о свободном передвижении большинства товаров и услуг так и не вступили в силу, и, наконец, какого-то единого наднационального органа, способного определять политику блока, помимо президентов и правительств отдельных стран, так и не появилось.

Европейский союз стал уникальной политией, в которой оптимально соединились региональный, национальный и наднациональный уровни управления. Объединенная Европа не только помогла государствам избавиться от многих элементов их имперского наследия, но и создала систему, в которой регионы, проявляющие сепаратистские наклонности, задумываясь порой о выходе из состава своих государств (как, например, Шотландия или Каталония), при этом не собирались покидать ЕС. Перераспределение средств через общеевропейский бюджет, нацеленное на развитие отдельных регионов, также стало

важнейшим элементом, гарантирующим внутреннюю сплоченность новоявленной «империи». С самого начала ЕЭС обладало верховной судебной инстанцией – в этой роли выступал Европейский суд справедливости, – решения которой по искам граждан и компаний из отдельных стран воплощались в законы и правила для всего объединения: так, например, вердикты по делам «Van Gend en Loos v. Nederlandse Administratie der Belastingen» (1963) или «Rewe-Zentral AG v. Bundesmonopolverwaltung für Branntwein» (1979) значили для процесса интеграции больше, чем некоторые многосторонние соглашения⁷. При этом ЕС не имеет однозначного «центра», так как даже после Брекзита его крупнейший участник, Германия, обеспечивал не более 25% ВВП союза и 18,6% его населения⁸. Европа в XXI веке стала союзом равных и, как ни странно, той самой «либеральной империей», о которой когда-то грезил бывший российский реформатор Анатолий Чубайс⁹.

Именно это качество Европейского союза, на мой взгляд, делает его уникальным политическим субъектом, существование которого не может не раздражать Кремль. Если в годы «холодной войны» Европа была разделена, а Советский Союз являлся одной из глобальных сверхдержав со своими сателлитами, то с конца 1980-х Россия потеряла не только своих союзников, но и многие свои владения, в то время как ЕС, напротив, начал расширение на Восток, поглощая страны бывшего социалистического блока, а также прибалтийские государства, с 1940 по 1990 годы

7 Подробнее см.: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/txt/?uri=celex%3a61962cj0026>; <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/txt/?uri=celex%3a61978cj0120>.

8 См. официальные данные Евростата: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/nama_10_gdp/default/table?lang=en; <https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/tps00005/default/table?lang=en>.

9 См.: А. Чубайс: *основная задача РФ – построение либеральной империи* // РБК. 25 сентября (www.rbc.ru/politics/25/09/2003/5703b59a9a7947783a5a4b6c).

входившие в состав СССР. О европейском выборе еще в 2000-е со всей определенностью заявили Грузия, Молдова и Украина – и, собственно, вся геополитика Восточной Европы при Владимире Путине стала историей противостояния «постимперской империи» в лице ЕС и традиционной империи в лице России. Российские вторжения в бывшие советские республики достаточно прямо коррелировали с интенсивностью попыток этих стран интегрироваться в европейское пространство. Начало нынешнего военного конфликта в Украине также не случайно пришлось на то время, когда Киев окончательно определился с европейской направленностью своей политики.

Парадоксально, но «постимперская империя» стала главной экзистенциальной угрозой для российской традиционной имперскости. На протяжении всего постсоветского периода Москва проигрывала соревнование европейским столицам: в Европу уходили десятки миллиардов долларов российских капиталов и переезжали миллионы россиян, а постсоветские народы смотрели на запад, а не на восток. Может быть, это и будет неким преувеличением, но я рискнул бы сказать, что российские реформы «сломались» в середине 2000-х, когда Европейский союз провел масштабное включение в свой состав бывших социалистических стран и обозначил намерение не останавливаться на этом. Именно в то время в Москве поняли, что никакая интеграция традиционной империи в новаторскую невозможна, и начали возрождать/придумывать собственные концепты, среди которых оказались «традиционные ценности», «Русский мир», «вертикаль власти», «национализация элит» и так далее.

Россия давно противопоставляла себя Европе – но такой Европе, которая была столь же имперской, как и Россия, и не менее националистической, чем она сама. Какой бы особенной ни считала себя Россия в прошлом, в XVIII или XIX веках она участвовала в европейской политике на тех же принципах, что и Франция или Англия, Германия или Австрия, – и была, как империя, одной из многих империй на континенте. В современных условиях оказывается, что Россия соперничает не с отдельными странами, а с их новаторским квазиимперским объединением, хотя ее собственные имперские предприятия устарели и не отличаются успешностью, и все, что ей остается, – это демонизировать Европейский союз и придумывать нелепые истории о его скором крахе.

* * *

Европа – родина современных империй, своего рода эталон (как в позитивном, так и в негативном смыслах) поселенческой и военной колонизаций. Как отмечал Жан-Франсуа Ревель, мы все живем в «европейском мире, поскольку именно Европа рассеяла по всем континентам свои капиталы, свою технику, свои языки и своих жителей»¹⁰. Успех сопутствовал российской империи на протяжении всего того периода, пока она была империей *европейской*. Тогда можно было дискутировать, является ли Россия частью Европы или ее *alter ego* – но все эти обсуждения, на мой взгляд, полностью утратили релевантность в конце XX века, когда бывшие европейские имперские метрополии не только не расстались со своими колониями, но

¹⁰ REVEL J.-F. *L'obsession anti-américaine. Son fonctionnement, ses causes, ses conséquences*. Paris: Plon, 2002. P. 80.

и сами объединились в своего рода «империю равных», что помогло им пережить кажущееся поражение и создать проект расширяющегося пространства, не то чтобы подсластивший, а скорее даже исчерпавший горечь прежних поражений. Эта «постимперская империя» создала новые линии напряжения в отношениях с Россией, которая не смогла ни удержать свою империю, ни создать вместо нее привлекательный и эффективный субститут.

Россия в XVIII–XIX веках нередко успешно противостояла в войнах европейским империям, которые можно условно назвать «навязанными», «созданными силой»; сейчас же она

вчистую проигрывает противостояние с империей добровольной, в которую превратился столетиями раздираемый конфликтами континент. Наша страна, замечу, эффективно трансформирует сегодня пацифистский характер этой новой империи и даже может невольно придать ей дополнительный динамизм – если европейцы ощутят свою не только экономическую, культурную, но и военную силу, «прирастая» постсоветскими территориями. Наднациональный союз, казавшийся многим в Москве бледной копией бывших европейских империй, оказался, напротив, их самым удачным развитием, которому Кремлю нечего противопоставить.

www.eurozine.com

The most important articles on European culture and politics

Eurozine is a netmagazine publishing essays, articles, and interviews on the most pressing issues of our time.

Europe's cultural magazines at your fingertips

Eurozine is the network of Europe's leading cultural journals. It links up and promotes over 100 partner journals, and associated magazines and institutions from all over Europe.

A new transnational public space

By presenting the best articles from the partner magazines in many different languages, Eurozine opens up a new public space for transnational communication and debate.

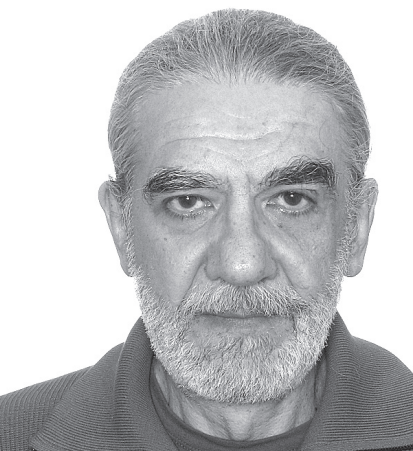
The best articles from all over Europe at www.eurozine.com

eurozine

СЕРГЕЙ
РЫЖЕНКОВ

Путин и рациональность. Некоторые соображения о метаморфозах российского режима

Сергей Иванович
Рыженков (р. 1959) –
политолог.

В свое время мексиканский президент Порфирио Диас (1830–1915) и никарагуанский президент Анастасио Самоса (1896–1956) сумели создать такие режимы, в которых персональное господство сочеталось с ограниченной электоральной конкуренцией, применявшейся при формировании как исполнительной, так и законодательной власти¹. В 1980–1990-е, отмеченные завершением деколонизации Африки и распадом Советского Союза, этот опыт оказался востребованным. Режимы электорального авторитаризма в странах с президентскими системами шли по одному из двух путей: они либо дополняли сложившиеся практики единоличного властвования электоральным измерением, либо же преобразовывались в такие режимы, где персоналистское измерение со временем становилось безраздельно определяющим.

В настоящей статье такого рода режимы выделяются в отдельный тип авторитарных режимов – электорально-персона-

1 Подробнее см.: BETHELL L. *Mexico since Independence*. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1991. P. 60–124; WALTER K. *The Regime of Anastasio Somoza: 1936–1956*. Chapel Hill; London: The University of North Carolina Press, 1993.

РОССИЯ ПРИ
НОВОМ/СТАРОМ
РЕЖИМЕ

листские диктатуры. Поскольку в отмеченном направлении на протяжении десятилетий шли десятки стран, перед исследователем открывается возможность обнаружить если не закономерности, то хотя бы паттерны, характерные для подобных режимов. В свою очередь это может приблизить нас к пониманию тех политических процессов, которые в последнее время – и в особенности в минувшем году – происходили в России.

СЕРГЕЙ РЫЖЕНКОВ
ПУТИН И
РАЦИОНАЛЬНОСТЬ...

«УТРАТА СВЯЗИ С РЕАЛЬНОСТЬЮ»?

Согласно распространенному мнению, украинская операция планировалась российским руководством как «маленькая победоносная война». Многие эксперты полагают, что результатом победы должно было стать беспроblemное переизбрание Владимира Путина на новый президентский срок в 2024 году. Соответственно, в связи с тем, что достижение победы на поле боя по прошествии года остается неопределенным, все бóльшую популярность приобретает тезис, согласно которому существующий российский политический режим находится в кризисе и чуть ли не близок к своему концу. В то же время порой высказываются предположения, что нынешняя военная операция является результатом «утраты связи с реальностью», то есть неадекватной оценки положения дел в стране и мире. Нерациональность поведения президента и его окружения, согласно этой точке зрения, еще более отчетливо проявляется в использовании угрозы применения ядерного оружия.

Однако и по каждому из этих пунктов – в которых, безусловно, фиксируются узловые точки происходящего, – и по их взаимосвязи возникают вопросы. Прежде всего военное и политическое планирование всегда предполагает наличие «плана Б» на тот случай, если что-то пойдет не так. Трудно представить, что у российского руководства не было подобного запасного плана. Следовательно, гипотеза, что военные неудачи стали для него полной неожиданностью и застали врасплох, является как минимум преувеличением. Если же говорить о предстоящих президентских выборах, то не очень понятно, чем они могут быть опасны для власти. Ведь и в ходе опроса по изменению Конституции в 2020 году, и на парламентских выборах 2021-го были использованы такие нововведения, как многодневное и дистанционное электронное голосование, гарантирующие нужные результаты, – при том, что в стране и без того давно устоялась проверенная система отбора кандидатов и подсчета голосов, обеспечивающая контроль над выборами. Криминализация же оппозиционной политической деятельности и гражданского активизма, а также усиление репрессий,

включая превентивные, минимизировали возможности протестной мобилизации, в том числе и по поводу электоральных процедур. Наконец, наиболее спорным представляется утверждение о едва ли не неизбежном крахе российского режима из-за отсутствия побед на поле боя. В условиях фактического (с элементами юридического) военного положения и при наличии мощных силовых ресурсов в лице полиции, Росгвардии, ФСБ, ФСО и других возникновение угрозы режиму и/или личной власти Владимира Путина из-за такого рода неудач представляется маловероятным.

На мой взгляд, разобраться с этими вопросами, а также объяснить кажущееся нерациональным поведение российской власти будет легче, если мы обратимся к более широкому контексту. В странах с президентской формой правления часто наблюдается, как уже было сказано, соединение характеристик двух режимов – электорального авторитаризма и персоналистской автократии. Как правило, подтверждением персонализации власти становятся попытки отменить ограничения на количество президентских сроков, возвращение на президентский пост после временной передачи власти преемнику, продление текущих полномочий и тому подобные электоральные манипуляции². В дальнейшем же – в случае успеха – президенты-диктаторы стараются надежно и своевременно устранять угрозы своей личной власти.

В теоретической литературе, насколько мне известно, нет точных «рецептов», обеспечивающих выживание подобных режимов и их лидеров. Диктаторы, опираясь на государственные ресурсы, в различной дозировке варьируют набор традиционных авторитарных инструментов сохранения власти: произвольно меняют законы, репрессиируют оппозицию, управляют преданными им партийными формированиями, принуждают элитные группы и население к подчинению и поддержке и/или покупают их, контролируют средства массовой информации, используют в узкокорыстных интересах внешнеполитические факторы, тщательно заботятся о личной безопасности и так далее³.

Вместе с тем электоральный авторитаризм предполагает стратегии кооптации системной оппозиции⁴, сортировки оппо-

2 Подробнее об электоральных манипуляциях см.: SCHEDLER A. *The Politics of Uncertainty: Sustaining and Subverting Electoral Authoritarianism*. New York: Oxford University Press, 2013. P. 259–294.

3 См.: SVOLIK M. *The Politics of Authoritarian Rule*. New York: Cambridge University Press, 2012; GEDDES B., WRIGHT J., FRANTZ E. *How Dictatorships Work: Power, Personalization, and Collapse*. New York: Cambridge University Press, 2018; см. также обзорную работу, написанную в научно-популярном ключе: FRANTZ E. *Authoritarianism: What Everyone Needs to Know*. New York: Oxford University Press, 2018.

4 GANDHI J. *Political Institutions under Dictatorship*. New York: Cambridge University Press, 2008; GANDHI J., PRZEWORSKI A. *Authoritarian Institutions and the Survival of Autocrats* // *Comparative Political Studies*. 2007. Vol. 40. № 11. P. 1279–1301.

зиционеро́в на лояльных и радикальных⁵, получения электро- рального сверхбольшинства, призванного продемонстрировать несокрушимость режима⁶. Применение этих стратегий запускает механизмы своеобразного «политического самоуправления»: значительная часть элит и общества начинает культивировать в себе навыки, позволяющие уклоняться от кнута и получать пряники за «хорошее», с точки зрения режима, поведение. Многим диктаторам удается завоевывать в различных сегментах общества устойчивую личную популярность, основанную на экономических достижениях, эффективном патронаже, международных успехах, разрешении внутренних конфликтов, безудержной рекламе в СМИ.

Можно сказать, что каждый диктатор постоянно ищет идеальное для конкретного контекста сочетание всех перечисленных инструментов, позволяющее оставаться у власти до конца максимально долгой жизни. Наблюдателям, которые не включены в этот многослойный процесс, поведение диктаторов и их окружения, агентов власти и ее аппарата, занятых подобным поиском, может казаться противоречивым, алогичным, хаотичным. Тем не менее большинство подобных режимов существуют долго, проходя за десять–пятнадцать лет стадии создания и развития, а затем консолидируясь в полноценные электорально-персоналистские диктатуры, которые примерно в половине случаев демонстрируют жизнестойкость. Сказанное означает, что какая-то политическая логика в деятельности по сохранению таких режимов все же имеется – пусть она и напоминает иногда алхимические попытки выплавить золото (то есть способ править до конца жизни, ни в чем себе не отказывая) из недрагоценных металлов (электоральных трюков и репрессивных мер).

СЕРГЕЙ РЫЖЕНКОВ
ПУТИН И
РАЦИОНАЛЬНОСТЬ...

ЭЛЕКТОРАЛЬНО-ПЕРСОНАЛИСТСКИЕ ДИКТАТУРЫ: ЭМПИРИКА

В период ослабления и распада Советский Союз утратил влияние в Африке, и в результате на рубеже 1980–1990-х большая часть африканских однопартийных, персоналистских, военных режимов, ранее поддерживаемых Москвой, переориентировалась на западный мир. Вместе с тем они ощущали нарастающее

- 5 LUST-OKAR E. *Structuring Conflict in the Arab World: Incumbents, Opponents, and Institutions*. New York: Cambridge University Press, 2005.
- 6 MAGALONI B. *Voting for Autocracy: Hegemonic Party Survival and Its Demise in Mexico*. New York: Cambridge University Press, 2006; GEDDES B. *Why Parties and Elections in Authoritarian Regimes? Revised Version of a Paper Prepared for Presentation at the Annual Meeting of the American Political Science Association*. Washington, 2005.

внутреннее давление: различные сегменты элит и общества все настойчивее требовали демократизации, а принципы многопартийности, честных выборов, признания базовых прав и свобод фиксировались в новых конституциях⁷. В президентских республиках, как правило, в то время устанавливались ограничения на число президентских сроков для одного лица; чаще речь шла о двух сроках – по образцу США⁸.

Сами лидеры, санкционировавшие подобные конституционные нормы, зачастую уже находились у власти по десять лет или больше; по-видимому, они вряд ли планировали уступить ее по результатам выборов или уходить с поста по завершении двух сроков. Кому-то, однако, в силу разных обстоятельств все-таки пришлось это сделать, проиграв электоральную гонку; другие же, напротив, правили еще долго, взяв под контроль электоральные процессы и сумев отменить ограничения по срокам. Некоторые из этих людей остаются президентами до сегодняшнего дня, иные же скончались на своем высоком посту, а третьи были свергнуты в результате восстаний либо военных переворотов. «Вечное» президентство, более или менее регулярно подтверждаемое на ограниченно-конкурентных выборах, стало востребованной моделью сохранения власти не только в африканских, но и в некоторых постсоветских странах.

«Вечное» президентство, более или менее регулярно подтверждаемое на ограниченно-конкурентных выборах, стало востребованной моделью сохранения власти не только в африканских, но и в некоторых постсоветских странах.

В клуб правителей, которые охотно пользуются ею, входят главы в основном бедных стран, подверженных коррупции, имеющих конфликты с соседними государствами и/или на собственной территории. Они опираются на разветвленный аппарат власти, ручные партийные и общественные организации, эшелонированную силовую защиту, контроль над законодательным процессом и средствами массовой информации. Независимо от размера страны и численности ее населения единолично управлять всеми процессами, приспособившись

7 Подробнее см.: WISEMAN J.A. (Ed.). *Democracy and Political Change in Sub-Saharan Africa*. London; New York: Routledge, 1995; LINDBERG S.I. *Democracy and Elections in Africa*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2006.

8 Подробно об этом см.: BATURO A., ELGIE R. (Eds.). *The Politics of Presidential Term Limits*. Oxford: Oxford University Press, 2019; TULL D., SIMONS C. *The Institutionalisation of Power Revisited: Presidential Term Limits in Africa* // *Africa Spectrum*. 2017. Vol. 52. № 2. P. 79–102.

к изменениям глобального, регионального, национального уровня, безусловно, не просто. Но если диктатор задержался у власти на несколько десятилетий, то это означает, что ему удалось найти необходимое сочетание репрессивных, электоральных и других политических инструментов.

В тридцати выделяемых мною режимах⁹ с президентской формой правления¹⁰, сочетающих электорализм и персонализм, диктаторы, в конечном счете, потерпели неудачи в половине случаев: пятнадцать раз они расставались с властью с посторонней помощью¹¹. Правда, некоторые из таковых успели повластвовать весьма продолжительное время: Роберт Мугабе в Зимбабве 37 лет, Альфредо Стресснер в Парагвае около 35 лет, Нурсултан Назарбаев в Казахстане и Идрис Деби Итно в Чаде по 30 лет.

Одиннадцать режимов существуют сегодня. В четырех случаях завершение диктаторских карьер произошло по причине смерти от болезней. 43 года возглавляет Экваториальную Гвинею Теодоро Обианг Нгема Мбасого. Поль Бийя правит Камеруном 40 лет. Омар Бонго Ондимба скончался, находясь у власти в Габоне 41 год. Эти цифры могут служить ориентиром для диктаторов, сроки правления которых составляют «всего» двадцать–тридцать лет: такие результаты вполне достижимы. Таким образом, кратким ответом на поставленный выше вопрос о рациональности или нерациональности линии российского руководства будет констатация *проблематичности выживания режимов при наличии возможности их сверхдолгого существования*. Отсюда, собственно, и вытекает готовность идти на любые, в том числе чрезвычайные, меры, призванные с большим запасом обеспечить сохранение диктатур.

- 9** Строго говоря, речь идет о 27 государствах: в трех странах электорально-персоналистские диктатуры устанавливались дважды. Случай Туркменистана исключен мной из рассмотрения, так как династическая смена власти произошла там менее года назад и ее последствия пока не ясны. Также пока рано говорить о превращении режима в электорально-персоналистскую диктатуру в современном Египте: хотя президент Абдель Фаттах ас-Сиси избрался после «обнуления» сроков в третий раз, общее время его нахождения у власти составляет менее десяти лет.
- 10** Электорально-персоналистские диктатуры, созданные и развивающиеся на базе парламентских систем в авторитарных странах (Малайзия в период первого правления Махатхира Мохамеда, Камбоджа, Сингапур и другие), имеют собственную специфику.
- 11** Анализ последствий крушения электорально-персоналистских диктатур в рамки настоящего исследования не входит. Мной не рассматриваются также попытки установления электорально-персоналистских диктатур в странах слабой или неустойчивой демократии. (Демократия понимается в минималистском смысле как «режим, в котором те, кто правит, избираются на конкурентных выборах», что подтверждается сменой власти по результатам выборов – см.: PRZEWORSKI A., ALVAREZ M., SNEIBUB J., LIMONGI F. *Democracy and Development: Political Institutions and Well-Being in the World, 1959–1990*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 15, 27.) На конец 2022 года успех пока сопутствует Даниелю Ортеге в Никарагуа, Реджепу Эрдогану в Турции, Николасу Мадуро в Венесуэле, продолжившему аналогичный курс предшественника – Уго Чавеса, умершего в 2013 году. Неудачные попытки предпринимали Эво Моралес в Боливии, Альберто Фухимори в Перу, Абдулай Вад в Сенегале, Серж Саргсян в Армении. Кроме того, в 2023 году ожидается подобная попытка в Бенине.

Электорально-персоналистские диктатуры (ЭПД) и их лидеры

Страна	Президент	Период существования ЭПД ¹²	Причина оставления поста
Азербайджан	Ильхам Алиев	2003 – н.в. (19)	–
Алжир	Абдель Азиз Бутефлика	1999–2019 (20)	Восстание
Беларусь	Александр Лукашенко	1994 – н.в. (28)	–
Буркина Фасо	Блэз Компаоре	1987–2014 (27, ок. 16)	Восстание
Габон	Омар Бонго Ондимба	1967–2009 (41, 15)	Смерть
Гамбия	Дауда Кайраба Джавара	1970–1994 (29, 12)	Военный переворот
	Яйя Джамме	1994–2017 (22, 20)	Поражение на выборах
Гвинея	Лансана Конте	1984–2008 (24, 15)	Смерть
	Альфа Конде	2010–2021 (ок. 11)	Военный переворот
Джибути	Исмаил Омар Гелле	1999 – н.в. (22)	–
Зимбабве	Роберт Мугабе	1980–2017 (37, 27)	Военный переворот
Йемен	Али Абдалла Салех	1978–2012 (33 ¹³ , 12)	Восстание
Казахстан	Нурсултан Назарбаев	1991–2022 (30, 20)	Отстранение преемником
Камерун	Поль Бийя	1982 – н.в. (40, 30)	–
Кыргызстан	Аскар Акаев	1991–2005 (13)	Восстание
Мавритания	Маауйя ульд Сид Ахмед Тайя	1984–2005 (20, 13)	Свержение спецслужбами
Парагвай	Альфредо Стресснер	1954–1989 (ок. 35, 26)	Военный переворот
Республика Конго	Дени Сассу-Нгессо	1979 – н.в. ¹⁴ (38, 20)	–
Россия	Владимир Путин	1999 – н.в. (22, 18)	–
Руанда	Поль Кагаме	2000 – н.в. (22, 19)	–
Сенегал	Абду Диуф	1981–2000 (19, 17)	Поражение на выборах
Судан	Омар аль-Башир	1989–2019 (29, 23)	Восстание и военный переворот
Таджикистан	Эмомали Рахмон	1992 – н.в. (30, 28)	–
Того	Гнассингбе Эйадема	1967–2005 (38, 11)	Смерть
	Фор Гнассингбе	2005 – н.в. (17)	–
Тунис	Зин аль-Абидин Бен Али	1987–2011 (23, 11)	Восстание
Уганда	Йовери Кагута Мусевени	1986 – н.в. (36, 26)	–
Узбекистан	Ислам Каримов	1991–2016 (24, 16)	Смерть
Чад	Идрис Деби Итно	1990–2021 (30, 24)	Убит
Экваториальная Гвинея	Теодоро Обианг Нгема Мбасого	1979 – н.в. (43, 13)	–

Сами диктаторы могут и не иметь точной информации о том, что конкретно делали (или не делали) их коллеги, чтобы добиться успеха, либо же, напротив, о том, что привело их к краху, но они, безусловно, влияют друг на друга, многому друг у друга учатся¹⁵ и не могут не знать о событиях, затрагивающих судьбы родственных режимов и их вождей. Так, за время путинского

12 В скобках указываются количество лет пребывания диктаторов у власти в целом и по итогам ограниченно конкурентных выборов. Единственное число в скобках указывает на срок пребывания у власти по итогам ограниченно конкурентных выборов.

13 В том числе около двенадцати лет, как президент Йеменской Арабской Республики (Северного Йемена).

14 В 1992–1997 годах находился не у власти.

15 См.: VANDERHILL R. *Promoting Authoritarianism Abroad*. London: Lynne Rienner, 2013; KNEUER M., DEMMELHUBER T. *Gravity Centres of Authoritarian Rule: A Conceptual Approach* // Democratization. 2016. Vol. 23. № 5. P. 775–796; DAVIS N.R. *Old Dogs, New Tricks: Authoritarian Regime Persistence through Learning*. Ph.D. dissertation. University of Wisconsin-Milwaukee, 2020 (<https://dc.uwm.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=3370&context=etd>).

правления власти лишились многие главы государств, с которыми российский президент встречался или имел профессиональные связи – фамилии некоторых из них будут упомянуты ниже. Кроме того, свои посты за тот же период потеряли и лидеры дружественных России авторитарных режимов, не входящих в число электорально-персоналистских диктатур: например, Муаммар Каддафи, Хосни Мубарак, Виктор Янукович. Наконец, два близких российскому руководителю лидера едва не утратили власть, выжив лишь при поддержке Москвы: речь идет о Башаре Асаде и Александре Лукашенко. Не исключено, что весь этот «мартиролог» стимулировал президента России к размышлениям о том, как самому избежать подобных неприятностей. Сталкиваясь с однотипными проблемами, диктаторы, опираясь на собственный опыт, осознают, что решать их нужно, тщательно взвешивая возможные развилки и потенциальные последствия – не забывая при этом о реализации своих фундаментальных устремлений сохранить кресло во что бы то ни стало.

Сравнительный эмпирический материал дает ответ на вопрос, какие угрозы являются критически опасными для диктаторов. Надо сказать, что перечень опасностей разнообразен. В двух случаях диктаторы *проигрывали выборы*. Президент Сенегала Абду Диуф в 2000 году после девятнадцати лет правления проиграл выборы постоянному конкуренту от системной оппозиции Абдулаю Ваду. Яйя Джамме, занимавший пост президента Гамбии 22 года, потерпел поражение в 2016 году и после недолгого сопротивления вынужден был его признать.

Четыре раза диктаторы теряли власть *в результате восстания*. В 2014-м на 28 году правления президент Буркина Фасо Блэз Компаоре предпринял попытку второй раз «обнулить» предыдущие сроки – и был свергнут. В 2011-м из-за массовых протестов президент Туниса Зин аль-Абидин Бен Али был вынужден оставить пост после 23-летнего пребывания у власти. В 2012-м потерял власть Али Абдалла Салех, который оставался главой Йемена на протяжении 21 года, а до того около двенадцати лет руководил Йеменской Арабской Республикой (Северным Йеменом). В 2019-м Абдель Азиз Бутефлика «под занавес» второго десятилетия пребывания на посту президента Алжира предпринял попытку баллотироваться в пятый раз, что вызвало массовые протесты, приведшие к отставке.

Также в четырех случаях диктатора *свергали военные или спецслужбы*. Альфредо Стресснер, который правил Парагваем около 35 лет, в 1989-м был смещен с поста армейской верхушкой. Дауда Кайраба Джавара, возглавлявший Гамбию 29 лет¹⁶, в 1994-м был свергнут в результате военного переворота. Пре-

16 В 1982–1989 годах Гамбия входила в состав конфедерации Сенегамбия, в которой Джавара занимал должность вице-президента.

зидент Зимбабве Роберт Мугабе был отстранен от власти армией в 2017-м после 37-летнего правления. Президент Мавритании Маауйя ульд Сид Ахмед Тайя, чей стаж пребывания у власти составлял двадцать лет, был в 2005-м свергнут спецслужбами. Еще в одном случае свержение диктатора произошло в результате сочетания массовых протестов и военного переворота; такой оказалась судьба президента Судана Омара аль-Башира, который в 2019 году, возглавляя страну на протяжении 29 лет, спровоцировал недовольство своим заявлением о желании в пятый раз участвовать в выборах. Стоит подчеркнуть, что в семи случаях из девяти свержения диктаторов были связаны с выборами – с попытками идти на новый срок.

Еще два случая неудач, постигших диктаторов на ранней стадии электорально-персоналистского режима, также были связаны с массовыми выступлениями против новых президентских сроков. Но их можно выделить в особую подгруппу, ибо в каждом из них инкубенты правили относительно недолго, персонализация власти далеко не зашла, а электорально-персоналистская диктатура еще только складывалась. Аскар Акаев в 1990 году был избран Верховным советом Киргизской ССР на должность президента. После провозглашения независимости Кыргызстана в 1991-м он победил на альтернативных выборах, а в 1994-м его полномочия были подтверждены на референдуме. В 1995-м на досрочных выборах Акаев вновь одержал победу, повторив свой успех и в 2000-м. На референдуме 2003 года президент получил разрешение остаться на своем посту до 2005-го. Но в связи с парламентскими выборами в стране начались массовые протестные выступления, одной из причин которых была неопределенность перспектив президентских выборов: элитам и улице было не ясно, намеревается ли Акаев баллотироваться в очередной раз или, возможно, он решится на династическую передачу власти. В итоге в марте 2005-го Акаев на четырнадцатом году правления ушел в отставку и выехал в Россию. Другой ранний отставник – лидер партии «Объединение гвинейского народа» Альфа Конде, – одержав победу на президентских выборах 2010 года, повторил успех в 2015-м. В 2020-м после «обнуления» и увеличения срока президентских полномочий с пяти до шести лет он вновь победил на выборах, однако эта победа, как и само «обнуление», на этот раз вызвали массовые протесты. В 2021-м – меньше, чем через год после избрания, – гвинейский лидер был свергнут в результате военного переворота.

Наконец, власти можно лишиться, если *в передаче ее преемнику произойдет неожиданный сбой*. Именно это случилось с фактическим главой Казахстана Нурсултаном Назарбаевым, который три десятилетия возглавлял страну, в том числе и после ухода в 2019-м с поста президента. В начале 2022 года,

однако, «лидер нации» был оттеснен от рычагов управления выдвинутым им же самим преемником. К необычным ситуациям можно добавить также уникальный случай президента Чада: в 2021-м местный диктатор Идрис Деби Итно погиб на 31 году правления, посещая театр военных действий.

Таким образом, восстания и перевороты, связанные с электоральным процессом, выступают главной причиной падения электорально-персоналистских диктатур. Кроме того, диктаторами допускались оплошности, приводящие к проигрышу на выборах или выходу преемника из-под контроля. Наконец, пренебрежение личной безопасностью и здоровьем также могло повлечь за собой мрачные последствия.

УСТРАНЕНИЕ ГЛАВНЫХ УГРОЗ: МНОГОХОДОВКА

Вопреки расхожему мнению, что Путин не дружит с современными технологиями, его поведение наводит на мысль о близком знакомстве с видеоиграми. Существует «страшилка», описывающая якобы типичную ситуацию, в которую попадают завязтые видеоигроки: они переносят игровой опыт в реальную жизнь, воспринимая происходящее в ней как нечто ненастоящее, что иногда делает подобных людей опасными для окружающих. На первый взгляд, поведение президента внешне соответствует этой модели: он будто бы использует на деле полученный в видеоиграх опыт. Проходит уровень за уровнем, собирает ресурсы, преодолевает препятствия, строит крепости, расправляется с противниками, находит союзников, прибегает к секретным уловкам – игнорируя тот факт, что все происходит отнюдь не на экране, а в результате такой игры страдают многие. Отталкиваясь от этой аналогии, попробую, анализируя ведущуюся им стратегическую игру, переформулировать проблему «связи с реальностью».

После президентских выборов 2018 года Путин оказался в положении «хромой утки». Согласно действовавшей в тот период Конституции, он не имел права баллотироваться в третий раз подряд. Это обстоятельство могло провоцировать нежелательные для него изменения в оценках ситуации лояльными ему значимыми политическими игроками, а также их клиентами – и, как следствие, создавать проблемы в политическом управлении страной. Косвенным подтверждением подобной угрозы стало обсуждение в СМИ темы «транзита власти», шансов вероятных преемников и снижения президентского рейтинга. Проблему решили посредством предложения «обнулить» сроки президентства Путина, которое было сделано им самим в послании Федеральному собранию 15 января 2020 года, а за-

тем включено в обновленную Конституцию в июле того же года. Элитные группы получили однозначный сигнал: вопрос, можно ли Путину оставаться у власти, в юридическом плане закрыт – как минимум до 2030 года.

Но что в подкрепление этого намерения готов был осуществить Путин в реальности, а не на бумаге? Более чем двадцатилетнее пребывание у власти, ее глубокая персонализация и фактическая заявка если не на пожизненное правление, то еще на два шестилетних срока на фоне отсутствия экономических успехов подталкивали к поиску эффективных стратегических решений, которые с готовностью приняли бы элиты и граждане. Отмечу, что в подобных обстоятельствах в Тунисе в 2012 году, в Алжире в 2019-м и в других потерпевших крах электорально-персоналистских диктатур «старые собаки», если воспользоваться известным выражением, не сумели показать «новых трюков». В результате массовые протесты закончились падением режима и бегством президента в первом случае, передачей власти преемнику во втором случае, отстранениями диктаторов армией или спецслужбами в иных случаях. Выборы и массовые протесты в Беларуси в 2020 году стали свежим примером того, что бывает, когда автократ не хочет обновлять стратегический репертуар: за сохранение позиции главы государства Александру Лукашенко пришлось заплатить частичной потерей суверенитета страны.

Не исключено, что как раз развитие событий в Беларуси в какой-то мере подсказало российскому руководству стратегический ответ на угрозу политического кризиса в преддверии или после президентских выборов 2024 года. Вместо репрессий, к которым с большой долей вероятности пришлось бы прибегнуть *post factum*, было решено сыграть на упреждение, запустив репрессивную машину превентивно – и продемонстрировав тем самым прочность режима и могущество его лидера как элитным, так и оппозиционным группам, а также ориентирующимся на них гражданам. Параллельно на общероссийском голосовании по внесению поправок в Конституцию, прошедшем 25 июня – 1 июля 2020 года, и на выборах в Государственную Думу, состоявшихся 17–19 сентября 2021 года, были отработаны механизмы, сводящие электоральный процесс к технической процедуре: практически бесконтрольное многодневное предварительное голосование и полностью неконтролируемое дистанционное голосование. Как следствие, элиты и общество получили однозначный сигнал об отсутствии каких-либо узкоэлекторальных угроз для власти.

Финальными актами этой стратегической четырехходовки стали сначала открытая подготовка к «маленькой победоносной войне», а затем – после замешательства Запада с ответом на нее – реализация плана военной операции в Украине, на-

чатой 24 февраля 2022 года. В том случае, если бы США, Европейский союз, НАТО и Украина попытались бы предотвратить такое развитие событий, предложив значительные уступки, Путин на долгие годы становился бы безальтернативным лидером – и ни о какой «проблеме-2024» не было бы и речи.

Еще более впечатляющим фактором укрепления режима личной власти Путина оказалась бы быстрая и убедительная победа на поле боя. Присоединение части Украины, включая коридор в Приднестровье, в добавление к уже присоединенному Крыму и создание в другой ее части марионеточного государства; превращение Беларуси в вассальный феодал плюс перспективы укрепления российского влияния в Казахстане, Армении и Грузии, часть территории которой – Южная Осетия и Абхазия – уже контролируется Россией, – все это позволяло бы Путину на обозримое будущее снять любые вопросы о возможной конкуренции. Президент поднял бы свой статус «сильного политика» на небывалую высоту, несмотря на возникающие в обществе сомнения относительно целесообразности столь долгого пребывания у власти одного и того же лица, малоэффективного в качестве главного «хозяйственника» страны.

Однако в реальности российским властям пришлось удовольствоваться менее благоприятными для них последствиями: столкнувшись со стойким сопротивлением со стороны Украины, Путин был вынужден вводить в действие запасной план. Не приходится сомневаться, что он существовал, хотя оценивался его творцами как менее вероятный и потому оказался не столь проработанным, как основной. (Замечу, что в этом смысле мантру «все идет по плану», часто повторяемую Путиным и его сторонниками, можно считать соответствующей реальному положению дел.) Затяжные военные действия, имеющие незначительный успех, вызвали соответствующую реакцию власти на внутрисполитическом фронте. Усиление репрессий, посадка и выдавливание за границу еще остававшихся на свободе лидеров оппозиции и политических активистов, ликвидация последних независимых и даже полунезависимых СМИ, повышение градуса конфронтации с Западом, официальное придание управленческого статуса силовым структурам на федеральном и региональном уровнях в рамках полувоенного положения, введенного 19 октября 2022 года, – эти меры в случае продолжения военных действий и тем более их (при)остановки до президентских выборов также снимают с повестки возникновение «проблемы-2024».

Я не случайно использую формулировку «проблема-2024»: это отсылка к ситуации, связанной с так называемой «рокировкой» – возвращением Путина в президентское кресло в 2012 году после четырехлетнего формального пребывания в должности премьер-министра. Тогда имела место недооценка Кремлем

значимости парламентских выборов декабря 2011 года, которые опережали президентские выборы всего на три месяца. Причем Путин намеревался избраться на них на шестилетний срок; продление было ранее оформлено законодательно. Поднявшееся буквально на следующий день после выборов в Государственную Думу массовое протестное движение, выступившее за честные выборы, привело к кризису политического режима. Властям, однако, удалось сдержать протест до президентских выборов и не допустить новой вспышки уличной активности после них. 6 мая, накануне инаугурации Путина, во время демонстрации в Москве, которая должна была завершиться митингом на Болотной площади, произошли столкновения полиции с протестующими, после чего последовало усиление репрессий против лидеров и активистов движения.

Затем, в 2013–2014 годах, российское руководство воспользовалось протестами в Украине, закончившимися бегством президента Виктора Януковича, и вмешалось в дела соседнего государства, маскируя свою интервенцию под внутриукраинский конфликт с участием российских добровольцев. Включение Крыма в состав России и *de facto* оккупация части Донецкой и Луганской областей, на территории которых были созданы так называемые «народные республики», укрепили поддержку режима и лично его лидера внутри страны. Последовавшие за этим санкции Запада продемонстрировали его неготовность наказывать Россию за применение силы. Ужесточение репрессий против оппозиции и территориальные приращения, показавшие способность Кремля как бы на равных противостоять Западу, плюс новая порция изменений в избирательное законодательство привели к беспроblemному преодолению нового электорального цикла: думские выборы 2016 года и президентские выборы 2018-го прошли без потрясений.

Таким образом, выстроилась цепочка стратегических решений, позволяющая преодолевать кризисы, характерные для режимов электорального авторитаризма. Она состояла из: а) манипуляций с электоральными процедурами; б) усиления репрессий против внесистемной оппозиции; в) военной экспансии, отвлекающей от внутривнутриполитической повестки и консолидирующей массовую поддержку режима. В 2020 году власти решили, что эту многоходовку «можно повторить», внося в нее ряд изменений, касающихся в основном порядка и интенсивности предпринимаемых шагов, из которых самым важным стало «обнуление» президентских сроков. В 2011 году объявление о возвращении Путина на пост президента затянулось, и, когда в сентябре оно, наконец, прозвучало, настроения в элитах и обществе уже были «размагничены» предшествующим президентством Дмитрия Медведева. Несмотря на неофициальный титул лидера нации, тиражи-

ровавшийся тогда прорежимными СМИ, Путин слишком долго откладывал формальное заявление о решении идти на новый срок. В 2020 году опасность подобного сбоя была устранена.

Этот стратегический набор – с различными вариациями – неоднократно воспроизводился и в других режимах электорального авторитаризма с выраженными чертами персоналистского лидерства в качестве ответа на угрозы, связанные с приближением судьбоносных электоральных событий. Именно им задавалась динамика, приближающая режимные параметры к стандартам классических авторитарных режимов.

СЕРГЕЙ РЫЖЕНКОВ
ПУТИН И
РАЦИОНАЛЬНОСТЬ...

СТОЛКНОВЕНИЕ РЕАЛЬНОСТЕЙ: ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Таким образом, следствием работы над ошибкой 2011 года – плохо подготовленной «рокировкой» – стал ряд действий, который позволяет российской верхушке с оптимизмом смотреть на перспективы режима в среднесрочной перспективе как минимум до 2025–2030 года. Вероятнее всего, речь должна идти о каком-то заделе для создания за этот период условий, которые позволят превратить, формально или неформально, президентство Путина в пожизненное. В списке этих действий можно упомянуть:

- «обнуление», проведенное заранее, в июле 2020-го, почти за четыре года до выборов – во время запрета протестных акций из-за пандемии;

- отравление в 2020 году лидера внесистемной оппозиции Алексея Навального, разгром созданных им структур, его арест в январе 2021-го и демонстративно жесткое подавление протестов против этого ареста;

- использование на опросе по изменению Конституции, а также на выборах в Государственную Думу в 2021 году многодневного и дистанционного голосования, исключающего любые неожиданности;

- запуск превентивных репрессий и общее ужесточение репрессивной политики в период, предшествовавший думским выборам 2021 года, а также после них.

В этом ряду объявление специальной военной операции следует признать логичным шагом, так как она – в сочетании с перечисленными действиями – полностью исключает какие-либо угрозы как для выборов 2024 года, так и для нового президентского срока Путина. Отсутствие военных успехов корректирует этот план, но не блокирует его, поскольку полное поражение невозможно в силу обладания ядерным оружием. Создается ситуация, хорошо описанная в анекдоте о том, как после подорожания водки на вопрос сына «Теперь ты будешь меньше пить,

папа?» – отец отвечает: «Нет, теперь ты будешь меньше есть, сынок». То есть не получилось сделать заявку на пожизненное правление «по-хорошему» – в роли собирателя бывших советских земель, – значит, будет «по-плохому»: больше репрессий, больше контроля над элитными группами, больше политико-мобилизационной активности. Нынешнее полувоенное положение (в дальнейшем способное превратиться в полноценное военное) позволяет использовать практически любые средства подавления и профилактики недовольства и протестной активности, а также контроля над потенциальными перебежчиками из числа влиятельных лоялистов. В то же время – по крайней мере до введения военного положения – будут *de jure* функционировать партии системной оппозиции и проводиться выборы разных уровней: это нужно для канализации протестных настроений и демонстрации несокрушимости режима.

Представленная в таком виде картина соответствует логике рационального поведения как она понимается в теории рационального выбора¹⁷. Согласно этой теории, политические деятели преследуют собственные карьерные цели, а структурные характеристики – прежде всего политические институты, но также и более широкие условия – очерчивают набор стимулов, влияющих на выбор акторами их стратегий. При этом выбор стратегии, как в теории игр, зависит от действий других акторов и/или ожидаемых от них стратегических решений. В этом смысле политический контекст режима как электорально-персоналистской диктатуры и ожидания ответов других потенциально опасных игроков определили оптимальную стратегию Путина по сохранению и укреплению власти в обозримом будущем, что является его единственной карьерной целью как политика. Все основные шаги в этом направлении, сколь бы странными, необязательными или даже чудовищными они ни казались извне, предстают в такой рамке как логичные и рациональные, соответствующие той реальности, которая является для него намного реальнее, чем та, где существует далекое от проблем выживания диктаторов общество.

Иными словами, диагноз «утрата связи с реальностью» верен лишь отчасти. Фраза «Другого выбора у нас не было», произнесенная Путиным 24 февраля 2022 года в контексте обоснования украинской операции, покажется куда более осмысленной, если приложить ее к совокупности всех совершенных им рационально рассчитанных стратегических ходов по укреплению созданной им и его окружением электорально-персоналистской диктатуры.

17 Компактное изложение теории рационального выбора см. в работе: GEDDES B. *Paradigms and Sand Castles: Theory Building and Research Design in Comparative Politics*. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 2003. P. 175–211.

Русская православная церковь в 2022 году: выбор патриарха Кирилла

АЛЕКСЕЙ
МАКАРКИН

МНОГОЦВЕТЬЕ ФЛАГОВ

В октябре 2009 года в историческом здании Святейшего Правительствующего Синода на Сенатской площади в Санкт-Петербурге состоялось заседание Священного Синода Русской православной церкви (РПЦ). Оно прошло после того, как в январе того же года патриархом был избран митрополит Кирилл (Гундяев)¹. Впервые в здании Синода были установлены флаги всех шестнадцати государств, которые окормляются РПЦ. Четырнадцать из них принадлежали государствам бывшего Советского Союза, за исключением Грузии, где действует своя автокефальная православная церковь, а два – Китаю и Японии, где официально существуют автономные церкви, входящие в состав РПЦ. (Впрочем, в Китае такая церковь *de facto* была ликвидирована в годы «культурной революции».) В официальном сообщении о церемонии особо отмечалось, что решение об установке флагов принял лично новый патриарх – и что ранее они уже были размещены в московской патриаршей резиденции. «Установка государственных флагов в патриарших и синодальных резиденциях означает, что Патриарх молится о всех членах Церкви и о странах, где они проживают», – отмечалось в репортаже государственной телепрограммы «Вести»².

Владыка Иларион (Алфеев), назначенный в том же году председателем Отдела внешних церковных связей (своего рода «министром иностранных дел» РПЦ), так объяснил увеличение числа флагов:

«До недавнего времени в кабинете Патриарха Московского и всея Руси в Даниловом монастыре стояли два флага: один зеленый с Патриаршим вензелем, а другой – флаг Российской Федерации». [...] Русская Православная Церковь не может быть выразительницей интересов только России как государства. Она по своей многонациональной природе шире, а поэтому у нее и видение другое. И на постсоветском пространстве это, пожалуй, единственная сила,

Алексей Владимирович Макаркин (р. 1971) – профессор факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

- 1 После восстановления патриаршества в 1917 году «святейшим» стал именоваться патриарх, председательствующий на заседаниях Синода.
- 2 *Впервые на заседании РПЦ в Синоде выставлены флаги 15 стран* // Вести.ru. 2009. 10 октября (www.vesti.ru/article/2267486).

способная консолидировать те народы, которые до недавнего времени ощущали себя единым народом и которые до сих пор составляют единое духовно-культурное пространство³.

А Владимир Легойда, назначенный в 2009-м председателем Синодального информационного отдела, напомнил, что «Русская Православная Церковь – это не Церковь Российской Федерации», обосновывая свой тезис тем же примером с флагами⁴.

В 2014 году, во время «крымской весны», патриарх Кирилл также позиционировал себя как пастырь для верующих всех стран, которые входят в юрисдикцию РПЦ. Тем не менее он не присутствовал на торжественной церемонии подписания договора о вхождении Крыма в состав России: туда был делегирован его ближайший соратник, митрополит Ювеналий (Поляков), в то время возглавлявший одну из подмосковных епархий РПЦ. Более того, в тот момент крымские епархии остались в рамках Украинской православной церкви (УПЦ), являвшейся составной частью РПЦ.

Высказываясь по украинской тематике, патриарх был тогда предельно осторожен. Так, выступая 11 ноября 2014 года на XVIII Всемирном Русском Народном Соборе, Кирилл заявил о «междоусобном конфликте», который «полыхает в самом сердце исторической Руси – на Украине» из-за того, что «люди теряют общее понимание своей истории», а это ведет к расколу и провоцирует гражданский конфликт⁵. Несомненно, логика этого высказывания полностью противоречила характеру украинского национального строительства как «отталкивания» от России, равно как и официальной позиции властей Украины, считавших упомянутые события «российской агрессией», – но тем не менее в то время патриарх воздерживался от определения виновных и прямого осуждения украинской стороны. На этой позиции пастырь оставался вплоть до начала в 2022 году российской специальной военной операции (СВО).

Таким образом, на протяжении долгого времени патриарх и его ближайшее окружение продвигали идею универсалистской церкви⁶, воздерживаясь от публичного отождествления интересов РПЦ с текущими интересами российского государства. Однако в минувшем году такой подход подвергся радикальному пересмотру. Разумеется, перед исследователем возникает вопрос о причинах такой ревизии. Для того, чтобы ответить на

3 *Архиепископ Волоколамский Иларион: «Мы должны очень бережно хранить то духовное наследие, которое получили»* [3 ноября 2009 года] (www.patriarchia.ru/db/text/927571.html).

4 *Глава Синодального информационного отдела провел встречу по теме «Открытая Церковь: с кем и как говорить о наших проблемах»* [8 ноября 2009 года] (www.patriarchia.ru/db/text/932255.html).

5 Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. *Семь слов о русском мире*. М.: Автор, 2015. С. 25.

6 Подробнее об универсализме в православии см.: Макаркин А. В. *Православие: как национализм побеждает универсализм* // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. 2019. № 1(92). С. 41–59.

него, целесообразно рассмотреть особенности «украинской» политики Московской патриархии, причем как в нынешнее патриаршество Кирилла, так и в предшествующие годы.

АЛЕКСЕЙ МАКАРКИН
РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ
ЦЕРКОВЬ В 2022 ГОДУ...

АЛЕКСИЙ vs КИРИЛЛ

Алексий II за восемнадцать лет своего патриаршества посетил Украину всего четырежды. Два его визита состоялись в 1990 году, когда решался вопрос о статусе УПЦ: тогда в результате сложного компромисса она получила широкую автономию в рамках РПЦ, что не устраивало сторонников автокефалии – то есть полной церковной независимости. Оба визита той поры носили столь конфликтный характер, что Алексий постарался больше не приезжать в Украину, несмотря на то, что с 1992 года УПЦ возглавлял вполне лояльный митрополит Владимир (Сабодан). Впрочем, в деятельности этого иерарха верность Москве сочеталась с нарочитым обособлением, оставшимся, однако, в рамках правил, выработанных в 1990 году.

Свидетельством отчуждения УПЦ стало то, что два последующих патриарших визита были связаны со взаимоотношениями двух конкурирующих патриархатов – Московского и Константинопольского; к последнему апеллировали сторонники автокефалии из числа неканонических (не признанных в православном мире) конкурентов УПЦ, а именно Киевского патриархата и Украинской автокефальной православной церкви. (В самой УПЦ активных сторонников автокефалии в то время было немного; например, из архиереев ей публично симпатизировал лишь черкасский митрополит Софроний (Дмитрук)). В 1997 году Алексий встретился в Одессе с константинопольским патриархом Варфоломеем, а в 2008-м, за несколько месяцев до своей кончины, он посетил торжества в Киеве по случаю празднования 1020-летия Крещения Руси, на которые также приглашался Варфоломей. В обоих случаях московский и константинопольский патриархи подтверждали *status quo* в украинском церковном вопросе. Особенно важно это было в 2008 году, когда не только украинские неканонические церкви, но и украинский президент Виктор Ющенко активно выступали за предоставление украинской церкви автокефального статуса.

В статье, опубликованной в «Московском комсомольце» по итогам последнего визита Алексия в Киев и снабженной характерным названием «Патриарх Алексий II предотвратил раскол на Украине», присутствовали ярко выраженные герой и антигерой. Герой – это, разумеется, патриарх Алексий, а антигерой – глава Отдела внешних церковных связей РПЦ, митрополит Кирилл, ставший через полгода его преемником. «Высочайший дипло-

матический мастер-класс» патриарха был противопоставлен безрезультатной, по утверждению автора статьи, деятельности Кирилла в Киеве по подготовке визита. Обращение же митрополита к участникам рок-концерта на Крещатике преподносилось в публикации с нескрываемой иронией; журналист не без удальства процитировал в этой связи некоего анонимного рокера: «Вдруг на сцену вываливает седой взлохмаченный мужик в черном халате и с крестом. Я думал – пустили для разогрева публики»⁷.

Вскоре «алексиевская» и «кирилловская» версии украинской политики столкнулись друг с другом. Активный сторонник Кирилла в начале его патриаршества, протоиерей Андрей Кураев, в 2009 году заявил, что в 1990-м Алексей «дал себя запугать» и поэтому не решался посещать Украину, а в отношении этой страны «в сознании и политике» Алексия «чувствовалась какая-то безнадежность». Кураев противопоставил Алексею решительного и целеустремленного нового патриарха, который вскоре после своего избрания продемонстрировал, что «период церковной беспризорности для Украины завершается». Кураев прямо заявлял, что «влияние слова Патриарха, его имени, статуса на общественное мнение» должно сказаться и на результатах выборов – и, следовательно, на политическом курсе украинской власти⁸.

Сам Кирилл публично не касался острых политических тем. Во время его первого визита в Киев летом 2009 года он встретился с Ющенко и даже возлагал вместе с ним цветы к мемориалу жертв Голодомора. Впрочем, в своем выступлении во время этой церемонии Кирилл избегал слов «голодомор» или «геноцид», соответствовавших украинской официальной трактовке этой трагедии; более того, он особо подчеркнул, что голод 1930-х постиг разные регионы СССР – а это не раз акцентировалось российскими властями. Именно тогда, в присутствии Ющенко, он четко дал понять, что не допустит автокефалии УПЦ, так как поместная церковь в Украине уже есть. Разумеется, патриарх имел в виду УПЦ как составную часть РПЦ.

Характерно также и то, что в киевском аэропорту Кирилла встречали не только представители украинской власти, но и лидер оппозиции Виктор Янукович. После его победы на президентских выборах в 2010 году украинские визиты Кирилла стали регулярными. В 2010-м он посетил Украину дважды: в июле (летние визиты патриарха организовывались ежегодно вплоть до 2013 года – в ходе этих поездок Кирилл проводил

7 СЕРГЕЕВ В. *Патриарх Алексей II предотвратил раскол на Украине* // Московский комсомолец. 2008. 31 июля (www.mk.ru/old/article/2008/07/31/29648-patriarh-aleksiy-ii-predotvratil-raskol-na-ukraine.html).

8 КУРАЕВ А. *Итоги визита Патриарха на Украину* [7 августа 2009 года] (<https://diak-kuraev.livejournal.com/31505.html>).

в украинской столице заседания Синода РПЦ, демонстрируя, что в Киеве он не гость, а «хозяин») и осенью (в связи с празднованием 75-летия митрополита Владимира). В 2011 году весенний визит был посвящен 25-летию чернобыльской катастрофы, а осенний – посещению Черновицкой епархии, в ходе которого, в частности, церковные награды получили благотворители: газовый магнат Дмитрий Фирташ и министр топлива и энергетики Юрий Бойко, тесно связанные в то время с Януковичем⁹. В последующие два года Кирилл посещал Украину по одному разу, превысив, таким образом, за пять лет число визитов, совершенных Алексием за все время его патриаршества.

АЛЕКСЕЙ МАКАРКИН
РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ
ЦЕРКОВЬ В 2022 ГОДУ...

Светская идея «русского мира» в церковных кругах совмещается с куда более старой и укорененной в церковном сознании идеей «Святой Руси», исторически в равной степени относящейся и к Москве, и к Киеву – и связываемой с народными установками и убеждениями.

РЕЛИГИЯ И ПОЛИТИКА «РУССКОГО МИРА»

Дистанцируясь от текущих политических интересов Москвы, Кирилл стремился отстаивать интересы глобальные, связанные со стимулированием интеграции на постсоветском пространстве, тесно связанной с идеей «русского мира». Именно церковь, согласно логике, активно продвигаемой тогда и российским государством, должна была стать наиболее эффективным «интегратором», апеллирующим к «церковному народу» – к своей пастве. Светская идея «русского мира» в церковных кругах совмещается с куда более старой и укорененной в церковном сознании идеей «Святой Руси», исторически в равной степени относящейся и к Москве, и к Киеву – и связываемой с народными установками и убеждениями¹⁰.

Еще будучи митрополитом, в упомянутом выше выступлении на Крещатике Кирилл сформулировал «надгосударствен-

9 Предстоятель Русской Церкви совершил освящение Свято-Троицкого собора Вознесенского Банченского монастыря и Божественную литургию в новоосвященном храме [2 октября 2011 года] (www.patriarchia.ru/db/text/1636743.html).

10 Тема «Святой Руси» волновала как консервативных, так и либеральных православных авторов XIX–XX веков. В частности, ею были увлечены такие представители «парижского богословия», как Георгий Федотов и Антон Карташев; оба мыслителя связывали идею «Святой Руси» не с государственной идеологией, а с народным творчеством. «Святая Русь» есть «глас народа», – считал Карташев. См.: Федотов Г. *Стихи духовные (Русская народная вера по духовным стихам)*. Париж: YMCA Press, 1935; КАРТАШЕВ А. *Воссоздание Св. Руси*. Париж: Imprimerie Cooperative Etoile, 1956.

ное» понимание «Святой Руси», которое отсылало к более значимой общности, чем конкретные политические режимы:

«Россия, Украина, Беларусь – это и есть Святая Русь! Святая Русь – это не империя, это не союз, бывший или какой-то будущий. Святая Русь – это идеал любви, добра и правды. Мы все с вами – единая Святая Русь!»

Первая фраза патриаршего месседжа представляла собой перефразированное высказывание, приписываемое преподобному Лаврентию Черниговскому (1868–1950): «Как нельзя разделить Святую Троицу Отца и Сына и Святого Духа – это Един Господь Бог, так нельзя разделить Россию, Украину и Белоруссию: это вместе – Святая Русь». Причем в этом фрагменте речь идет не только о духовном, но и о государственном единстве; в нем говорится, в частности, о том, что «Киев без великой России и в отдельности от России немислим ни в каком и ни в каком случае»¹¹.

3 ноября 2009 года, уже в качестве патриарха, Кирилл в выступлении на торжественном открытии III Ассамблеи русского мира подробно сформулировал концепцию «русского мира» – на этот раз уже с прямой отсылкой к Лаврентию Черниговскому. Он подчеркнул, что нельзя считать центром «русского мира» «только Российскую Федерацию в современных границах», так как «мы тем самым погрешим против исторической правды и искусственно отсечем от себя многие миллионы людей, которые осознают свою ответственность за судьбы русского мира и считают его созидание главным делом своей жизни». При этом патриарх дистанцировался от попыток играть роль «старшего брата» и призвал к уважению «национальных интересов каждой из стран». Поддержав развитие интеграционных процессов, он отметил, что страны «исторической Руси» «принадлежат к одному уникальному цивилизационному пространству», в основе которого лежит православная вера¹². В сентябре 2014 года, уже после Майдана и присоединения Крыма, Кирилл вновь говорил о «русском мире» как об особой цивилизации, «к которой принадлежат люди, которые сегодня себя называют разными именами – и русские, и украинцы, и белорусы», а также и неславяне, «которые восприняли культурную и духовную составляющую этого мира как свою собственную»¹³.

11 По мнению «Православной энциклопедии», достоверность текстов, приписываемых преподобному Лаврентию, «вызывает обоснованные сомнения»; но они тем не менее пользуются немалой популярностью у консервативной части верующих. См.: Самофалов А., Шевченко Э. *Лаврентий // Православная энциклопедия*. М., 2015. Т. 39. С. 570–572 (www.pravenc.ru/text/2462433.html).

12 *Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на торжественном открытии III Ассамблеи Русского мира [3 ноября 2009 года]* (www.patriarchia.ru/db/text/928446.html).

13 *Святейший Патриарх Кирилл: Русский мир – особая цивилизация, которую необходимо сберечь [8 сентября 2014 года]* (www.patriarchia.ru/db/text/3730705.html).

Наконец, после начала СВО, 4 ноября 2022 года, патриарх еще раз обратился к событиям 2008-го:

«В Киеве, на Крещатике, тысячи людей возглашали слова преподобного Лаврентия Черниговского: “Украина, Россия, Беларусь – вместе мы Святая Русь!”. Это был многотысячный хор людей, которых объединяла единая вера, единое национальное самосознание. Какая сила была проявлена тогда нашим народом!»

Далее Кирилл продолжил говорить о «едином народе исторической Руси», который стремятся расколоть те, кто действует из «антихристианских побуждений», а в конце подчеркнул важность сохранения «единства, любви, взаимопонимания и доброго сотрудничества между народами Святой Руси»¹⁴. Иначе говоря, хотя вопрос о единстве народов или едином народе по-прежнему не прояснен, общий смысл тезиса о «русском мире» остается одним и тем же.

На пресс-конференции по итогам очередного украинского визита Кирилла, состоявшейся 30 июля 2010 года, митрополит Иларион с удовлетворением отмечал, что после победы Виктора Януковича на президентских выборах «резко снизилась та демагогическая тональность, с которой некоторые политики обсуждали актуальные вопросы, связанные с религиозной жизнью»¹⁵. В ходе посещения Украины патриарх лишь один раз не встретился с Януковичем: это было во время его короткой и локальной черновицкой поездки 2011 года (украинский президент тогда не приехал, сославшись на занятость). Зато во время летнего визита в следующем году Кирилл незапланированно слетал в Крым, где тогда находился Янукович, и провел краткую встречу с президентом. По-видимому, несмотря на отстроенные отношения с РПЦ, украинский лидер, который в то время маневрировал между «российской» и «европейской» линиями во внешней политике, не был заинтересован в акцентировании своих связей с патриархом. Зато летом 2013 года, когда отмечалось 1025-летие Крещения Руси, в мероприятиях участвовали четыре президента (России, Украины, Молдовы и Сербии), а также предстоятели девяти поместных церквей, включая Кирилла. Патриарх Варфоломей отсутствовал: тема канонической автокефалии Украинской церкви, как представлялось тогда, была полностью снята с повестки.

В 2014 году визиты закончились, причем во время Майдана РПЦ не смогла мобилизовать верующих для защиты «русского

АЛЕКСЕЙ МАКАРКИН
РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ
ЦЕРКОВЬ В 2022 ГОДУ...

14 Патриаршее слово по случаю Дня народного единства [4 ноября 2022 года] (www.patriarchia.ru/db/text/5973837.html).

15 В агентстве «Интерфакс» прошла пресс-конференция по итогам посещения Святейшим Патриархом Кириллом Украинской Православной Церкви [30 июля 2010 года] (www.patriarchia.ru/db/text/1234840.html).

мира» или «Святой Руси»: в секулярном обществе ее ресурс оказался крайне ограниченным. Бессилие усугублялось и тем, что иерархи УПЦ проявляли осторожность, не желая втягиваться в политику с непредсказуемыми результатами в тех условиях, когда поддержка Януковича сокращалась. Для новой же украинской власти Кирилл изначально был неприемлемой фигурой, и его осторожная позиция по крымскому вопросу ничего здесь не меняла. Сказанное касалось и других деятелей патриархии: в мае 2014-го митрополита Илариона, собиравшегося в Днепропетровск на празднование 75-летия местного митрополита Ириней (Среднего), не пустили в страну; он был вынужден поздравить юбиляра в зоне пограничного контроля, а затем вернулся в Россию¹⁶. Кирилл как московский патриарх и сторонник «русского мира» представлялся постмайданной украинской элите проводником политических интересов Кремля, а УПЦ в составе Московского патриархата казалась политической угрозой, препятствовавшей официальному проекту национального строительства.

Во время Майдана РПЦ не смогла мобилизовать верующих для защиты «русского мира» или «Святой Руси»: в секулярном обществе ее ресурс оказался крайне ограниченным.

В 2018 году при самом активном участии тогдашнего президента Петра Порошенко Константинопольский патриархат, чьи отношения с РПЦ в патриаршество Кирилла резко ухудшились из-за отказа Московского патриархата участвовать в Критском всеправославном соборе 2016 года, предоставил в одностороннем порядке автокефалию Православной церкви Украины (ПЦУ), образованной из двух неканонических церквей. Владимир Зеленский в целом продолжил церковную политику своего предшественника: ПЦУ осталась привилегированным партнером украинской власти. Относительно РПЦ никаких изменений не произошло.

КРИЗИС УНИВЕРСАЛИСТСКОЙ ДОКТРИНЫ

Украинское направление было наиболее значимым для Кирилла, но его концепция «церкви русского мира», стоящей выше текущих политических дрызг, оказалась под ударом и в других

¹⁶ Новоселова Е. *Украинские власти оскорбили Русскую православную церковь* // Российская газета. 2014. 14 мая (<https://rg.ru/2014/05/15/cerkov.html>).

странах. В Белоруссии это было связано с политическим кризисом 2020 года. Предстоятель входящей в РПЦ Белорусской православной церкви (БПЦ), митрополит Павел (Пономарев), после президентских выборов 9 августа занял позицию, которую можно назвать невнятной. Вначале он поздравил Александра Лукашенко с победой, но затем, как сообщил председатель информационного отдела церкви, протоиерей Сергей Лепин, извинился перед всеми обиженными этим поздравлением, а увидев видео задержаний протестующих, и вовсе «возмутился, ужаснулся и расстроился». 15 августа Синод БПЦ обнародовал обращение «к народу Республики Беларусь о прекращении народного противостояния», в котором категорически осуждались «насилие, пытки, унижения, бесосновательные задержания, экстремизм во всех его формах и проявлениях, ложь и вероломство». Руководство страны призывалось к тому, чтобы не только остановить насилие, но и «предать законному суду» «проявивших зверство и жестокость». Более того, 17 августа митрополит Павел посетил одну из больниц Минска, где встретился с пострадавшими во время протестов¹⁷.

Однако уже 25 августа этот иерей был смещен с должности предстоятеля БПЦ, которую занял полностью лояльный Лукашенко, епископ Вениамин (Тупеко), не допускавший впоследствии никакой критики белорусского режима. Перестановка произошла по личному требованию Лукашенко, получившего к тому времени полную поддержку России, – у Кирилла претензий к Павлу не было. После этого Павел занял вакантную должность главы Кубанской митрополии, утратив тем самым статус постоянного члена Синода РПЦ, но уже весной 2021 года он сменил ушедшего на покой митрополита Ювеналия на престижной Крутицкой кафедре, соответственно, вернувшись в Синод. В БПЦ же вслед за увольнением предстоятеля произошла кадровая чистка: своих постов лишились гродненский архиепископ Артемий (Кищенко), прямо критиковавший Лукашенко, и ряд священников, включая и протоиерея Сергея Лепина¹⁸.

В Киргизии в 2014 году власти страны настояли на замене руководителя местной епархии РПЦ, епископа Феодосия (Гажу). В прессе сообщалось, что киргизские силовики попытались провести проверку в кафедральном соборе, но служители не допустили их на территорию церкви. Тогда комиссия по делам религии при республиканском правительстве объявила, что у епископа истек срок разрешения на ведение религиозной де-

17 Фаустова М. *Белорусская церковь в заложниках у Лукашенко. Минский митрополит осуждает насилие, но не авторитарную власть* // Независимая газета. 2020. 18 августа (www.ng.ru/ng_religii/2020-08-18/9_492_belorussia.html).

18 Митрохин Н. *Белорусская православная церковь и массовые протесты 2020 года* // Неприкосновенный запас. 2021. № 1(135). С. 95–110.

тельности. Утверждалось, что владыка обратился за помощью в посольство России, но «после переговоров правоохранителей КР и дипломатов РФ было решено не раздувать шумиху вокруг сложившейся ситуации», а «россияне пообещали, что епископ Феодосий добровольно покинет Киргизию»¹⁹. Подтвердить или опровергнуть эту версию сложно, но владыка действительно уехал в Россию, где получил другую кафедру – впрочем, в отличие от нового назначения митрополита Павла, периферийную (Исилькульскую и Русско-Полянскую в составе Омской митрополии). Характерно, что эта история произошла в президентство Алмазбека Атамбаева, который считался пророссийским политиком; в частности, Москва одобрила его решение об удалении из страны центра транзитных перевозок ВВС США, фактически служившего американской военной базой. При нем же Киргизия вошла в Евразийский экономический союз.

В балтийских странах, отношения которых с Россией еще до начала СВО были конфликтными, Кириллу удалось добиться определенных успехов: в частности, он продвинул архиереев, не связанных прежде с этими странами и лояльных патриарху, на должности главы Виленской епархии (митрополит Иннокентий (Васильев) – с 2010 года) и предстоятеля Эстонской православной церкви в составе РПЦ (митрополит Евгений (Решетников) – с 2018 года). Однако иная ситуация сложилась в Латвии, где в 2019 году парламент принял закон, требовавший от предстоятеля Латвийской православной церкви (ЛПЦ) в составе РПЦ не только обязательного наличия гражданства Латвии, но и десятилетнего проживания в стране. Такой вариант не устраивал РПЦ, но зато он оказался выгоден предстоятелю ЛПЦ, митрополиту Александру (Кудряшову), который, в отличие от митрополита Илариона, не протестовал против него: теперь Москва не могла прислать ему на замену архиерея из России.

Наконец, на китайском направлении РПЦ не получила новых серьезных возможностей, несмотря на визит патриарха в Китай, состоявшийся в 2013 году: для китайского руководства принципиально неприемлемой остается любая религиозная деятельность, которую оно не может полностью контролировать, хотя РПЦ и воздерживается от любой критики внутренней политики КНР. Организационная структура Китайской автономной православной церкви после разгрома во времена «культурной революции» так и не была восстановлена в полном объеме; за целое десятилетие для окормления китайской паствы были рукоположены всего несколько местных клириков, кандидатуры

19 Федорова А. *Без епископа осталась Бишкекская и Кыргызстанская епархия* // Аргументы.кг. 2014. 27 июня (<https://argumenti.kg/novosti/obschestvo/7594-bez-episkopa-ostalas-bishkekская-i-kyrgyzstanskaya-eparhiya.html>).

которых были одобрены китайскими властями. Православие в КНР признано религией русского национального меньшинства (это около 15 тысяч человек – в основном потомки русских эмигрантов, проживающие в Синьцзяне и Внутренней Монголии) – но не более того.

АЛЕКСЕЙ МАКАРКИН
РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ
ЦЕРКОВЬ В 2022 ГОДУ...

ПОДДЕРЖКА СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

Таким образом, политика Кирилла, нацеленная на демонстрацию самостоятельности РПЦ как духовной силы, независимой от государственных властей, потерпела неудачу: реальная общественная опора у РПЦ оказалась явно слабой. Осторожная позиция, занятая патриархом в 2014 году, не помогла ему укрепить позиции в Украине, а предоставление автокефалии ПЦУ привело к тектоническому сдвигу в мировом православии – к разрыву между Московским и Константинопольским патриархатами.

В ходе конфликта с Константинополем Кирилл сделал ставку на контратаку, создав в 2021 году организационную структуру РПЦ – экзархат – в Африке, то есть на канонической территории Александрийского патриархата, который традиционно является союзником Константинополя. В этом церковном противостоянии российские власти выступают союзником патриарха Кирилла (в частности структуры МИД России оказывают содействие экзархату), а украинские власти, разумеется – его противником. Можно предположить, что если бы патриарх занял миротворческую позицию, то она, вызвав раздражение российской власти, не примирила бы его с Украиной. Тем более, что неформальный иммунитет церкви от государственного вмешательства в России в последние годы слабеет: такова оборотная сторона государственно-церковного сближения, которое в течение многих лет расценивалось церковью как безусловное благо²⁰. В новых условиях Кирилл начиная с марта 2022 года полностью отождествил позицию РПЦ в отношении СВО с приоритетами Кремля. Митрополита Илариона, который считался сторонником более умеренного курса на украинском направлении, в июне сместили со всех постов в Московской патриархии и отправили в маленькую заграничную Будапештскую епархию. Прощаясь со своими московскими прихожанами, иерарх с грустью заметил: «Дорога сделала очень крутой поворот, я в него не вписался и оказался на обочине»²¹.

20 Макаркин А.В. *Русская православная церковь и пандемия COVID-19* // Неприкосновенный запас. 2021. № 4(128). С. 157–168.

21 Ларина А. *Митрополит Иларион о своей отставке: «Дорога сделала очень крутой поворот, я в него не вписался»* // Коммерсант. 2022. 12 июня (www.kommersant.ru/doc/5407967).

6 марта патриарх выступил с концептуальной проповедью, главным содержанием которой было представление борьбы российской власти с Западом и Украиной в качестве метафизического противостояния света и тьмы, в котором Россия выступает в качестве защитницы традиционных ценностей. «Прощение без справедливости есть капитуляция и слабость», – воинственно подчеркнул Кирилл²². К концу года позиция патриарха не изменилась: 20 ноября он призвал священнослужителей активнее заниматься патриотическим воспитанием и лично участвовать в окормлении «нашего воинства, добровольцев». «Мы, как Церковь, должны принимать участие в борьбе нашего Отечества с мировым злом, с этой проказой, с этим антихристовым движением, могущим погубить и весь мир, и Россию», – заявил Кирилл, развив тем самым логику своего мартовского выступления²³. 22 декабря Кирилл осудил тех, кто «в Киеве допустил дьявольский мрак в свои сердца и слепо следовал указаниям, направленным на сеяние вражды в среде единого народа Святой Руси», – в очередной раз вспомнив таким образом о едином народе²⁴.

При выборе подобного курса учитывалось, видимо, и то обстоятельство, что РПЦ исторически не свойственен пацифизм: русская церковь в течение многих веков поддерживала военные действия государства. Это, в частности, стало способом легитимации РПЦ в военном и послевоенном СССР, когда церковными деятелями активно использовались образы святого князя-военачальника Александра Невского и святого Сергия Радонежского, благословившего русское воинство перед Куликовской битвой с татарами (возглавлявший его князь Дмитрий Донской был канонизирован в 1988 году). Уже в современной России по просьбе командования военно-морского флота был канонизирован адмирал Федор Ушаков, в честь которого еще при Сталине был учрежден главный морской орден страны. Таким образом, можно говорить о своего рода «военно-патриотическом» православии, весьма популярном среди верующих.

Масштабы открытых пацифистских настроений в современной РПЦ невелики. Обращение клириков с критикой СВО, обнародованное вскоре после ее начала, подписали около 300 священнослужителей (а всего в РПЦ их около 40 тысяч), но среди них значительную часть составили священнослужители из европейских стран. Кроме того, среди подписантов оказалось очень мало известных священников, а епископов нет вообще. Единст-

22 Патриаршая проповедь в Неделю сыропустную после Литургии в Храме Христа Спасителя [6 марта 2022 года] (www.patriarchia.ru/db/text/5906442.html).

23 Святейший Патриарх Кирилл: От будущего нашего Отечества и нашей Церкви зависит, в полном смысле слова, будущее мира [20 ноября 2022 года] (www.patriarchia.ru/db/text/5978803.html).

24 Доклад Святейшего Патриарха Кирилла на Епархиальном собрании г. Москвы [22 декабря 2022 года] (www.patriarchia.ru/db/text/5985883.html).

венный пример проповеди в храме, содержащей критику СВО – с ней выступил костромской священник Иоанн Бурдиц, – закончился штрафом и уходом с должности настоятеля храма²⁵.

АЛЕКСЕЙ МАКАРКИН
РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ
ЦЕРКОВЬ В 2022 ГОДУ...

РПЦ исторически не свойственен пацифизм: русская церковь в течение многих веков поддерживала военные действия государства.

Последствия решения о поддержке СВО

Главным внутрцерковным последствием поддержки военной операции для РПЦ стало принятое 27 мая постановление Собора УПЦ, отмежевывавшегося от Москвы. Его, однако, можно считать шедевром церковной дипломатии, принятым в условиях сильнейшего давления на УПЦ со стороны украинской власти. В тексте постановления было «выражено несогласие» с позицией патриарха Кирилла, но прямому осуждению она не подверглась. Участники Собора апеллировали к постановлению Архиерейского собора РПЦ 1990 года, на котором основан современный статус УПЦ. В этом документе говорилось, что УПЦ «предоставляется независимость и самостоятельность в ее управлении», причем никак не уточнялось, что речь идет об обособлении именно в составе РПЦ – это считалось само собой разумеющимся. О самой РПЦ в постановлении 1990 года вообще упоминалось скупо: было сказано только, что избираемый украинским епископатам председатель УПЦ «благословляется» (эквивалент «утверждается») Московским патриархом и является постоянным членом Синода РПЦ.

Так что формулировка 2022 года – «Собор принял соответствующие дополнения и изменения в Устав об управлении Украинской православной церкви, свидетельствующие о полной самостоятельности и независимости Украинской православной церкви», – формально почти дословно воспроизводит текст 1990 года («почти», потому что добавлено слово «полной», ранее обеспечивавшее все же сохранение зависимости). Хотя автокефалия, собственно, и есть независимость, официального ее провозглашения, которое предусматривает среди прочего и обращение за признанием к другим православным церквям (а также уведомление об этом РПЦ), не последовало. Иначе говоря, документ 1990 года стал основанием не для формального отделения, а только для дальнейшего ползучего

25 *Прихожане простились с костромским священником, осужденным за проповедь «Не убий»* // Kostroma. News. 2022. 10 апреля (<https://kostroma.news/news/prihozhane-prostilis-s-kostromskim-svyashhennikom-osuzhdennym-za-propoved-ne-ubij/>).

обособления от Москвы, которое и без того уже шло в ряде епархий УПЦ явочным порядком (так, патриарха Кирилла перестали почитать в них еще до соборного решения). Иначе говоря, после принятия постановления намечалось что-то вроде компромисса: для украинского государства церковь должна была перестать быть «московской», а для православного мира она должна была остаться частью РПЦ.

Но такой подход не устроил ни украинское государство (которое усилило давление на УПЦ, инициировав обыски в ее монастырях и епархиальных структурах), ни РПЦ, негативно отреагировавшую на соборное постановление, но воздержавшуюся (по крайней мере в 2022 году) от дисциплинарных мер в отношении его подписантов. Почти одновременно (7 июня) крымские епархии, «учитывая практическую невозможность регулярного сообщения [их] с Киевской митрополией», были переданы решением Синода РПЦ в прямое подчинение патриарху «для благополучного течения церковной жизни». Таким образом, позиция 2014 года была подвергнута ревизии. В то же время, если в мае УПЦ лишь заявляла о намерении возобновить мирование в Киеве²⁶ – это означало бы отчуждение от Москвы в важном процедурном вопросе, – то в ноябре это стало решенным делом, еще более отдалив украинское православие от Москвы. По-видимому, в дальнейшем ситуация в епархиях УПЦ, расположенных на территориях, которые контролируются Украиной или Россией, будет напоминать нарратив Аугсбургского религиозного мира 1555 года с его принципом *cujus regio, ejus religio* («чья земля, того и вера») – с той разницей, что речь будет идти не о разных конфессиях, а о различных церковных структурах одного и того же вероисповедания.

Наряду с Украиной большие проблемы для РПЦ создает Латвия – из-за усугубления неприятной для Московской патриархии ситуации в религиозной сфере, сложившейся еще в 2019 году. В сентябре 2022-го парламент Латвии принял закон, согласно которому признавался «полностью самостоятельный и независимый (автокефальный) статус Латвийской православной церкви». В РПЦ этот акт расценили крайне негативно: он был назван «безумным антиконституционным вторжением» светского государства в церковные дела²⁷. Главный эксперт Московской патриархии по церковному праву, протоиерей Владислав Цыпин, заявил, что паства ЛПЦ «нуждается в особом покровительстве со стороны Церкви-Матери, первенствующий престол которой находится на территории великого

26 Мир – ароматическое масло, используемое в таинстве миропомазания; самостоятельное мирование присуще автокефальным церквам, хотя и не является обязательным атрибутом автокефалии.

27 В РПЦ назвали безумным вторжением объявление Латвией автокефалии ЛПЦ // РИА «Новости». 2022. 8 сентября (<https://ria.ru/20220908/avtokefaliya-1815532984.html>).

государства, способного постоять за себя и за своих друзей и не раз в истории протягивавшего руку помощи нуждающимся в ней». Руководство ЛПЦ, однако, не стало протестовать; более того, Собор ЛПЦ 20 октября 2022 года привел устав церкви в соответствие с новым законодательством и обратился к Москве с просьбой о предоставлении автокефалии (которую РПЦ предоставлять не намерена). Вероятно, именно руководству ЛПЦ адресованы слова Цыпина о том, что «тем же, кто склонен по-лакейски угождать предержавшим сиюминутную власть, стоило бы задуматься о печальных последствиях измены и для самих предателей как в жизни вечной, так и часто в сей временной жизни»²⁸. У РПЦ в этой ситуации есть возможность апеллировать напрямую к верующим, настаивая на поминании патриарха в латвийских храмах, – тем более, что есть большие сомнения относительно признания потенциальной латвийской автокефалии в православном мире. Наконец, митрополит Евгений в Эстонии и митрополит Иннокентий в Литве, хотя и дистанцировались от политической позиции патриарха относительно СВО, идею автокефалии своих церковей не поддержали. Более того, владыка Иннокентий лишил сана нескольких клириков, выступавших за разрыв с РПЦ; при этом, однако, он выступил за повышение статуса епархии до самоуправляемой церкви по эстонскому и латвийскому (до 2022 года) образцу.

Ни консервативная Русская православная церковь за границей (РПЦЗ), вошедшая в состав РПЦ в 2007 году, ни либеральная Западноевропейская архиепископия с центром в Париже, присоединившаяся к РПЦ в 2019-м, не предприняли в 2022 году никаких шагов, направленных на изменение своего канонического положения. Церковная сфера куда более консервативна, чем политическая, в том числе и в плане механизмов принятия решений. К тому же уходить церквам некуда: Константинополь для РПЦЗ слишком либерален, а архиепископия только недавно ушла из Константинопольского патриархата после серьезного конфликта. Ни одна поместная православная церковь – даже Константинопольский патриархат – не согласилась с предложением исключить РПЦ из Всемирного совета церквей. Никто не захотел выталкивать РПЦ за пределы привычной площадки для диалога, создавая тем самым прецедент, который в будущем можно будет использовать и в других случаях.

Поэтому в обозримом будущем положению Кирилла как предстоятеля РПЦ ничего не угрожает, а дальнейшие перспективы этого церковного деятеля будут зависеть от развития внутрироссийской политической ситуации – после начала СВО он полностью связал свою судьбу с российской властью.

28 Цыпин В. *По поводу провозглашенной латвийским сеймом «автокефалии»* // Православие.ru. 2022. 15 сентября (<https://pravoslavie.ru/148246.html>).

Частично-тотальные коррективы

Будь умницей, война еще немного продлится, а мы еще сколотим немного денег, и мир от этого будет только лучше.

БЕРТОЛЬД БРЕХТ. «Мамаша Кураж и ее дети»¹

*Петр Алексеев
(р. 1978) –
независимый
исследователь.*

В разговоре об идеологических механизмах, стремящихся легитимизировать те или иные политические события, нередко можно услышать пренебрежительную оценку: это только фасад, декорации. Подразумевается, что перед нами всего лишь муляжи строений или предметов интерьера, причем настолько непрочные, что они рухнут от первого дуновения ветра. Но главным признаком реквизита является вовсе не его хрупкость: предназначенные для съемок декорации вполне могут выполнять свои функции не один год, а качественно выстроенные бутафорские дома способны выдержать и проливные ливни, и метели. Более того, любые предметы, намеренно задействованные на театральной сцене, превращаются в реквизит, потому что они становятся инструментами создания иллюзии. Качество декораций – в том числе политических – определяется именно тем, насколько прочно они сохраняют иллюзию. Но есть и еще одно очевидное обстоятельство: декорациями является только то, что должно попасть в кадр. Для идеологии, как и для кинофильма, то, что находится в кадре, и есть самое главное, все остальное – закадровые эпизоды, порой любопытная периферия, но не более того. Иногда в авторском кино закадровым съемкам сознательно отводится определяющая роль, так что они занимают место основного сюжета. Но речь пойдет об идеологии, пытающейся поспешно корректировать сценарий и укреплять пошатнувшиеся декорации непосредственно во время вышедших из-под контроля «киносъемок».

ПОТЕРИ И ПРИОБРЕТЕНИЯ

Летом 2022 года, несмотря на оптимистичные сводки Минобороны РФ и заявления президента о соответствии происходящего

¹ БРЕХТ Б. *Мамаша Кураж и ее дети // Стихотворения. Рассказы. Пьесы.* М.: Художественная литература, 1972. С. 484.

первоначальному плану, военная спецоперация на территории Украины начала обнаруживать явные признаки трансформации. В августе Владимир Путин, комментируя происходящее, предсказуемо повторил то, о чем представители МИД сообщали еще в апреле: «США пытаются затянуть этот конфликт»². В середине сентября было заявлено о «свертывании» российских войск в районе Балаклеи и Изюма³, в результате которого большая часть Харьковской области вернулась под контроль вооруженных сил Украины. Еще через десять дней министр обороны России Сергей Шойгу заявил о необходимости привлечения на «линию фронта» трехсот тысяч резервистов⁴, а президент подписал указ о частичной мобилизации⁵. Кроме того, в начале октября было объявлено о новом кадровом решении: назначении генерала армии Сергея Суровикина командующим объединенной российской группировкой войск⁶. Кстати, об этом назначении по совпадению было объявлено через несколько часов после взрыва на Крымском мосту, в результате которого на некоторое время остановилось автомобильное и железнодорожное движение через Керченский пролив. К этому времени повседневными стали новости об обстрелах Брянской, Курской и Белгородской областей, поджогах военкоматов и даже диверсиях на территории России. Уже через три месяца командующий снова поменялся: Шойгу объявил, что этот пост, вместо Суровикина, займет начальник Генштаба Валерий Герасимов⁷.

Еще в августе президент подписал указ об увеличении штатной численности вооруженных сил России, в соответствии с которым количество военнослужащих должно превысить один миллион сто пятьдесят тысяч человек⁸, и это число не включает еще почти два миллиона сотрудников силовых структур полиции, Росгвардии, ФСБ, ФСО, погранвойск. Однако решение проблем, возникших на линии фронта, оказалось возложено на мобилизованных граждан, нуждающихся в дополнительной военной подготовке, а часть повесток в военкоматы даже была намеренно вручена людям, вышедшим на протесты против спец-

- 2 *Обращение к участникам и гостям X Московской конференции по международной безопасности* (<http://kremlin.ru/events/president/news/69166>).
- 3 См.: https://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12437675@egNews.
- 4 *Министр обороны Сергей Шойгу дал ряд пояснений насчет частичной мобилизации* // Первый канал. 2022. 21 сентября (www.1tv.ru/news/2022-09-21/438147-ministr_oborony_sergey_shoygu_dal_ryad_poyasneniy_naschet_chastichnoy_mobilizatsii).
- 5 *Указ Президента Российской Федерации от 21.09.2022 № 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации»* (<http://publication.pravo.gov.ru/document/view/0001202209210001>).
- 6 *Шойгу впервые назначил командующего войсками на спецоперации* // РБК. 2022. 8 октября (www.rbc.ru/politics/08/10/2022/63416a959a7947a652f10e55).
- 7 *Шойгу назначил главу Генштаба командующим объединенной группировкой войск* // 2023. 11 января (www.rbc.ru/politics/11/01/2023/63bed6ed9a7947ad8bf7c4e6).
- 8 *Указ Президента Российской Федерации от 25.08.2022 № 575 «Об установлении штатной численности Вооруженных сил Российской Федерации»* (<http://publication.pravo.gov.ru/document/view/0001202208250004>).

операции и, по всей вероятности, наименее мотивированным на участие в боевых столкновениях⁹. Еще одним методом воздействия на ситуацию на фронте стал подписанный президентом в начале ноября закон, разрешающий призывать по мобилизации осужденных за тяжкие преступления¹⁰ – впрочем, открытый набор заключенных в обмен на обещание помилования начался как минимум на полтора месяца раньше¹¹. Должно будет пройти некоторое время, чтобы появилась возможность оценить эффективность этих решений – тем более, что контракты о прохождении военной службы, в отличие от тюремных приговоров, имеют неопределенный срок и согласно президентскому указу «продолжают свое действие до окончания периода частичной мобилизации».

Этим событиям предшествовали еще несколько новостей, попавших в фокус внимания российских СМИ и проливших немного света на происходящее. В середине мая Путин, ранее жестко критиковавший любые намерения, касающиеся приближения НАТО к рубежам России, внезапно отреагировал на планы Швеции и Финляндии вступить в Альянс почти дружескими фразами «Нет проблем с этими государствами» и «Непосредственной угрозы для России не создается»¹². Так или иначе, основной целью спецоперации президент все чаще начинает называть не противостояние НАТО, а «освобождение всей территории Донбасса»¹³. На «демилитаризации» и «денацификации» Украины президент, как представляется, больше не настаивает, во всяком случае сами эти термины, столь популярные в мартовских выступлениях, практически исчезают из заявлений Путина. При этом пресс-секретарь президента Дмитрий Песков сообщает, что смена власти в Киеве не является целью спецоперации¹⁴, хотя одновременно глава МИД Сергей Лавров напоминает, что «украинский народ будет освобожден от неонацистских правителей»¹⁵.

Впрочем, куда более показательны в этом контексте выглядят не противоречивые заявления официальных лиц, а ситуация с батальоном «Азов» – подразделением национальной гвардии Украины, которое стало для российских властей едва

9 *Кремль не счел нарушением выдачу повесток задержанным на протестах* // РБК. 2022. 22 сентября (www.rbc.ru/politics/22/09/2022/632c36589a7947054ce07cac).

10 *Путин подписал закон, позволяющий призывать граждан с неснятой судимостью* // РИА «Новости». 2022. 4 ноября (<https://ria.ru/20221104/mobilizatsiya-1829219710.html>).

11 *Пригожин объяснил вербовку на Украину – «либо ЧВК и зэки, либо ваши дети»* // РБК. 2022. 16 сентября (www.rbc.ru/politics/16/09/2022/632355ca9a79470c23516248).

12 См.: <http://kremlin.ru/events/president/news/68418>.

13 См.: <http://kremlin.ru/events/president/news/69366>.

14 *Песков заявил, что смена власти в Киеве не является целью спецоперации* // ТАСС. 2022. 21 ноября (<https://tass.ru/politika/16384599>).

15 *Интервью министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова для фильма «Нацизм под следствием»* (https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1840230).

ли не главным символом «украинского неонацизма», признано ими «террористической организацией» и запрещено в России. В конце мая, сразу после взятия в плен бойцов «Азова», многие российские политики – в том числе спикер Государственной Думы Вячеслав Володин – подчеркнули невозможность участия этих военнослужащих в процедурах обмена пленными: «Нацистские преступники не должны подлежать обмену. [...] Мы должны сделать все, чтобы они предстали перед судом»¹⁶. Вопреки этим заявлениям через три месяца состоялся очередной обмен, в рамках которого Россия выдала 215 военнопленных, включая командиров батальона «Азов», а Украина – 50 человек, среди которых фигурировал лояльный Кремлю украинский олигарх Виктор Медведчук¹⁷. После этого обмена любые рассуждения российских властей о необходимости противостояния «украинскому неонацизму» стало сложно воспринимать иначе, чем наименее изобретательный конструкт государственной пропаганды.

Еще более иллюстративным стало майское выступление экс-командующего воздушно-десантными войсками РФ и ветерана чеченской войны, впоследствии ставшего депутатом Госдумы, генерал-полковника Владимира Шаманова. Он назвал одной из главных ошибок спецоперации расчет на то, что российских солдат в Украине «будут встречать с цветами»¹⁸. Фактически впервые с 24 февраля официальный представитель власти заявил, что тщательно выстроенный идеологией образ неустрашимого российского солдата, вызывающего трепет и уважение, оказался несовместим с реальными боевыми действиями, где, вместо салютов, солдат встретили снаряды и пули.

Со времени окончания второй чеченской военной кампании прошло более десяти лет, и решение о спецоперации на территории Украины, по-видимому, принималось прежде всего с опорой на опыт присоединения Крыма и участия в сирийском конфликте. Однако в первом случае (как и во время операций в Карабахе (ноябрь 2020 года) и в Казахстане (январь 2022-го)) масштабных боевых действий удалось избежать, а в Сирии участие российских военных заключалось преимущественно в авиационной и огневой поддержке наступательных действий сирийской армии. Тем не менее у руководства России, по-видимому, не возникло сомнений в целесообразности начала боевых действий на территории государства, площадь которо-

16 Володин заявил, что «нацистские преступники» не должны подлежать обмену // РБК. 2022. 17 мая (www.rbc.ru/politics/17/05/2022/628372f09a794770a9ae4ce6).

17 Россия и Украина обменялись пленными. Бойцов «Азова» поменяли на российских военных и Виктора Медведчука // Лента.ру. 2022. 22 сентября (https://lenta.ru/brief/2022/09/22/plen_obmen).

18 Генерал Шаманов назвал одну из главных ошибок в операции на Украине // РБК. 2022. 26 мая (www.rbc.ru/politics/26/05/2022/628f71e59a7947bbf8b52529).

го более чем в три раза превышает размеры Сирии и в десятки раз превосходит размеры Чечни. В начале сентября – непосредственно перед «свертыванием» российских войск в Харьковской области – Путин скажет: «Я думаю, уверен – ничего мы не потеряли и ничего не потеряем»¹⁹. Через две недели министр обороны сообщит о почти шести тысячах российских военнослужащих, погибших за семь месяцев (число более, чем в пятьдесят раз, превышающее потери российской армии в Сирии за шесть лет)²⁰. Месяц спустя, когда прибавятся новости о первых погибших мобилизованных²¹, президент станет несколько осторожнее в своих оценках, но общий позитивный настрой останется прежним:

«Конечно, у нас есть издержки, и прежде всего это касается потерь, связанных с проведением специальной военной операции. Все об этом думают. Есть экономические потери. Но есть огромные приобретения. То, что происходит, в конечном счете, я хочу это подчеркнуть, в конечном счете, идет на пользу России и ее будущего»²².

Еще год назад мало кто мог представить, что бессрочная частичная мобилизация станет новой политической реальностью России, расширение НАТО – результатом разговоров о геополитической непоколебимости, утрата международного авторитета и отсутствие поддержки даже со стороны ближайших соседей (за исключением Беларуси) – перспективой для новых прочных союзов, а заниженные цены на энергоносители и параллельный импорт – залогом экономического развития.

«КОЛЛЕКТИВНАЯ ВИНА» И ФИНАНСОВЫЕ ПОТОКИ

В начале октября заявления президента о нежелании ущемлять интересы украинского народа сменились ударами по энергосистеме Украины, обеспечивавшей население электроэнергией, теплом и водой²³. В дни российских бомбардировок электричество исчезало и в городах соседнего государства – Молдове²⁴. Пресс-секретарь президента заявил, что причиной лишения двадцати миллионов человек доступа к электроэнергии

19 Пленарное заседание Восточного экономического форума (<http://kremlin.ru/events/president/news/69299>).

20 Россия потеряла 5937 человек в спецоперации, заявил Шойгу // РИА «Новости». 2022. 21 сентября (<https://ria.ru/20220921/poteri-1818333891.html>).

21 Военкомат подтвердил гибель пяти мобилизованных из Челябинской области // ТАСС. 2022. 13 октября (<https://tass.ru/proisshestiya/16040711>).

22 Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай» (<http://kremlin.ru/events/president/news/69695>).

23 Власти Украины назвали удары по энергосистеме самыми масштабными с февраля // РИА «Новости». 2022. 10 октября (<https://ria.ru/20221010/udary-1822970692.html>).

24 Некоторые районы Молдавии остались без электричества // РИА «Новости». 2022. 23 ноября (<https://ria.ru/20221123/moldaviya-1833682067.html>).

является «нежелание украинской стороны решать проблему, выходить на переговоры»²⁵. И тем не менее массированные ракетные обстрелы, повторившиеся впервые с конца февраля, не слишком серьезно сказались на происходящем на фронте. 30 сентября, во время подписания договоров об образовании четырех новых субъектов РФ, Путин объявил, что «люди, живущие в Луганске и Донецке, Херсоне и Запорожье, становятся нашими гражданами навсегда»²⁶, но уже 9 ноября Шойгу отдал приказ «обеспечить безопасную переброску личного состава, вооружения и техники за реку Днепр»²⁷, в результате которой областной центр Херсон был покинут российской армией и занят украинскими военными. Нагромождающиеся друг на друга противоречия, которые на протяжении многих лет парадоксальным образом выступали скрепляющим элементом в идеологических конструкциях, теперь начали все больше демонстрировать их шаткость.

В то же время есть еще несколько обстоятельств, существенно расширяющих панораму происходящего. Начиная с 24 февраля несколько этапов претерпела начавшаяся во многих странах Европы дискуссия о «коллективной вине» всех граждан России в связи с происходящим на территории Украины. К осени многие западные издания начинают писать о том, что подобные формулировки не способствуют решению проблемы, а еще больше заводят ее в тупик²⁸. Но, как ни странно, вопрос о «коллективной вине» позволяет выйти за пределы привычной системы координат, в которой все предпосылки происходящего замыкаются в стенах Кремля.

Согласно логике «коллективной вины», в гибели людей в равной степени оказываются повинны, например, антивоенный активист и росгвардеец, бьющий его по голове дубинкой, или переводчик украинской поэзии и генерал, отдающий приказ о наступлении. Несостоятельность этого подхода, при котором люди, принимающие принципиальные решения, растворяются в необъятной массе «виновных», в свое время была подробно проанализирована Ханной Арендт, а впоследствии – Джорджо Агамбенем. Кроме того, поскольку логика вины не имеет четких границ и легко распространяется почти до бесконечности, с таким же успехом ее можно применить к десяткам тысяч украинцев, годами приезжавших на заработки в Россию,

25 Песков: украинцы остаются без электричества из-за нежелания Киева вести переговоры с РФ // ТАСС. 2022. 17 ноября (<https://tass.ru/politika/16356809>).

26 См.: <http://kremlin.ru/events/president/news/69465>.

27 Шойгу дал приказ отвести войска для обороны на левом берегу Днепра // РИА «Новости». 2022. 9 ноября (<https://ria.ru/20221109/dnepr-1830317606.html>).

28 См., например: «Collective Guilt» – *The Dilemma of Penalising Russia's Opposition* (<https://euobserver.com/opinion/156141>); *Are Russians Collectively Guilty of the Regime's Crimes?* // The Hill. 2022. September 1 (<https://thehill.com/opinion/international/3620690-are-russians-collectively-guilty-of-the-regimes-crimes>).

а вслед за этим – ко всем гражданам Украины, допустившим приход к власти Виктора Януковича, последующее свержение которого оказалось напрямую связано с будущими российскими бомбардировками. Часто указывают на бессилие и малочисленность антивоенных протестов в России как на главную причину продолжения боевых действий, но в действительности правители с либеральными взглядами начинали войны столь же часто, как и авторитарные режимы, а крупный военный конфликт вполне может длиться не один год, унося сотни тысяч жизней, даже если протесты будут массовыми. Примером тому является американская военная кампания во Вьетнаме, продолжавшаяся почти десять лет вопреки беспрецедентным протестам внутри США и за их пределами – не говоря уже о более близкой к нам иракской войне.

Россия, несмотря на многолетнюю антизападную риторику, на протяжении двух последних десятилетий занималась не чем иным, как вписыванием своей экономики в мировую капиталистическую систему.

В то же время сведение всех проблем исключительно к амбициям авторитарного лидера и его ближайшего окружения едва ли станет достаточным объяснением. Владимир Путин отнюдь не является государственным деятелем, внезапно появившимся на политическом горизонте, а Россия, несмотря на многолетнюю антизападную риторику, на протяжении двух последних десятилетий занималась не чем иным, как вписыванием своей экономики в мировую капиталистическую систему. Даже когда в конце 2021 года Путин объявил, что «существующая модель капитализма исчерпала себя», имелось в виду прежде всего финансовое доминирование США, а в качестве единственного варианта был приведен Китай, где «при сохраняющейся ведущей роли компартии все-таки рыночные институты работают, и работают эффективно»²⁹. То есть речь шла вовсе не о поиске экономических альтернатив, а о вполне предсказуемом для российской власти предпочтении той модели, в которой капитал тяготеет к слиянию с властью. В этом смысле и обещания ежемесячных выплат за участие в боевых действиях как один из главных способов мотивации российских призывников дает понять о происходящем не меньше, чем отсутствие массовых антивоенных демонстраций.

29 Заседание дискуссионного клуба «Валдай» (<http://kremlin.ru/events/president/news/66975>).

В последние десятилетия западные страны, несмотря на политические разногласия, немало способствовали вовлечению России в глобальную капиталистическую экономику: торговые отношения отнюдь не ограничивались областью энергетики или продажами элитной недвижимости российским чиновникам, но затрагивали множество сфер – и далеко не в последнюю очередь военную. В результате этой политики возникла ситуация, в которой экономика России ежегодно укрепляла зависимость от западных технологий, а страны ЕС – от российских энергоресурсов. После 24 февраля эта картина претерпела серьезные изменения, но не настолько радикальные, как может показаться на первый взгляд. Первоначальный рост цен на энергоносители был одной из причин экономического торможения, которое угрожает превратиться в кризис или рецессию. У подсвечивания европейских зданий в цвета флага Украины есть и своеобразный финансовый «противовес», существенно снижающий эффект от объявленных России санкций. В конце октября «The New York Times» опубликовала материал с данными об общем объеме товарооборота с РФ в 2022 году. Графики наглядно демонстрируют не только его существенное сокращение с Великобританией и США, но также и его внушительный рост у таких государств, как Бельгия, Испания и Нидерланды³⁰. Еще более показательной новостью, также перепечатанной множеством СМИ, включая российские, стало сообщение, что как минимум до ноября 2022 года Россия продолжала осуществлять многомиллионные закупки западной электроники, используемой в производстве военной техники. При этом офис одной из компаний, помогавших обходить экономические санкции, оказался расположен в Эстонии, политическое руководство которой еще весной декларировало особенно жесткую позицию в отношении граждан России³¹.

Таким образом, список «виноватых» рискует стать необъятным, но, расширяясь до границ всей мировой экономики, логика «коллективной вины» перестает работать – скорее перед нами нечто, напоминающее перманентную «мобилизацию денег», о которой по несколько иному поводу рассуждал Эрнст Юнгер в эссе «Тотальная мобилизация»³². Но так или иначе, система, основой существования которой является мобилизация денег, неизбежно запускает и мобилизацию солдат, поэтому войны и кочуют с одной территории на другую (в 2022 году активизировались, например, бомбежки курдских анклавов со

30 *How Russia Pays for War* // The New York Times. 2022. October 30 (www.nytimes.com/interactive/2022/10/30/business/economy/russia-trade-ukraine-war.html).

31 *The Supply Chain That Keeps Tech Flowing to Russia* // Reuters. 2022. December 13 (www.reuters.com/investigates/special-report/ukraine-crisis-russia-tech-middlemen).

32 ЮНГЕР Э. *Рабочий. Господство и гештальт. Тотальная мобилизация. О боли*. СПб.: Наука, 2000. С. 207.

стороны Турции и удары Саудовской Аравии по Йемену, оставшиеся в тени российско-украинского конфликта и куда менее подробно освещенные в мировых СМИ). Даже заявления или действия, на первый взгляд противоречащие этой политико-экономической картине, парадоксальным образом не угрожают ее существованию и остаются ее производными.

Но существенным вопросом остается следующий: почему огромное количество людей как внутри России, так и за ее пределами не верили, что масштабные боевые действия в принципе могут начаться, даже когда на границе с Украиной была сконцентрирована критическая масса вооруженных людей и техники? Вероятно, одной из причин выступила уверенность, что крупный военный конфликт никак не соотносится с привычками коррумпированных правительственных структур и идет вразрез с экономическими интересами России. Желания «выйти к Азовскому морю» и присоединить «новые территории»³³ действительно выглядят иррациональными на фоне человеческих жертв и экономических потерь. Но перспектива предстает абсолютно иной в фокусе идеологической логики, согласно которой, затяжного кровавого конфликта не будет, а место недружественных руководителей займут лояльные Кремлю.

По идее, строители декораций и актеры ни при каких обстоятельствах не должны путать фанерные муляжи с кирпичными зданиями, однако в случае с идеологическим реквизитом эта логика не работает. Производитель политического мифа имеет странное свойство становиться его частью, более того – ему самому может казаться, что он сохраняет необходимую отстраненность, тогда как в действительности руководствуется сугубо идеологическими аргументами при принятии решений. Впрочем, декорации оказались достаточно прочными: многолетние учения и парады на протяжении всего времени правления Путина сохраняли миф о безукоризненных вооруженных силах России, и даже коррупционные скандалы в армии меркли на фоне постоянных новостей о модернизации военно-промышленного комплекса. Представление о солдатах, которых «будут встречать с цветами», могло появиться только после того, как огороженные театральными кулисами пустыри начали представляться неприступной крепостью не только собравшимся у экрана зрителям и задействованным в массовке актерам, но и съемочной группе.

33 Заседание Совета по развитию гражданского общества и правам человека (<http://kremlin.ru/events/president/news/70046>).

АЛЕКСЕЙ
ЛЕВИНСОН

Вот и слезли мы с иглы

МЕНЬШИНСТВА И БОЛЬШИНСТВА

Не первый раз ситуацию в России можно представить в виде простой схемы: большинство («народ»), меньшинство (зовите, как угодно) и власть («государство»). В сегодняшнем варианте народ и власть едины в своих позициях, тогда как взгляды меньшинства с ними резко расходятся. Об этом позволяют судить опросы, регулярно проводимые «Левада-центром»¹, и за эту деятельность государство назвало его «иностранным агентом». Это прозвище демонстрирует понимание того факта, что мнение меньшинства, не совпадая с позициями государства и народа, тем не менее близко к взглядам другого, более крупного, большинства –

1 АНО «Левада-центр» внесена Министерством юстиции Российской Федерации в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента. – *Примеч. ред.*

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ
ЛИРИКА

которое называют «мировым общественным мнением». Конечно, наряду с ним во внешнем мире есть и стоящие пока в стороне страны Азии и Африки, а также свое меньшинство: составляющие его государства нередко зовут «изгоями».

Раньше я разделял распространенное убеждение, что в России «все всё знают». Власть заранее знает, что замышляют или замыслият в будущем ее оппоненты. А оппоненты знают, что делает или будет делать власть. И потому знание, как именно осуществлять развитие – в ту или иную сторону, – это наше национальное достояние, конститутивный элемент нашей культуры. Оно известно всем, и за его применение может взяться любой. В этом смысле не было удивительно, что деятель партноменклатуры Борис Ельцин загодя «знал» программу демократических преобразований. А соратник и помощник демократа Анатолия Собчака «видел» дорогу к авторитарному режиму. Это «чистые» случаи. Сейчас же надо рассмотреть случай, более сложный.

Не год и не два ходили разговоры, что России надо слезать с «нефтяной иглы». Что экономика должна быть не сырьевой, а – если по-старому – индустриальной или, если по-новому, – информационной. Но, как слезать, идей не было – только расчеты и прогнозы, убеждения и пафос. Зато много идей было у противников этой меры – нефтяников и всех с ними связанных, – равно как и денег, расставаться с которыми они не собирались. Европа от наших нефти и газа не откажется никогда, ну уж в ближайшие полвека точно, – увещевали их идеологи. А принцип «жить, как живем» оказался очень привлекательным почти для всех, кроме разве что «зеленых» и алармистов.

Разговоры о «слезании с иглы» шли, а страна меж тем наращивала свое при-

сутствие на нефтегазовом рынке, действуя при этом весьма оригинально. Так, логика торговли предполагает, что с покупателями продавец стремится установить партнерские отношения, а с конкурентами – другими продавцами – соперничает. По этой логике, нам надо было бы изо всех сил дружить с европейскими странами – покупателями нашей нефти и газа, тогда как с Ираном, Венесуэлой, Ираком и другими конкурентами на этом рынке быть жесточе. Мы же, однако, Ирак и Венесуэлу спасали, а Ирану посылали сигналы дружбы (что увенчалось сделками по покупке–продаже вооружений в 2022 году).

Странности нашего поведения как торговца углеводородами на этом не кончались. Европейский рынок топлива был, конечно, рынком продавца, диктующего в таких обстоятельствах цены и получающего дополнительные прибыли. Россия же с помощью экспорта энергоресурсов, то открывая, то закрывая вентили, добивалась от покупателей не столько прибылей, сколько покорности, полагая, что может держать Европу «в узде». Нефтяная труба – наша «нефтяная игла» – казалось, превратилась в новый вид оружия. Складывалось впечатление, что такова стратегия собственно Путина, внявшего пророчествам нефтегазового сектора, с которым он всегда крепко дружил.

НОВАЯ СТРАТАГЕМА

И вдруг Путин, как рассказывают, втайне чуть ли не от всех радикально сменил стратегию. Звучащие догадки о причинах сводятся к тому, что он перестал слушать прогнозы нефтяников, а поверил (или его убедили), что «зеленые» намерения европейцев отказаться от углеводородного топлива серьезны и

будут реализованы весьма скоро. А «карбоновые» налоги, которые они вводят уже сегодня, завтра сделают невыгодным весь российский экспорт в Европу, поскольку многие произведенные в стране товары новым критериям не отвечают...

А раз не получается стать гегемоном мирным, энергетическим, то станем гегемоном военным, политическим. Не натовские войска будут стоять у границ РФ, а российские войска будут у границ европейских стран, откуда подлетное время до Берлина и Парижа меньше, чем до Москвы и Питера. Разворот был осуществлен столь же быстро, как и решение забрать Крым в 2014 году. Не хотите по-старому, «по-хорошему», – будет по-новому, «по-плохому». Сидите без наших нефти и газа. Очень кстати и газопровод в Европу подорвали. Кто – не знаем, но в логику необходимых шагов по реализации новой стратегаемы вполне укладывается.

Ну кто из мечтавших о «слезании с иглы» мог вообразить, что мечта реализуется так?! Вообразить не мог, но мог мечтать о некотором экологичном будущем. О каком же будущем для мира, Европы и России получается мечтать сегодня?

Из опросов «Левада-центра» известно, что россияне не знают, сколько продлится специальная военная операция; самый частый ответ «более года». А на вопрос, чем она закончится, большинство (75%) в мае 2022 года выбрали ответ «победой России», меньшинство (15%) – «ни одна из сторон не сможет одержать верх», а вариант «победой Украины» не указал практически никто (1%).

Примем эти результаты к сведению и обдумаем наиболее популярный вариант – «победа России». Наши респонденты, как показали фокус-группы, не имеют единого мнения о том, в чем

именно будет заключаться победа России. Но представим, что Россия считает себя победившей (а Украину, значит, побежденной), военные действия закончены. Что за страна Россия после всех этих событий?

НОВЫЙ «ТРЕТИЙ МИР»

Можно представить, что при таком исходе те страны и силы, которые не желали России победы, будут сохранять опасения относительно ее возможных намерений и дальше реализовывать новую стратегаему. Соответственно, они продолжат политику санкций и иных ограничений: торговля сократится до необходимого минимума (например уникальное сырье типа редких металлов), практика ограничений на въезд для россиян скорее расширится, оставленный культурный обмен, импорт идей и технологий не возобновится.

Перспектива, кажется, в том, что Россия будет все дальше перемещаться в нишу страны-изгоя. Но изгой – это одиночка-маргинал. Изгоями в своих регионах были Северная Корея и Иран, Венесуэла и Беларусь. Их правящим режимам часто пророчили скорый конец, но они демонстрировали высокую живучесть – конечно, не без помощи извне. События 2022 года показали, что Россия не просто стала им подобна. Она не одиночка. Она выступила в роли связующего агента между этими странами. С каждой из них она связана прочными узами, которые очень укрепились за минувший год.

Перечисленные страны далеки друг от друга и на географической карте, и на «картах» языков, религий и этносов. Но правящие в них режимы и ценностно-идеологические основания, на которые они опираются, очень близки. Предо-

ставляя России то, что ей нужно для ведения военных действий в Украине, эти режимы воспринимали ее как «своего». Те, кого Россия называет врагами, это и их недруги.

И когда возникнет ситуация, которую в России назовут «победой», страна в глазах всего мира встанет с ними в один ряд. Более того, она, вероятно, постарается быть там первой и главной. Как будет называться этот альянс, мы не знаем, но сам факт объединения таких государств превращает их из маргиналов-изгоев в особую общественно-политическую формацию. Новый «третий мир» – получается так. Реальность его будет невеселой: причин для смягчения режимов в этих странах не просматривается.

Их идеологической основой является фундаментализм – светский или религиозный, коммунистический или анти-. Так будет и в России. Его имеющимся уже сейчас элементам вовсе не обязательно превращаться в стройное учение с единой основой. Фундаментализм – это подход, установка. Он принципиально вторичен, поглощает и переинтерпретирует на свой лад любые идеи. И за счет этого всегда выглядит целостным мировоззрением.

Уже сегодня в наличии имеются важнейшие предпосылки для создания такой системы. Это верность «державе» – предельно широкой, но строго замкнутой рамке референции для всех субъектов – от регионов до индивидов. Это противостояние врагу, борьба с которым неизбежна, непрерывна, идет во всех сферах и везде – это Запад/НАТО/США (они же «англосаксы», «западники» и так далее). Идеология в таких режимах не дело выбора каждого человека. То, что следует думать и говорить, обеспечивается организационными и репрессивными мерами. Что будет происходить со школой, средней и высшей, массмедиа, культурой и искусством, уже сейчас понятно по мерам последних лет. Как будет вести себя пропаганда, срастаясь с системой политического сыска и идеологического контроля, тоже понятно.

Сложно сказать, насколько бедной в материальном отношении будет жизнь в этой лишенной нефтегазовых сверхдоходов стране. Но определенно, чем беднее она будет, тем прочнее будет политический режим. Но вместе с тем каждая из существовавших ранее исторических реализаций этой социальной программы полагала себя вечной. И каждой приходил довольно скорый конец.

Кризис международного права и украинский конфликт

АНДРЕЙ
МЕДУШЕВСКИЙ

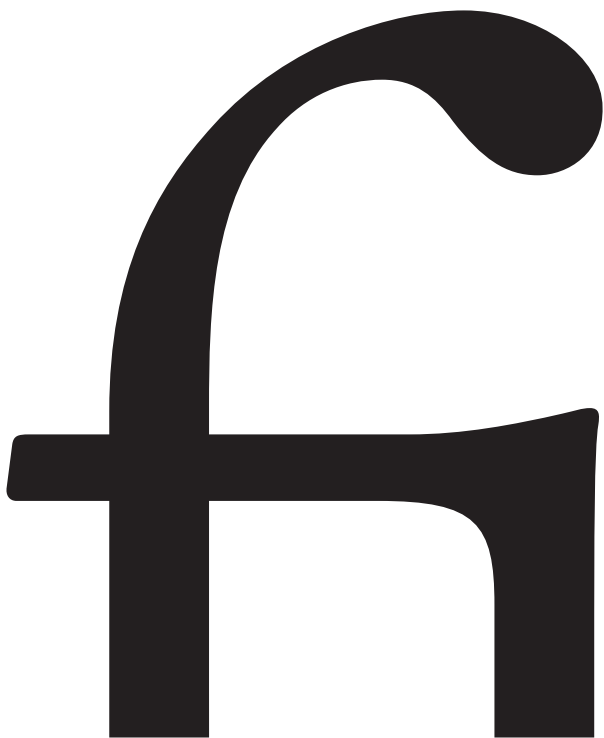
Кризис международного права в начале XXI века стал бесспорным фактом. Его признаки многочисленны: это эрозия легитимности того международного порядка, который стал результатом Второй мировой войны и был запечатлен в Уставе ООН; дестабилизация Потсдамско-Ялтинской системы международной безопасности, эффективно поддерживавшей баланс сил в Европе и мире на протяжении «холодной войны»; появление диаметрально противоположных интерпретаций места, отводимого ООН; усугубляющаяся неспособность ООН предотвращать острые конфликты, обусловленная расколами в Совете Безопасности; оспаривание решений ООН целыми группами стран и множасьи призывы к реформированию этой организации; наконец, все более очевидное вытеснение правовых механизмов урегулирования межгосударственных споров механизмами силовыми.

Упомянутые тенденции, описываемые в категориях моноцентризма, бицентризма и полицентризма, угрожают воцарением мирового хаоса – то есть вступлением человечества в переломную эпоху, когда старые правила утрачивают свою значимость, а новые еще не созданы. Более того, дело усугубляется отсутствием согласия даже по поводу тех критериев, на которых они должны разрабатываться. Действительно, стоит ли рассматривать в этом качестве возвращение к традиционной, пусть и

Андрей Николаевич Медушевский (р. 1960) – профессор факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

НОВЫЙ/СТАРЫЙ РЕЖИМ И МИР

модернизированной, трактовке международного права и роли ООН или подобное уже невозможно из-за нового баланса сил? Важной стороной вопроса остается выявление причин нынешних негативных процессов. Одни видят их в отказе Соединенных Штатов Америки и Европейского союза принять ту конструкцию безопасности, которая включала бы Россию (такие проекты, выдвигавшиеся в 1990-е, были отвергнуты после войны в Югославии), указывая на ключевую роль в этом глобальных амбиций США, начавших в 2003 году войну в Ираке без санкции ООН. Другие ссылаются на позицию «ревизионистских» государств в лице России, Китая и Ирана, которые оспорили международные правила, утвердившиеся после окончания «холодной войны» и распада СССР. Наконец, третьи полагают, что у нас на глазах разворачивается объективный и назревший процесс перестройки международных отношений в контексте глобализации, в котором рождается пост-«вестфальская» система, базирующаяся на принципах наднационального права и ограничения национального суверенитета во всех его проявлениях.

Что составит основу формирующейся системы: региональные правовые режимы, базирующиеся на универсальных нормах и идеологии прав человека, или же наднациональная машина управления, предполагающая редуцированную трактовку прав и тотальный контроль над личностью в глобальном масштабе? Кризис вокруг Украины, достигший пика с началом Россией специальной военной операции (СВО) 24 февраля 2022 года, предельно обострил этот вопрос.

Новый мировой порядок: ИНТЕГРАЦИЯ ИЛИ ФРАГМЕНТАЦИЯ?

Теоретическим выражением глобальных изменений становится спор о самой возможности обрести единые основания общемирового правового регулирования. Основу для обсуждения предоставляет теория глобального конституционализма – магистральное направление правового и общественно-политического теоретизирования, оформившееся в начале XXI века¹. Идущая в его рамках дискуссия призвана раскрыть и объяснить главные тенденции интеграционных изменений, присущих правовым отношениям и связанным с процессами глобализации. В центре внимания ее участников – укрепление наднациональных и вненациональных институтов и инструментов, а также

1 Подробнее см.: LANG A.F., WIENER A. (Eds.). *Handbook on Global Constitutionalism*. Cambridge: Edward Elgar Publishing, 2017; МЕДУШЕВСКИЙ А.Н. *Глобальный конституционализм как правовая теория и идеология переустройства мирового порядка* // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 1(134). С. 15–42.

утверждение сетевых коммуникаций между ними на фоне сохранения традиционного «вестфальского» порядка с присутствием ему господством суверенных государств как монопольных акторов международного правового процесса. Теория глобального конституционализма предполагает, что в условиях глобализации возможна конвергенция двух направлений регулирования, представленных, с одной стороны, международным, а с другой стороны, конституционным правом: она, по их мнению, может вылиться в новую разновидность права, определяемую как право «глобальное», «наднациональное», «транснациональное» или «международное конституционное».

АНДРЕЙ МЕДУШЕВСКИЙ
КРИЗИС МЕЖДУНАРОДНОГО
ПРАВА И УКРАИНСКИЙ
КОНФЛИКТ

Теория глобального конституционализма } предполагает, что в условиях глобализации возможна } конвергенция двух направлений регулирования, } представленных, с одной стороны, международным, } а с другой стороны, конституционным правом. }

Оппоненты глобального конституционализма категорически не согласны с самой постановкой вопроса о нем. Прежде всего они указывают на идеализм предлагаемой теоретической конструкции и отсутствие в ней полноценного определения предмета правового регулирования – всемирной конституции, на роль которой Устав ООН явно не подходит. Далее, ими подчеркивается несоответствие ожиданий, воплощенных в новой концепции, реальному положению вещей: а именно, кризису глобализации, который проявляется в нарастании дезинтеграции, очевидно преодолевающей интеграцию. Наконец, в продвижении глобального конституционализма его критикам видится прямая угроза демократии, равенству и верховенству закона². В результате в качестве противовеса доминирующей (и преимущественно англо-саксонской) трактовке глобального конституционализма выдвигаются альтернативные проекты, основанные на фрагментации региональных подходов; их базами могут выступать «глобальный Восток» или «глобальный Юг», отдельные континенты или субрегионы, а также наиболее влиятельные страны в лице США, России или Китая³.

Упомянутое столкновение нарративов помогает логично объяснить углубляющееся расхождение западных и российских интерпретаций ключевых международных проблем и конфликтов:

- 2 См.: CORADETTI C., SARTOR G. (Eds.). *Global Constitutionalism without Global Democracy (?)*. San Domenico di Fiesole: European University Institute, 2016. EUI Working Papers. № 21.
- 3 См.: SUAMI T., KUMM M., PETERS A., VANOVERBEKE D. (Eds.). *Global Constitutionalism from European and East Asian Perspectives*. Cambridge: Cambridge University Press, 2018.

от войн в Югославии или Сирии, а также «фактора Косово» до правомерности «цветных революций» и притязаний непризнанных государств постсоветского пространства на легитимность⁴. Тема расширения НАТО стала наивысшей точкой этих дебатов, в которых международному праву, основанному на ценностях, противостоит его «вестфальская» версия, основанная на геополитике. Столкновение описанных подходов предопределяет и расхождения в оценках украинского кризиса⁵.

Однако фрагментацию и интеграцию можно рассматривать не только в конфликтном противопоставлении друг другу; весьма плодотворной представляется попытка взглянуть на них во взаимодействии и взаимовлиянии – в рамках единого процесса правовой глобализации. С одной стороны, правовая интеграция, воплощающаяся в конституционализации международного права, сама предстает фрагментированным процессом, порождающим множество новых игроков с несовпадающими интересами. С другой стороны, правовая фрагментация имеет смысл только в контексте общего представления о международном конституционализме. То, каким образом оба момента взаимодействуют между собой в оформлении международных правовых стандартов, определяется готовностью ключевых акторов а) принимать их в качестве регуляторной рамки, б) искать компромиссы, позволяющие пересматривать правила игры, в) взаимодействовать между собой в разрешении нормативных конфликтов и снятии политических разногласий⁶.

Даже согласившись с тезисом о кризисе международного права, мы не можем уйти от проблемы доверия к его нормам и институтам и обеспечения их легитимности на транснациональном уровне, а также от задачи восстановления этого доверия среди участников международных отношений. Как в свете этого подхода может выглядеть урегулирование конфликта в Украине и вокруг нее?

ВОЙНА И МИР С ПОЗИЦИЙ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Исторически война всегда выступала законным средством внешней политики, а естественное право на ведение войны было производной, вытекающей из принципа суверенитета государств. Вопрос об ограничении указанного права был по-

4 Подробнее см.: *Russian-Western Blind Spots: From Dialog on Contested Narratives to Improved Understanding*. Berlin: Inmedio – ILPP, 2019.

5 *Gaps and Overlaps. Navigating through Contested German-Russian-Ukrainian Narratives*. Berlin: Inmedio – ILPP, 2020.

6 Подробнее см. мою статью: Медушевский А. *Global Constitutionalism and Legal Fragmentation: The Populist Backslide in Central and Eastern Europe* // *Studia Iuridica Lublinensia*. 2021. Vol. 30. № 4. P. 393–440.

ставлен только в начале XX века в связи с созданием Лиги наций и принятием в 1918 году ее Устава. Крупнейшей вехой на этом пути признается подписание Парижского договора (пакта Бриана–Келлога, 1928), который, по мнению ряда исследователей, наглядно продемонстрировал, насколько эффективно юристы могут предотвращать войны⁷. (Скептики, впрочем, не согласны с этим, указывая на факт начала Второй мировой войны всего через десятилетие после подписания упомянутого документа⁸.) Устав ООН, принятый в 1945 году, окончательно делегитимировал войну в качестве способа разрешения конфликтов. Соответствующий принцип был закреплен в его статье 2, который признается обычаем и императивной нормой международного права (*jus cogens*):

«Все Члены Организации Объединенных Наций воздерживаются в их международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с Целями Объединенных Наций».

Принятие этой нормы, однако, не остановило войны в XX и начале XXI века. В чем причины? Во-первых, международное право отнюдь не стоит на позициях абсолютного пацифизма, различая справедливые войны, ведущиеся в целях самообороны, и несправедливые войны, вызванные агрессией одного государства против другого. Во-вторых, Устав ООН регулирует международные вооруженные конфликты, но не имеет касательства к конфликтам иного рода – к гражданским войнам и восстаниям. В-третьих, интерпретация положений статьи 2 зависит от того, что именно считать «угрозой силой», а также «применением» силы, особенно в случаях упреждающего и превентивного реагирования. Между тем от используемой квалификации здесь зависит оценка того, насколько применение силы законно. В силу этих факторов Устав ООН, запрещая применение угрозы силой, предусматривает два исключения из этого правила: право на самооборону и использование мандата Совета Безопасности ООН.

В первом случае, касающемся права на самооборону, принципиальная трудность возникает в тех ситуациях, когда «угроза силой» или вооруженный конфликт имеют место не между суверенными государствами, но между государствами и негосударственными образованиями. К числу последних могут быть отнесены самопровозглашенные государства или так называемые «национально-освободительные» движения, в правовой

АНДРЕЙ МЕДУШЕВСКИЙ

КРИЗИС МЕЖДУНАРОДНОГО
ПРАВА И УКРАИНСКИЙ
КОНФЛИКТ

7 HATHAWAY O.A., SHAPIRO S.J. *The Internationalists: And Their Plan to Outlaw War*. London: Allen Lane, 2017.

8 BARKAWI T. *From Law to History: The Politics of War and Empire* // *Global Constitutionalism*. 2018. Vol. 7. № 3. P. 315–329.

квалификации действий которых ведущие акторы международных отношений принципиально расходятся. Международное право, как известно, защищает два принципа: с одной стороны, территориальную целостность государств, а с другой стороны, право народов на самоопределение. Но как в подобных условиях следует понимать справедливость и законность применения силы со стороны негосударственных акторов, защищающихся от действий государства, из состава которого они стремятся выйти? На чьей стороне должно быть международное сообщество, например, в конфликте Великобритании и Северной Ирландии, Испании и Каталонии, Сербии и Косово, Турции и Рабочей партии Курдистана – правительств соответствующих стран или их оппонентов, включая и негосударственные образования? Женевская конвенция 1949 года «О защите гражданского населения во время войны» в ряде своих протоколов относит к числу негосударственных участников конфликта не только террористов и мятежников, но и участников антиколониальных и «национально-освободительных» движений.

Традиционно ООН исходила из допустимости реализации права на самоопределение в отношении новых государств, вышедших из-под колониальной зависимости после распада крупнейших колониальных империй в Африке и Азии, но придерживалась территориальной целостности и неприкосновенности государственных границ в Европе – принципа, зафиксированного Хельсинским актом 1975 года. Ситуация изменилась с распадом Югославии, когда вопрос, признавать ли независимость Косово, расколол международное сообщество. Если сторонники признания рассматривают это как исключение из правила (в эксклюзивной ситуации геноцида), то противники указывают на него как на момент прецедентного характера (хотя, как известно, в международном праве прецедентов не существует), обосновывая им признание самопровозглашенных государств на постсоветском пространстве. В такой логике югославская и украинская ситуации интерпретируются как сходные: необходимость внешнего вмешательства выводится из гражданской войны, (предполагаемого) факта геноцида или его угрозы, а решение проблемы усматривается (по образцу Косово) в признании независимости сепаратистских регионов – Крыма, Донецкой и Луганской народных республик, – основанной на народном волеизъявлении (в Косово, кстати, референдума о независимости вовсе не было), и *jus resistendi*, легитимном сопротивлении «государственному перевороту в Киеве», имевшему место в 2014 году.

СЛАБОСТЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИНСТИТУТОВ

АНДРЕЙ МЕДУШЕВСКИЙ
КРИЗИС МЕЖДУНАРОДНОГО
ПРАВА И УКРАИНСКИЙ
КОНФЛИКТ

Другая сторона проблемы – «угроза силой», применяемая государством (или группой государств) на основании мандата Совета Безопасности ООН. Получить такой мандат можно исключительно по согласию всех его постоянных членов: Великобритании, Франции, США, России и Китая. Однако каждый из них располагает правом вето на осуществление подобных действий, и это делает консенсус практически недостижимым – особенно в ситуации наблюдаемого сейчас раскола. По указанной причине большинство крупных конфликтов и войн XX века так и не получили однозначной оценки со стороны ООН, а вопрос о справедливости и законности применения силы в этих войнах с позиций международного права так и остался нерешенным. В годы «холодной войны» вовлеченные в нее антагонисты – США и СССР – неоднократно применяли вооруженную силу, не считаясь с суверенитетом других стран. Война США во Вьетнаме, Индии и Пакистана, Израиля и Палестины, операция США в Ираке – таковы наиболее известные примеры войн, где каждая из сторон выдвигала собственное обоснование приемлемости своих действий и их соответствия международному праву, квалифицируя эти действия как «справедливую войну», «самооборону», «защиту суверенитета», «право на восстание»⁹. Применение вооруженных сил с санкции ООН, направленное на предотвращение или отражение агрессии в рамках статьи 42 Устава организации, реализовалось нечасто: в этом ряду следует упомянуть Корейскую войну 1950–1953 годов и агрессию Ирака против Кувейта 1990 года. Кроме того, стоит подчеркнуть, что резолюции Совета безопасности ООН, санкционировавшие использование силы, затрагивали конфликты, происходившие за пределами Европы – в Сомали, Гаити, Руанде, Ираке.

Пассивность ООН в реагировании на вооруженные конфликты новейшего времени обернулась стремлением ведущих государств обходить международно-правовые ограничения на применение силы. Основанием для этого стала двусмысленная доктрина гуманитарной интервенции (и вытекающая из нее доктрина «ответственности по защите»), зафиксированная резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/60/1. В ней легитимировалось использование вооруженных сил одних государств против других государств в целях преодоления гуманитарной катастрофы или предотвращения массовых нарушений прав человека. Лидером в применении «угрозы силой» без санкции ООН стали США, предпринявшие более ста

⁹ Подробнее см.: WALZER M. *Thinking Politically. Essays in Political Theory*. New Haven; London: Yale University Press, 2007.

силовых акций, подрывающих суверенитет других государств. В Европе применением этого подхода стали бомбардировки Югославии авиацией НАТО в 1999 году. Вторжение США и Великобритании в Ирак, произошедшее в 2003 году (причем не только без санкции ООН, но даже и без консенсуса внутри ЕС и НАТО), опиралось на отработанный набор аргументов; среди них были угроза применения Ираком оружия массового поражения (как позже выяснилось, мнимая), реализация права на самооборону – в виде упреждающего реагирования на террористическую опасность для США (очевидно преувеличенную), а также представление конфликта в качестве борьбы демократии и тирании. Именно эта война, по мнению многих экспертов, оказалась решающим ударом по всей послевоенной конструкции безопасности, приведя к кризису международного права и падению авторитета ООН как эффективной организации¹⁰. По мнению некоторых специалистов, кризис международного права, начавшийся после завершения «холодной войны», стал следствием его односторонней интерпретации Западом: именно она вынудила Россию искать собственный ответ на угрозы безопасности¹¹. Все упомянутые аргументы были использованы Россией для обоснования СВО, что, впрочем, не делает их более убедительными с позиций международного права.

Международное право, действительно, различает справедливые и несправедливые войны, в определенных случаях признавая право на войну, что вытекает из самого факта существования суверенных государств. Но даже теоретически проблема «справедливости» войн до сих пор не решена. Сторонники правовой глобализации исходят из того, что с созданием ООН и принятием международных актов о правах человека второй половины XX века предшествующая трактовка суверенитета подверглась ограничению, открывшему путь к торжеству международного права. Однако этой позиции всегда противостоял тезис реалистической школы, согласно которому международное право, собственно, правом не является; его нормы действуют лишь постольку, поскольку признаются национальными государствами, функционируя лишь в тех рамках, которые ими допускаются. Более того, решения международных инстанций реализуются именно национальными правительствами, причем в случае необходимости – без мандата ООН, на основе доктрины гуманитарной интервенции или собственного понимания национальных интересов.

10 Подробнее см.: Бауринг Б. *Деградация международного права? Реабилитация прав и возможность политики*. М.: Новое литературное обозрение, 2021.

11 Саква Р. *Россия против остальных. Кризис мирового порядка после окончания холодной войны*. М.: Весь мир, 2020.

CASUS BELLI: ПРОТИВОПОЛОЖНЫЕ ТРАКТОВКИ УКРАИНСКОГО КОНФЛИКТА

АНДРЕЙ МЕДУШЕВСКИЙ
КРИЗИС МЕЖДУНАРОДНОГО
ПРАВА И УКРАИНСКИЙ
КОНФЛИКТ

Правовая оценка конфликта в Украине и действий России в этой связи демонстрирует углубляющуюся дифференциацию позиций внутри международного сообщества. Начало российской СВО вполне ожидаемо было расценено международным сообществом как нарушение статьи 2 Устава ООН: в нем усмотрели неправомерное применение угрозы силой против суверенного государства, противоречащее целям ООН. В Уставе ООН имеется глава VII «Действия в отношении угрозы миру, нарушений мира и актов агрессии». Статья 39, открывающая эту главу, гласит:

«Совет Безопасности определяет существование любой угрозы миру, любого нарушения мира или акта агрессии и делает рекомендации или решает, какие меры следует предпринять для поддержания или восстановления международного мира и безопасности».

Выражением этой позиции стала резолюция Совета Безопасности ООН 2623 о созыве – на основе предшествующей резолюции 377 А (V) – 11-й чрезвычайной специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН¹². Последняя приняла ряд резолюций, осудивших вторжение России в Украину как акт агрессии, потребовав вывода войск и отмены российского решения о признании независимости республик, принятого 21 февраля 2022 года, – на том основании, что референдумы в них проводились без согласия суверенного украинского государства. В то же время голосование по резолюциям выявило отсутствие в международном сообществе стабильного консенсуса по «украинскому вопросу». Из 193 государств-членов ООН первую из них – «Агрессия против Украины»¹³ – в ходе открытого голосования ожидаемо поддержало большинство в составе 141 страны, в то время как против выступило меньшинство – всего 5 государств, включая Россию и Белоруссию. Однако обращает на себя внимание число воздержавшихся (35) и отсутствовавших (12). Таким образом, резолюция была однозначно поддержана 70% государств, но в число остальных 30% вошли столь влиятельные страны, как Китай, Индия, Пакистан, Иран, ЮАР и значительное число других государств Азии, Африки и Латинской Америки. По второй резолюции – «Гуманитарные последствия агрессии против Украины»¹⁴ – соотношение голосов оказалось примерно таким же: 140 «за», 5 «против», 38 воз-

12 В отличие от решений Совета Безопасности ООН, резолюции Генеральной Ассамблеи ООН не являются обязательными для государств-членов; они имеют рекомендательный характер.

13 Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/ES-11/1 «Агрессия против Украины», 2 марта 2022 года (<https://digitallibrary.un.org/record/3965290>).

14 Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/ES-11/2 «Гуманитарные последствия агрессии против Украины», 24 марта 2022 года (<https://digitallibrary.un.org/record/3966630?ln=ru>).

держались или отсутствовали. По третьей резолюции – «Приостановление прав членства Российской Федерации в Совете по правам человека»¹⁵ – оно уже было близко к паритету: 93 «за», 24 «против», 58 воздержались или отсутствовали. Результаты этих голосований отражают, по-видимому, устойчивый тренд к фрагментации позиций внутри ООН, наметившийся десятилетием ранее – при голосовании на 68-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН по резолюции 68/262 от 27 марта 2014 года, посвященной вопросу о Крыме¹⁶. Тогда за территориальную целостность Украины и неправомерность изменения статуса Крыма и Севастополя, состоявшегося по результатам референдума 16 марта 2014 года, высказались 100 государств из 193, против голосовали 11, воздержались 58 и отсутствовали 24.

Последовавшие за началом СВО дебаты относительно западных антироссийских санкций, проходившие в различных международных форматах, выявили еще большую дифференциацию в позициях отдельных регионов мира. Уместно заметить, что само понятие «санкции» спорно с юридической точки зрения, ибо в роли таковых формально могут выступать только санкции ООН, но не рестрикции со стороны группы государств, пусть даже и значительной (около 60 стран). Формально осуждая действия России, большинство стран мира фактически отказались поддержать экономические и энергетические санкции. Это позволило некоторым аналитикам заговорить о наметившейся изоляции западной антироссийской коалиции во главе с США в незападной части мира, что открыло новые возможности для политического маневра¹⁷. Подтверждением этой точки зрения может служить и нынешнее положение, сложившееся во Всемирной торговой организации, где из 164 входящих в нее государств 127 – под водительством Китая – обвиняют США в блокировании деятельности этой организации (американцы отказываются назначить своих судей в высшую апелляционную инстанцию, чтобы не позволить принимать невыгодные для них решения)¹⁸. Если Всемирная

15 Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/ES-11/3 «Приостановление прав членства Российской Федерации в Совете по правам человека», 7 апреля 2022 года (<https://digitallibrary.un.org/record/3967950?ln=ru>).

16 Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/68/262 «Территориальная целостность Украины», 27 марта 2014 года (<https://digitallibrary.un.org/record/767883>).

17 См., например: PARKINSON J., LUHNOW D., FORERO J. *Anti-Russia Alliance Is Missing a Big Bloc: The Developing World* // The Wall Street Journal. 2022. April 14 (www.wsj.com/articles/anti-russia-alliance-is-missing-a-big-bloc-the-developing-world-11649950913); EPISCOPOS M. *How the West Failed to Isolate Russia* // National Interest. 2022. July (<https://nationalinterest.org/feature/how-west-failed-isolate-russia-203796>); STUENKEL O. *The War in Ukraine and the Emergence of the Post-Western World* // Institut Montaigne. 2022. September 29 (www.institutmontaigne.org/en/analysis/war-ukraine-and-emergence-post-western-world-view-brazil).

18 Подробнее см.: LESTER S. *Ending the WTO Dispute Settlement Crisis: Where to from Here?* // The International Institute for Sustainable Development. 2022. March 2 (www.iisd.org/articles/united-states-must-propose-solutions-end-wto-dispute-settlement-crisis).

торговая организация и дальше останется нефункциональной, то реальностью может сделаться отказ от доминирующей концепции единства мирового рынка и переход к альтернативной практике заключения фрагментированных и свободных экономических договоров. Исходя из всего сказанного высказываются предположения, что на наших глазах начинается новый этап перераспределения власти в мировом масштабе¹⁹.

АНДРЕЙ МЕДУШЕВСКИЙ
КРИЗИС МЕЖДУНАРОДНОГО
ПРАВА И УКРАИНСКИЙ
КОНФЛИКТ

Начало российской СВО вполне ожидаемо было расценено международным сообществом как нарушение статьи 2 Устава ООН: в нем усмотрели неправомерное применение угрозы силой против суверенного государства, противоречащее целям ООН.

Позиция России – и государств, прямо или косвенно поддержавших ее, заняв нейтральную позицию в этом споре, – опирается на иную правовую интерпретацию. Ее основу составляет статья 51 Устава ООН, посвященная коллективной самообороне. Предоставляя основания для разграничения так называемых «справедливых» и «несправедливых» войн, она гласит, что Устав ООН «не затрагивает неотъемлемого права на индивидуальную или коллективную самооборону, если произойдет вооруженное нападение, [...] до тех пор, пока Совет Безопасности не примет мер, необходимых для поддержания международного мира и безопасности». Отметим, что понятие «коллективной самообороны» в последние десятилетия претерпело заметную эволюцию, смысл которой нуждается в разъяснении. После террористической атаки на США 11 сентября 2001 года статья 51 была интерпретирована Советом Безопасности ООН в расширительном смысле: как признающая за государством право на самооборону в случае террористической атаки. Резолюция Совета Безопасности ООН 1373²⁰ подтвердила право государств на защиту от террористических действий, признав оправданность самообороны США в рамках статьи 51. Обосновывая действия против Ирака и Афганистана, США опирались на норму об индивидуальной и коллективной самообороне, также предусмотренную статьей 51 – в частности, в связи с опасностью доступа террористов к оружию массового уничтожения. На тех же основаниях базировались американские угрозы в адрес Ирана, Сирии, Ве-

19 Различные сценарии этой борьбы см. в документе: WORLD ECONOMIC FORUM. *Global Future Council on Trade and Investment. Conflict, Sanctions and the Future of World Trade. White Paper*. 2022. May (www3.weforum.org/docs/WEF_Conflict_Sanctions_and_the_Future_of_World_Trade_2022.pdf).

20 Резолюция Совета Безопасности ООН S/RES/1373, 28 сентября 2001 года (<https://digitallibrary.un.org/record/449020?ln=ru>).

несуэлы, Северной Кореи и других стран. Между тем Устав ООН, не исключая возможности превентивной обороны государств от государственных и негосударственных (террористических) субъектов, одновременно настаивает на том, что это может быть сделано только с санкции Совета Безопасности ООН после тщательного изучения вопроса и определения необходимости и соразмерности ответных акций. Нет санкции – нет и права.

ПОЗИЦИЯ РОССИИ И РАЗРУШЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО КОНСЕНСУСА

Начатая Россией СВО опиралась на похожие, в принципе, аргументы. В их ряду были: 1) необходимость вмешательства России в связи с растущей угрозой ее безопасности со стороны Украины и стран НАТО; 2) легитимность индивидуальной и коллективной самообороны «республик Донбасса» в условиях террора против русскоязычного населения; 3) обоснованность превентивной акции по защите самопровозглашенных республик, независимость которых Россия, в конечном счете, вынуждена была признать. Можно констатировать, что позиция, занятая Россией в украинском вопросе, в целом воспроизводит ту, которой США руководствовались в случае Югославии, Ирака и Афганистана. Если Вашингтон мотивировал бомбардировки Сербии угрозой геноцида, а вооруженное вторжение в Ирак борьбой с терроризмом и оружием массового поражения, то Москва также говорила и о «самообороне», и об угрозе геноцида. Проводимая Киевом антитеррористическая операция, согласно российской трактовке, являлась нарушением гуманитарного права и «вооруженным нападением»; из этого выводилась необходимость поддержки одной из сторон, столкнувшихся в украинской гражданской войне, а именно, самопровозглашенных республик, право на самоопределение которых, по мысли Москвы, вытекает из массовых нарушений прав русскоязычного населения после «государственного переворота в Киеве», имевшего место в 2014 году.

Согласно официальной российской интерпретации, решение о начале СВО было принято в соответствии с частью 7 статьи 51 Устава ООН, предусматривающей неотъемлемое право государства на индивидуальную или коллективную самооборону. Указанное право было распространено на новые образования, признанные Россией: ДНР и ЛНР, а позднее на Херсонскую и Запорожскую области. Цели акции определялись президентом России как исключительно оборонительные: речь шла не об оккупации территории, но о «защите людей, которые на протяжении восьми лет подвергаются издевательствам, геноциду со

стороны киевского режима». Именно для этого, по логике главы государства, потребовалось провести «демилитаризацию и денацификацию Украины» и предать суду всех военных преступников, ответственных за «кровавые преступления против мирных жителей» Донбасса. Военная акция, в рамках той же логики, имела характер упреждающего удара из-за срыва украинским правительством попыток дипломатического урегулирования; нарастающих угроз, связанных с оружием массового уничтожения; непрекращающихся террористических действий против русскоязычного населения на Востоке Украины, приобретших, как утверждалось, форму геноцида.

Таким образом, в развитии конфликта представлены два противоположных нарратива, базирующихся на разных статьях Устава ООН: «российской агрессии против независимого государства» (статья 39) и «защиты прав “русского мира” от западной агрессии» путем индивидуальной и коллективной самообороны республик Донбасса при поддержке России (статья 51). Согласование этих нарративов дипломатическими способами оказалось невозможным, в том числе из-за расширяющегося вмешательства внешних игроков (в частности США, Китая, Турции, Ирана, стран СНГ). Результатом стала глобальная информационная война, в которой используются диаметрально противоположные оценки правовых норм, политических фактов и военных обстоятельств. Под оспаривание подпадает буквально все: каковы истоки и время начала конфликта; кто является его сторонами; чьи права нарушались и до какой степени; имеют ли место юридические факты геноцида или этнических чисток; насколько адекватно было применение сторонами силы на разных этапах противостояния; как оценить степень вмешательства в конфликт иностранных государств и их комбатантов (наемников); нарушено ли «право войны» и какие это повлекло жертвы. Действия каждой из сторон расцениваются противником как преступные, причем всякий раз это сопровождается отсылками к нарушению прав человека. Наконец, каждая сторона, претендуя на то, что лишь ее понимание справедливости является истинным, изыскивает, а возможно, и фабрикует, доказательства преступлений другой – предъявляя их *urbi et orbi* и ссылаясь на «общечеловеческие» ценности.

Жертвой этого противостояния становится само международное право в его существующих формах, следствием чего оказывается вакуум власти на интернациональном уровне, проявляющийся в слабом реагировании ООН на украинский кризис. Внесенное Украиной предложение изгнать Россию из ООН, мотивируемое тем, что место в этом органе она получила на основании простого акта преемственности, является пропагандистским шагом, поскольку никак не реализуемо на прак-

АНДРЕЙ МЕДУШЕВСКИЙ

КРИЗИС МЕЖДУНАРОДНОГО
ПРАВА И УКРАИНСКИЙ
КОНФЛИКТ

тике. Приостановление членства или исключение страны из ООН по решению Генеральной Ассамблеи возможно только по рекомендации Совета Безопасности ООН (статьи 5 и 6 Устава). Но подобное невыполнимо, поскольку в этой структуре Россия и Китай обладают правом вето. Если же вопреки очевидности все-таки гипотетически предположить успех такой акции, то ее результатом станет разрушение ООН в ее нынешнем виде – то есть повторение организацией судьбы Лиги наций.

В итоге складывается устойчивое впечатление, что США и Россия вместе с своими союзниками добиваются собственных геополитических целей, имитируя приверженность международному праву и легитимируя свои действия ссылками на его противоречивые принципы – то есть попеременно апеллируя то к защите от агрессии, то к самообороне. Причем используются эти положения лишь тогда и постольку, когда и поскольку это выгодно самим антагонистам в зависимости от тактических внешнеполитических целей. В обоих случаях право уступает силе. Как правило, консенсус в такого рода вопросах появляется (если он вообще достижим) только *post factum*. Но это не значит, что к дипломатическому преодолению кризиса не следует стремиться уже сейчас. Решение следует искать не в плоскости примирения ценностей (ибо каждая сторона отстаивает абсолютную справедливость своего видения), но в сфере прагматичной балансировки интересов, сопровождаемой неизбежными компромиссами. Разумеется, перед нами возникает неизбежный вопрос: а возможно ли достижение такого баланса с позиций международного права?

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ КРИЗИСА МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Попытки переосмыслить международный порядок с позиций наднационального права – глобального конституционализма – отражают нарастающий запрос на интеграцию правовых систем мира. В то же время они не преодолевают альтернативный тренд к фрагментации правовых режимов, ведущий к их отчуждению и столкновению. В этом, собственно, и состоит суть кризиса международного права в его нынешних формах.

Система европейской безопасности формировалась по итогам крупнейших интернациональных конфликтов. Этапами этого процесса стали: Тридцатилетняя война в Европе и заключение в 1648 году Вестфальского мира; наполеоновские войны, завершившиеся установлением Венского мира и учреждением Священного союза; Первая мировая война, закончившаяся Версальским миром и образованием Лиги наций, и Вторая мировая война,

породившая Потсдамско-Ялтинскую систему, включая ООН и Совет Европы. После завершения «холодной войны», впрочем, добиться столь же значимых результатов не удалось: система европейской безопасности с участием России так и не появилась на свет (Парижское соглашение 1990 года, закладывавшее основу такой договоренности, было отброшено с распадом СССР.) В итоге блоковое мышление и гонка вооружений заполняют тот вакуум, который расширяется из-за отсутствия прагматических договоренностей между государствами. Тем не менее в повестке дня стоит создание новой конструкции безопасности, гипотетически более справедливой и отражающей интересы всех регионов мира (а не только Европы, как было ранее из-за доминирования европейского региона над остальными).

На чем будет основываться этот компромисс: на ценностях, как считают либеральные приверженцы глобального конституционализма; на интересах суверенных государств, как полагают сторонники реализма, – или, возможно, на какой-то комбинации того и другого? Международное право не дает ответа на этот вопрос. Устав ООН защищает права человека, но не демократию как таковую; иначе говоря, теоретически государства-члены могут и не быть демократиями (тем более либеральными), что, впрочем, не отменяет для них необходимости соблюдать фундаментальные права человека. Спор о содержании прочих прав остается темой острой международной дискуссии, отражающей фрагментацию международных отношений. Фактически, речь идет о конфликте не столько идеологий, сколько идентичностей (в том числе и «изобретенных»). Ключевым вопросом, разделяющим стороны нынешнего конфликта, остается различное понимание основ системы международной безопасности. Одни считают, что они задаются совокупностью наднациональных принципов и ценностей, возникших естественным образом в силу нового интернационального консенсуса. Другие полагают, что указанные принципы и нормы нельзя использовать в подобном качестве, поскольку они отражают одностороннюю интерпретацию международных норм ведущими западными государствами, отказавшимися исходить из принципа «нераздельности безопасности». То есть в линии Российской Федерации проявляется не столько «ревизионизм», сколько стремление вернуться к трактовке международного права в его традиционной, «вестфальской», интерпретации – ориентированной не на ценности, а на *Realpolitik*.

Современный мир выстраивается как совокупность больших глобальных регионов (в том числе трансконтинентальных), обладающих выраженной правовой идентичностью; но при этом речь идет не о замкнутых регионах, поскольку их идентичность формируется в ходе глобальной интеграции. Следует подчерк-

АНДРЕЙ МЕДУШЕВСКИЙ

КРИЗИС МЕЖДУНАРОДНОГО
ПРАВА И УКРАИНСКИЙ
КОНФЛИКТ

нуть, что понятие глобального региона (субрегиона) не всегда тождественно его географическим трактовкам. В наши дни реальностью становятся объединения государств – например, G-7, G-20, БРИКС, ШОС, ЕАЭС, – расположенных на разных континентах, но объединяемых коллективной повесткой решения мировых проблем, в том числе и глобального конституционализма. Соотношение подобных объединений между собой предполагает как поиск координации, так и сохранение асимметрии правовых порядков.

Каков же выход из кризиса международного права? Наиболее реалистичным представляется путь двустороннего движения к глобальной правовой интеграции – с позиций международного конституционного права и со стороны отдельных (неизбежно фрагментированных) региональных интеграционных проектов. Механизм их взаимодействия не сводится к механическому противопоставлению интеграции и фрагментации, но включает селекцию оптимальных форм соотношения этих двух полюсов: выстраивание норм, институтов и практик взаимодействия, отвечающих критерию более широкой интернациональной легитимности. На этом пути все многообразие отдельных идентичностей – космополитических, региональных, национальных, культурных, политических и прочих – не отменяется, но встраивается в виде подсистем в единую систему глобальной идентичности. Оно начинает функционировать поверх сложившихся разделительных линий, освященных традицией, правом и моралью во имя достижения одной цели – преодоления международной анархии, то есть борьбы сверхдержав за передел мира в стиле описанной Томасом Гоббсом «войны всех против всех».

Когда (и если) этот процесс приведет к созданию значимых и легитимных глобальных институтов правовой интеграции, можно будет говорить о полноценном переходе от региональных правовых режимов к глобальным. Вопрос о том, какой вклад в него могут внести существующие институты во главе с ООН и его Советом Безопасности, а также международные суды, остается открытым, оставляя простор для дискуссии об их соответствии новым вызовам правовой глобализации. Если США склоняются к трактовке ООН как организации, утратившей свое значение, то с точки зрения их противников роль ООН должна быть восстановлена и усилена – за счет повышения статуса глобальных регионов, в том числе и с расширением представительства их ведущих стран в Совете Безопасности ООН. В итоге ключевую роль могут сыграть как существующие, так и новые международные институты. Либо же – та часть этих институтов, которая окажется способной проводить интеграционную повестку на транснациональном

уровне, опираясь на компромисс ведущих глобальных регионов и/или представляющих их ведущих государств. На этом пути идеализм должен уступить место реализму, а политика защиты ценностей – политике защиты общих интересов.

Если говорить о наиболее крупном глобальном регионе в лице Европейского союза, то из-за украинского кризиса он оказался перед выбором: либо следовать далее в фарватере США во имя укрепления трансатлантической солидарности, либо обрести новую идентичность в международных отношениях, проводя собственную политику в вопросах безопасности и дипломатии. Последнее означало бы уход НАТО со сцены, создание иной системы европейской безопасности и, возможно, формирование новой европейской федерации в виде Соединенных Штатов Европы (с пересмотром учредительных договоров). В свое время определенные надежды возлагались на возможность единого членства ЕС в ООН, которое, однако, оказалось недостижимо в силу неготовности Франции уступить ЕС свой мандат в Совете Безопасности ООН. В текущей перспективе это означает наступление для ЕС «макиавеллистического момента» – необходимости принятия элитами критически важных решений, касающихся судеб европейского интеграционного проекта и выстраивания отношений с Россией как основным геополитическим противником или партнером²¹.

Украинский конфликт вывел на первый план дилемму права и справедливости, отсылающую к самой сути международного права. Завершится ли нынешнее противостояние возвращением к *status quo ante bellum*, полным разрушением существующей системы международного права или, напротив, созданием новой его системы? Какими в таком случае будут контуры этой системы – нормы, институты и функции транснациональной правовой организации будущего? Насколько адекватны представленные сегодня стратегии выхода из глобального конфликта, предложенные идеологами, экспертами и политиками разных стран – сторонниками и противниками глобализации, – включая их реакцию на эрозию легитимности и дисфункции основных международных институтов и национальных правительств? Текущий кризис вокруг Украины наглядно свидетельствует о наступлении новой фазы состязания мировых элит относительно будущего устройства глобального управления. Кроме того, он с очевидностью демонстрирует важность согласованной политики права. От решения этих вопросов будет зависеть устойчивость и надежность международно-правовых гарантий глобального и национального развития в ближайшем будущем.

АНДРЕЙ МЕДУШЕВСКИЙ
КРИЗИС МЕЖДУНАРОДНОГО
ПРАВА И УКРАИНСКИЙ
КОНФЛИКТ

21 Медушевский А.Н. *Макиавеллистический момент Европы: перспективы интеграционного проекта ЕС в условиях утраты глобального политического равновесия* // Полития. 2022. № 2(105). С. 136–162.

Пол
РОБИНСОН

Украинский конфликт и слом отношений России и Запада¹

Пол Робинсон (р. 1966) – профессор факультета социальных наук Университета Оттавы, специалист по истории России, военной истории и международным отношениям. Среди недавних работ автора – «*Russian Conservatism*» (2019); осенью 2023 года из печати выйдет книга «*Russian Liberalism*».

Каким бы ни было реальное положение дел, всегда найдется человек, который будет видеть происходящее в самом мрачном свете. Не удивительно, что нынешняя ситуация в Украине подталкивает подобных провозвестников апокалипсиса говорить о фундаментальной угрозе украинского кризиса самим основам международного порядка. Так, выступая в конце января 2023 года, генеральный секретарь НАТО Йенс Столтенберг предупреждал, что успех России на земле Украины подтолкнет страны всего мира добиваться своих политических целей силой оружия – и, в частности, побудит Китай начать вторжение на Тайвань. По словам Столтенберга, сегодня речь идет «не столько о кризисе общеевропейского масштаба, сколько о вызове мировому порядку в целом»². Примерно в то же время действующий в России международный дискуссионный клуб «Валдай» в ходе одного из своих обсуждений предупредил, что действия западных стран – и, в частности, Канады, – конфискующих собственность российских граждан для передачи ее Украине, «будут иметь самые серьезные международные последствия»³. По словам одного из участников дискуссии, французского экономиста Жака Сапира, эти последствия с большой вероятностью повлекут за собой «распад мира на обособленные регионы и конец глобализации», а также «отказ от доллара в качестве мировой валюты и крах международной валютной системы»⁴.

«ОБЩИЙ ЕВРОПЕЙСКИЙ ДОМ» БЕЗ РОССИИ

И все же не стоит сгущать краски. Несомненно, экономические и политические отголоски событий в Украине будут слышны

1 Настоящая статья написана специально для «НЗ».

2 Цит. по: BUNYAN R. *NATO Raises Spectre of Russia-China-North Korea Nuclear Alliance "Challenging the World Order" and Warns "What Is Happening in Ukraine Today Could Happen in Asia Tomorrow" as Japan Vows to Strengthen Western Ties* // Daily Mail Online. 2023. January 31 (www.dailymail.co.uk/news/article-11696081/NATO-raises-spectre-Russia-China-North-Korea-nuclear-alliance-challenging-world-order.html).

3 Подробнее см.: «Санкционное цунами» в неизведанных водах: будут ли конфискованы российские активы на Западе? Дискуссионная площадка клуба «Валдай». 23 января 2023 года (<https://ru.valdaiclub.com/events/posts/articles/sanktsionnoe-tsunami-v-neizvedannykh-vodakh/>). – Примеч. перев.

4 Цит. по: BLACKWELL T. *Moscow Riled by Planned Seizures* // National Post in the Ottawa Citizen. 2023. February 1. NP1.

далеко за пределами Европы, однако говорить, что коллапс угрожает самому существованию международного порядка, – изрядное преувеличение. В конце концов, англо-американское вторжение в Ирак в 2003 году не подтолкнуло страны мира разрешать разногласия, нападая друг на друга. Соответственно, нет никакой особой причины, из-за которой нынешнее украинское противостояние могло бы привести к такому исходу. Рассуждая по аналогии, было бы весьма самонадеянно рассчитывать и на то, что финансовые меры, принятые Западом в отношении России в прошлом году, обернутся «полным крахом международной валютной системы». Да, они повышают вероятность, что государства, находящиеся вне западной орбиты, начнут более интенсивно развивать независимые финансовые системы, защищенные от западных санкций. Однако этот тренд наметился уже давно, а породило его нарастающее недовольство тем, в какой манере Соединенные Штаты используют свое доминирование в международных финансовых институтах. Кроме того, в этом явлении можно увидеть и неизбежное следствие смещения центров финансовой мощи в сторону Китая и «глобального Юга» в целом. Конечно, сражения в Украине способны ускорить этот процесс, но кардинальные изменения не происходят в одночасье: на текущий момент в мире нет государств, заинтересованных в полнейшем непризнании устоявшегося международного порядка. Перемены будут утверждаться медленно, а их результатом станет переход от одного набора институтов к другому – но отнюдь не переход от упорядоченности к анархии.

В указанном отношении украинский кризис все же не столь судьбоносен, как пытаются представить некоторые. Каким бы ни был его итог, в экономическом и военном отношении Российская Федерация останется второразрядным мировым игроком, уступающим США и их европейскими союзниками, совокупное богатство которых несоизмеримо больше. Само по себе украинское противостояние едва ли изменит радикальным образом баланс сил на мировой арене.

И все же сказанное выше вовсе не означает, что украинско-российский конфликт не имеет значения. В этой статье доказывается, что нынешнее вооруженное противостояние может стать поворотным моментом: из-за него Россия и Запад разойдутся друг с другом, причем не исключено, что на долгие и долгие годы. Учитывая ключевую роль, которую Запад исторически играл в самоидентификации России, в том числе и в ее позиционировании на международной арене, разрыв отношений создаст не только политические, экономические и военные проблемы, но и серьезные трудности с самоидентификацией.

ПОЛ РОБИНСОН
УКРАИНСКИЙ КОНФЛИКТ
И СЛОМ ОТНОШЕНИЙ
РОССИИ И ЗАПАДА

В последние годы существования Советского Союза среди советских интеллектуалов было распространено мнение, согласно которому русская революция 1917 года пресекла естественное развитие России, которая постепенно превращалась в нормальную западную страну, и что теперь необходимо вернуть ее на путь истинный, воссоединившись с «западной цивилизацией»⁵. Для этого, полагали они – как, кстати, и советский лидер Михаил Горбачев – нужно положить конец «холодной войне» и воплотить в жизнь проект, запечатленный в знаменитых словах: «Европа – наш общий дом»⁶.

Но и «Европа», и «Запад» – зыбкие понятия, границы которых постоянно меняются. Их смысл определяется не столько географическими коннотациями, сколько идеологическими смыслами, воплощаемыми в наборе определенных ценностей. По сути, любая страна может быть «западной», даже если она расположена вдали от привычных границ Запада. По словам автора книги «Россия глазами Запада» Мартина Малиа, Запад всегда был «субъективным» конструктом⁷.

С началом «холодной войны», однако, такое положение дел начало меняться. Благодаря созданию Организации Североатлантического договора (НАТО) и Европейского союза, Запад обрел институциональное воплощение. По мере того, как все больше и больше европейских стран присоединялись к этим организациям после завершения «холодной войны», в Европе возникало явное структурное размежевание между государствами, входящими в них – то есть «Западом», – и Россией. На таком фоне создание «общего европейского дома» становилось практически невозможным, поскольку перспектива вступления России в упомянутые организации не просматривалась даже в далеком будущем. Во-первых, членство России в НАТО или ЕС трудно представить из-за того, что оно коренным образом изменило бы властные балансы, сложившиеся внутри обеих организаций, а также лишило бы их значимого «Другого», который жизненно необходим для формирования их целостной идентичности. И, во-вторых, несмотря на то, что децентрализация ЕС настолько сильна, что во многих отношениях это объединение не тянет даже на конфедерацию, в некоторых аспектах это очень централизованная полития, напоминающая унитарное государство. Всякий желающий присоединиться обязан целиком и полностью адаптировать свою правовую сис-

- 5 Подробнее об этой тенденции см.: ENGLISH R. *Russia and the Idea of the West: Gorbachev, Intellectuals and the End of the Cold War*. New York: Columbia University Press, 2000.
- 6 ГОРБАЧЕВ М. *Perestroika: New Thinking for Our Country and the World*. London: Collins, 1987. P. 194 (цит. по: ГОРБАЧЕВ М. *Перестройка: новое мышление для нашей страны и для всего мира*. М.: Издательство политической литературы, 1987. С. 203. – Примеч. перев.)
- 7 MALIA M. *Russia under Western Eyes: From the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum*. Cambridge: Belknap Press, 1999. P. 9.

тему к *acquis communautaire* – своду договоров, законов и принципов, образующих основу функционирования ЕС, – а также передать в ведение Европейской комиссии реализацию своей торговой политики. Едва ли можно представить себе российское правительство, готовое смириться с подобным ущемлением государственного суверенитета. В частности, идея, что Москва позволит брюссельским бюрократам устанавливать приоритеты в российской торговле с Китаем, абсолютно не правдоподобна.

Кое-кто в Москве рассчитывал воспользоваться разногласиями внутри НАТО и ЕС, однако подобные надежды пока не оправдались. Нынешний украинский кризис лишь укрепил единство НАТО, в то время как опыт Брекзита вряд ли вдохновит другие европейские страны последовать примеру Соединенного Королевства и распрощаться с ЕС. Разумеется, ничто не вечно под луной, но скорее всего институты, которые сегодня конституируют Запад, останутся незыблемыми еще довольно долго и Россия не будет их частью.

ПОЛ РОБИНСОН
УКРАИНСКИЙ КОНФЛИКТ
И СЛОМ ОТНОШЕНИЙ
РОССИИ И ЗАПАДА

ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ТОКСИЧНОСТЬ

Так сложилась ситуация, в которой Россия оказалась институционально обособлена от остальной Европы, причем единственным для нее способом преодоления разобщенности оставалось, по-видимому, умаление своего суверенитета. Рассуждая об «общем европейском доме», Михаил Горбачев, разумеется, имел в виду нечто иное. Не это подразумевали и либералы из постсоветского правительства Бориса Ельцина, стремившиеся к сближению с Западом. Даже Андрей Козырев, которого принято считать самым прозападным из российских министров иностранных дел, утверждал, что «Россия обречена быть великой державой... она может быть только равным партнером, а не младшим»⁸. Исходя из сказанного не удивительно, что российская внешняя политика со времен Козырева и до сегодняшнего дня была направлена на то, чтобы убедить Запад устранить институциональный раскол в Европе и создать новую структуру, которая включала бы Россию. Именно эту цель преследовали, в частности, проект договора о европейской безопасности, представленный Дмитрием Медведевым в 2008 году, а также список требований, предъявленных российскими властями США и НАТО в 2021-м. После того, как последние были отклонены, Российская Федерация начала специальную военную операцию в Украине. Если учесть все изложенное, то с полным

8 Цит. по: ELLISON H.J. *Boris Yeltsin and Russia's Democratic Transformation*. Toronto: University of Toronto Press, 2006. P. 208.

основанием можно сказать: текущие события касаются не только Украины, но самой природы будущих отношений России с Западом.

Между тем специальная военная операция оказала на эти отношения самое пагубное воздействие: отчуждение России еще более усилилось – фактически дело дошло до почти полного ее исключения из того, что некоторым нравится именовать «семьей цивилизованных наций». Нынешняя степень отчужденности намного превышает даже ту, которую испытывал Советский Союз в период «холодной войны». Экономические санкции, в том числе отказ Европы от российских энергоносителей, – лишь верхушка айсберга. С середины 1950-х СССР открылся для иностранных туристов и поощрял культурные обмены. Западноевропейские и североамериканские студенты стажировались в советских вузах. Между Москвой и западными столицами было налажено авиасообщение. В западных университетах широко изучался русский язык. Одновременно США стремились минимизировать потенциальную опасность превращения «холодной войны» в войну «горячую», договариваясь с СССР о контроле над вооружениями. Неприязнь не подразумевала отстранения.

Нынешняя степень отчужденности намного превышает даже ту, которую испытывал Советский Союз в период «холодной войны». Экономические санкции, в том числе отказ Европы от российских энергоносителей, – лишь верхушка айсберга.

В прошлом году, напротив, западные государства объявили Российской Федерации едва ли не полный культурный бойкот. Академические и студенческие обмены прекратились совсем, а институции, финансирующие научные разработки, заявили, что больше не будут выделять деньги на исследования с участием российских учреждений. Кроме того, в настоящее время началась «деколонизация» изучения России, призванная развенчать «москвоцентричное» понимание истории в пользу нарративов тех наций, которые считаются жертвами российской «колонизации» (среди них, например, украинцы, жители Балтии и грузины)⁹. Тем временем контроль над вооружениями оказался в полнейшем пренебрежении, а дипломатическая активность даже по вопросам, представляющим взаимный ин-

⁹ См. комментарии Джеффри Робертса, прозвучавшие в ходе дискуссии о деколонизации исследований России на портале «H-Russia»: <https://networks.h-net.org/node/10000/blog/decolonizing-russian-studies/12148542/periodization-decolonization#replies>.

терес, почти застопорилась – примером может служить приостановка работы Арктического совета.

Во время «холодной войны» источником неприязни Запада выступал коммунизм – теперь же это Россия как таковая. Кое-где на Западе культурная токсичность России настолько сильна, что от нее отворачиваются даже самые решительные и целеустремленные. Число студентов, посещающих курсы русского языка, резко сократилось¹⁰, а любой специалист, надеющийся выстроить карьеру в государственных структурах, делает все возможное, чтобы избегать контактов с русскими, которые могут быть хоть как-то использованы против него. Даже невинные программы культурных обменов в некоторых кругах считаются крайне нежелательными¹¹. Согласно популярному дискурсу гибридной войны, «оружием» в геополитическом столкновении России с Западом может стать фактически все что угодно. Торговля, дипломатия, культура, юриспруденция – все это, как и многое другое, якобы «превратилось в российское оружие». (Эта идея наглядно воплощена в названии недавней книги Марка Галеотти, часто цитируемой специалистами по России¹².) Любой контакт с Россией потенциально предвешивает.

В эпоху «холодной войны» преобладающим чувством был страх: Советский Союз казался слишком сильным и могущественным, чтобы позволить его игнорировать. Это подталкивало западные государства к изучению противника, взаимодействию с ним и даже к заключению сделок. Сейчас, напротив, преобладающими чувствами оказались презрение и пренебрежение: Россию считают достойной презрения не только из соображений морали, но и по причине ее слабости – поэтому, мол, ее желаниями можно пренебрегать¹³. В подобных обстоятельствах стимул достигать каких-то договоренностей с русскими очень слаб. Если соотнести подобный настрой с аналогичной тенденцией российской стороны рассматривать Запад во все более негативном и даже параноидальном ключе, станет ясно, что пропасть между двумя сторонами рискует сделаться непреодолимой.

Явный импульс к жесткому разрыву между Россией и Западом обозначился еще до февраля 2022 года. Разумеется, события, разворачивающиеся с тех пор в Украине, значительно уси-

ПОЛ РОБИНСОН

УКРАИНСКИЙ КОНФЛИКТ
И СЛОМ ОТНОШЕНИЙ
РОССИИ И ЗАПАДА

10 LEM P. *Student Interest in Studying Russian Slumps as Ukrainian Surges* // The Times Higher Education. 2022. September 13 (www.timeshighereducation.com/news/student-interest-studying-russian-slumps-ukrainian-surges).

11 Пример из довоенной поры см. в статье: BOWER G. *Oligarchs, as US Patrons, Present a Softer Image of Russia* // The New York Times. 2019. October 6 (www.nytimes.com/2019/10/06/arts/russia-oligarchs-arts.html). Ее автор, Грэм Бауэр – супруг министра финансов и заместителя премьер-министра Канады Христи Фриланд.

12 GALEOTTI M. *The Weaponisation of Everything: A Field Guide to the New Way of War*. New Haven: Yale University Press, 2022.

13 Я заимствовал категории «страха», «презрения» и «пренебрежения» у Марка Смита: SMITH M. *The Russia Anxiety and How History Can Resolve It*. Oxford: Oxford University Press, 2019.

лили его: будущее двусторонних отношений теперь во многом будет зависеть от того, как именно закончится нынешняя военная операция. К сожалению, какой-либо исход, способный заложить основы для последующего примирения, в настоящее время кажется маловероятным.

В принципе, украинское противостояние может завершиться двумя путями: подписанием мирного договора, официально заключаемого сторонами, или без такового. В последнем случае боевые действия прекращаются, но формально конфликт продолжается – подобный сценарий реализовался по окончании Корейской войны. Если исходить из того, что идея «общего европейского дома» заслуживает возрождения, то важно пойти по первому пути, избегая второго. Иными словами, реанимация российско-западных отношений зависит от того, чем именно закончится конфликт: простым прекращением огня или мирным договором, который примут все заинтересованные стороны. Такой договор, безусловно, не повлечет за собой немедленного сближения России и Запада; взаимная подозрительность будет сохраняться еще очень и очень долго. Договоренности, оставляющие Россию с очевидными приобретениями, вызвали бы серьезную тревогу на Западе, что вылилось бы в призывы наращивать расходы на оборону, сохранять санкции и так далее. Тем не менее это по крайней мере позволило бы, пусть долго и постепенно, но продвигаться к нормализации отношений.

Украинское противостояние может завершиться двумя путями: подписанием мирного договора, официально заключаемого сторонами, или без такового. В последнем случае боевые действия прекращаются, но формально конфликт продолжается – подобный сценарий реализовался по окончании Корейской войны.

Проблема, однако, в том, что подобный исход представляется наименее вероятным из-за (а) морализаторского дискурса, широко используемого обеими сторонами и блокирующего любые договоренностям с противной стороной, объявляемой этически неполноценной, и (б) зияющей пропасти, не позволяющей сторонам осознать интересы друг друга.

КОРЕЙСКИЙ СЦЕНАРИЙ

ПОЛ РОБИНСОН

УКРАИНСКИЙ КОНФЛИКТ
И СЛОМ ОТНОШЕНИЙ
РОССИИ И ЗАПАДА

Попытки предсказать финал украинской драмы сегодня, возможно, кажутся преждевременными. Тем не менее исходя из нынешнего положения дел представляется маловероятным, что какая-либо из сторон сумеет нанести противнику такое сокрушительное военное поражение, которое позволит ей навязать свои условия мира. В частности, даже несмотря на западную поддержку, военный потенциал Украины едва ли позволит ей в полном объеме вернуть территории, утраченные с 2014 года¹⁴. Из всех возможных исходов войны наименее невероятным следует, по-видимому, считать сценарий, в котором после длительных боев линия фронта, в конечном счете, стабилизируется таким образом, что некоторые территории, пребывавшие до 2014 года в составе Украины, все-таки останутся под контролем России. После того, как обе стороны убедятся, что дальнейшие боевые действия не принесут значительных выгод – на осознание этого может уйти немало времени, – они в конце концов согласятся прекратить огонь. Однако тупиковая ситуация такого рода едва ли приведет к официальному мирному договору. Конфликт обрел территориальную динамику, особенно после присоединения Донецкой, Луганской, Запорожской и Херсонской областей к Российской Федерации, а без взаимного признания границ окончательное урегулирование невозможно. Здесь налицо огромная проблема: если на момент прекращения боевых действий Россия по-прежнему будет контролировать бывшие украинские земли, то окончательное урегулирование должно либо заставить Украину и ее западных партнеров формально признать территориальные потери, либо же потребовать от России вернуть приобретенное. Невозможно представить, что противоборствующие стороны обоюдно примут один из таких сценариев.

Например, исключительно трудно вообразить, что российское правительство, к какой бы части политического спектра оно ни относилось, когда-либо согласится передать украинцам Крым, который этого не желает. Аналогичным образом формальное признание территориальных потерь стало бы политическим самоубийством для любого украинского правительства. Кроме того, американцы и их западные союзники расценили бы подобный шаг как удар по их коллективному

14 О различных мнениях, высказываемых по данному вопросу представителями американского истеблишмента, см.: WARD A., MCLEARY P., O'BRIEN C. *Ukraine Can't Take Crimea Soon, Pentagon Tells Lawmakers in Classified Briefing* // Politico. 2023. February 1 (www.politico.com/news/2023/02/01/ukraine-crimea-russia-pentagon-00080799); LEE C.E. *A Biden Admin Official Recently Told Members of Congress that Ukraine Has the Military Capacity to Take Back Crimea* // NBC News. 2022. December 16 (www.nbcnews.com/politics/national-security/biden-official-told-congress-ukraine-can-retake-crimea-rcna61755).

престижу. Официальные лица США посылают весьма противоречивые сигналы относительно того, будут ли они готовы когда-либо согласиться с таким исходом¹⁵, но молчаливое принятие российских территориальных приобретений посредством прекращения огня в политическом плане почти наверняка оказалось бы более простым шагом, чем официальное согласие с ними, закрепляемое договором.

Следовательно, перспективы урегулирования конфликта переговорным путем на сегодня сомнительны, и потому более вероятным исходом видится «корейский сценарий». Он не понравится ни одной из сторон, но, в конце концов, они постепенно могут прийти к выводу, что это единственный доступный вариант. Такое развитие событий будет означать, что глубинные противоречия, разделяющие Россию и Запад, останутся. Запад после этого примется «сдерживать российскую агрессию», вооружая Украину до зубов. Россия тем временем будет испытывать постоянную тревогу по поводу того, что Украина когда-нибудь попытается вернуть утраченные территории силой, видя в поддержке, оказываемой противнику Западом, непреходящую военную угрозу. В порядке ответной реакции Москва будет наращивать собственный военный потенциал, что в свою очередь вызовет беспокойство Украины и Запада и повлечет ответные действия – и так до бесконечности. Это будет классический пример явления, называемого специалистами-международниками «дилеммой безопасности»: процесса, в котором действия, предпринятые для обеспечения собственной безопасности одной из сторон, выводят из равновесия другие стороны, заставляя их предпринимать ответные шаги, которые, в конечном счете, влекут за собой не укрепление, а снижение безопасности всех игроков.

При таком развитии событий окончание «горячей фазы» конфликта не повлечет отмены санкций, введенных Западом против России. Примеры подобной политики в отношении тех, кого США считают «государствами-изгоями» – например, Северной Кореи, Кубы и Ирана, – показывают, что американцы готовы придерживаться одной и той же политической линии на протяжении очень долгого времени: семидесяти лет в случае Кубы и Северной Кореи и почти пятидесяти – в случае Ирана. И конца этому не видно. Есть все основания ожидать, что люди, рождающиеся в России сегодня, будут жить под западными санкциями до конца своих дней. Если кто-то в России

15 См., например: BRENNAN D. *U.S. Peace Talks Offer in Ukraine "Unacceptable", Russian Lawmaker Says* // Newsweek. 2023. January 27 (www.newsweek.com/america-peace-talks-offer-ukraine-unacceptable-russia-lawmaker-occupation-leonid-slutsky-1777017); *Kremlin and White House Deny Biden Offered Putin 20% of Ukraine* // Big News Network. 2023. February 3 (www.bignewsnetwork.com/news/273478637/kremlin-and-white-house-deny-biden-offered-putin-20-of-ukraine).

надеется, что в какой-то момент Запад рухнет или расколется, оказавшись не в состоянии давить на Россию, то такие упования надо признать бесосновательными. В подобных надеждах игнорируется, до какой степени борьба против России превратилась в нравственно-этическое противостояние, укрепляющее коллективную идентичность Запада. В подобной перспективе любые уступки России расцениваются как серьезный подрыв самовосприятия Запада в качестве главного носителя цивилизационных ценностей. Но если россиянам не следует надеяться на крах или капитуляцию Запада, то и Западу не стоит ожидать чего-то подобного от России.

ПОЛ РОБИНСОН
УКРАИНСКИЙ КОНФЛИКТ
И СЛОМ ОТНОШЕНИЙ
РОССИИ И ЗАПАДА

Есть все основания ожидать, что люди, } рождающиеся в России сегодня, будут жить под } западными санкциями до конца своих дней. }

Иными словами, существует высокая вероятность, что Россия и Запад входят в очень длительный период если не полного разрыва, то радикального оскудения взаимоотношений. Эта перспектива создает серьезную интеллектуальную проблему для российских специалистов по внешней политике, поскольку радикальному переосмыслению подвергается то, что на академическом жаргоне принято называть «онтологической безопасностью» – другими словами, сам смысл того, что значит безопасность для России, а также того, как ей надо воспринимать мироустройство и свое место в нем¹⁶. В книге «Россия и Запад от Александра до Путина: честь в международных отношениях» Андрей Цыганков утверждает, что по крайней мере последние двести лет поведение России на международной арене в значительной степени определялось степенью ее признания Западом¹⁷. Еще Гегель в свое время заметил, что государства являются таковыми лишь в той мере, в какой они признаются другими государствами: «Когда возникают войны и конфликты [...] особенностью, придающей им значимость для мировой истории, выступает тот факт, что они всегда оказываются борьбой за признание»¹⁸. Если следовать этой логике, то Россия долгое время рассматривала свою «онтологическую безопасность» и признание со стороны Запада как смежные явления. Проблема, с которой страна сталкива-

16 Подробнее об уместности использования категории «онтологическая безопасность» в контексте украинских событий см.: KRICKOVIC A., SAKWA R. *War in Ukraine: Clash of Norms and Ontologies* // *Journal of Military and Strategic Studies*. 2022. Vol. 22. № 2. P. 89–109.

17 См.: TSYGANKOV A. *Russia and the West from Alexander to Putin: Honor in International Relations*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.

18 HEGEL G.F.W. *War and the Spirit of the Nation State* // REICHBERG G.M., SYSE H., BEGBY E. (Eds.). *The Ethics of War: Classic and Contemporary Readings*. Oxford: Blackwell, 2006. P. 552.

ется сегодня, поставлена вполне четко: если не полагаться на какие-то экстраординарные и невообразимые обстоятельства, то очевидным становится факт, что никакого признания не будет. Следовательно, прежний взгляд на мир должен измениться, но пока не ясно, как именно.

* * *

Согласно мнению традиционных российских западников, проблема будет решена, если Россия подстроится под западные требования и согласится занять второстепенное место в мире, где доминирует Запад. Наряду с этим есть и иной взгляд, сторонники которого считают, что преодоление нынешнего тупика возможно только посредством победы, одержанной на поле боя: лишь она одна вынудит Запад признать Россию. Еще одна точка зрения исходит из того, что проблема разрешится сама собой – из-за усталости от войны или политических разногласий в рядах западных стран. Наконец, имеет место и такая позиция, в рамках которой единственный путь, оставшийся у России, усматривают в том, чтобы навсегда согласиться: борьба за признание проиграна, и от самоидентификации с оглядкой на Запад нужно решительно отказаться. Консервативный философ Борис Межуев называет это политикой «цивилизационного равнодушия»¹⁹. В том же ключе и Дмитрий Тренин в одном из своих недавних выступлений утверждает: «Старая стратегия европеизации страны и завоевания ею места в европеизированном мире, принятая еще во времена Петра Великого, больше не актуальна»²⁰.

Западу тем временем также требуется саморефлексия, которая позволит ему ответить на ключевые вопросы о мире и своем месте в нем. Но, какие бы пути переосмысления себя ни избрали Россия или Запад, нас почти наверняка ждет будущее, сильно отличное от того, каким оно виделось до февраля 2022 года. Конфликт в Украине не предвещает краха мирового порядка, но из-за него отношения между Россией и Западом уже никогда не станут прежними.

Авторизованный перевод с английского Екатерины Захаровой

- 19** MEZHUEV B.V. *Civilizational Indifference: Can Russia Keep Up Cultural Distancing in Relations with Europe?* // *Russia in Global Affairs*. 2022. № 4 (<https://eng.globalaffairs.ru/articles/civilizational-indifference/>). (МЕЖУЕВ Б.В. *Цивилизационное равнодушие: способна ли Россия держать культурную дистанцию в отношениях с Европой* // *Россия в глобальной политике*. 2022. № 4 (<https://globalaffairs.ru/articles/civilizacziionnoe-ravnodushie/>). – *Примеч. перев.*)
- 20** TRENIN D. *Why Building a New World Order Is Now an Existential Issue for Russia* // *RT*. 2023. February 3 (www.rt.com/russia/570912-building-new-world-order/).

Современные автократии и военные конфликты

ДАНИЛА
КРАСНОВ

Центральный тезис настоящей статьи можно сформулировать следующим образом: общепринятые взгляды, согласно которым существует стойкая взаимосвязь между типом политического режима и реализуемой им внешней политикой – включая также и утверждение, что демократии в целом реже, чем диктатуры, инициируют международные конфликты¹, – в лучшем случае не имеют под собой достаточных оснований, а в худшем случае вообще ошибочны. Типичное для прошлого столетия убеждение, которое опирается на жесткое противопоставление демократии и авторитаризма как несовместимых друг с другом алгоритмов международной политики, чревато искажением реальных закономерностей, определяющих отношения между государствами. Между тем в целом ряде более свежих работ – включая, например, количественные исследования Джессики Уикс – убедительно доказывається, что фактическое положение вещей может быть сложнее:

«Вопреки привычному акценту на разнице между демократиями и недемократиями авторитарные режимы также обнаруживают существенные различия, когда речь заходит о желании или готовности начать вооруженный конфликт. [...] Можно, в частности, утверждать, что невоенизированные автократии, опирающиеся на мощные элитные группы, в целом не более воинственны, чем демократические государства»².

Это весьма показательное заявление, особенно если учесть, что распространенным ныне «информационным автократиям» для поддержания себя не слишком нужны такие крайности, как внешние войны или даже внутренние репрессии: глав таких режимов больше интересуют манипуляции с информацией и конструирование иллюзии компетентного управления³. Обращение же к военной силе выходит за рамки представле-

Данила Сергеевич
Краснов (р. 2001) –
политолог.

- 1 Подробнее см.: GELPI C., GRIESDORF M. *Winners or Losers? Democracies in International Crisis, 1918–1994* // American Political Science Review. 2002. Vol. 95. № 3. P. 633–647.
- 2 WEEKS J. *Strongmen and Straw Men: Authoritarian Regimes and the Initiation of International Conflict* // American Political Science Review. 2012. Vol. 106. № 2. P. 326. См. также: ИДЕМ. *Autocratic Audience Costs: Regime Type and Signaling Resolve* // International Organization. 2008. Vol. 62. № 1. P. 35–64.
- 3 Подробнее об этом см.: GURIEV S., TREISMAN D. *Spin Dictators: The Changing Face of Tyranny in the 21st Century*. Princeton: Princeton University Press, 2022; см. также: ПОМЕРАНЦЕВ П. *Это не пропаганда. Хроники мировой войны с реальностью*. М.: Individuum, 2020.

ний о качественном руководстве, так как является показателем неумения разрешать межгосударственные противоречия на ранних стадиях. Отсюда, однако, возникает вопрос: почему же войны продолжают сопутствовать авторитарному правлению и в XXI веке?

ТИП РЕЖИМА И ПРЕДРАСПОЛОЖЕННОСТЬ К КОНФЛИКТАМ

Объяснение этого явления, представленное ниже, базируется на двух предпосылках. Во-первых, невозможно прогнозировать поведение диктатора в предвоенной ситуации, анализируя исключительно отсутствие (или наличие) ограничений, позволяющее (или мешающее) ему развязать конфликт. Это вторичный фактор, задаваемый его личными особенностями, а также установками и предпочтениями групп, имеющих право апеллировать к подобным ограничениям. Показательно в данном отношении право Совета Федерации отклонить предложение об использовании войск за пределами России, которое, однако, ни разу не применялось на практике. Во-вторых, не стоит думать, будто решение авторитарного режима об инициации внешнего конфликта каким-то механическим образом связано с уровнем могущества элитной коалиции, победившей во властной борьбе, или же с уровнем поддержки агрессивных намерений государства его населением. Корреляция интересующего нас решения с этими переменными не существенна, что многократно подтверждалось опытом различных диктатур. Исходя из сказанного специалисты-политологи считают более целесообразным сосредоточиться на структурных аспектах, а именно, на особенностях институционального дизайна, которые подталкивают диктатора к развязыванию войны или, напротив, заставляют его воздерживаться от такого шага.

Имеющиеся на сегодня довольно обстоятельные и свежие количественные исследования говорят о том, что коллегиальные авторитарные режимы не более воинственны – а иногда даже и менее воинственны, – чем демократии. Кроме того, коллегиальность автократии иногда оборачивается тем, что диктаторы, подобно демократическим лидерам, сталкиваются с внутриэлитными группами сопротивления, которые, в отличие от них самих, могут оказаться не предрасположенными к применению силы и, более того, способными наказать главу режима за дорогостоящее решение начать войну. Поэтому, чем шире диктатура опирается на коллегиальные органы и использует электоральные механизмы, тем сдержаннее она относится к развязыванию конфликтов, победа в которых изначально не

очевидна. Это обстоятельство, однако, не сказывается на отношении к войне после того, как она уже развязана: независимо от того, коллегиальным или персоналистским является режим, возглавляющий его автократ зачастую склонен воевать до последнего. При этом важно уточнить, что последствия неудач на поле боя для коллективистских диктатур (военных хунт) в сравнении с персоналистскими автократиями оказываются, как правило, более губительными.

ДАНИЛА КРАСНОВ
СОВРЕМЕННЫЕ АВТОКРАТИИ
И ВОЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ

Имеющиеся на сегодня довольно обстоятельные и свежие количественные исследования говорят о том, что коллегиальные авторитарные режимы не более воинственны – а иногда даже и менее воинственны, – чем демократии.

Имея дело с диктатурами, функционирующими по типу военной хунты, полезно иметь в виду, что их лидеры зачастую прибегают к агрессии вовсе не потому, что их кровно интересуют внешняя экспансия и присоединение новых территорий, а из-за того, что регулярная демонстрация силы выступает неотъемлемой частью милитаристского этоса, присущего представителям армии или спецслужб⁴. В генеральской ментальности сопредельные страны предстают более враждебными, чем в объективной действительности, из-за чего компромиссы с соседями кажутся хунтам не слишком надежной стратегией. Согласно исследователям, изучающим агрессивный потенциал военных диктатур, если устранить их фобии дипломатическими средствами международному сообществу не удастся, то на первый план нужно выдвигать иные средства⁵. В частности, довольно эффективной моделью поведения может оказаться широко декларируемое намерение сдерживать агрессивную автократию, если потребуется, силовыми инструментами: подобные предупреждения, пусть не всегда, но все же способны убедить диктаторов в избыточных или даже неприемлемых издержках экспансионизма. Рассуждая в том же ключе, Майкл Томз рекомендует членам международного сообщества заключать союзы с потенциальными жертвами диктаторского экспансионизма:

«Поскольку возможные агрессоры понимают, что подобные союзнические соглашения не только расширяют внешнеполитическую поддержку возможной жертвы, но и увеличивают их собственные внутренние риски, практика заключения такого рода альянсов мо-

⁴ См., в частности: WEEKS J. *Dictators at War and Peace*. Ithaca: Cornell University Press, 2014.

⁵ Подробнее см.: Ibid.

АВТОКРАТЫ И ОППОЗИЦИЯ – ВЕРХУШЕЧНАЯ И НИЗОВАЯ

Выше уже отмечалось, что одним из главных препятствий, мешающих автократу развязать военный конфликт, может оказаться верхушечная фронда. Возникновение таковой более вероятно при коллегиальных авторитарных режимах – включая, кстати, и военные хунты, несмотря на присущие им милитаристские инстинкты. Более проблематичной оказывается ситуация тех персоналистских диктатур, лидерам которых удалось устранить соперников и сосредоточить всю полноту власти в одних руках. В режимах такого типа инициирование конфликта зависит от интенций одного только автократа и его самого ближнего круга. Именно их лидеры с наибольшей легкостью идут на обострение в международных спорах, а в случае неудачных для себя исходов ищут любой возможности для реванша, снова и снова воспроизводя агрессивный цикл. Минимизируя внутренние ограничения и делая свое правление все более абсолютным, единоличным лидер повышает собственную предрасположенность к войне⁷. (Это утверждение приводит к целому ряду предположений, которые потенциально могут быть проверены с использованием количественных данных⁸.) Кстати, в указанном смысле показателен случай нынешнего континентального Китая, где гражданское правительство, ограниченное элитными группировками, выступало идеальным воплощением авторитарно-номенклатурной коалиции – по крайней мере в течение нескольких десятилетий. В значительной степени это позволяет объяснить относительную сдержанность внешней политики Китайской Народной Республики. Как представляется, наблюдаемая в последние годы все большая концентрация власти в руках Си Цзиньпина и очевидное превращение его в традиционного единоличного лидера отнюдь не случайно сопровождаются нарастающей агрессивностью внешнеполитического курса КНР.

Китайский политический опыт позволяет сделать еще одно предположение. Некоторые авторы считают, что режимы, сис-

- 6 Tomz M., Weeks J. *Military Alliances and Public Support for War* // *International Studies Quarterly*. 2021. Vol. 65. № 3. P. 821.
- 7 Подробнее о том, как единоличное политическое лидерство сказывается на международных отношениях, см.: БУМАН D., ПОЛЛАК K. *Let Us Now Praise Great Men: Bringing the Statesman Back In* // *International Security*. 2001. Vol. 25. № 4. P. 107–146.
- 8 См.: ХОЛСТИ K. *Peace and War: Armed Conflicts and International Order, 1648–1989*. New York: Cambridge University Press, 1991.

темно, регулярно и масштабно ограничивающие массовое участие в политической деятельности, во внешней политике будут тем не менее более склонны к осторожности и сдержанности, чем режимы, практикующие жестокие, но разовые и точечные репрессии⁹. Здесь, однако, важно уточнить: подобное положение вещей сохраняется лишь до тех пор, пока в стране существует более или менее влиятельная оппозиция. Этот тезис иногда подкрепляется аргументом, согласно которому политизация вооруженных сил и органов безопасности – то есть их активное привлечение к борьбе с внутренним недовольством, – склонно оборачиваться относительным снижением их боеспособности и профессионализма; по крайней мере так дело выглядит в сопоставлении с кейсами, где армия и спецслужбы деполитизированы¹⁰.

Минимизируя внутренние ограничения и делая свое правление все более абсолютным, единоличный лидер повышает собственную предрасположенность к войне.

Возможно, последнее наблюдение может показаться кому-то неактуальным, поскольку нынешние автократы, борясь с политическими противниками, не так уж и часто выводят на улицы пехоту и танки. Тем не менее уместно обратить внимание на то, что никаких гарантий от возвращения современного мира к более «привычным» моделям авторитаризма не существует. Иначе говоря, военный переворот отнюдь не стоит записывать в явления вчерашнего или позавчерашнего дня. Кстати, есть смысл обратить внимание еще на один аспект взаимосвязи между внешнеполитической агрессивностью и внутриполитической устойчивостью авторитарных режимов, не раз отмечавшийся специалистами: отправка армии за рубеж накладывает ограничения на ее использование в полицейских операциях внутри страны¹¹. Диктатор сталкивается с определенным парадоксом: нападения на другие страны, задумываемые им для укрепления собственной репутации в глазах подданных, требуют перенаправления силовых ресурсов из своих владений за рубеж, но это не усиливает режим, а напротив – ослабляет его. Война, особенно неудачная, способна посеять семена революции или спровоцировать переворот. Практика же показы-

9 См.: SVOLIK M. *Contracting on Violence: The Moral Hazard in Authoritarian Repression and Military Intervention in Politics* // Journal of Conflict Resolution. 2012. Vol. 57. № 5. P. 765–794.

10 EGOROV G., SONIN K. *Dictators and Their Viziers: Endogenizing the Loyalty-Competence Tradeoff* // Journal of the European Economic Association. 2011. Vol. 9. № 5. P. 903–930.

11 См., например: ANDRESKI S. *Wars, Revolutions and Dictatorships: Studies of Historical and Contemporary Problems from a Comparative Viewpoint*. London: Routledge, 1992.

вает, что в случае массового возмущения одних полицейских сил автократам, как правило, не хватает¹².

ПСИХОЛОГИЯ АВТОКРАТИИ

Стандартной аналитической линией, применяемой при анализе автократий, уже многие годы остается приписывание единоличным властителям особых психологических характеристик. Так, специалисты рассуждают в этой связи о «тиранических характерах», чье желание доминировать над другими воплощается в «дипломатии канонеров» и завоевательных авантюрах¹³. Устойчивая популярность этой парадигмы объясняется ее древними истоками: придерживающиеся ее ученые сплошь и рядом ссылаются на античных классиков – в частности, на Ксенофонта, хотя и не только на него. По утверждению Бетти Глэд, многие тираны являются нарциссами, которые культивируют возвышенный образ собственного «я», неизменно позиционируя себя над другими¹⁴. Ссылками на подобный психотип оправдываются многие диктаторские причуды, подтверждающие непомерность геополитических амбиций. Саддам Хусейн, например, не раз говорил о своем желании восстановить панарабский халифат – с собой в роли халифа¹⁵. Считая себя наследником Навуходоносора и Саладина, иракский диктатор приказал построить в Вавилоне роскошный дворец, на каждом кирпиче которого были начертаны его инициалы. Столь же глобально, как известно, мыслил и ливийский вождь Муаммар Каддафи, в 2008 году присвоивший себе титул «короля королей»; среди его многочисленных проектов был план учреждения панафриканского правительства под собственным началом. Хотя об империях мечтают не только персоналистские диктаторы¹⁶, именно последние вершат власть в условиях, наиболее благоприятствующих имперскому строительству, поскольку ни критиковать, ни тем более остановить их некому¹⁷. И вообще политический ре-

12 См.: SVOLIK M. *Op. cit.*

13 См.: ROSEN S. *War and Human Nature*. Princeton: Princeton University Press, 2005.

14 См.: GLAD B. *Why Tyrants Go Too Far: Malignant Narcissism and Absolute Power* // *Political Psychology*. 2002. Vol. 23. № 1. P. 1–37.

15 Интересные подробности, характеризующие бывшего президента Ирака в качестве политического лидера, см. в докладе: WOODS K., PEASE M., STOUT M., WILLIAMSON M., LACEY J. *Iraqi Perspectives Project: A View of Operation Iraqi Freedom from Saddam's Senior Leadership*. Norfolk: Joint Center for Operational Analysis, 2006.

16 Многочисленные доказательства этого тезиса см. в работе: SNYDER J.L. *Myths of Empire: Domestic Politics and International Ambition*. Ithaca: Cornell University Press, 1991.

17 О психологических аспектах функционирования персоналистских диктатур рассуждают, в частности, Наташа Эзроу и Эрика Франц: EZROW N., FRANTZ E. *Dictators and Dictatorships: Understanding Authoritarian Regimes and Their Leaders*. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2011. (См. перевод одной из глав этой книги, опубликованный в «НЗ»: 2016. № 4(108). (www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyi_zapas/108_nz_4_2016/). – *Примеч. ред.*.)

ализм не входит в число достоинств, украшающих настоящего автократа. Безграничная власть способна превратить человека в своего рода революционера-сокрушителя: такому лидеру, избавленному от ограничений, начинает казаться, что ему все по плечу – и что он готов переустроить всю планету, заставив всех играть по своим правилам. При этом в собственной стране такой «инноватор» порой проповедует самый замшелый консерватизм с устоями и скрепами.

Впрочем, не все специалисты соглашаются с тем, что ставки единоличных диктатур в военных конфликтах выше, чем ставки коллегиальных авторитарных режимов или демократических систем. Как указывают некоторые ученые, абсолютный диктатор распоряжается абсолютным арсеналом средств, позволяющих ему защитить себя даже в случае поражения – причем среди них есть и такие инструменты, которые правителям иного типа попросту недоступны¹⁸. Свободно играя на внутренних элитных противоречиях и сталкивая верхушечные группировки между собой, автократ способен заметно минимизировать угрозы для себя лично, что тоже подтверждается количественными исследованиями¹⁹. Вытекающее отсюда ощущение безнаказанности, присущее неограниченным автократам, позволяет возглавляемым ими диктатурам с большей легкостью провоцировать военные конфликты, чем это делают руководители иных режимов. Вместе с тем то обстоятельство, что потенциальные издержки войны для автократов заведомо ниже, чем для демократических правительств, имеет и обратную сторону: оно позволяет предположить, что при определенных условиях единоличный правитель с большей легкостью улаживает конфликтные ситуации, не доводя их до вооруженного столкновения, поскольку его дипломатические позиции всегда подкрепляются мощной угрозой применения силы, не ограничиваемой ни элитами, ни обществом. Абсолютистская диктатура зачастую – хотя и не всегда – запугивает конкурентов более эффективно, чем диктатуры иных типов.

В заключение вновь обратимся к вопросу, можно ли считать персоналистские автократии более склонными к разжиганию военных конфликтов в сопоставлении с коллегиальными диктатурами-хунтами. В исследованиях, посвященных этой теме, отмечается, что армейское офицерство, на которое приоритетно опираются хунты, во-первых, любую «оперативную обстановку» неизменно видит в более мрачном свете, чем она того заслуживает, а во-вторых, рассматривает силовое реагирование на любой кризис как наиболее рациональную долгосрочную

18 WEEKS J. *Strongmen and Straw Men...*

19 См., в частности: CROCO S., WEEKS J. *War Outcomes and Leader Tenure* // *World Politics*. 2016. Vol. 68. № 4. P. 577–607.

стратегию²⁰. Иначе говоря, военная сила в его глазах необходима и эффективна, намного превосходя по своей действенности дипломатию. Однако, в отличие от диктаторов единоличных, коллективные диктаторы менее защищены от последствий поражения – и поэтому, развязывая войны, вынуждены думать дважды. Иначе говоря, автократы-персоналисты более склонны к инициированию конфликтов, чем коллегиальные диктатуры.

* * *

Предпринятый выше беглый анализ литературы, посвященной взаимосвязи между диктаторской природой власти и ее тяготением к войне, позволяет сделать несколько промежуточных выводов.

Во-первых, авторитарные режимы персоналистского типа наиболее склонны развязывать войны из-за несдерживаемых амбиций автократа, его тиранического психотипа и неготовности окружения снабжать лидера достоверной информацией о соразмерности его ресурсов его устремлениям.

Во-вторых, коллегиальные диктатуры более сдержаны в плане развязывания военных конфликтов из-за того, что в них сохраняются структурные ограничения, диктуемые внутренней неоднородностью подобных правящих коалиций, а также потому, что при такой модели власти группы, которые иницируют войну, позже оказывающуюся провальной, неминуемо наказываются другими элитами.

Наконец, в-третьих, автократы-персоналисты легче переживают поражение, чем коллегиальные диктатуры; даже после него они нередко способны продолжать царствовать и вынашивать реваншистские проекты.

За рамками рассмотрения остался еще один принципиальный вопрос, который тем не менее стоит обозначить эскизно. Поскольку вечных политических форм не бывает, всякой диктатуре когда-нибудь приходит конец. По этой причине политической науке следовало бы с большей тщательностью изучать те возможности преобразований, которые открываются перед какой-нибудь измученной диктаторским правлением страной после его неизбежного краха – будь то из-за внешнего авантюризма или внутренней неумелости.

20 См.: WEEKS J. *Strongmen and Straw Men...*

Символический язык Павла Кузнецова: материалы к словарю

ВАДИМ
МИХАЙЛИН,
ГАЛИНА
БЕЛЯЕВА

В СССР 1950–1960-х годов живопись как профессиональная среда представляла собой пейзаж, достаточно сложный и неоднородный. Сталинский «большой стиль» никуда не делся и, по большому счету, не собирался сдавать позиций – но «дал дорогу молодым», и советское пропагандистское искусство обогатилось оттепельным «суровым стилем». Кроме того, по краям этого поля начали прорастать уже совершенно маргинальные явления вроде белютинской студии или Лианозовской группы: как правило, неведомые широкой публике, но, несомненно, представлявшие интерес для профессионалов как в области изобразительных искусств, так и в области искусствоведения в штатском». Эти люди ничуть не скрывали, что мыслят себя прямыми наследниками «настоящего» русского искусства первой четверти XX века, минуя официозный соцреализм, и что «формализм» и «авангард» для них не клеймо, а наоборот – система ориентиров в поисках собственного стиля. Отдельное явление представляли собой художники, доставшиеся эпохе в наследство от той самой первой четверти XX века – все еще живые и все еще активно работающие. Часть из них еще в сталинские времена успешно встроилась в профессиональную и идеологическую номенклатуру, как Игорь Грабарь,

Вадим Михайлин (р. 1964) – историк культуры, социальный антрополог, переводчик, профессор Саратовского государственного университета.

Галина Беляева (р. 1975) – старший научный сотрудник Саратовского Государственного художественного музея имени А.Н. Радищева, научный сотрудник Лаборатории исторической, социальной и культурной антропологии.

ПОЛИТИКА
КУЛЬТУРЫ

Петр Кончаловский или Сергей Герасимов; у других – таких, как Роберт Фальк, Александр Осмеркин или Павел Кузнецов, – жизнь складывалась сложнее. Посадки и расстрелы – по крайней мере по профессиональным показаниям – в художественной среде практиковались нечасто¹, что никоим образом не отменяло взлетов и падений, и путь от персональной выставки до запрета на преподавание мог быть очень коротким.

Одной из самых интересных фигур в этой, второй, категории был Павел Кузнецов (1878–1968). Во-первых, в силу той роли, которую он сыграл в истории русского живописного модернизма как несомненный лидер сначала символистской «Голубой розы», а потом «Четырех искусств», куда вошли художники, скульпторы и архитекторы модернистской, но не авангардной ориентации. Во-вторых, потому что сами советские неомодернисты – тот же Элий Белютин, – вне всякого сомнения, воспринимали Кузнецова как одного из немногих живых проводников, способных открыть непосредственный доступ в культуру русского экспериментального искусства. Поскольку за прошедшие десятилетия Кузнецов умудрился ни в малой мере не перекарачиться, не изменил тем базовым принципам, на которых строилось его искусство еще в начале века и, судя по всему, на этих же принципах выстраивал свою преподавательскую практику. Концепт «новой реальности», который Белютин сделал основой уже собственных творческих и преподавательских практик, по его же словам, был еще в годы учебы заимствован им у Павла Кузнецова и Аристарха Лентулова². Кроме того, Кузнецов продолжал жить, активно работать и на скандальной Манежной выставке 1962 года предстал не в качестве восковой фигуры, памятника самому себе полувековой давности³, а именно в качестве живого связующего звена с Серебряным веком.

Правда, работал он в достаточно специфическом режиме, полностью сосредоточившись на двух второстепенных с точки зрения советского искусствоведения жанрах, натюрморте и пейзаже – изредка разбавляя их портретами близко знакомых людей, то есть опять же подчеркнута камерными. В этом,

- 1** Экстренное заседание правления МОССХ 23 января 1935 года, посвященное травле художника Николая Михайлова по личной указке Сталина, с резолюцией «Мы советские художники [...] ставим перед государственными органами вопрос о недопустимости пребывания этого мерзавца среди советских граждан» (Михайлов был арестован через четыре дня после заседания); а также дела 1938 года, связанные с латышским обществом «Прометей» и с «боевой террористической группой московских художников», – все-таки скорее исключение, чем правило. См. подробнее: *Стенограмма экстренного заседания правления МОССХ //* *Континент*. 2011. № 148. С. 655–681; Головкина Л. *Художники и Бутовский полигон* (<https://maslovka.org/modules.php?name=Media&aid=251&act=read>).
- 2** Белютин Э. М. *Искусство – в тебе: педагогическая система Э. Белютина*. М.: Новая реальность, 2004.
- 3** Хотя именно в этом качестве он по преимуществу виделся отечественным искусствоведам, предпочитавшим обходить вниманием позднее творчество художника. Сам по себе этот казус поднимает крайне любопытные проблемы: они станут предметом рассмотрения в отдельной работе, которую мы надеемся опубликовать чуть позже.

конечно, можно увидеть симптом угасания большого таланта, как это сделал в свое время Дмитрий Сарабьянов⁴, а можно присмотреться чуть пристальнее и обратить внимание на структурные особенности этих изобразительных текстов, которые – от пейзажа к пейзажу и от букета к букету – построены по одним и тем же принципам и представляют собой вариации на тему одних и тех же сообщений. И попытаться разглядеть системное высказывание.

**ВАДИМ МИХАЙЛИН,
ГАЛИНА БЕЛЯЕВА**

СИМВОЛИЧЕСКИЙ ЯЗЫК
ПАВЛА КУЗНЕЦОВА:
МАТЕРИАЛЫ К СЛОВАРЮ

*Илл. 1. Павел Кузнецов.
«Цветник». 1960-е годы.
Саратовский государственный художественный музей имени А.Н. Радищева (СГХМ). Ж-2028⁵.*

Пожалуй, лучше других помочь в этом может одна из поздних картин Павла Кузнецова, «Цветник» (илл. 1). Если многочисленные букеты и пейзажи, которые художник пишет в 1950–1960-х, по крайней мере демонстрируют видимость работы с наблюдаемой реальностью, то здесь мы сталкиваемся с откровенно автономным набором символических сигналов, находящихся в сложном взаимодействии между собой. Начнем с того, что это некий странный гибрид натюрморта и пейзажа. От натюрморта здесь цветы и общее построение композиции; от прибалтийских пейзажей, которых художник в 1950–1960-е написал множество, – сосны на дальнем плане и яркое небо, контрастное по отношению к цветам. Но вместо привычного букета мы видим полноценный фриз, который четко разделяет и одновременно связывает ближний и дальний планы. Причем опосредующая роль этого фриза дополнительно подчеркнута порталом, расположенным в левой от зрителя части картины: плотная масса цветов расступается и открывает вид на аллею с крохотными фигурками людей.

4 САРАБЬЯНОВ Д.В. *Павел Кузнецов / Павел Кузнецов*. М.: Советский художник, 1975. С. 41.

5 Здесь и далее репродукции картин публикуются с разрешения Саратовского государственного художественного музея имени А.Н. Радищева.

ВАДИМ МИХАЙЛИН,
ГАЛИНА БЕЛЯЕВА

СИМВОЛИЧЕСКИЙ ЯЗЫК
ПАВЛА КУЗНЕЦОВА:
МАТЕРИАЛЫ К СЛОВАРИЮ

Если исходить из законов линейной перспективы, то глубина пространства должна быть очень серьезной: по сравнению с розами, размер этих едва намеченных фигур ничтожен. Хотим мы того или нет, но наш глаз автоматически пытается достроить недостающее пространство и интерпретирует ментальный перескок от масштаба к масштабу как перепад высот, помещая между цветником и аллеей невидимую пропасть. Позволим себе сразу обратить внимание на эту деталь как на один из формальных композиционных принципов, крайне значимых для общей системы видения Павла Кузнецова. Вне зависимости от того, пишет он пейзаж, натюрморт или портрет в интерьере, он выстраивает не плавно разворачивающееся пространство, а последовательность планов, наделенных принципиально разной семантикой.

Еще одна особенность кузнецовской композиции – фланкирование. В «Цветнике» левая от зрителя граница четко обозначена уже упомянутым порталом с аллеей, фигурками и странной архитектурной формой, в которую эта аллея упирается. Правую образует вертикальная линия, восходящая от четко ограниченного коричнево-зеленого пятна, расположенного в правом нижнем углу, к пальме, расположенной в углу правом верхнем. Предметная привязка пятна не очевидна – это может быть как упавший в воду камень, так и сучок, контрастно выделяющийся на полированной деревянной поверхности. В любом случае от него расходятся концентрические линии, задающие горизонтальный вектор движения по прямой, справа налево, вдоль нижнего края картины – с наглядностью едва ли не дорожного указателя, приводящего зрительский глаз ко входу в портал. Вдоль верхнего края идет встречное уравнивающее движение, прописанное за счет клинообразного облака. Правая и левая вертикали, связанные векторами движения, противопоставлены друг другу, как то и положено у Павла Кузнецова: художник на протяжении всей своей жизни играл не только горизонтальными пространственными планами, но и значимыми различиями между правой и левой сторонами изображения.

Сам по себе вопрос о распределении и семантизации правой и левой сторон изображения в европейской традиции слишком сложен, и мы не считаем возможным сколько-нибудь подробно останавливаться на нем в рамках небольшой статьи. Точка зрения, отталкивающаяся «от позиции зрителя» по отношению к изображению, настолько привычна для европейского искусствоведения, что большинство специалистов исходят из нее по умолчанию, никоим образом ее не проблематизируя. В левом нижнем углу устойчиво помещается «точка входа» в картину, так что дальнейшее считывание изображения зрителем следует слева направо, как при чтении «европейского» тек-

ста⁶. В тоже время регулярно дает о себе знать противоположная позиция, исходящая из антропоморфизации самого изображения и так же представляющаяся своим адептам самоочевидной⁷. Не вдаваясь в подробности, мы считаем необходимым оговорить собственную позицию в этом вопросе применительно к анализу изобразительных текстов Павла Кузнецова. Во-первых, правая и левая стороны изображения у этого художника четко семантизированы: на протяжении всего творческого пути он из раза в раз совмещал одни элементы с правой, а другие с левой сторонами. Значимость такого распределения была подтверждена (в личной беседе с одним из авторов) Илларионом Голицыным – художником, который в свое время входил в ближний круг общения Кузнецова. Кроме того, мы будем исходить из представления о том, что правое и левое применительно к работам Кузнецова должны определяться с точки зрения зрителя – в соответствии с общесимволистским восприятием произведения искусства как «портала», дающего возможность выхода из «голубой тюрьмы».

Впрочем, вернемся к «Цветнику». Особого внимания заслуживает и пальма. Во-первых, она «держит» верхний угол, задавая правую вертикаль. Во-вторых, она попросту контринтуитивна, как с точки зрения игры пространственными планами, так и с точки зрения элементарной уместности в некоей – собственной – аномальной зоне между соснами и розами. В-третьих, она имеет выраженную знаковую природу. Едва ли не с первых своих шагов Кузнецов из раза в раз изображает одну и ту же структуру, набор округло-искривленных линий, восходящих из единой точки, которая принимает вид то фонтана, то букета, то пальмы или агавы, а то и вовсе облачного миража в степном небе. Далее мы постараемся показать, что все эти элементы представляют собой цельную систему, единый язык – на котором художник говорил на протяжении всей своей жизни и который нуждается в дешифровке – со своей грамматикой, основанной на связях и разрывах между горизонтальными и вертикальными планами, и со своим словарем, в котором фонтаны, миражи, букеты и женские фигуры суть взаимодополняющие носители символических смыслов.

**ВАДИМ МИХАЙЛИН,
ГАЛИНА БЕЛЯЕВА**

СИМВОЛИЧЕСКИЙ ЯЗЫК
ПАВЛА КУЗНЕЦОВА:
МАТЕРИАЛЫ К СЛОВАРЮ

- 6** См.: WÖLFFLIN H. *Über das Rechts und Links im Bilde* // Münchner Jahrbuch der bildenden Kunst. 1928. № 5. S. 213–224.
- 7** Прежде всего: KANDINSKY W. *Punkt und Linie zu Fläche: Beitrag zur Analyse der malerischen Elemente*. München: Verlag A. Langen, 1926 [рус. перев.: КАНДИНСКИЙ В. *Точка и линия на плоскости*. СПб.: Азбука-классика, 2005. С. 178–179]. И в самом деле, применительно к древнегреческой вазе, антропоморфной, по определению, правое и левое будут однозначно совпадать с правым и левым «ухом» килика. Об особенностях распределения правого и левого в античной вазописи см.: Михайлин В. *Смерть Аякса // Безумие и смерть. Интерпретация культурных кодов*. Саратов: ЛИСКА, 2005. С. 8–49. Точно так же и на любой европейской картине, на которой присутствует изображение человека, правое и левое изобразительные поля будут вполне естественным образом соотноситься с правой и левой руками персонажа – что критически значимо для восприятия общего месседжа, учитывая густой шлейф символических, этических и даже политических значений, сцепленных с понятиями «правое» и «левое».

ВАДИМ МИХАЙЛИН,
ГАЛИНА БЕЛЯЕВА

СИМВОЛИЧЕСКИЙ ЯЗЫК
ПАВЛА КУЗНЕЦОВА:
МАТЕРИАЛЫ К СЛОВАРЮ

В середине 1900-х на нескольких выставках, ключевой из которых стала «Голубая роза» (1907), Павел Кузнецов произвел неизгладимое впечатление на московскую публику (а также петербургскую, парижскую и берлинскую), показав работы, которые представляли собой квинтэссенцию символистского мироощущения. Если его сподвижники по «Голубой розе» – Сергей Судейкин, Николай Сапунов, Анатолий Арапов – сохраняли некоторую преемственность по отношению к более ранним художественным веяниям, по большому счету, переведя мирискуснические галантные празднества в более таинственный и «мистичный» регистр, то Кузнецов отказался от всяческой – по крайней мере внешней – нарративности, от персонажей как «свернутых историй» и от «литературных» пространств. Он пишет мироздание как нескончаемый круговорот рождений и смертей, лишенный рационально постижимого смысла, но достойный любования в каждом конкретном проявлении, предлагает «иероглифический» опыт чтения картины, в каком-то смысле следуя за художниками раннего мистического романтизма вроде Отто Рунге. Самая известная вещь Кузнецова этого периода (известная хотя бы потому, что, в отличие от большинства других, она дошла до нас, а не сгорела на вилле Николая Рябушинского), «Голубой фонтан»⁸ (1905), воплощает это новое видение со всей возможной наглядностью. Любая опознаваемая сущность – сам фонтан как архитектурная форма, водяные струи, фигуры людей, ветви деревьев или пряди тумана – здесь важна не сама по себе, но как носитель текучего и неостановимого движения, чреватого интуитивно постижимыми смыслами. Образ фонтана в достаточной степени прозрачен, поскольку иллюстрирует собой процесс, буквально взывающий к символической интерпретации. Воды земные устремляются ввысь, знаменуя собой возможность выхода из-под власти материи⁹, но затем, подчиняясь неодолимой силе земного притяжения, возвращаются к исходной точке. По сути, перед нами универсальная метафора тщетности любых устремлений, безнадежной и безысходной прикованности человека к миру¹⁰.

8 Государственная Третьяковская галерея (ТТГ). Инв. № 10 231. (Мы не публикуем здесь это изображение по двум причинам. Во-первых, «Голубой фонтан» – хрестоматийное произведение русского искусства, многим известное. Желающие могут освежить воспоминания о нем (или получить о нем представление) на сайте Третьяковской галереи: www.tretyakovgallery.ru/collection/goluboy-fontan/. Во-вторых, получить разрешение на использование этого изображения – задача, требующая немалого времени, которым наш журнал в данный исторический период, увы, не располагает. – *Примеч. ред.*)

9 Напомним, что у Елены Блаватской символика воды как первоматерии включает растворенные и «запертые» в ней начатки Духа, поскольку и сама вода понимается не как H₂O, а как некая мистическая изначальная субстанция. См.: ВЛАВАТСКУЙ Н. Р. *The Theosophical Glossary*. London: The Theosophical Publishing Society, 1892. P. 368; ИДЕМ. *Isis Unveiled*. Wheaton: Theosophy Trust, 2017. P. 135, 153; ИДЕМ. *The Secret Doctrine*. Wheaton: Theosophy Trust, 1993. Vol. I. P. 64.

10 У раннего Павла Кузнецова есть еще один, не менее частотный образ, иллюстрирующий ту же мысль, – чигирь, водяное колесо.

По сути, Кузнецов пишет ту самую «голубую тюрьму»: емкий образ мироздания, который придумал Афанасий Фет и на котором, с его легкой руки, плотно «сидел» весь русский символизм:

Если жить суждено и на свет не родиться нельзя,
Как завидна, о странник почивший, твоя мне стезя! –
Отдаваясь мысли широкой, доступной всему,
Ты успел оглядеть, полюбить голубую тюрьму.

Постигая, что мир только право живущим хорош,
Ты восторгов опасных старался обуздывать ложь;
И у южного моря, за вечной оградой скал,
Ты местечко на отдых в цветущем саду отыскал.

Памяти Н.Я. Данилевского (1886)

Но только в случае Павла Кузнецова мы имеем дело не с раннесимволистской – декадансной, тотально пессимистической – интерпретацией этой метафоры, а с интерпретацией в духе Валерия Брюсова, представителя поколения, к которому, собственно, принадлежал сам Кузнецов. Еще в 1904-м, то есть за год до того, как художник начал писать серию «Фонтанов», Брюсов опубликовал в «Весах» свои «Ключи тайн» – программный текст, во многом определивший понимание места и роли искусства в символистских кругах:

«Глаз обманывает нас, приписывая свойства солнечного луча цветку, на который мы смотрим. [...] Но мы не замкнуты безнадежно в этой “голубой тюрьме” – пользуясь образом Фета. Из нее есть выходы на волю, есть просветы. Эти просветы – те мгновения экстаза, сверхчувственной интуиции, которые дают иные постижения мировых явлений, глубже проникающие за их внешнюю кору, в их сердцевину. Исконная задача искусства и состоит в том, чтобы запечатлеть эти мгновения прозрения, вдохновения»¹¹.

Из этого пассажа следуют сразу две установки, критически значимые для восприятия всего дальнейшего творчества Павла Кузнецова. Первая, вполне очевидная, может быть сведена к образу, предложенному самим Брюсовым: произведение искусства имеет право претендовать на статус произведения искусства только в том случае, когда оно представляет собой «ключ тайн», портал, выход в иное, истинное бытие – либо по крайней мере напоминание, что такой выход возможен. Вторая не столь очевидна, но ничуть не менее важна для Кузнецова. «Цветок» в этом пассаже Брюсова может быть понят не только как обман зрения, но и как прямое напоминание об истинной природе света, как сущность, вписанная в этот мир, но

11 Брюсов В. *Ключи тайн* // Веса. 1904. № 1. С. 19–20.

**ВАДИМ МИХАЙЛИН,
ГАЛИНА БЕЛЯЕВА**

СИМВОЛИЧЕСКИЙ ЯЗЫК
ПАВЛА КУЗНЕЦОВА:
МАТЕРИАЛЫ К СЛОВАРЮ

способная отсылать нас к миру истинному: то есть как символ *par excellence*. Здесь и далее мы будем исходить из представления, что до самой своей смерти в советском 1968 году Павел Кузнецов писал именно это: мир как «голубую тюрьму», из которой есть выход и которая исполнена напоминаний о возможности выхода. Эти напоминания вполне материальны и неотъемлемы от посюстороннего бытия, но умение их отслеживать дает жизни смысл и превращает профессию художника в уникальную возможность: художник становится «специалистом по порталам», и его главная задача в том, чтобы постоянно напоминать себе и другим людям, способным понять, что к чему в этом мире, о том, что мы прикованы к нему не безнадежно и не навсегда. А сами «символически емкие» объекты имеют право и обязаны претендовать на роль предметов любования, одного созерцания которых уже достаточно, чтобы наше пребывание в «голубой тюрьме» стало приемлемым и по-своему счастливым.

Произведение искусства имеет право претендовать на статус произведения искусства только в том случае, когда оно представляет собой «ключ тайн», портал, выход в иное, истинное бытие – либо по крайней мере напоминание, что такой выход возможен.

На протяжении всей своей дальнейшей жизни Павел Кузнецов будет «расставлять дорожные указатели», привлекая внимание к тем единственно значимым объектам, которые имеет смысл замечать на фоне общей «игры материальных сущностей»¹² – ибо игра эта может быть роскошной и многоцветной, но не перестает оставаться миражом. И здесь мы выходим еще на одну позицию, которую обязательно следует принимать во внимание при «чтении» работ Кузнецова. Символистское виденье дает возможность рассматривать техническое совершенство произведения не как достоинство, а как недостаток, отвлекающий от истинного смысла высказывания¹³. Картина, построенная на прямом, максимально достоверном отражении действительности, на самом деле не проясняет, а замутняет восприятие и, следовательно, не является произведением искусства.

12 Термин, пользовавшийся популярностью в кругу саратовских художников-нонконформистов, которым – вне зависимости от очевидных стилистических расхождений – было свойственно в равной степени мистическое, символистское по сути мироощущение и восприятие природы искусства. См.: Лопатин В. *Две выставки (Ю. Лаврентьев, Н.М. Гуцин)* // Волга. 2015. № 8–10. С. 162–169.

13 Точно так же Морис Метерлинк, культовая для русского символизма фигура, выстраивает свой «статичный театр», в котором «интересный» сюжет и актерская игра не мешают зрителю понять природу сообщения.

Итак, наша дальнейшая интерпретация творчества Павла Кузнецова будет исходить из следующих базовых установок. Первая, структурная, предполагает, что всякое изображение, вышедшее из-под руки этого художника, имеет смысл по крайней мере подозревать в том, что оно представляет собой «портал» в другой, истинный, мир или содержит в себе указание на возможность такого выхода. Вторая, предметная, предполагает необходимость вычленять в изображении символически емкие объекты и интерпретировать отношения между ними как основной сюжет картины, по отношению к которому внешний сюжет выполняет роль покровы, отчасти указывая на скрытую смысловую структуру, отчасти ее замутняя. Третья, стилистическая, связана с восприятием «не-жизнеподобия» как результата осознанного выбора в пользу реализма едва ли не в средневековом смысле понятия – как передачи истинной, духовной, сущности мира и составляющих его вещей. И, наконец, установка наиболее общая, мировоззренческая, будет сводиться к тому, что любая периодизация творчества Павла Кузнецова может и должна носить исключительно стилистический характер, поскольку, переходя от манеры к манере, он неизменно оставался верен единой системе восприятия природы бытия, искусства и собственной роли по отношению к тому и другому. Или, в двух словах, к тому, что бывших символистов не бывает.

Вернемся к «Голубому фонтану» 1905 года. На первый взгляд может показаться, что основная вертикальная ось картины совмещена с телом фонтана и, соответственно, сдвинута влево от центра¹⁴. Но, если присмотреться внимательнее, станет очевидно, что ось пролегает там, где ей и следует – по самому центру композиции. Фонтан не просто смещен влево: в правой половине полотна его уравнивает мерцающее, излучающее внутренний свет пятно водяного пара. Причем противопоставляются друг другу не только «материальное» и «эфирное» тела, но и пятна света и тьмы: фонтан старательно затенен, и за счет этого усиливается свечение «эфирного» пятна. Отдельные пряди этого мерцающего марева рифмуются с очертаниями фонтана и ниспадающих водяных струй; тот же ритм подхватывается и плакучими ветвями деревьев, обрамляющими композицию с трех сторон. У основания фонтана – три человеческие фигуры, занятые некой таинственной деятельностью. С уверенностью сказать, что именно они делают, невозможно: все три обрезаны нижним краем полотна и к тому же прописаны предельно условно и обобщенно, а центральная и вовсе едва намечена. Но две фланкирующие фигуры – определенно женские – очевидно сопоставлены и противопостав-

ВАДИМ МИХАЙЛИН,
ГАЛИНА БЕЛЯЕВА

СИМВОЛИЧЕСКИЙ ЯЗЫК
ПАВЛА КУЗНЕЦОВА:
МАТЕРИАЛЫ К СЛОВАРЮ

14 «Фонтан несколько сдвинут влево от центральной оси композиции, и это придает ей особую подвижность и зыбкость»: РУСАКОВА А.А. *Символизм в русской живописи*. М.: Белый город, 2001. С. 221.

ВАДИМ МИХАЙЛИН,
ГАЛИНА БЕЛЯЕВА

СИМВОЛИЧЕСКИЙ ЯЗЫК
ПАВЛА КУЗНЕЦОВА:
МАТЕРИАЛЫ К СЛОВАРЮ

лены между собой и, судя по всему, возлагают венок из белых цветов на голову третьей. У одной лицо полностью затенено¹⁵, у другой – подсвечено призрачным бликом (в форме полумесяца) от светящегося туманного пятна. За каждой из них помещен еще один персонаж, редуцированный до головы, по всей видимости, младенческой¹⁶.

Если вспомнить, что и для Кузнецова, и для русского живописного символизма в целом «Голубой фонтан» представлял собой программное высказывание, то у нас есть достаточные основания воспринимать внутренний сюжет картины как связанный с процедурой инициации в «истинное зрение», которое, собственно, и делает человека художником, вне зависимости от того, чем он занят в жизни. В этом случае коронуемый двумя аллегорическими сущностями «художник»¹⁷ превращается для зрителя в «точку подключения», в посредника, способного помочь настроить систему восприятия бытия. Данная интерпретация подкрепляется еще и тем обстоятельством, что в определенной мере кузнецовский «Голубой фонтан» является иллюстрацией к сновидческой сцене инициации героя в сюжет духовного поиска из «Гейнриха фон Офтердингена»: этот роман Новалиса был крайне значим для русского символизма¹⁸, и, собственно, с легкой руки не то Валерия Брюсова, не то Андрея Белого само название выставке и группе «Голубая роза» было придумано именно как отсылка на новалисовский «голубой цветок»¹⁹.

Женские фигуры, фланкирующие персонажа, который проходит инициацию²⁰, дублируют сопоставление и противопо-

15 Отдельный сигнал дает тонкая световая окантовка по левому верхнему контуру головы и руки – но об этом ниже.

16 Тема, невероятно значимая для раннего Кузнецова, для которого акт рождения, судя по всему, был одной из немногих значимых точек, дающих возможность заглянуть за границу между мирами. Неслучайно одной из рабочих площадок для художника в первой половине 1900-х стали родильные дома – увлечение, воспринимавшееся некоторыми его современниками как чудачество. Таким же чудачеством казалась и страсть к изображению «большеголовых уродцев» на полотнах «голуборозовского» периода, причем в семантически значимых позициях. Любопытно, что на другом конце Европы одновременно с Кузнецовым, который пишет свои напичканные «уродцами» символистские «Фонтаны», «Утра» и «Рождения», Морис Метерлинк – ключевая фигура европейского символизма – придумывает мир нерожденных младенцев для своей «Синей птицы»; кстати, мир, так же не располагающий зрителя к умиленным реакциям.

17 Или «коронуемая душа», если воспринимать фигуру как женскую. О структуре символистского живописного портрета см.: LANELMA M. *The Symbolist Aesthetic and the Impact of Occult and Esoteric Ideologies on Modern Art // Approaching Religion*. 2018. Vol. 8. № 1. P. 31–47.

18 См. в этой связи: BOWLT J. *The «Blue Rose» Movement and Russian Symbolist Painting*. Ph.D. thesis. St. Andrews: University of St. Andrews, 1972. P. 211–212.

19 См.: РУСАКОВА А.А. *Указ. соч.* С. 260–261.

20 Напомним, что в самом начале «Гейнриха фон Офтердингена» протагонист видит сон; он входит в пещеру и попадает в обширный зал; в центре которого из земли поднимается золотой луч света, похожий на фонтан, который, почти достигнув потолка, рассыпается затем – подобно фонтану же – на множество искр, а те падают в большой бассейн. Стены пещеры светятся голубоватым светом. Далее протагонист совершает действие откровенно инициационного характера, причем инициация эта густо эротизирована и прямо связана с женскими образами. Он смачивает губы содержимым бассейна, затем раздевается и погружает в него, после чего вокруг начинают гущаться некие образы, которые обретают плоть и прижимаются

ставление двух основных пятен – материального и эфирного, темного и светлого. Определенную проблему для интерпретации представляет то обстоятельство, что символическое распределение правого и левого здесь противоречит устойчивой привязке материальных аспектов бытия к правой от зрителя стороне изображения, а духовных – к левой. Здесь же материальное и затененное «тело» фонтана как раз находится слева, а его светящееся эфирное соответствие – справа от зрителя. Но это парадокс мнимый. Мы имеем дело со вполне осознанной игрой, рассчитанной на то, чтобы продемонстрировать зрителю неистинность мира, в который он заключен. Внимательный взгляд на картину позволяет понять, что свечение не является эссенциальной характеристикой туманного пятна: туман всего лишь проводит через себя свет, исходящий от внешнего источника, вынесенного за пределы изображения. Под верхней чашей фонтана четко обозначена линия тени, и, если проследить направление луча, образующего эту тень, мы обнаружим, что свет исходит из некоей точки, расположенной по ту сторону «занавеса», образуемого ветвями деревьев, и на фонтан он падает сквозь веретенообразный проем в занавесе, у левого края картины²¹. Свет посястороннего мира обманчив: сосредоточившись на нем, наблюдатель утрачивает возможность понимания того, что бытие не ограничено рамками материальной реальности, принимает кажимость за истину. И наоборот: «восстановив» для себя истинный – не видимый невооруженным глазом – внешний источник света, зритель расширяет рамки восприятия и начинает понимать природу символистской картины. Искусство академическое или искусство реалистическое, которые настаивают на внешнем подобию, пытаются замкнуть зрительское восприятие на самом предмете созерцания и на его соотносительности с наблюдаемым миром, предлагают ложную систему восприятия. Истинное произведение искусства выполняет роль портала, переадресуя зрителя к реальности высшего порядка, по отношению к кото-

ВАДИМ МИХАЙЛИН,
ГАЛИНА БЕЛЯЕВА

СИМВОЛИЧЕСКИЙ ЯЗЫК
ПАВЛА КУЗНЕЦОВА:
МАТЕРИАЛЫ К СЛОВАРЮ

к нему, «как нежная грудь», и светящаяся субстанция оказывается полна растворенных в ней девичьих тел, которые, прикоснувшись к герою, обретают плоть. («Ein unwiderstehliches Verlangen ergriff ihn sich zu baden, er entkleidete sich und stieg in das Becken. Es dünkte ihn, als umflösse ihn eine Wolke des Abendroths; eine himmlische Empfindung überströmte sein Inneres; mit inniger Wollust strebten unzählbare Gedanken in ihm sich zu vermischen; neue, niegesehene Bilder entstanden, die auch in einander flossen und zu sichtbaren Wesen um ihn wurden, und jede Welle des lieblichen Elements schmiegte sich wie ein zarter Busen an ihn. Die Flut schien eine Auflösung reizender Mädchen, die an dem Jünglinge sich augenblicklich verkörperten»: NOVALIS. *Heinrich von Ofterdingen* (www.lernhelfer.de/sites/default/files/lexicon/pdf/BWS-DEU2-0102-10.pdf)). В конце этого же сна Гейнрих видит растущий у воды волшебный голубой цветок с девичьим лицом.

- 21** Проем дублируется сходным по форме и цвету пятном в светящемся эфирном облаке. Та же форма неоднократно повторяется и в других частях изображения, она угадывается в сплетениях ветвей, в ниспадающих струях воды и в общем движении той призрачной материи, которая является системообразующей для «Голубого фонтана». Но только эти два пятна четко соотносены между собой и создают очевидный ритмический рисунок.

рой сам акт творчества становится подобен жесту открывания двери или окна.

Итак, попытаемся привести общий смысл этого высказывания к некоему «внутреннему», символическому нарративу. Сюжет картины отталкивается от сцены инициации в левой нижней части. Та же группа фигур становится основанием для фонтана как такового: физической конструкции, которая запускает круговорот первоматерии. В понимании традиционного европейского оккультизма этот круговорот символизирует встречу и взаимодействие двух разнонаправленных сил²²: нисходящих (эманаций небесного Духа) и восходящих (устремлений духа, «привязанного» к материи, воплощением которого является человек)²³. Если бы на картине Павла Кузнецова не было ничего, кроме сцены посвящения и фонтана, то смысл инициации сводился бы к постижению духовных законов, управляющих материальным миром, – как скорее всего дело и обстояло в первоначальном замысле, о котором мы можем судить по сохранившемуся эскизу²⁴. Но в окончательном варианте картины мы имеем дело с гораздо более сложным высказыванием. Понимание правил, которые определяют существование посюстороннего мира, из самоцели превращается в промежуточную ступень на пути к главной цели – выходу в иное измерение.

22 И в этом смысле символика фонтана параллельна одному из значений Соломоновой печати.

23 Сюжет, обозначенный у Генона (Генон Р. *Символы священной науки*. М.: Беловодье, 2002. С. 389–392) и с его легкой руки ставший одним из базовых в традиции *New Age*, в том числе и позднесоветской; см.: Михайлин В. *Знаки на стене: первый фильм Андрея Тарковского и советский New Age* // Неприкосновенный запас. 2021. № 2(136). С. 131–161.

24 См. эскиз к картине «Голубой фонтан» (1905) из собрания В.А. Дудакова и М.К. Кашуро: *Русский символизм. Из частных собраний*. М.: Галарт, 2005. № 32. «Исходное» высказывание было гораздо более прямым и дидактичным. Изображение состоит из трех строго разграниченных планов. Передний, с той самой сценой инициации, выделен в экфрастическую рамку, предельно наглядно организуя мостик между воображением зрителя и пространством картины. Средний план включает фонтан с группой танцующих путти в качестве основания и еще двумя парящими фигурками младенцев, которыми жонглируют струи фонтана, а те в свою очередь играют с этими струями. От дальнего – верхнего – плана средний отделен плотным растительным фризом. Верхний занят огромным солнечным диском со вписанным в него лунным полумесяцем – причем фонтан проникает растительный «горизонт» и приносит частицы солнечного света на средний план вместе с падающей водой. Изображение строго организовано вокруг центральной оси, совпадающей с фонтаном, который соединяет голову посвящаемого и небесные светила. Общая композиция является прямой отсылкой к мистическому циклу Отто Рунге «Времена дня» (1802–1810) – вплоть до деталей вроде троих танцующих путти в центре, сквозь которых бьет фонтан. Окончательный вариант картины подчеркнуто отходит от заданного Рунге (и также вдохновленного Новалисом) прототипа. См. в этой связи: CONNELLY F.S. *Poetic Monsters and Nature Hieroglyphics: The Precocious Primitivism of Philipp Otto Runge* // *Art Journal*. 1993. Vol. 52. № 2. P. 31–39.

Грех не вспомнить здесь и про бальмонтское «Будем как солнце», особенно если учесть, что Бальмонт был крайне значимой фигурой для саратовских околосимволистских контекстов. Так, в программе последнего заседания «Саратовского английского клуба», включавшего близких друзей Виктора Борисова-Мусатова, 1 декабря 1903 года значилось целое отделение, названное «Будем как солнце» (см.: Шилов К.В. *Борисов-Мусатов*. М.: Молодая гвардия, 2001. С. 312). А менее чем через два месяца, 24 января 1904 года, в Саратовском музыкальном училище по инициативе Михаила Бужиника, члена того же «Английского клуба», состоялся вечер «Нового искусства», в котором участвовали и Константин Бальмонт, и Павел Кузнецов (см.: Саратовский дневник. 1904. № 22. 28 января).

«Голубой фонтан» дает нам набор значимых символических элементов, базовых для того живописного языка, на котором Павел Кузнецов будет говорить до конца жизни. Эти элементы могут трансформироваться, передавая от формы к форме структурную роль и смысловое наполнение. Восходящие в ожидании неизбежного падения струи фонтанов сначала уступят место – в «степной» и «бухарской» сериях – облачным миражам и призрачным архитектурным формам; затем, начиная с той же «бухарской» серии, одним из главных претендентов на соответствующую символическую нишу станет букет, добавив к общему смысловому коктейлю еще и брюсовскую семантику цветка как проводника солнечного света. Здесь же появятся и призрачные акации, роскошно неуместные посреди степных пейзажей: традиционный масонский символ вечного круговорота жизни и смерти, поскольку акация сбрасывает умершие листья и растит на их месте новые непрерывно, круглый год. Позже в роли фонтанов начнут выступать яблони, пальмы и агавы – последние, возможно, в качестве своеобразного оммажа агавам Виктора Борисова-Мусатова, который когда-то, еще в саратовские времена, дал Кузнецову возможность впервые заглянуть во вселенную символизма.

**ВАДИМ МИХАЙЛИН,
ГАЛИНА БЕЛЯЕВА**

СИМВОЛИЧЕСКИЙ ЯЗЫК
ПАВЛА КУЗНЕЦОВА:
МАТЕРИАЛЫ К СЛОВАРЮ

**Истинное произведение искусства выполняет
роль портала, переадресуя зрителя к реальности
высшего порядка, по отношению к которой сам акт
творчества становится подобен жесту открывания
двери или окна.**

Скрытые от зрительского глаза источники света продолжают исполнять роль структуро- и смыслообразующих центров, чье присутствие в изобразительном поле будет считываться исключительно через блики и отражения на физических объектах. В этой роли выступает, как правило, солнце, а вот тот способ, которым оно в каждом конкретном случае избегает прямого контакта со зрительским глазом, варьируется с достаточной степенью разнообразия. Где-то, как в поздних балтийских пейзажах, оно будет вполне обыденно прятаться в облаках, никогда не сплошных, с непременными прорехами, через которые свет продолжит доходить до написанного на полотне мира. Где-то, как в гурзуфских пейзажах начала 1950-х, в ярко освещенном южном ландшафте на линии, которая должна соединять солнце и глаз наблюдателя, услужливо встанет торчащая из моря одинокая скала. Которую – для наглядности – на одной из таких картин художник сопроводит

**ВАДИМ МИХАЙЛИН,
ГАЛИНА БЕЛЯЕВА**

СИМВОЛИЧЕСКИЙ ЯЗЫК
ПАВЛА КУЗНЕЦОВА:
МАТЕРИАЛЫ К СЛОВАРИЮ

агавой, подчеркнута организующей вертикальную ось и не менее подчеркнута проникающей в горние, залитые истинным светом, сферы. А где-то, как на роскошной «Киргизке с барашком»²⁵, свет и вовсе перестанет тесниться своей мистической, потусторонней природы. Впрочем, «Киргизку» художник напишет еще в 1914 году, а во времена, более поздние, не расположенные к мистике, он чаще всего будет просто оставлять солнце за кадром.

Не менее прихотливо Павел Кузнецов будет расставлять и порталы. В уже упомянутой «Киргизке с барашком» выход в иную реальность предстанет в виде целого строя призрачных архитектурных форм. В «Отдыхе» (1925) (илл. 2) он будет выглядеть как проем между составленными снопами. В сугубо производственных, написанных в целевой творческой командировке «Фермах моста» (1934–1935) (илл. 3), роль портала будет играть гигантская стальная конструкция, расположенная в левой части полотна таким образом, чтобы увести взгляд зрителя в золотисто-голубую даль по ту сторону индустриального пейзажа. «Окно. Кисловодск» (1936) (илл. 4) использует в том же качестве оконный проем, странным образом лишенный стекла в левой своей половине – как и в написанной незадолго до смерти «Террасе» (1966–1967)²⁶, с распахнутым окном в середине картины.

*Илл. 2. Павел Кузнецов.
«Отдых». 1925 год.
СГХМ. Ж-2151.*

25 Приморская государственная картинная галерея. Инв. № Ж-319.

26 СГХМ. Ж-2021.

**ВАДИМ МИХАЙЛИН,
ГАЛИНА БЕЛЯЕВА**

СИМВОЛИЧЕСКИЙ ЯЗЫК
ПАВЛА КУЗНЕЦОВА:
МАТЕРИАЛЫ К СЛОВАРЮ

*Илл. 3. Павел Кузнецов.
«Фермы моста». 1934–
1935 годы. СГХМ. Ж-1766.*

*Илл. 4. Павел Кузнецов.
«Окно. Кисловодск».
1936 год. СГХМ. Ж-1678.*

**ВАДИМ МИХАЙЛИН,
ГАЛИНА БЕЛЯЕВА**

СИМВОЛИЧЕСКИЙ ЯЗЫК
ПАВЛА КУЗНЕЦОВА:
МАТЕРИАЛЫ К СЛОВАРЮ

*Илл. 5. Павел Кузнецов.
«Азовсталь. Плавка
чугуна». 1936 год. СГХМ.
Ж-1768 (инвентарный
номер второго вариан-
та: Ж-2019).*

Игра правой и левой сторонами изображения как семантизированными полями также останется устойчивым мотивом. В кисловодском «Окне» свободный левый проем открывает вид на уходящую вдаль дорогу; при этом правая створка окна едва приоткрыта, и за ней – плотная ширма из зелени, да еще и замутненная стеклом. В «Бухарском натюрморте» (1913)²⁷ правая сторона композиции безнадежно «замурована», а слева оставлен проем в положенную золотисто-голубую даль, сквозь который в изобразительное поле проникает ослепительный свет из положенного внешнего источника, скрытого за темной архитектурной формой. В «Балконе» (1918)²⁸ по обе стороны от центрального, пронизающего пространственные планы сосуда стоят два одинаковых бокала, но правый пуст, а левый по самым краям наполнен кристально чистой водой. В обоих вариантах «Плавки чугуна» (илл. 5), написанных на «Азовстали»

27 Собрание В.Г. Богорова (№ 188 по: Будкова Л.А. *Каталог*. М.: Советский художник, 1975. С. 278–406). СГХМ. Ж-1679.

28 Астраханская картинная галерея имени Б.М. Кустодиева. Инв. № АКГ Ж-411.

в середине 1930-х, единственный выход из индустриального ада (с котлами, дымом и раскаленным металлом) расположен, как то и должно, слева – и открывает вид на безмятежный солнечный пейзаж. В ряде случаев – как в «Бухарском натюрморте» (1913) или на портрете Елены Бебутовой (1920)²⁹ – распределение смыслов между правым и левым происходит за счет цвета, что ничуть не удивительно для Павла Кузнецова, который вошел в историю отечественной живописи как колорист *par excellence*.

Еще более устойчивая, едва ли не универсальная для Кузнецова композиционная схема связана с игрой семантизированными планами. Достаточно рано, еще в «бухарский» период первой половины 1910-х, он принципиально интериоризирует ближний план, превращая его в интимное пространство и противопоставляя плану второму, в котором всячески подчеркиваются качества условности, кажимости, неистинности. В серии натюрмортов второй половины 1910-х эту позицию может занимать призрачный городской пейзаж, а может – и просто ширма или декоративный поднос. Этот принцип станет основополагающим для натюрмортов уже советского периода: здесь будут неперемный подоконник, стол перед окном или балюстрада на террасе с «проникающими планами» букетом или фруктами, а по ту сторону границы – пейзажное море с отсутствующим или скрытым источником света. Посюсторонний мир может быть разнообразен и наполнен предметами, достойными любования, но он был и остается «голубой тюрьмой», и жизнь в нем – только сон.

Эту тему Кузнецов активно разрабатывает еще в «степной» период, создавая волшебный мир, погруженный в состояние непрерывного золотого сна под сапфирно-синим куполом неба, рифмующимся с куполами юрт. Обитатели этого мира могут быть непосредственно погружены в сон на фоне узорчатых ширм, как в «Спящей в кошаре» (1911)³⁰, или на фоне юрт и небесных «фонтанов», как в «Мираже в степи» (1912)³¹, а могут «спать на ходу», занятые одинаково неторопливой и одинаково символически емкой деятельностью, – как персонажи саратовских «В степи. Мираж» (1911)³² и «Степь» (1910-е)³³. В советской картине середины 1920-х, в «Отдыхе», тем же сном будет спать уже совершенно русская, «венедиановская» крестьянка, на фоне «юрты» из золотых колосьев – правда, здесь все-таки появится портал.

29 Собрание А.Ф. Чудновского (№ 353 по каталогу: Будкова Л.А. *Указ. соч.*).

30 ГГГ. Инв. № 4828.

31 ГГГ. Инв. № 5961.

32 СГХМ. Ж-384.

33 СГХМ. Ж-625.

**ВАДИМ МИХАЙЛИН,
ГАЛИНА БЕЛЯЕВА**

СИМВОЛИЧЕСКИЙ ЯЗЫК
ПАВЛА КУЗНЕЦОВА:
МАТЕРИАЛЫ К СЛОВАРЮ

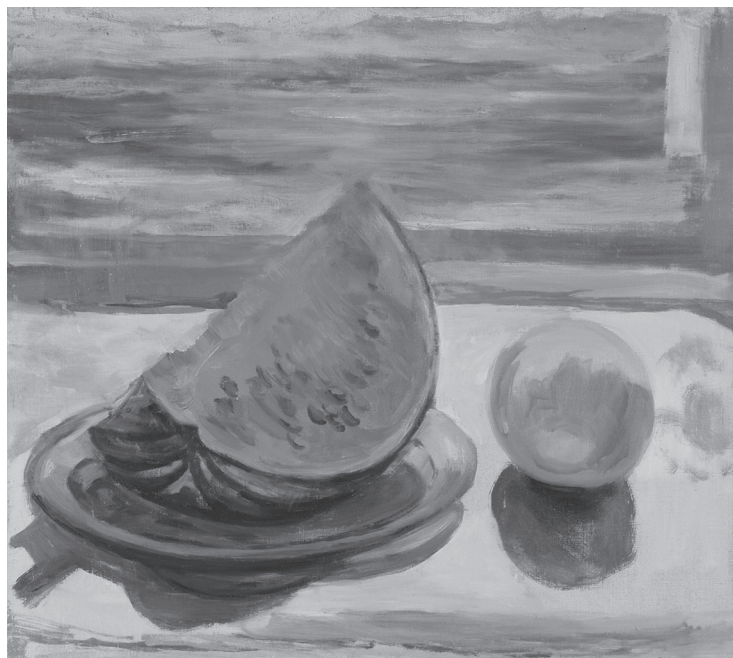
Вода – ключевая символическая стихия для раннего Павла Кузнецова, наполняющая разнообразными смыслами физические тела фонтанов и чигирей, – также продолжает «работать» на протяжении всей его творческой жизни. Поначалу он склонен замыкать свои «воды земные» в овальные бассейны, прямо отсылающие к прецедентному для саратовцев³⁴ «Водоему»³⁵ Виктора Борисова-Мусатова: впрочем, форму эту Кузнецов использует и в более поздние времена. В «степной» период полки для скота – обязательный атрибут символических сцен, маскирующихся под пейзажи и жанровые картины, – дополняются кувшинами, которые активно включаются в общую игру смыслов, а затем переключаются в натюрморты и портреты. В середине века Кузнецов начинает активно работать с обширными водными пространствами, прежде всего морскими. Устойчивый прием здесь – перенос границы миров. Линия горизонта, разделяющая воду и небо, скрадывается, так что дальний план превращается в сплошную игру цветовых пятен и бликов света, исходящего от солнца, скрытого за пределами изображения, причем вода и воздух, «материя» и «эфир» становятся практически неразличимы между собой. При этом жестко прописывается граница (край подоконника, стола или балюстрады) между передним, интимным, планом и «миром» за его пределами. А в этой жесткой границе достаточно регулярно возникает «точка пробоя» – за счет физического объекта, задающего вертикальную ось, – обеспечивая проницаемость бытия и обмен смыслами между разными его уровнями.

Наглядный пример такой композиции нам дает «Натюрморт с арбузом» (начало 1950-х)³⁶ (илл. б). На картине два плана, со всей возможной наглядностью разделенные нижней рамой окна. Дальний – занят морским пейзажем с линией горизонта, обозначенной ровно так, чтобы создавать ощущение глубины пространства, но при этом подчеркивать игру подобиями между небом и поверхностью моря. Это пространство прописано длинными горизонтальными мазками, подчеркивающими его текучесть и стихийность, смешанными цветами с преобладанием холодных и темных тонов, но с яркими «солнечными» бликами желтого. Передний план, напротив, предельно геометричен и лапидарен. Здесь, на залитой ярким теплым светом поверхности стола, стоит стеклянная тарелка с четвертинкой разрезанного вдоль арбуза и лежит небольшая дыня. Свет вполне ожидаемо исходит из невидимого внешнего источника. Насыщенные и четко отграниченные друг от друга цветовые пятна здесь являются неотъемлемой характеристикой чистых

34 Помимо Кузнецова – для Кузьмы Петрова-Водкина и Петра Уткина.

35 ГТГ. Инв. № 5603.

36 СГХМ. Ж-2047.

**ВАДИМ МИХАЙЛИН,
ГАЛИНА БЕЛЯЕВА**

СИМВОЛИЧЕСКИЙ ЯЗЫК
ПАВЛА КУЗНЕЦОВА:
МАТЕРИАЛЫ К СЛОВАРЮ

*Илл. 6. Павел Кузнецов.
«Натюрморт с арбузом».
Начало 1950-х годов.
СГХМ. Ж-2047.*

геометрических форм – треугольников, кругов, овалов. Это пространство гармонии, ясности и тепла – в отличие от холодного и хаотичного пространства по ту сторону оконного проема. Строго по центральной вертикальной оси изображения дальняя – треугольная – оконечность арбуза пробивает границу между планами, вторгаясь в хляби морские и, с одной стороны, привнося в них геометризанный кусочек теплого яркого цвета, а с другой, – «заражаясь» от стихии грязноватым пятном тени. Итак, перед нами формула, описывающая порядок разных уровней бытия: предельно комфортного и понятного «мира внутри», где живут плоды земные – и внешней стихии, причем «золотой» свет достается обоим этим мирам, хотя в разной степени и по-разному.

Фрукты и вазы с фруктами организуют у Кузнецова точку «контакта между мирами» достаточно регулярно, но чаще в этой роли выступают букеты, которые, как и было сказано выше, еще в 1910-е приняли эстафету от фонтанов и миражей. В тех случаях, когда дальний план представляет собой некое марево, образованное игрой цветовых пятен, смысл букета очевиден: это структура, которая дает возможность настроить способ видения мира. Это организованный набор смыслов, чистых форм и цветов, помогающий не запутаться во внешнем хаосе, а превратить его в предмет любования и поле для самостоятельной игры формами, цветами и смыслами. Тот же принцип сохраняет действенность и в натюрмортах с пейзаж-

ВАДИМ МИХАЙЛИН,
ГАЛИНА БЕЛЯЕВА

СИМВОЛИЧЕСКИЙ ЯЗЫК
ПАВЛА КУЗНЕЦОВА:
МАТЕРИАЛЫ К СЛОВАРИЮ

ным дальним планом. Художник может «вылепить» из цветного марева пространство большей или меньшей глубины, может оформить цветовые пятна с большей или меньшей степенью сходства с реальными объектами, но способ видения останется прежним. В этой связи нельзя не вспомнить историю, рассказанную одному из авторов Илларионом Голицыным. Сидя на террасе санатория с видом на море, Павел Кузнецов обратил внимание собеседника на стоящий перед ними – в классическом кузнецовском положении «посредника» между пространственными планами – букет и на плывущий по морю теплоход. Когда теплоход «сел верхом» на букет, художник сказал: «Вот тут-то и нужно его писать». Совет парадоксальный, ибо он в корне противоречит школьным основам композиции, – но совершенно логичный для Кузнецова, поскольку именно такое соотношение форм и пятен позволило бы подчеркнуть условность пространства и общую «кажимую» природу реальности³⁷.

Демонстративно функциональную роль букет выполняет и на уже упомянутой картине «Окно. Кисловодск» (1936). Напомним, что в ней подчеркнута противопоставлены друг другу две половины окна: правая, меньшая по размеру и «загроможденная» сложной архитектурной подоконника и приоткрытой рамы, и левая, большая по размеру, открытая настежь. По большому счету, речь идет о противоположных способах видеть мир. Один – многоступенчатый, опосредованный и замутненный стеклом – дает лишь узкую щель, за которой взгляд упирается в непреодолимую зеленую преграду, живо напоминающую о растительном фризе в «Голубом фонтане». Другой – непосредственный, совмещенный с порталом в левой стороне изображения и дающий выход на открытую перспективу, которая дополнительно подчеркнута уходящей вдаль дорогой. Букет стоит ровно на той границе, где должно было бы находиться стекло, подчеркивая его отсутствие и давая зрителю понять, что его взгляд ничем не ограничен и не опосредован. Именно букет является главным героем всей картины. Он расположен в силовой позиции – в левом нижнем углу, то есть примерно там же, где в «Голубом фонтане» Кузнецов поместил голову посвящаемого. А еще это самое яркое пятно на полотне, моментально привлекающее к себе внимание за счет того, что прописано насыщенным красным цветом, который во всей остальной композиции отсутствует.

37 Этот кузнецовский тезис можно почти буквально проиллюстрировать как минимум двумя его работами. Во-первых, этюдом «В Крыму» (1953. СГХМ. Ж-1910), где «торчащий» в море сегмент арбуза уравновешен с двух сторон наплывающим на него силуэтом яхты и той самой торчащей из моря скалой, которой он обычно закрывал солнце на гурзуфских пейзажах. А во-вторых, картиной «Корзины с яблоками» (конец 1930-х. СГХМ. Ж-2138), где согбенный силуэт работницы на дальнем плане таким червячком вылезает из корзины с яблоками, стоящей на плане переднем, – в полном, опять же, противоречии с тем, чему учат в художественных школах.

Из того, что композиционный принцип с фонтаном / букетом / плодами земными в качестве центральной вертикальной оси, организующей изображение и задающей способ видения, является для Павла Кузнецова основополагающим, вовсе не следует, что художник не готов использовать его в ироническом модусе. Достаточно взглянуть на «Капусту» (1932)³⁸. Это по-своему программное высказывание, связанное с неизбежной для начала 1930-х переоценкой собственного места в радикально изменившейся действительности. Доминирующая в общем изобразительном поле «героиня» – огромная капуста – одновременно организует две геометрические структуры. Помимо вертикальной оси, посредничающей между разными планами, это еще и структура пирамидальная, треугольник, направленный вершиной вверх: стандартный в искусстве начала века символ Микрокосма и/или Первоматерии, «прорастающей» семенами Духа. При этом дальний план представляет собой автопародию на степную серию – с юртами, которые вполне шутовским манером «перяжены» в стога и крестьянские избы, – а центральное место в нем занимает совершенно нехарактерная для Кузнецова жанровая сценка с крестьянкой, которая замахивается хвостиком на корову; причем на корову это не производит никакого впечатления, она спокойно стоит на месте³⁹. Перед нами совершенно ерническая трансмутация голубой розы в общественно-полезный продукт. Причем шутка художнику, судя по всему, настолько понравилась, что в 1930-е годы капуста превратилась едва ли не в фирменный его знак, этакий иероглиф, который время от времени дает ключ к пониманию более сложных высказываний: как во внешне непритязательном пейзаже «Капуста на даче» (1939) (илл. 7), где плотный, прописанный холодными тонами и в подчеркнута брутальной экспрессионистской манере капустный фриз отделяет пространство зрителя от залитого волшебным золотым светом бу-

ВАДИМ МИХАЙЛИН,
ГАЛИНА БЕЛЯЕВА

СИМВОЛИЧЕСКИЙ ЯЗЫК
ПАВЛА КУЗНЕЦОВА:
МАТЕРИАЛЫ К СЛОВАРЮ

38 ГТГ. Инв. № 20 824.

39 Позволим себе – в качестве чистой воды исследовательского хулиганства – предложить для этого сюжета вполне «бытовой» интерпретативный контекст. Как раз в 1932 году Павла Кузнецова выдвинули в правление свеже созданного МОССХа. К роли «носовой фигуры» в художественном объединении ему было не привыкать, но и в «Голубой розе», и в «Четырех искусствах», несмотря на все несходство творческих манер, члены объединений придерживались если не близких, то по крайней мере совместимых между собой взглядов на природу творчества и на профессиональные функции художника. Здесь же Кузнецову предстояло вариться в одном котле – и на равных правах – не только с такими оголтелыми АХРовцами, как Павел Радимов, Евгений Кацман и Алексей Вольтер, но и с откровенным принципиальным и агрессивным дилетантом Василием Точилкиным, председателем бывшего ОХС (Объединение художников-самоучек). Понятно, что летом 1932 года, когда создавался МОССХ, роль унифицированных творческих союзов в СССР как механизма контроля за соответствующими средами могла просматриваться разве что приблизительно, а термин «соцреализм» существовал пока еще на правах маргинального неологизма. Но сцена с коровой, которую пытаются загнать в стойло, а она сохраняет полный покой (да еще и в центре композиции), уж слишком нехарактерна для Павла Кузнецова. У которого – на протяжении всего 70-летнего творческого пути – вообще нет ни единой сцены насилия. Кроме этой.

**ВАДИМ МИХАЙЛИН,
ГАЛИНА БЕЛЯЕВА**

СИМВОЛИЧЕСКИЙ ЯЗЫК
ПАВЛА КУЗНЕЦОВА:
МАТЕРИАЛЫ К СЛОВАРЮ

*Илл. 7. Павел Кузнецов.
«Капуста на даче».
1939 год. СГХМ. Ж-1687.*

колического пространства на дальнем плане – теплого и предельно интимизированного.

Судя по всему, ирония начиная с 1930-х превращается в один из модусов профессионального существования Павла Кузнецова. Возможно, именно этим объясняется факт, неоднократно ставивший в тупик как искусствоведов, так и простую публику: параллельно с рождением соцреализма Павел Кузнецов, заслуженный деятель искусств РСФСР, внезапно «разучивается» рисовать. Причем это его новое неумение не касается цветов, деревьев, овощей, пейзажей и портретов любимой женщины. Но вот с фигурами советских людей – пионеров, физкультурников, бойцов Красной армии – время от времени происходит что-то катастрофическое. Кузнецов, который за два десятилетия до этого создавал изысканные графические серии, начинает выставлять полотна вроде «Футбола» (1931)⁴⁰ (илл. 8), «Пушбола» (1931)⁴¹, «В пионерском лагере» (конец 1930-х)⁴² или «Двойного портрета» (1937–1938)⁴³ с диспропорциональными фигурами, застывающими в нелепых позах. При этом с чисто колористической точки зрения картины остаются вполне «кузнецовскими»: складывается впечатление, что на глазах у зрителя в гармоничный красочный мир происходит вторжение уродов.

То, что начиная с 1930-х у Кузнецова ирония выступает в сочетании с деформацией человеческих фигур, по большому

40 СГХМ. Ж-2156.

41 ГТГ. Инв. № 22 523.

42 СГХМ. Ж-2145.

43 СГХМ. Ж-2013.

**ВАДИМ МИХАЙЛИН,
ГАЛИНА БЕЛЯЕВА**

СИМВОЛИЧЕСКИЙ ЯЗЫК
ПАВЛА КУЗНЕЦОВА:
МАТЕРИАЛЫ К СЛОВАРЮ

Илл. 8. Павел Кузнецов.
«Футбол». 1931 год.
СГХМ. Ж-2156.

счету, удивления вызывать не должно. Напомним об установке, которая, с нашей точки зрения, весьма значима для восприятия его творчества в целом: проблема жизнеподобия, по большому счету, для него всегда была нерелевантна. В отличие от того же Ивана Владимировича, он не писал карикатур на советских людей, поскольку для него как для символиста искусство в принципе обладало иным функционалом. Скорее он, как всегда, просто-напросто играл планами и модусами изображения. Если зрителю угодно искать на «Двойном портрете» пионеров, он найдет цирковых уродов. Если же он готов наслаждаться цветным круговоротом бытия, то нелепые фигурки с готовностью превратятся в носителей цветowych пятен, включенных в общую гармонию. Карикатура, если и присутствует в его творчестве, то скорее в плане экзистенциальном, – в гротескной, почти экспрессионистской оптике, адресованная человеку как таковому во всей нелепости *human condition*, – а не как сатира или критическое высказывание в адрес конкрет-

**ВАДИМ МИХАЙЛИН,
ГАЛИНА БЕЛЯЕВА**

СИМВОЛИЧЕСКИЙ ЯЗЫК
ПАВЛА КУЗНЕЦОВА:
МАТЕРИАЛЫ К СЛОВАРЮ

*Илл. 9. Павел Кузнецов.
«Пляж на Рижском
взморье». 1954 год.
Ж-1873.*

*Илл. 10. Павел Кузнецов.
«У моря вечером».
Начало 1950-х годов.
Ж-1841.*

ного социального явления или антропологического типажа. Наилучший пример – этюд «Пляж на Рижском взморье» (1954) (илл. 9). Но гораздо чаще место человека в пейзаже он обозначает предельно условными силуэтами, а то и вовсе последовательностью вертикальных штрихов. Причем иногда и эти силуэты бывают крайне выразительны – как на этюде «У моря вечером» (начало 1950-х) (илл. 10).

Похожую игру Кузнецов позволяет себе и в тех случаях, когда пишет «открыточные» московские пейзажи – прежде всего связанные с кремлевскими видами. Одна из самых характерных в этом отношении картин – «Салют на Красной площади» (1950-е) (илл. 11). Два основных, доминирующих элемента пейзажа – кусок кремлевской стены со Спасской башней и собор Василия Блаженного – задают абсолютно узнаваемую

**ВАДИМ МИХАЙЛИН,
ГАЛИНА БЕЛЯЕВА**

СИМВОЛИЧЕСКИЙ ЯЗЫК
ПАВЛА КУЗНЕЦОВА:
МАТЕРИАЛЫ К СЛОВАРЮ

*Илл. 11. Павел Кузнецов.
«Салют на Красной
площади». 1950-е годы.
Ж-2130.*

для каждого советского человека рамку восприятия, которая еще и включает в себе вполне конкретный набор коннотаций: зритель попадает в пространство (а) праздничное, (б) «наше», советское и (в) статусное. Именно по этому принципу действует открытка: беглого взгляда на нее достаточно, чтобы уловить основной месседж. И зритель, уже вдохнувший соответствующую атмосферу, попросту не обращает внимания на то, что как внутри этой рамки, так и за ее пределами отношения между изображением и реальностью выстраиваются весьма специфические.

Деталь, которая сбивает автоматические настройки восприятия и обнажает сконструированность и фантазийность пространства, – это «тень» Исторического музея. С одной стороны, она обозначает предсказуемую нишу, предназначенную для третьего обязательного элемента пейзажа: любой советский гражданин знает, что на противоположном конце Красной площади должно быть знакомое красное здание. А с другой, – делает все возможное, чтобы Исторический музей развоплотить. На картине Кузнецова Красную площадь с северной стороны замыкает некое сооружение, похожее на рыцарский замок или на призрачную тень собора Василия Блаженного, да еще и расположенное в каком-то странном, сдвинутом и сильно удаленном положении. Зацепившись за эту странность, глаз поневоле начинает переоценивать, как соотносятся между собой остальные элементы изображения. И обнаруживает, что, за исключе-

ВАДИМ МИХАЙЛИН,
ГАЛИНА БЕЛЯЕВА

СИМВОЛИЧЕСКИЙ ЯЗЫК
ПАВЛА КУЗНЕЦОВА:
МАТЕРИАЛЫ К СЛОВАРИЮ

нием двух доминирующих вертикалей, все прочее на этой Красной площади находится с реальностью в более чем странных отношениях. Колонны, выходящие с площади на Васильевский спуск, изображены в виде трех параллельных брусев, причем стоящие на том же плане зеваки, мимо которых они маршируют, по росту превышают демонстрантов раза в два, если не в три. Эти зеваки объединены с такой же праздничной толпой на переднем плане непрерывной изогнутой линией, создающей ощущение замкнутого и не слишком обширного пространства. При этом колонны демонстрантов, увиденные сверху, производят впечатление монтажной вклейки на плакате и заполняют собой какое-то другое пространство – гораздо более обширное, структурированное и расположенное в другой плоскости. Толпа представляется более реальной, чем демонстрация, но это впечатление обманчивое: если попытаться представить себе ракурс, с которого был написан передний план, то мы обнаружим, что все эти люди должны парить метрах в шестидесяти над Москвой-рекой. А с Красной площади, обтекая собор, на Васильевский спуск льется поток цвета – красивый, стильный, и единственно интересный художнику, который только время от времени напоминает, что где-то здесь должны быть люди, расставляя два–три своих обычных штриха. Да и на переднем плане главный интерес – это игра цветовых пятен, по отношению к которым персонажи являются всего лишь носителями.

Одно из самых ироничных своих полотен, «Купальщицу» (илл. 12), Павел Кузнецов написал в 1950 году, буквально через полтора года после того, как его на волне борьбы с формализмом изгнали из Московского художественного института. Эта картина – чистейшей воды хулиганство. Нарочито примитивизированная и «советская» во всех смыслах слова женская натура, квинтэссенция соцреалистического китча, сидит на фоне водоема в позе, настолько нелепой и вынужденной, что композиция в целом начинает откровенно напоминать о ковриках с оленями и лебедями. И как таковая она должна апеллировать к художественному вкусу колхозного парторга в должности искусствоведа. Проблема в том, что и сама она, и тот пейзаж, который разворачивается у нее за спиной, представляют собой набор прямых отсылок к европейскому модернизму и авангарду, то есть к художественному и культурному контексту, для вышеупомянутого парторга принципиально непрозрачному. Водоем, на фоне которого она сидит, выписан в позднеимпрессионистской манере, и здешняя игра цветных мазков живо напоминает о Дерене и Сёра. Линия берега и вертикальная развертка водной поверхности в качестве фона для женской фигуры – отсылка к конкретному прецедентному тексту, к уже упомянутому «Водоему» Виктора Борисова-Мусатова.

**ВАДИМ МИХАЙЛИН,
ГАЛИНА БЕЛЯЕВА**

СИМВОЛИЧЕСКИЙ ЯЗЫК
ПАВЛА КУЗНЕЦОВА:
МАТЕРИАЛЫ К СЛОВАРЮ

*Илл. 12. Павел Кузнецов.
«Купальщица». 1950
годы. СГХМ. Ж-2171.*

ва. Но только отсылка ироничная, поскольку, вместо мусатовской плавности, здесь царит примитивистская «старательная неумелость». Берег за спиной у купальщицы передает привет, несколько менее очевидный, «Воскресному дню на острове Гранд-Жатт» все того же Сёра. Под ногами у женщины – настоящий оазис постимпрессионизма, царство цветных сезанновских теней. А на самом ближнем плане красуются босоножки, обведенные черным клуазоннистским контуром – при том, что черный цвет на полотнах Павла Кузнецова появляется крайне редко. Но главное событие этой картины, конечно, сама фигура, которая со всей возможной прямоотой отсылает к классической паре экспрессионистских полотен – «Марселле» Эрнста Людвига Кирхнера⁴⁴ и «Зеленому дивану» Макса Пехштейна⁴⁵.

Основой этого визуального текста является двойная оптика. Перед грамотным зрителем, «насмотренным» европейским искусством начала XX века, выстраивается парад отсылок к известным творческим манерам, объединенным грамотной линейно-цветовой композицией и, возможно, дружеской, отчасти иронической аллюзией на мусатовский «Водоем». Но если зрительский глаз настроен исключительно на реалистическую, а тем более – на соцреалистическую модель видения, то он уви-

44 «Художница» («Марселла»). Бюкке-музеум, Берлин. № 1/97.

45 «Зеленый диван» («Портрет жены художника»). Музей Людвига, Кёльн. ML 76/2891.

дит перед собой вполне позитивную, но не слишком ловко написанную девушку, которая где-то забыла весло. Это доступная советской современности ипостась «вечной женственности», достойная тантамарески с русалкой у пляжного фотографа.

В каком-то смысле позднего Павла Кузнецова имеет смысл считать – конечно, не родоначальником, – но предтечей соц-арта. Его способ преодоления соцреалистического канона основан на умении рассыпать имитацию внешней реальности на набор клишированных автопародийных знаков, при помощи которых можно выстраивать систему значимых отсылок. При этом, в отличие от классического позднесоветского соц-арта, он не риторичен – он не деконструирует соцреальность, а назначает ее маревом, разновидностью все той же «голубой тюрьмы», архитектурными особенностями которой можно даже любоваться, пока ты все равно к ней приговорен. Его знаки реальности могут отсылать к советским открыткам и плакатам или к высокой модернистской традиции – или к тому и другому одновременно, как в случае с «Купальщицей». В любом случае это отказ воспринимать видимую реальность всерьез и указание на то, что она всего лишь ширма, препятствие, которое мешает видеть.

Параллельно с рождением соцреализма Павел Кузнецов внезапно «разучивается» рисовать. Причем это не касается цветов, деревьев, овощей, пейзажей и портретов любимой женщины. Но вот с фигурами советских людей время от времени происходит что-то катастрофическое.

По большому счету, тот способ существования, который избрал для себя Павел Кузнецов и которого придерживался на протяжении едва ли не четырех десятков лет, можно назвать одной из разновидностей внутренней эмиграции. Разновидностью, довольно специфической, поскольку, в отличие от тех людей, которые вынужденно или в силу внутреннего выбора выпали из публичных контекстов, он старательно сохранял за собой удобную для него нишу в структуре советского истеблишмента, обустроенную еще в 1920-е, когда художественная жизнь развивалась по собственным законам и когда казалось, что масштабный социальный эксперимент, проводимый над целой страной, может не только не мешать, но и способствовать существованию большого искусства.

Это вовсе не означало отказа от символистской системы видения: судя по таким работам 1920–1930-х, как уже упомяну-

тые «Окно. Кисловодск», «Отдых» и «Фермы моста», а также по многочисленным пейзажам и портретам, какого-то радикального переворота в понимании, как соотносятся и взаимодействуют между собой художник, искусство и реальность, не произошло. В «голубой тюрьме» затеяли капитальный ремонт – сносом стен, рытьем котлованов и тектоническим перемещением существей. Сам по себе этот процесс поначалу был крайне любопытен, обещал массу новых впечатлений и предлагал новые возможности – в том числе и связанные с продвижением собственных взглядов через преподавательские и наставнические практики. Впрочем, после 1935 года никаких иллюзий в отношении советской власти Кузнецов, видимо, уже не питал, о чем можно судить по воспоминаниям близко знавшей его Нины Молевой – жены его бывшего аспиранта Элия Белютина. Вот приведенная ею общая оценка ситуации, сделанная мэтром в одном из частных разговоров в 1945 году:

«Наступление на культуру только продолжается. Победили не светлые начала идеи – победила тупая, безмозглая сила. С людьми, которые лишились всего, куда легче бороться, навязывать свою волю»⁴⁶.

Для Павла Кузнецова, вероятнее всего, это означало смену «тюрьмы» общего режима на «тюрьму» режима строгого: что, несомненно, мешало жить, но не сказывалось принципиально на взаимоотношениях художника с реальностью. В любом случае нужно было дожидаться «окончания срока», и искусство было одним из немногих надежных способов напоминать себе и другим, что это не навсегда. Элию Белютину он действительно советовал сперва идти в аспирантуру, а потом вступить в Союз художников⁴⁷.

«Усиления режима» иногда затрагивали и самого Кузнецова, которого в конце 1940-х не только лишили права преподавания, но и – на какое-то время – полностью вычеркнули из истории отечественного искусства⁴⁸. Одним из способов самосохранения вполне могла быть своеобразная маска «стихийного са-

ВАДИМ МИХАЙЛИН,
ГАЛИНА БЕЛЯЕВА

СИМВОЛИЧЕСКИЙ ЯЗЫК
ПАВЛА КУЗНЕЦОВА:
МАТЕРИАЛЫ К СЛОВАРЮ

46 Молева Н.М. *Баланс столетия* (<https://coollib.com/b/278395-nina-mihaylovna-moleva-balans-stoletiya/read>).

47 «Зачем вам аспирантура? Будьте же реалистом, голубчик. Ваша “продукция” не для нынешних художественных советов. Ее не купят и не выставят. [...] А пока вы получите возможность три года заниматься своей живописью. Это очень много! А там будет видно. [...] И непременно, голубчик, вступите в Союз. На всякий случай, знаете ли. ОНИ к тем, кто в стаде, придираются меньше. ИМ порядок казарменный нужен. Догляд, как у нас на Волге говорят. Пусть думают, что и вы не ушли от их надзора. А рекомендации мы с Аристархом Лентуловым вам дадим – я уже говорил с ним» (Там же).

48 Если в 35 томе первого издания БСЭ (1937) есть большая, выдержанная в нейтрально-комплементарных тонах статья о художнике, в которой встречаются такие характеристики, как «крупнейший мастер» и «одаренный колорист», то в соответствующем томе второго издания какая бы то ни было информация о Павле Кузнецове – вполне себе здравствующем советском живописце – попросту отсутствует. Анализ ситуации в советском художественном и искусствоведческом истеблишменте конца 1940-х см. в: Нестеров А.В. *Борьба против формализма в изобразительном искусстве и советская пресса второй половины 1940-х гг.* // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2018. № 1. С. 41–51.

мородка», одаренного, но недалекого и плохо образованного, которую Кузнецов выстроил настолько убедительно, что в нее уверовали даже специалисты по его творчеству. Так, Алла Русакова – автор целого ряда текстов, посвященных художнику, включая специальное монографическое исследование, – пишет, что еще во времена «Голубой розы» знакомство с актуальной для символистов философской традицией было уделом Брюсова и Андрея Белого, но никоим образом не Кузнецова и прочих голуборозовцев, которые «умных книжек не читали»⁴⁹. По воспоминаниям же Нины Молевой, об уровне образованности художника и степени его включенности в книжную традицию складывается совершенно противоположное впечатление. Приходя в гости к Павлу Кузнецову и Елене Бебутовой, его ученики попадали в оазис совершенно экзотической для советской молодежи рубежа 1940–1950-х изысканной старорежимности. И, помимо производившего на них неизгладимое впечатление коктейля из белой сорочки с бабочкой («с самого утра»), отутюженных брюк, стеганой «бонжурки» и прочего «добробыта в духе героев Чехова», одной из самых ярких примет этого пространства было невероятное обилие книг⁵⁰.

Такого Павла Кузнецова, судя по всему, знали только люди, которым он по-настоящему доверял. Внимания к собственной природе он старательно не привлекал, как и к истинной сущности своего искусства, маскируя символистские высказывания под незамысловатый и вполне реалистический жанр: пейзаж, букет, изредка портрет⁵¹. Прямые высказывания – при всей парадоксальности подобного определения применительно к символизму – он позволял себе крайне редко: впрочем, в последние годы жизни потребность в подобного рода самопроговаривании, видимо, усилилась, да еще и совпала с некоторым смягчением режима. В 1960-е он пишет как минимум две работы, которые можно считать именно такими высказы-

49 «В противоположность искусственным в философии литераторам молодые московские живописцы приобщаются к символистской доктрине опосредованно, через искусство. Они не читают Шопенгауэра и Ницше (может быть, только для одного Петрова-Водкина “заговорил Заратустра”), не изучают философские сочинения Владимира Соловьева» (Русакова А. А. *Указ. соч.* С. 213). На каких источниках основана эта оценка, автор не уточняет.

50 «И книги. Повсюду. На столике, подоконниках, на полу, в руках у профессора. Если он оставляет кисти, значит, берет книгу» (Молева Н. М. *Указ. соч.*).

51 Маскировка была проведена настолько убедительно и профессионально, что большинство отечественных искусствоведов склонны ограничивать «увлечение» Кузнецова символизмом концом 1900-х, вынося за пределы этого периода даже вещи «степные», которые с нашей точки зрения представляют собой квинт-эссенцию символистского мировидения ничуть не в меньшей степени, чем «Голубой фонтан». Против этой точки зрения впервые высказалась, пожалуй, только Ида Гофман. В своей монографии, посвященной «Голубой розе», она приходит к выводу, что Кузнецов и его соратники-символисты, сформировавшиеся «на голуборозовских принципах», пронесли «эти принципы через всю свою творческую жизнь». И далее: «“Голубая роза” достигла цели – она овладела “ключами тайн”, открывавшими Истинную реальность. Эта ее позиция, как показало время, давала стабильность и независимость, делала ее, в принципе, недостижимой и малоуязвимой» (Гофман И. *Голубая роза*. М.: Пинакотекa, 2000. С. 220, 222).

ваниями. Одна из них – это «Цветник», подробно описанный в самом начале статьи. Картина построена на столкновении двух пространственных измерений. В одном из них пульсирует круговорот материальных сущностей – многоцветный, контрастный, разнонаправленный, – включающий в себя хорошо знакомые иероглифы из кузнецовской тайнописи. Розы, воды земные с брошенным в них камнем и фонтан, замаскированный под декоративную пальму, восходящий почти до «свода пещеры», но обреченный падению вниз и маркирующий собой «материальную», правую, сторону холста. А слева открывается другое измерение, перпендикулярное изобразительной плоскости и продолжающее вектор зрительского взгляда – сквозь портал, сквозь холст. К portalу ведет аллея с несколькими едва намеченными человеческими фигурками. В самом портале угадывается приподнятый занавес, этакий многоцветный покров Исиды, под который готовы шагнуть еще две фигуры, прописанные более отчетливо и однозначно опознаваемые как женская и мужская.

**ВАДИМ МИХАЙЛИН,
ГАЛИНА БЕЛЯЕВА**

СИМВОЛИЧЕСКИЙ ЯЗЫК
ПАВЛА КУЗНЕЦОВА:
МАТЕРИАЛЫ К СЛОВАРИЮ

*Илл. 13. Павел Кузнецов.
«Терраса». 1966–1967
годы. СГХМ. Ж-2021.*

Если «Цветник» – очень «разговорчивая» картина, с целой мировоззренческой программой, поданной через игру пространственными планами, символами и автоцитатами, то другое полотно, «Терраса» (илл. 13), написанное незадолго до смерти, представляет собой высказывание, предельно лапидарное. Портал здесь не прячется в пейзаже – собственно говоря, он и является единственным предметом изображения. Композиция привычная, повторяемая Кузнецовым из раза в раз, с передним интерьерным планом, пейзажным дальним – и окном в качестве «открытой границы». Только с переднего плана исчезает

**ВАДИМ МИХАЙЛИН,
ГАЛИНА БЕЛЯЕВА**

СИМВОЛИЧЕСКИЙ ЯЗЫК
ПАВЛА КУЗНЕЦОВА:
МАТЕРИАЛЫ К СЛОВАРЮ

привычный предмет-посредник (букет или ваза с фруктами), а место стола или подоконника занимает кровать. Пейзаж за окном тоже меняется: он становится предельно ярким, светлым и манящим; он залит светом, исходящим, как и положено, из невидимого источника, и блики этого света проникают внутрь комнаты. Окно представляет собой воплощенное марево. Оно двойное, с подчеркнута мутными стеклами с многоцветной игрой размытых отражений. И оно – демонстративно распахнуто настежь, так что раскрытые створки принимают участие в выстраивании уходящей в законный пейзаж перспективы и напоминают раздвинутые кулисы. При этом верхний обрез окна остается за пределами изобразительного поля – где-то там, где прячется невидимое солнце. Если повнимательнее присмотреться к дальнему плану, то в нем можно угадать уходящую вдаль и вверх дорожку и фигурку на ней, уже успевшую достаточно глубоко уйти в пейзаж.

«А знаете, – всегда чуть набыченный, коренастый Кузнецов поправляет свою неизменную черную бабочку, почти улыбается, – я, кажется, склонен предать забвению худшие годы. Впереди осталось так немного, и так хочется открытых окон. Если только их по-настоящему откроют»⁵².

Исследования инфраструктур

ДЕНИС
СИВКОВ

Возникни у меня необходимость быстро дать визуальное представление о междисциплинарном поле под названием «исследования инфраструктур» и умей я рисовать как, к примеру, Рене Магритт, то я изобразил бы отрезок трубопровода, сопроводив его подписью «Это не труба», или «Это не совсем труба», или даже «Это не только труба». Дело в том, что труба, будучи на первый взгляд простым примером инфраструктуры, на самом деле – явление, крайне сложное. Инфраструктуры не только обеспечивают наше существование, но и, как правило, стремятся быть чем-то еще. Они могут скрываться, ускользать, мерцать, быть невидимыми, или, наоборот, нарочито бросаться в глаза, или даже оскорблять другие органы чувств, как в случае с канализационными трубами.

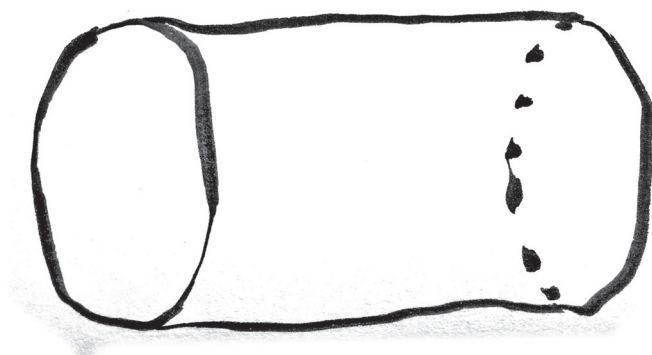
Под инфраструктурами принято понимать некоторые (не) материальные запутанные комплексности, обеспечивающие возможность действия, коммуникации, перемещения, познания и так далее – то есть возможность того, что в целом нерелевантно обозначают очень расплывчатым термином «социальное». Нередко это «социальное», представленное людьми, их отношениями и фреймами, использует все возможные ресурсы, чтобы отыскать и отремонтировать трубы в городе. Так что кто и кого поддерживает – совершенно не ясно, и это следует исследовать в каждом конкретном случае. Приставка «инфра»

Денис Юрьевич Сивков (р. 1977) – антрополог, доцент Института общественных наук РАНХиГС, автор телеграм-канала по антропологии космоса «Земляки и земляне».

ГЛОССАРИЙ ИНФРАСТРУКТУР

указывает на невидимость процесса или движения. Пока инфраструктуры незаметны, они работают. Благодаря трубам создается некий социальный порядок. Однако трубы не только связывают, но и разъединяют, как в случае международных газовых и нефтяных нитей. О трубах и прочих инфраструктурах часто думают, что они смогут работать одинаково в разных местах: казалось бы, туалет – везде туалет. Однако попыткам колониального переноса «универсальных» инфраструктур нередко мешают локальные условия – ландшафты, практики и культурные паттерны сообществ и людей.

Ceci n'est pas une pipe.

На местах инфраструктуры могут быть неполными, самодельными или отсутствовать вовсе. Канализация в бразильских фавелах заменяется так называемыми переносными туалетами – просто-напросто емкостями и пакетами, которые регулярно удаляются за пределы тесного поселения. Соответственно, устройство инфраструктур и практики взаимодействия с ними имеют ситуативный и локальный характер. Помимо жизнеобеспечения, такие локальные инфраструктуры могут выполнять другие функции. В этом смысле ключевой концепт исследования инфраструктур – «(не)видимость» – оказывается под вопросом. Если на условном «Западе» инфраструктуры невидимы, пока не произошла поломка, то в немалой части постсоветского пространства (и во множестве других регионов мира), наоборот, инфраструктуры зачастую являются чем-то навязанным глазу – скорее эстетическим проектом. Такие «потемкинские»

инфраструктуры здесь – это дороги, которые никуда не ведут; неработающие фабрики и пустые города. Их создают, например, для демонстрации мощи или присутствия государств. Дороги, трубы и туалеты могут быть средством построения патрон-клиентских отношений, эффективным механизмом распределения государственных средств между отдельными группами и индивидами через коррупционные схемы.

Есть также «имеющие быть созданными» дорожные и трубные инфраструктуры, которые могут существовать только на бумаге, в не-совсем-материальном виде. Но при этом они оказывают воздействие на окружающую среду, на материальную и социальную реальность, заставляя перемещаться различных акторов: политики въезжают в кабинеты и покидают их, ветви власти конфликтуют по поводу тех или иных участков инфраструктуры, активисты выходят на улицы, парки не строятся или переносятся в другие места, потому что здесь должна пройти будущая дорога и тому подобное.

Наконец, в этом кратком введении стоит упомянуть человеческие инфраструктуры – действия групп или отдельных людей, которые выполняют работу в условиях существования универсальных урбанистических инфраструктурных идеалов. Например, в крупных городах существует электронная оплата в городском транспорте, а в малых городах люди все еще сами создают инфраструктуры, передавая в маршрутках водителю деньги за проезд.

Это разнообразие явных и скрытых инфраструктур, к сожалению, почти не представлено в российских исследованиях. Несколько лет назад Сергей Мохов, антрополог смерти в России, предложил мне стать редактором книги про инфраструктуру, которая должна была выйти при поддержке одного из российских фондов. Мы стали искать авторов, которые занимались бы исследованием тех или иных российских инфраструктур. Ольга Бычкова, директор STS-центра Европейского университета в Санкт-Петербурге, подсказала нам энциклопедический формат, и мы решили сделать такую книгу в жанре словаря (скорее даже глоссария). Последние лет семь многие журналы, особенно выходящие онлайн, стали составлять небольшие словари, посвященные какому-то феномену (например антропоцену), а потом даже выпускали их в виде отдельных книг. В отличие от энциклопедий, в подобных глоссариях есть статьи не на все буквы алфавита – такого рода проекты не претендуют на формальную полноту. Более того, по стилю эти тексты ближе к эссе, чем к академическим статьям.

Стало ясно, что нам нужны короткие тексты-эссе про конкретные инфраструктуры, без ссылок и списков литературы. Мы предложили автором принять участие в таком издатель-

ском проекте: сделать книгу о российских кейсах, показать, как в России формируются, пересобираются, ремонтируются, функционируют (или не функционируют) инфраструктуры. Авторы должны были подготовить статьи небольшого объема (5–7 страниц), написанные относительно доступным языком – на стыке академического, художественного и научно-популярного изложения. В этом смысле исследование какой-то конкретной дороги или трубы могло бы рассказать что-то важное и интересное обо всех дорогах или трубах мира.

Для многих потенциальных авторов не ссылаться и не цитировать других коллег (или собеседников) стало непреодолимым вызовом. Фонд, собиравшийся спонсировать проект, потерял такую возможность. Но немало текстов было готово, и меня, оставшегося с ними один на один, долго мучал незакрытый этический гештальт. На книгу материалов явно не хватало, а их неакадемический формат казался мне препятствием для публикации. Но в итоге инфраструктурный паззл все же сложился, и я рад представить фрагментарный глоссарий инфраструктур на страницах «Неприкосновенного запаса». Я благодарен редакции за поддержку проекта, авторам – за терпение, Сергею Мохову и Ольге Бычковой – за отличную идею.

Алкоголь

ДЕНИС
СИВКОВ

Антропология космоса – это не просто приложение теоретической рамки, концептуального ряда и этнографических методов к освоению или изучению космоса в смысле антропологии «чего угодно» – биомедицины, инфраструктур, данных или умирания. Ключевой вызов, перед которым безвоздушное пространство ставит социальных исследователей, заключается в том, что космос принципиально опрокидывает обыденность и устойчивость всего земного. Будучи наиболее экстремальной средой из возможных – средой, в которой люди тем не менее пытаются существовать, – космос делает привычные земные вещи проблематичными. Выживание в экстремальных космических средах ставит под вопрос не только возможность дыхания или перемещения, но любые элементарные гравитационные практики – например, питание и секс. В пределе под вопросом оказывается возможность быть человеком вообще – и в биологическом, и в культурном смысле. Например, через несколько месяцев жизни на космической станции у космонавтов и астронавтов с подошв ног сходят мозоли и кожа становятся как у младенцев. При этом новый роговой слой появляется на верхней части стопы – в местах, где цепляются за скобы на стенах по периметру внутреннего интерьера станции, – например, во время трансляции, чтобы не вылететь из кадра. После возвращения на родную планету те, кто прожил на МКС некоторое время, проходят так называемую регравитацию: они заново учатся ходить, сидеть, какое-то время подошвы испытывают неприятные ощущения, пока снова не образуется роговое покрытие. В невесомости и других гравитационных средах изменения происходят в крови, костях, иных функциональных системах организма. Также в невесомости отсутствуют привычные для восприятия с земным притяжением верх и низ. В этом смысле базовая символическая разметка становится ситуативной – пол и потолок зависят от перспективы занимаемого в данный момент положения. Такое восприятие приводит к построению новой мультиперспективной эпистемологии, архитектуры и даже социальности.

Более того, само различие природного и культурного в космосе становится условным. Константин Циолковский в начале XX века обратил внимание на то, что в невесомости золото взвесить невозможно, так как весы работают только в условиях земного притяжения. Это потребовало бы либо

Денис Юрьевич Сивков (р. 1977) – антрополог, доцент Института общественных наук РАНХиГС, автор телеграм-канала по антропологии космоса «Земляки и земляне».

изобретения другого принципа измерения веса (в 1970-е советские космонавты стали взвешиваться, используя принцип колебания пружины), либо, например, возвращения к дарообмену, либо изобретения новой экономики, не привязанной к весу драгоценного металла. Что бы было определяющим в новой орбитальной экономике – микрогравитация, технические решения или культурная традиция с Земли, – однозначно сложно сказать.

Таким образом, жизнь на орбите и на поверхностях других планет релятивизирует и деконтекстуализирует земные условия. Гравитация, атмосфера на нашей планете перестают быть универсальной точкой отсчета для других сред. Земные условия и практики превращаются в один из бесчисленных возможных вариантов в масштабах Вселенной. В контексте исследований инфраструктур космос делает видимыми земные инфраструктуры и существенно усложняет инфраструктуры космические. Усложнение инфраструктур, как будет показано на примере доставки и потребления алкоголя, может также указать на «сделанность» и комплексность земных гравитационных практик, которые в рутине кажутся естественными и совершенно незаметными.

Ключевой проблемой освоения и изучения космоса является проблема доступа – в первую очередь к эксклюзивному переживанию невесомости и видам из иллюминатора станции или космического корабля. Невесомость, вид на родную планету и небесные тела дарят космическому путешественнику так называемый эффект обзора – возвышенное или даже религиозное переживание – своего рода благоговение с социальными и политическим коннотациями. Пока в космосе, который, как считается, начинается в ста километрах от земной поверхности, побывали почти шестьсот человек – ничтожно малая доля всех желающих. Почти все из этих шести сотен – астронавты и космонавты, так или иначе представляющие интересы национальных государств.

Одно из направлений, оспаривающее национальные монополии на доступ в космос, – космический туризм. Коммерческие компании – такие, как «Virgin Galactic» и «Blue Origin», – разрабатывают и реализуют системы орбитального запуска. Преследуя не только техноутопические, но и коммерческие цели, космический туризм делает ставку на предоставление клиентам привычных земных услуг в новой обстановке. Это могут быть, например, изысканные кушанья типа икры и фуагра – но в тубиках. Очевидно, что туристы также захотят попробовать свои любимые напитки в орбитальных турах. Но как пить виски? Напиток же хочется потягивать, а не выдавливать из тубика.

Компании, выпускающие алкогольную продукцию, время от времени делают маркетинговые заявления о разработке специальных технологий производства и потребления напитков специально для космических сред. В 2015 году производитель виски «Ballantine's» и сообщество «Open Space Agency» разработали специальный космический стакан для виски (*Space Whiskey Glass*), который позволил бы сохранить некоторые земные привычки потребления алкоголя в невесомости, а именно – неторопливо потягивать напиток из бокала, а не из тюбика.

ДЕНИС СИВКОВ
АЛКОГОЛЬ

Выживание в экстремальных космических средах ставит под вопрос не только возможность дыхания или перемещения, но любые элементарные гравитационные практики. В пределе под вопросом оказывается возможность быть человеком вообще – и в биологическом, и в культурном смысле.

Space Whiskey Glass внешне напоминает обычный стакан, но устроен, почти как космический корабль. Согласно рекламным материалам компании, напиток наливается в резервуар из розового золота на дне пластиковой емкости. Золото должно нейтрализовать примеси от пластика. Стакан удобно помещается в руке, а отверстие в резервуаре точно подходит под стандартную бутылку «Ballantine's». Виски удерживается в резервуаре благодаря поверхностному натяжению, а капиллярный эффект направляет жидкость по спиралевидному каналу в мундштук, через который можно потягивать напиток. Мундштук тоже сделан из розового золота. Губы пьющего будут ощущать холодное прикосновение стекла. На дне бокала находится магнит, который позволит «ставить» стакан на специальные металлические подставки в космическом баре будущего. Резервуар и пластиковый стакан сделаны на 3D-принтере – именно эту технологию планируют использовать в колонизации космоса. «Ballantine's» даже придумал особенный купаж напитка – более пряный и сладкий – специально для невесомости, где, как считается, ощущения притупляются и все время хочется чего-то «вкусненького». Космический стакан, сочетающий технологические инновации, утопические ожидания и привычные ритуалы, можно рассматривать всего лишь как маркетинговый ход, но в то же время этот пример показывает возможное направление развития инфраструктур потребления алкоголя в космосе будущего.

Производители виски и других напитков пока только предвосхищают инфраструктуры космического будущего алкогольной продукции, в то время как существуют более или менее устоявшиеся практики доставки и потребления алкоголя на орбите. Авторы «разработок» – советские и российские космонавты, инженеры, технический персонал и группы поддержки. Источниками сведений об этих разработках являются дневники советских и российских космонавтов, которые они вели, когда находились на орбитальной станции. Эти дневники предлагается считать этнографическими источниками, в которых представлено насыщенное описание орбитальной повседневности, в том числе инфраструктур доставки и потребления алкоголя.

Важно отметить, что, конечно же, космонавты не «бухали» каждый день, а выпивали скорее символически «по рюмочке», отмечая различные события. Во-первых, это государственные праздники – Новый год или День Победы. Во-вторых, личные торжества – дни рождения и годовщины. В-третьих, они могли выпить после «бани» или после тяжелой работы – выхода в открытый космос. «Баня» – это специальный душ, который использовался на станциях «Салют» и «Мир». Также отмечали прилет на станцию и отбытие экипажей. Наконец, грустные события тоже дают повод выпить. Космонавт Валентин Лебедев рассказывал, что на одном из грузовых кораблей после разгрузки не оказалось писем от родных – их не успели или забыли положить. С горя космонавты выпили «по рюмочке». Всем другим напиткам космонавты предпочитали коньяк и нигде не объясняли, почему именно его. Можно предположить, что этот напиток ценится за пряный вкус, так как чувства на станции притупляются. Кроме того, коньяк в СССР всегда был элитарным напитком, а космонавты считались высшей кастой.

Но как доставить алкоголь на станцию, если официально он запрещен? Можно взять напиток с собой в личных вещах, которых никто не досматривал. Для этого нужно завесить собственный вес, так как количество топлива в ракете рассчитывается исходя из общего веса, в который включаются и тела космонавтов. За пару бутылок коньяка нужно было договориться с врачами, проводившими взвешивание, о паре лишних килограммов, в которые входили и фляжка коньяка. Космонавты часто проводят на станции полгода или больше. Для всех важных поводов пол-литра на одного человека мало, поэтому другой способ доставки – договориться с техническим персоналом и другими специалистами, чтобы спрятать спиртное на грузовом корабле «Прогресс», который отправлялся на станцию достаточно регулярно. Чтобы спрятать коньяк, можно залить его в тубики для еды. Важно потом найти и не перепутать эти тубики, или «тубы», как их называли космонавты.

Валентин Лебедев писал, что его напарник Анатолий Березовой придумал отличать спиртное среди остальных тюбиков наклейками из детского журнала «Мурзилка». На день рождения жены Березовой также отложили вкусное – две пачки сублимированной клубники, три помидора и два яблока. Другую закуску взяли «из буфета» – консервы и тубы с едой.

Как и на земле, здесь иногда случаются ошибки: космонавты думают, что что-то еще осталось, а потом оказывается, что все уже выпили. Космонавт Виктор Савиных в дневнике описывает разочарование и обиду на коллегу по экипажу Владимира Коваленка, когда в День Победы коньяк должен был быть на борту, но фляжка оказалась пустой после Дня космонавтики.

На грузовых кораблях самое ценное обычно клали вниз – на дно, чтобы космонавты быстрее разгружали. Кроме посылок из дома и «запрещенки», там были письма от членов семьи и друзей. Часто «поверенные» космонавтов – из отряда или группы психологической поддержки – обсуждали в этих письмах настоящие и будущие поставки алкоголя. Космонавт Савиных приводит в дневнике письмо от космонавта Александра Сереброва, в котором последний сообщает, что «дозаправки» в виде «количества страниц» будет в этот раз меньше из-за дополнительного исследовательского оборудования и утяжеления корабля.

Кроме инфраструктур доставки на станцию, существуют гибридные инфраструктуры потребления алкоголя в состоянии микрогравитации. Известно, что крепкие напитки (коньяк, водку) в нашей стране привычно пить залпом, а не потягивать. В невесомости «опрокинуть бокал» не получится. Поэтому советские и российские космонавты изобретают способы залпового питья на орбите, задействуя разные технические приспособления и телесные навыки. Жидкость ведет себя в микрогравитации странно, превращаясь в пену внутри фляги или «прилипая» к стенкам резервуара. Соответственно, залповое питье совпадает с решением задачи по извлечению алкоголя из тары. Космонавт Георгий Гречко писал в мемуарах, что часть коньяка осталась во фляжке в виде пены и его нельзя было извлечь из сосуда. Его коллеги по станции придумали следующее. Космонавт брал флягу за горлышко в рот и поднимался к «потолку» станции. Другой несильно бил его по голове. Космонавт летел вниз, а жидкость поднималась наверх.

Когда «в гости» к Лебедеву и Березовому на станцию «Салют-7» прилетел экипаж в составе космонавтов Александра Сереброва, Леонида Попова и Светланы Савицкой, то они экспериментировали с практиками выпивания коньяка залпом. Попов брал флягу в рот, потом подпрыгивал и резко приседал. Получалась залповая порция коньяка, которую космонавты

называли «один бульк». При этом у Попова часто капля коньяка повисала на носу, щипала нос, и космонавт морщился. Серебров изобрел другой – незалповый – способ. Он опускал ложку во флягу и тянул жидкость, используя свойство ее смачиваемости.

Читая об этих вызовах, я придумал свой вариант телесного инфраструктурного обеспечения. Если бы мне пришлось когда-нибудь оказаться в невесомости со спиртным, я выдавил бы из емкости спиртной пузырь нужного объема на высоте человеческого роста, присел бы под него, открыл рот и резко выпрыгнул вверх, заглатывая спиртное залпом.

Если почитать о городах XVIII–XIX веков, сразу станет понятно, что в конце XIX – начале XX столетия произошла неслыханная городская революция. То, какими мы видим города сегодня – городские районы, соединенные длинными широкими транспортными магистралями, исполосованные линиями электропередач, трубами канализации и водопровода, нашпигованные тепловыми подстанциями, – есть результат этой революции. В ее рамках крупный бизнес, чиновники и инженеры смогли, договорившись, создать новые инфраструктуры и тем самым избавить города от толчеи и болезней, принести миллионам людей свет, электричество, тепло и воду. Конечно, этот процесс предполагал значительное увеличение их власти: чтобы сделать городское пространство более управляемым, владельцы домов лишались права (или сами отказывались) от собственности на окружающие их дороги и территории. Слепленные наспех бриколерские сооружения локальных мастеров сносились, и, вместо них, специально обученные гражданские инженеры на деньги большого бизнеса строили трубы, дороги – и уже позже линии электропередач. Все это делалось во имя прогресса и цивилизации. Новые городские инфраструктуры должны были принести пользу как можно большему числу городских жителей, невзирая на их социальный статус и положение. Тем самым люди и сама жизнь делались более «цивилизованными».

Прогресс предполагает, что вместо устаревших технологий должны приходиться новые, более эффективные, экономичные и рациональные. Скажем, в том же XIX веке популярное покрытие макадам начало сменяться брусчаткой, которая была более прочной и менее грязной. В 1920–1930-е появился бетон, из которого делали первые автобаны в Европе. Затем, в 1940-е, городские улицы заполнил асфальт – более прочный, удобный и бесшумный. Постепенно асфальт и бетон сформировали гибриды – асфальтобетон, один из самых прочных и экономичных современных материалов. Особенность его в том, что к нему даже не нужно прикасаться руками или лопатой – с помощью специальных машин можно готовить асфальтобетон и заливать его на улицы без помощи человека. Это почти полная победа эффективности и технологичности.

Когда думаешь о технологическом прогрессе в городе, напрашивается вопрос: а что происходит со всеми этими ста-

Николай Иванович Руденко (р. 1988) – социолог, научный сотрудник Центра исследований науки и технологий Европейского университета в Санкт-Петербурге.

рыми технологиями? Со всеми этими инфраструктурными пережитками, неэкономичными и малоэффективными? Если технологическая история все время движется вперед, то что происходит с теми, кто отстал от прогресса?

Первая мысль, которая приходит на ум, – такого рода технологии становятся достоянием истории и памяти. Никто сегодня не пользуется пейджерами, никому в голову не придет подключаться к интернету через модем. Более мощные, надежные и эффективные технологии командуют нашей жизнью. Однако, как показывает случай с брусчаткой, это не всегда так. Несмотря на то, что брусчатка устарела как городское покрытие и элемент дорожной инфраструктуры, неожиданно появились горожане, которые стали ее защищать, показывая, что брусчатка важна – и не как маркер прогресса и эффективности, а как значимая для города культурная достопримечательность. Вместо того, что обычно ценится в инфраструктуре – универсальность, эффективность и экономичность, – в брусчатке прежде всего прославляют ее уникальность, качество, красоту и аутентичность. Похоже на то, что инфраструктура внезапно обретает вторую жизнь – теперь уже не в прогрессистской логике развития, а в логике культуры, то есть того, что должно отличать и выделять данную улицу, район и даже город. Тем, кто привык думать (как это принято с конца XIX века), что, с одной стороны, есть процесс цивилизации (единый, универсальный, рациональный), а с другой стороны, происходит развитие культуры (замкнутой в себе, локальной, уникальной), покажется удивительной ситуация с инфраструктурой как культурой. В данном эссе я хочу рассказать о том, как такое стало возможным. Как одно из главных детищ прогресса цивилизации – городская дорожная инфраструктура – стало вдруг главным воплощением культуры? И как эта новая жизнь инфраструктуры/культуры влияет на наше понимание того, как устроены современные города?

Брусчатка в Калининграде лежит на более чем пятидесяти улицах общей протяженностью более ста километров. В основном она располагается в районах с малоэтажной застройкой, но иногда и на центральных улицах города – таких, как Проспект Мира. Сохранившаяся брусчатка – это в большей степени именно старая немецкая брусчатка – покрытие, которое положили здесь в 1920–1930-х, когда Калининград еще был Кёнигсбергом. В 1930–1940-е в Европе и мире более дешевый асфальт уже вытеснял брусчатку как основное городское покрытие, но в Кёнигсберге дороги и улицы модернизировать не успели, и потому немало брусчатки сохранилось. Город вместе с брусчаткой стал частью СССР в 1945 году, и в целом это покрытие осталось нетронутым вплоть до 2000-х, несмот-

ря на меняющиеся стандарты дорожного строительства, которым брусчатка по своей форме и физическим характеристикам уже не отвечала. Это стало заметно в 1980-е, когда у города появилась новая схема транспортного развития, и особенно в 1990–2000-е на волне массовой автомобилизации. Однако у городской администрации не было денег и инженерных ресурсов, чтобы снять брусчатку с улиц и заменить ее новым и более эффективным асфальтом.

НИКОЛАЙ РУДЕНКО

БРУСЧАТКА

Инфраструктура обретает вторую жизнь – теперь уже не в прогрессистской логике развития, а в логике культуры, то есть того, что должно отличать и выделять данную улицу, район и даже город.

Так было до 2000-х, когда в рамках празднования юбилея города Калининград стал получать федеральные деньги на ремонт дорог и благоустройство. В этот период городская администрация начала впервые снимать брусчатку, но попытка ее демонтажа наткнулась на сопротивление жителей и городских активистов. Администрации пришлось защищаться, и она выдвинула ряд аргументов в пользу своих действий. Чиновники указывали на то, что брусчатка становится препятствием для развития автомобилизации в городе. Старые, неровно лежащие на дороге камни, поверхность которых истерлась от времени, мешают автомобилистам, портят подвеску, а в дождь становятся скользкими, что может приводить к авариям. Однако в споре с администрацией городские активисты выработали свои аргументы о несомненных преимуществах брусчатки для города. Она лежит в основном на небольших улицах и тем самым выступает естественной помехой для водителей, которые предпочитают быстро ездить. Она создает ощущение безопасного города, где машины едут медленно, и дети могут не бояться переходить дорогу. Спор между администрацией и активистами закончился ничем, но показательна аргументация последних: они не просто апеллируют к воображаемому, но пытаются представить такой режим городского существования, где брусчатка – при всех ее недостатках как дорожного покрытия – становится полезной. Город должен быть безопасным, это понимают все.

Такое переизобретение ценности брусчатки работало и другими способами. Так, в Калининграде и некоторых других городах области компании-подрядчики, ответственные за модернизацию дорожного покрытия, зная о высокой культурной ценности брусчатки, иногда клали асфальт прямо на нее. Таким образом, с одной стороны, они выполняли заказ города,

а с другой стороны, сохраняли ценную поверхность для будущих времен. Это удивительный факт – когда вышедшую из употребления инфраструктуру пытаются сохранить, спрятав ее под другим материалом. Но асфальт очень плохо лежит на брусчатке. Через некоторое время он начинает изнашиваться, образуются дорожные лунки, а ямочный ремонт, во-первых, делает дорогу некрасивой, а во-вторых, является лишь временной мерой. Тем самым, желая сохранить брусчатку хотя бы таким способом, дорожные компании хуже справляются со своей основной задачей – строить качественные дороги. Но это не отменяет того показательного факта, что даже они отдают себе отчет в культурной ценности брусчатки.

После споров с местными жителями городская администрация предложила компромиссный и впоследствии реализованный вариант: складировать брусчатку в специальных местах (депо и портах), где она будет храниться до «лучших времен». Однако уже на складах у этой брусчатки появляется вторая жизнь: периодически навещающие специалисты из Москвы отбирают камни для ремонта Красной площади; кроме того, часть камней идет культурным учреждениям, чтобы выкладывать клумбы и дорожки перед входом. Этот пример прекрасно демонстрирует, что культурно-историческая аура, окутывающая брусчатку, не позволяет просто так избавиться от нее. Когда все знают, что этим – на первый взгляд вполне ординарным – камням более сотни лет и они обладают собственной «культурной биографией», выбросить их на свалку уже не поднимается рука.

В то же время частное использование брусчатки не приветствуется. В городе распространены истории о том, как в 1990-е жители тащили брусчатку с улиц на свои дачные участки. В этих повествованиях всегда есть элемент неодобрения – такая практика критикуется. Особенно это заметно в рассказах о том, как люди, разбогатевшие в 1990-е, выстраивают себе из брусчатки заборы и башни. Ходят даже слухи о «целых полях брусчатки» рядом с домом одного из бывших губернаторов Калининградской области. Все это говорит о том, что «приватизация» брусчатки не одобряется – она часть общей культуры города, достояние всех его жителей.

Еще один аргумент, который выдвигала городская администрация в споре с защитниками брусчатки, состоял в том, что старые немецкие технологии работы с этим покрытием утеряны вместе с депортированными в середине XX века немцами. В современном Калининграде никто не умеет работать с брусчаткой, перекладывают ее плохо, и потому лучше бы на ее месте лежал асфальт. В ответ активисты справедливо отмечали, что виновата в этом не брусчатка, а сама администрация и связан-

ные с ней строительные компании, не способные грамотно восстановить исторически ценную дорожную инфраструктуру. Как отмечал один из известных дорожных инженеров Калининграда, в городе почти нет экспертов, способных переключать брусчатку согласно стандартам. Но ведь на это тратятся миллионы рублей, а брусчатки – десятки километров! При этом есть позитивные примеры соседей: с той же самой брусчаткой прекрасно умеют работать в Польше, Германии, Латвии. Среди активистов ходит история о том, как в Калининград приезжал специалист из Бельгии, который двадцать лет переключивает брусчатку так, что покрытие остается прочным и эффективным. Но, сколько бы он ни демонстрировал правильный способ работы нашим рабочим и инженерам из дорожно-строительных компаний, последние так и не смогли научиться этому.

Говоря об этом случае, один из калининградских краеведов заметил, что работа с инфраструктурой сегодня и, прежде всего с камнями, – это труд, не требующий глубоких знаний и отточенных навыков. Поскольку современная инфраструктура связана с автоматизированным процессом и механизацией, то сам по себе ручной труд, с его специфическими телесными навыками, забывается. Ситуация с брусчаткой демонстрирует это очень ярко. Обретение ею второй жизни в качестве культурной достопримечательности заставило иначе посмотреть на саму логику городской инфраструктуры. Нас окружает автоматизированно выстроенный мир – повторяющийся, однообразный, механизированный: одинаковые дороги, одинаковые дома, одинаковые трубы, по которым вода течет в стандартные квартиры. Когда брусчатка появляется в качестве культурной инфраструктуры, логика автоматизации и алгоритмизации дополняется другой логикой – той, что указывает на уникальность, аутентичность, на культурную связь с прошлым. Брусчатка – воплощение «штучности», поскольку каждый камень нужно брать и переключивать руками, – диктует новый способ работы с городским пространством, отличный от принципов, основанных на механизации и эффективности.

Этот вывод близок к гипотезе одной из участниц активистского движения. Рассказывая, почему, по ее мнению, общественному движению не удалось убедить городскую власть принять регламент работы с брусчатыми камнями, она заметила, что решение этой проблемы требует «штучного» подхода не только на технологическом, но и на политическом уровне. Обычно подобные решения основаны на стандартах, ГОСТах, документах, а брусчатка никак в эти положения не вписывалась. Здесь нужно было переключиться на другую, «индивидуализированную», управленческую логику – и, как показала история, администрация города так и не смогла этого сделать.

Так что же происходит с той инфраструктурой, которая устаревает по мере технологического прогресса? Обычно она становится «достоянием истории», что часто является просто эвфемизмом исчезновения. Брусчатке в Калининграде повезло – ей удалось стать «достоянием истории» в положительном смысле: появилось городское движение, которое сумело артикулировать и легитимировать ее ценность для всех остальных. Однако и неудача активистов в деле создания регламента по работе с брусчаткой чрезвычайно показательна. Она убедительно демонстрирует, что инфраструктура городов, где мы живем, существует как машина по самовоспроизводству. Политические и управленческие организации наших городов выстраиваются под стать такой инфраструктуре: они работают согласно ГОСТам и регламентам и не способны выйти из бесконечного потока самовоспроизводящихся документов. Однако, помимо этой логики, есть другая, связанная с уникальностью и аутентичностью, – это логика культуры. И «вторая жизнь» брусчатки позволяет еще раз задаться вопросом: действительно ли главная наша цель как городских жителей жить в мире современной инфраструктуры, в мире, где эффективность и рациональность – главные символы общего блага? История с калининградской брусчаткой показывает, что многим горожанам не нравится такой отчужденный от человека мир. Даже инфраструктуры должны порождать ощущение связи с историей и осознание своего места в ней.

Евгений Гришковец – российский драматург, много лет проживший в Калининграде, – в книге «Реки» передает именно это впечатление: как брусчатка заставляет идущего по ней буквально выйти за рамки индустриальной логики инфраструктуры. Он описывает, что чувствует тот, кто идет по мостовой старинного города и представляет, наступая на булыжники, что каждый камень добыт, обработан и уложен заботливой рукой мастера. Действительно, городская инфраструктура может быть и такой.

Велопрокат

ЛЮБОВЬ
ЧЕРНЫШЕВА

В 2014 году Петербург стал третьим городом России, в котором появился городской велопрокат, или байкшеринг. Первая подобная система была развернута в Казани в преддверии Универсиады-2013, затем – летом 2013-го – байкшеринг появился в Москве. Петербургский велопрокат, получивший название «Велобайк», был организован при участии правительства Санкт-Петербурга и «Банка Москвы». Проработав год, велопрокат потерял инвестора, перешел на баланс города и сменил название, хотя велосипеды, станции и компания, обслуживающая его, остались прежними.

Байкшеринг – одна из популярных мер развития «устойчивого города» (*sustainable city*) наряду с внедрением систем переработки мусора или развитием пешеходных пространств. Это «умная» система, которая спроектирована так, чтобы работать без посредничества человека, но при этом быть устойчивой к вандализму, кражам и попыткам вмешательства в ее функционирование. От пользователя, по задумке, требовалось немного: зарегистрироваться на сайте сервиса, привязать банковскую карту к аккаунту, иметь смартфон и приложение для поиска свободных велосипедов на станциях. Проект красиво открылся и демонстрировал успехи, о которых регулярно публиковались заметки на сайте администрации: например, после окончания второго сезона работы сообщалось о 188 тысячах поездок и 29 тысячах зарегистрированных пользователей. Но какие трудности приходилось преодолевать этим пользователям, чтобы совершать поездки? В отчетах о работе велопроката на сайте правительства города не было ни слова о том, что многие из них так и не смогли проехать ни метра. А те, кому все же удалось, или отказывались впоследствии от идеи воспользоваться велопрокатом, или носили в рюкзаках гаечные ключи и отвертки, прикрепляли отваливающиеся детали и непременно состояли в новом многотысячном онлайн-сообществе, где делились лайфхаками и обсуждали, как правильно пристыковать велосипед к док-станции, чтобы «глупая система» его распознала.

История петербургского велопроката – типичный пример того, как сложные технические системы не всегда используются так, как задумано инженерами. Они начинают трансформироваться, обрести дополнительные элементы и изменять среду, в которую попадают. А жители города, которым отведена роль (несведущих) потребителей, вдруг оказываются спо-

Любовь Алексеевна Чернышева (р. 1993) – социолог города, аспирантка Университета Амстердама, научный сотрудник Социологического института РАН (филиал ФНИСЦ РАН).

собны доводить до ума плохо работающую систему, проявляя тем самым заботу о городе и других горожанах.

Байкшеринг популярен во всем мире: к 2018 году более двух тысяч городов развернули на своих улицах подобные системы. Велопрокаты прочно связаны с популярными трендами городского развития – развитием экологичной, устойчивой, безопасной и комфортной среды. Например, в Лондоне запуск подобной системы в 2008 году был частью реализации многолетнего «Плана Ливингстона», предполагавшего серьезную велосипедную и пешеходную трансформацию города. Байкшеринг – это общемировой тренд, «мобильная политика», как ее называют Юджин Маккен и Кевин Уорд, то есть перенимаемая от одного города другим глобальная инфраструктурная форма, которая призвана эффективно решать локальные проблемы.

Однако появление велопроката в Петербурге выглядит случайным событием, а не элементом системных городских преобразований, описываемых концепцией «мобильной политики». Эта инфраструктура не стала и способом реализации программных документов о велоразвитии города. Хотя на церемонии запуска сервиса в июле 2014 года губернатор заявил, что велопрокат – это «нужное и правильное дополнение к концепции развития велосипедного движения в городе», было не вполне очевидно, к чему именно он стал «дополнением», поскольку к моменту открытия никакой принятой к реализации концепции развития велодвижения не существовало. Велопрокату не во что было встроиться: не существовало ни разветвленной сети велодорожек, ни планов по трансформации городской транспортной системы. У губернатора, чиновников и депутатов Законодательного собрания города полностью отсутствовал интерес к разработке программных документов – зато был явный интерес к необременительным городским изменениям как положительным информационным поводам перед перевыборами губернатора.

Петербургский велопрокат стал не столько средством реализации продуманной концепции развития велодвижения в городе, сколько политическим феноменом самим по себе. Во-первых, своим появлением он продемонстрировал отношения преемственности между Петербургом и Москвой – видимо, это и была главная причина, по которой петербургские власти, до этого игнорировавшие вопросы велоразвития, неожиданно включились в создание городского велопроката. Системы байкшеринга в Москве и Петербурге не только организовала одна и та же компания на деньги одного и того же банка-инвестора, но и сами велосипеды и станции «переехали» из Москвы в Петербург, уступив в столице место новой системе проката. Красные «московские» велосипеды, перекрашенные в синий цвет, стали «петербургскими», и вопрос только в том, успели ли москвичи

ими воспользоваться или они все это время пролежали на складах. Так, именно следование примеру Москвы, а не стремление к построению «городской устойчивости» (которая, кстати, заявлена в «Стратегии экономического и социального развития Санкт-Петербурга на период до 2030 года») привело к появлению на улицах Петербурга системы велопроката.

Во-вторых, стандартизированная инфраструктура велопроката, попав в конкретную городскую среду, произвела неожиданные социальные эффекты – трансформировала город и трансформировалась сама. В проекте чешских инженеров, создавших эту универсальную систему, велопрокат – это расставленные в городе станции с магнитными замками и припаркованными на них велосипедами, а также онлайн-инфраструктура связей между станциями, смартфонами, банковскими картами пользователей и центром обработки данных. Как всегда при проектировании технологии, в нее заложили образы «хорошего» и «плохого» пользователей, создав технологические возможности для правильного использования и препятствия для неправильного – проезда без оплаты, воровства и вандализма. В конструкции использованы неснимаемые детали, неоткручиваемые болты и непротыкаемые шины; велосипедом нельзя воспользоваться без авторизации, анонимно – для доступа требуется банковская карта и номер мобильного телефона; онлайн-приложение постоянно контролирует пользователей – фиксирует время поездки, самостоятельно списывает со счетов деньги. Инженеры предполагали, что создали универсальную, пригодную для разных городов и почти полностью автоматизированную систему, в которой все под контролем. Люди, конечно, оставались значимой частью этой инфраструктуры: они работали в техподдержке и занимались балансировкой, то есть перевозили велосипеды со станции на станцию, если на одной был избыток, а на другой недостаток. Однако спектр сценариев, прописанных именно для человека-пользователя, был крайне ограничен: привязать банковскую карту к аккаунту в личном кабинете, взять велосипед на станции, поехать, прикрепить его к станции. Но, уже появившись на улицах города, велопрокат трансформировался в несколько иную технологию и стал использоваться не совсем так, как было задумано.

Горожане приняли велопрокат с интересом, но большого ажиотажа эта технология не вызвала. За первый год были приобретены около 13 тысяч однодневных абонементов, в то время как абонементов на неделю, месяц и сезон в сумме приобрели менее двух тысяч. На 13 тысяч купивших абонементы приходится только 12 тысяч поездок – велопрокат оказался не просто «однодневной» технологией, но скорее даже «одноразовой». Интервью с пользователями и продолжительные наблюдения

за их онлайн-активностью в группе велопроката в социальной сети «ВКонтакте» позволили увидеть две основные стратегии использования этой технологии. Первый – включение велопроката в систему повседневных поездок на работу/учебу и обратно. В этом случае велопрокат становится одним из видов транспорта. Поездка на личном велосипеде проигрывает в гибкости: если выехал с утра на нем из дома, то и возвращаться надо на велосипеде вне зависимости от изменившейся погоды или планов; прокатный велосипед можно легко сменить на любой другой вид транспорта. Прокатный велосипед – это так называемый «транспорт последней мили», то есть удобный способ связать массовые магистральные транспортные системы (например метро) с нужным адресом. Вторая стратегия – развлекательная, досуговая. Станции велопроката располагаются в центре города, вблизи достопримечательностей и привлекательных городских мест. Горожане и туристы с удовольствием проводили время, разглядывая город с необычного ракурса и переживая поездку на велосипеде как приключение. Опять же, на личном велосипеде неудобно ехать в центр с городской периферии только для того, чтобы «покататься».

Однако представленные сценарии оказались не так просто реализовать. Система отказывалась работать легко и гладко. Возникло огромное количество случаев такого взаимодействия между технологией и человеком, когда их взаимные ожидания не оправдывались. Человек рассчитывал, что любые действия терминала на велопрокатной станции, приложения на смартфоне, самого велосипеда будут детерминированы его собственным действием – например, нажатием на экран стационарного компьютера. На практике станция не всегда могла распознать действие человека, а человек не всегда понимал, распознала ли машина его правильно – ведь она не способна оценивать особенности контекста взаимодействия с человеком. В результате происходило то, что потребители называли «поломками». Так, пользователи сдавали велосипеды на станции, согласно предписанному сценарию, но станция не понимала, что велосипед прикреплен, и, соответственно, не фиксировала окончание поездки. С банковской карты продолжалось списание средств, а по истечении определенного времени (или при исчерпании средств) с точки зрения системы такой пользователь переходил в категорию «вор». Помочь в этой ситуации мог только звонок в службу поддержки или же обращение к администратору группы велопроката во «ВКонтакте» – сотруднику компании, которая обслуживала сервис. Пользователям нужно было доказать, что они не воры и не обманщики; иногда для этого они публиковали скриншоты с GPS-трекера, подтверждая, что их поездка завершилась намного раньше, чем считает система.

Случалось и множество других ситуаций неопределенности, которые превращали пользование сервисом в рискованное предприятие. Так, пришедший на станцию человек мог не обнаружить велосипед там, где мобильное приложение отображало его наличие. Пользователи разрабатывали стратегии борьбы с такой неопределенностью: например, шли к станции только в том случае, если мобильное приложение отображало не менее трех доступных для поездки велосипедов. Чем больше велосипедов на станции, тем больше шансов воспользоваться велопрокатом: если какой-то из них ошибочно воспринят станцией как «сданный» и в действительности отсутствует, у пользователя остаются шансы совершить поездку, взяв другой велосипед. Некоторые предпочитали перестраховаться и, не доверяя карте в мобильном приложении, заранее сдавали велосипед на промежуточную станцию и брали снова, давая таким образом себе возможность подъехать к конечной станции с запасом времени. Вдруг система обманула их и на самом деле там нет свободных парковочных мест, несмотря на то, что мобильное приложение говорит об обратном?

Перемещение на велосипеде тоже оказалось делом непростым. По непонятной причине – качество деталей, местный климат, работа компании-оператора или все вместе – от велосипедов регулярно отваливались детали, иногда прямо во время поездки. Если пользователь приходил на станцию, видя в мобильном приложении, что там есть велосипеды, у него не всегда была возможность уехать, так как все они могли быть неисправны. Чтобы не опаздывать на работу, пользователи носили в карманах гаечные ключи, отвертки и ремонтировали перед поездкой что могли – и это при заявленной производителем конструкции, которая не позволяет постороннему человеку вмешаться в ее устройство! Такие случаи были не единичны, и, что важно, в какой-то момент из эксцессов они превратились в само собой разумеющееся положение вещей. Состояние «хронической поломки» и выработанные стратегии ее преодоления стали неотъемлемой частью функционирования инфраструктуры велопроката.

Люди не только стали ремонтировать велосипеды, включившись, таким образом, в процессы поддержки функционирования инфраструктуры, но также объединились в огромную информационную сеть, поставляющую данные о состоянии велопроката для ремонтной бригады. О неполадках они активно сообщали в группе велопроката во «ВКонтакте» – изначально она была задумана для того, чтобы пользователи оставляли отзывы и задавали вопросы, а компания-оператор проводила кампании по продвижению проекта. В итоге эта страница в социальной сети превратилась в площадку для обмена знаниями о том, как же все-таки стать понятным для системы, как научиться с ней взаимодействовать; в площадку, аккумулиру-

ющую знание о неполадках в системе и о стратегиях преодоления поломок и неопределенности:

«Кстати, по моему опыту, тест на успешность втыкания [велосипеда в замок станции] такой: втыкаем велосипед, нажимаем на кнопку [на замке] и дергаем его. Если кнопка мигает, значит, не вткнулся и необходимо еще его туда-сюда пошевелить. Если кнопка горит ровным светом, то все ок» (сообщение из группы).

Пользователи следили за состоянием велосипедов и станций, делились этим онлайн, а компании-оператору это было выгодно и удобно, так как самостоятельно с поддержанием работоспособности этой системы она не справлялась.

Проблемы сервиса, конечно, связаны и с тем, как с ним обращались горожане. Многие использовали велопрокат не по назначению: сидели на перекладинах станций, засовывали окурки в замки и даже воровали велосипеды. Онлайн-сообщество пользователей активно осуждало таких вандалов, равно как и боролось с автомобилистами, паркующимися на местах для велосипедов, и даже самостоятельно искало украденные велосипеды, добиваясь в этом успеха.

История петербургского велопроката показывает, что инфраструктура создается не только «сверху» – силами инвесторов и городских властей. Она становится собой только в практиках пользователей. Инфраструктура, задуманная как универсальная, попала в конкретный городской контекст, и оказалось, что она плохо сочетается с окружающими ее условиями. Ей пришлось обрести дополнительные «детали» – например, группой в социальной сети и активным пользовательским участием, – чтобы функционировать. Петербургский велопрокат, однако, не только иллюстрирует, как меняется технология, попавшая в новые условия. Работа этой инфраструктуры – результат незаметного низового пользовательского сопротивления власти инженеров, архитекторов и городских управленцев, устанавливающих социоматериальный порядок и направляющих жизнь горожан через дизайн городских инфраструктур. Способность делать не так, как предписано, придумывать новые сценарии, использовать непредусмотренные инструменты и тактически обходить навязанные правила – вот что пользователи отлично продемонстрировали в обращении с велопрокатом. Пользователи стали «оживать» систему и своими действиями показали, насколько важна их роль в поддержании ее в рабочем состоянии. Гибкость, но в то же время постоянство пользователей в исполняемых практиках позволили им стать незаменимым компонентом инфраструктуры, который сделал ее более-менее устойчивой и способной исполнять свои прямые функции – облегчать перемещение по городу.

Ткань любого населенного пункта во множестве мест разрезана многочисленными заборами и оградами. Перечислять объекты, которые могут быть обнесены забором или заборчиком, долго и бессмысленно: дворы, кладбища, стройки, площадки для выгула собак, газоны, пешеходные тротуары, линии скоростного транспорта, гаражные кооперативы, храмы, предприятия, пляжи, заповедники – по сути, любая территория может оказаться внутри забора. Забор – первое, что появляется, когда какая-то территория начинает менять характер: строится дом, благоустраивается улица. Иногда этот забор потом разбирается, иногда заменяется постоянной оградой, а некоторые кажущиеся временными заборы из бетонных плит или профнастила имеют хорошие шансы задержаться в городе на годы. В результате повседневность горожанина не отделима от постоянного определения того, как проложить маршрут между огороженными территориями, какие заборы появляются в городе на привычных маршрутах, и того, за какие заборы человек имеет право пройти, за какие ему придется проникать путем долгих переговоров с владельцами или охранниками территорий, какие заборы придется штурмовать, а к каким лучше вовсе не приближаться.

Иными словами, забор является частью инфраструктуры, участвующей в определении социального устройства города, конструировании неравенств, повседневных практик и ожиданий от будущего. В отличие от многих других инфраструктур – систем общественного транспорта, интернета, подачи электроэнергии и воды и так далее, – забор не ориентирован на взаимодействие, коммуникацию или решение повседневных задач. Скорее наоборот: он запрещает, а не позволяет; ограничивает, а не расширяет возможности; заборы не складываются в сети, но разрывают существующие сети улиц и социальных констелляций на фрагменты. Заборы отличаются от многих привычных антропологам инфраструктур еще и тем, что они обращают на себя внимание людей. Многие инфраструктуры мы не замечаем до поломки; заборы же сознательно создаются, чтобы подчеркнуть и сделать видимыми границы, заместить перспективу ландшафта более или менее непрозрачной плоскостью ограждения. Забор заметен и раздражающ и в исправном виде, и в разрушенном (хотя и по-разному). Но эта «негативная» инфраструктура, «антиинфраструктура»,

Дарья Александровна Радченко (р. 1979) – антрополог, старший научный сотрудник Лаборатории теоретической фольклористики Школы актуальных гуманитарных исследований Института общественных наук РАНХиГС (Москва).

так же, как и другие, множеством способов влияет на потоки людей и значений.

Казалось бы, что может быть устроено проще забора и его базовой функции: отделить имеющих право на конкретную территорию от тех, кто этого права не имеет, исключив несанкционированное проникновение посторонних? Однако, разделяя территории частного или частично доступного и общественно-го, забор самим фактом своего существования (или отсутствия) не просто маркирует границы территорий, но и сообщает этим территориям и находящимся по обе стороны от границы агентам некоторые свойства.

Дело в том, что границу можно обозначить по-разному: провести линию на карте или прямо на асфальте, повесить веревку (именно так, например, в ранний период ролевых игр по сюжетам фэнтези и средневековой истории обозначали стены крепостей, которые затем и «штурмовали», имитируя своими действиями существование стены, обладающей физическими свойствами – высотой, толщиной и прочностью), посадить газон или воздвигнуть бетонную стену с колючей проволокой и полосой отчуждения. Выбор между этими вариантами обусловлен, во-первых, готовностью участников взаимодействия выполнять правила – например, не пролезать под шлагбаумом, на котором написано «частная территория», – а во-вторых, представлениями владельцев территории об этой готовности.

При этом нередко людям не так важно, что на их территорию зайдет абстрактный «чужой», как то, что на ней окажется потенциально вредоносный персонаж – «хулиган», «пьянь», «молодежь», «бомж» и так далее; для определенных городских объектов таким потенциальным злоумышленником оказывается вообще любой житель города. Выстраивая границу, забор неизменно маргинализирует то, что находится вдоль этой границы. Именно поэтому выражения «сдохнуть под забором», «шавка подзаборная» и тому подобные устойчиво востребованы в речевом узусе: «подзаборность» обозначает «ничейность», вытесненность за пределы освоенной территории, отверженность. Забор, по сути, выступает инструментом социального программирования территории.

Материальность забора – само его наличие, высота, проницаемость для взгляда – своего рода барометр уровня доверия между участниками городских практик. Забор, особенно непрозрачный, создает для людей внутри огороженного участка территорию максимально возможной свободы действий и неподконтрольности. Именно поэтому забор так востребован жителями «частного сектора», а отказ от забора – важный жест для многих социально ориентированных организаций, в ценности которых входит открытость и готовность к взаимодейст-

вию с горожанами. Горожане обращают на этот барометр серьезное внимание: например, если вокруг здания администрации появляется ограда, в городе начинают говорить, что «правительство огородили от общественности», то есть создали препятствие для взаимодействия и обратной связи. Так несколько десятков метров ограды могут серьезно подорвать доверие горожан к администрации – иногда на годы вперед.

ДАРЬЯ РАДЧЕНКО

ЗАБОР

В отличие от многих других инфраструктур, забор не ориентирован на взаимодействие, коммуникацию или решение повседневных задач. Он запрещает, а не позволяет; ограничивает, а не расширяет возможности; заборы не складываются в сети, но разрывают существующие сети улиц и социальных констелляций на фрагменты.

Заметим, что забор создает безопасное пространство в двух смыслах: люди и объекты, находящиеся за забором, защищены от нападения извне и не могут сами случайно попасть на небезопасную территорию за забором. Действительно, с одной стороны, забор не позволяет потенциальному злоумышленнику проникнуть на огороженную территорию. В небольших городах забор иногда оказывается еще и способом защиты территории от проникновения животных (особенно домашнего скота), разграничивая зоны для людей и зоны для нечеловеческих агентов. Например, парк в городе Камызяке был обнесен оградой именно по этой причине – здесь свободно паслись коровы и иногда забредали в парк, выщипывали там траву и оставляли навоз. Коров в городе уже не держат, но забор, утративший свою первоначальную функцию, продолжает существовать. С другой стороны, забор обеспечивает «контейнерность» того, что находится внутри. Например, благодаря забору дети не смогут выбежать на проезжую часть или просто убежать с детской площадки, из детского сада и школы и потеряться в городе. Встречаются, правда, и неожиданные ситуации, когда опасная и безопасная территория меняются местами: ночью в огороженном малолюдном пространстве (например в парке) может быть небезопасно, поэтому гуляющие держатся ближе к забору, чтобы в случае угрозы иметь возможность, перебравшись через него, быстро попасть в цивилизованное пространство города.

Таким образом, забор определяет пространство по одну от себя сторону как «безопасное», а по другую – как «небезопас-

ное». Город, в котором заборы обрамляют существенную часть улиц – это город, в котором нет или почти нет публичных пространств в том смысле, который вкладывают в это понятие урбанисты: мест безопасного взаимодействия незнакомых друг другу людей. Эта проблема усугубляется тем, что забор, защищая то, что находится по одну сторону, создает ситуацию воспринимаемой небезопасности для людей по другую сторону – если вдоль улицы тянется забор, в случае угрозы им негде укрыться и не у кого попросить помощи. В результате люди начинают избегать такую территорию, что делает ее еще более небезопасной; по сути, забор способствует «вымиранию» улицы, на которую он выходит.

Отделяя «свое» от «чужого», внешнего, угрожающего и обеспечивая безопасность «своего», забор задает предел не только физического пространства (не всегда, кстати, точно совпадающего с официальным межеванием) и линий разграничения между социальными группами, но и границы ответственности и взаимодействия. Самый простой пример такой ответственности – это благоустройство территории и уход за ней. Забор определяет пространство, на котором владелец территории будет сажать цветы, косить газон и убирать снег, а также принимать решения об архитектурном облике строений, находящихся внутри забора, и репертуаре принятых здесь практик. Тот же самый принцип ответственности за находящееся внутри огороженной территории действует, например, в отношениях между школами, учениками и их родителями: школа отвечает за безопасность и поведение ребенка, только пока он находится на ее территории, и именно поэтому меры по укреплению ограды могут показаться внешнему наблюдателю даже несколько избыточными.

Интересно, что не всегда те, кого забор призван защищать, относятся к нему позитивно. Забор может создавать у людей ассоциации с ограничением свободы, тюрьмой – особенно когда речь идет о школе, больнице, детской площадке. Иногда горожане описывают забор как «практику советских времен» – своего рода троп ограничений и репрессивности (хотя тысячи погонных метров забора появились существенно позже распада СССР, на пике кампании по «борьбе с терроризмом»). Оказывается, что установка забора всегда основана на балансе двух запросов горожан: на безопасность и доступность. Защищая, ограждение одновременно отрезает жителя города (впрочем, не только города) от какого-то блага: забор вокруг двора лишает красивого вида или возможности для беспрепятственного проезда служб экстренного реагирования; набережная с невысоким гранитным ограждением устроена так, чтобы страховать от падения в воду, но одновременно препят-

ствуется отдыху у кромки воды (на это, например, часто жалуются петербуржцы).

В некоторых случаях забор становится способом убрать за пределы публичных пространств объекты или людей, которые вызывают у большинства горожан негативные эмоции или даже провоцируют конфликты. Это тоже функция «контейнерования», на этот раз – нежелательного объекта, помещения его в своеобразное гетто, даже когда он, в сущности, не несет угрозу городу и сам не является повышенно уязвимым. Характерный пример такого рода – установка памятников святым в российских городах. За последние двадцать лет распространенность этой практики существенно выросла – только святым Петру и Февронии Муромским, почитаемым как покровители брака, в стране воздвигнуты более восьмидесяти памятников. Однако появление таких городских объектов нередко вызывает нарекания горожан: одни в принципе не согласны с появлением в публичном пространстве объектов религиозного характера, другие опасаются, что любые действия около них (входящие в привычный репертуар городских практик – например, фотосъемка, прослушивание громкой музыки или пикник на скамейке) могут быть классифицированы как «оскорбление чувств верующих» и повлечь репрессивные меры. Поэтому начиная с 2010-х подобные памятники все чаще ставят не в парках, скверах или на улицах города, а внутри ограды храмов и монастырей – на «частной» территории религиозных организаций. Но даже тогда, когда они все же появляются в городе, их стараются обнести хотя бы небольшой оградкой, физически маркируя тем самым территорию сакральности, где приветствуются одни практики (например связанные с поклонением святым) и не приветствуются другие. Встречаются и попытки городских администраций решить конфликт между какими-то группами в городе, просто закрыв для всех участников доступ на территорию, где этот конфликт разворачивается, включив ее на время или навсегда из конкурентной борьбы за пространство.

Заборы могут служить не только «контейнерами», но и маршрутизаторами, направляющими и организующими потоки людей или транспортных средств, чтобы исключить столкновения и конфликты между ними. В этом качестве они применяются для разграничения и направления потоков разных видов транспорта в духе градостроительства высокого модернизма. Ограды нужны, не только чтобы защитить пешеходов от возможных аварий с участием автомобилей, например, на опасном повороте или при несанкционированной парковке на тротуаре, но и для принудительного семиотического упорядочения классифицированных городских агентов. В итоге неко-

торые жители жалуются, что слепое следование нормам безопасности ведет к тому, что весь город оказывается перегорожен заборами, отделяющими тротуар от проезжей части. Оберегая пешеходов от транспорта, забор создает у них чувство ущемленности, несвободы, нехватки воздуха и пространства как на символическом, так и на физическом уровнях. Ограждения этого типа также разрушают привычные маршруты горожан, поэтому именно их нередко перепрыгивают и ломают, чтобы, например, срезать дорогу и успеть добежать до автобуса.

Но, даже просто окружая какую-то территорию, забор задает спектр возможных маршрутов в городе – и как понятный, наглядный ориентир («иди вдоль забора и потом сверни направо»), и как физическое препятствие, лишаящее возможности пройти коротким путем или через приятное место. Именно поэтому заборы, особенно лишённые общедоступных входов, «выключают» территорию из городской ткани, что обычно болезненно воспринимается горожанами. Так, например, произошло в одном курортном городе: после введения новых норм безопасности почти все санатории (а их в городе десятки) были обнесены оградами. Но, поскольку санатории в основном примыкают к городскому парку, обрамляя его, заборы стали существенным препятствием для горожан, которые привыкли приезжать к парку на общественном транспорте и входить в него через территорию санаториев. Это довольно характерный пример того, как забор не только мешает досугу на этой территории, но и препятствует сквозному, транзитному перемещению через нее к другой точке притяжения. В результате появления заборов изменились не только пешеходные маршруты, но и маршруты общественного транспорта: так ограда, которая казалась частным делом конкретного учреждения, влияет на потоки мобильности и доступ к ресурсам для всего города.

Такие ситуации могут разрушать не только маршруты, но и связанную с ними локальную идентичность. В ряде российских городов заборы и ворота не просто огородили подступы к ставшей частной недвижимости, но и перекрыли возможность срезать дорогу через сквозные дворы («сквозняки»). Вместе с этой возможностью ограждения уничтожили представление о том, что статус «местного» приобретает в том числе знанием таких тайных троп, и снизили интерес к тем частям города, через которые стало неудобно ходить.

Иногда об огороженных территориях – даже очень больших – забывают, они стираются с ментальных карт горожан. Обычно это происходит в ситуации, когда забором обносится будущая строительная площадка, но никакой деятельности там не происходит в течение многих лет. Горожане настолько

привыкают к тому, что за забором «ничего нет», что им подчас стоит существенных усилий вспомнить об этом участке города. Именно так произошло, например, в Москве на территории будущего парка «Зарядье» или в Санкт-Петербурге на Ватном острове, где десятки гектар земли в центре города были надолго закрыты строительным забором.

Забор нередко защищает не только от физического проникновения, но и от взгляда – именно поэтому он используется как способ скрыть от посторонних неприглядность территории (стройка, недострой, разрушенное здание, неухоженный склад, помойка и так далее) или отсутствие активности на ней, порождая множество слухов и городских легенд, в том числе о неправомерной деятельности. Руинированный или покосившийся забор маркирует предельное пренебрежение находящимися за ним объектами и их заброшенность, а ухоженный забор без следов посторонних вмешательств, вроде надписей или несанкционированных объявлений, является сигналом о благополучии территории и достойном качестве управления ею. Именно поэтому окна в красивом строительном ограждении призваны обозначать качество и порядок стройки, а ровно стоящий и проницаемый для взгляда забор из сетки-рабицы вокруг частной территории в зоне индивидуальной жилой застройки – сообщение соседям о том, что здесь обитают люди, которые соблюдают правила и им нечего скрывать.

В качестве архитектурной составляющей города проницаемая для взгляда ограда нередко становится элементом локальной идентичности – как, например, ограда Летнего сада в Петербурге или знаменитый «резной палисад» из песни Бориса Мокроусова и Михаила Матусовского «Вологда». Замена такой традиционной ограды на глухие заборы воспринимается жителями не только как закономерная реакция на небезопасность города, но и как разрушение идентичности места. Особенно резко горожане отзываются о распространенных в России заборах из профнастила или снабжение исторической решетки непрозрачными пластиковыми щитами. Непрозрачность забора разрушает визуальный характер улицы. Пожалуй, детские учреждения – это едва ли не единственный тип городских объектов, по поводу которых люди в основном согласны на высокий и надежный забор, защищающий не только от действия, но и от взгляда. В остальных случаях, особенно когда речь идет об объектах публичного пользования, горожане чаще настаивают на невысоком заборчике, живой изгороди, легкой просматриваемой насквозь ограде. Иногда забор даже описывается как признак «деревенского» в городе. Город в этой системе представлений – место, где доминируют публичные пространства, доступные если не для посещения, то для взгляда, в противовес

«селу», которое складывается из закрытых глухими заборами частных дворов. Непроницаемые заборы тем самым наносят удар по городской идентичности (а утрата городского статуса воспринимается горожанами очень болезненно).

Иногда, впрочем, и глухой стандартный забор может стать частью образа города, а изображения на заборе становятся частью истории и наследия. Большинство российских заборов – это ровная монотонная поверхность, которую горожане стремятся украсить, прикрыть или использовать как своего рода «свободную зону», на которой можно размещать любые сообщения, воспринимающиеся как временные – поскольку предполагается, что забор рано или поздно будет снесен, – а значит, взаимозаменяемые, подвижные, конфликтующие. В результате на заборах появляются и реклама (заметим, что прибыль от нее иногда становится веской причиной сохранять забор, даже когда в нем уже нет необходимости), и нелегальные граффити, и санкционированные администрацией муралы. Даже после того, как их закрашивают или ломают сам забор, граффити и связанные с ними конфликты продолжают фигурировать в устных рассказах горожан. Так, в исследовательском интервью, взятом в 2018 году, местный житель с гордостью упоминает, что на одном из заборов до сих пор сохранилась надпись «ДМБ-1991». Забор становится городской арт-галереей, воплощением визуального кода города.

Так произошло, например, со строительными заборами, которыми изобилует Нижний Новгород. Территории, отведенные под застройку, неизменно обносились синим забором из профнастила, и после этого они оказывались неактивными в течение многих лет; особенно бросалась в глаза недоступность из-за такого забора существенной части набережной Волги – как физическая, так и визуальная. «Синий забор» стал героем локальных интернет-мемов и нарративов о городе. Даже сам город в шутку стали называть «Синезаборском». На забор наносилось множество граффити, причем с обеих сторон – со стороны города и со стороны закрытой территории, – и образовавшаяся спонтанная «арт-галерея» стала объектом посещения нелегальных экскурсий. В итоге значение забора оказалось настолько высоким, что после его демонтажа несколько секций с граффити были сохранены и на некоторое время выставлены на всеобщее обозрение; так Нижний Новгород обзавелся собственной «берлинской стеной» – хотя и с заметно менее драматичной историей, чем у оригинала. Этот пример показывает, как непрозрачность ограждения и невостребованность территории за ним могут сделать арену выражения и столкновения городских интересов сам забор, который тем самым радикально трансформируется: из линии, обозначающей

границу между плоскостями, он сам становится плоскостью, на которой разворачиваются практики и конфликты.

ДАРЬЯ РАДЧЕНКО

ЗАБОР

Однако даже сплошной забор не настолько непроницаем, как кажется. Практически в любом заборе рано или поздно возникают проходы или дыры, через которые горожане проникают на закрытые территории. Эти проходы выполняют целый набор функций. Прежде всего они фиксируют и обозначают неформальные маршруты горожан. Очень часто встречается ситуация, когда дыра в заборе возникает просто потому, что официальный вход на огороженную территорию расположен неудобно для пользователей – жителей прилегающих к парку районов или людей, приезжающих к территории на общественном транспорте, остановка которого расположена у глухой стороны ограждения. Как правило, расположение таких дыр не скрывается: к ним ведут натоптанные тропы, кратчайшие пути от точки скопления людей к огражденной территории. Сочетание тропки и дыры в заборе образует вернакулярную инфраструктуру территории, альтернативную официальному подъездному шоссе и парадной входной группе или КПП.

**Непрозрачность ограждения и не востребо-
ванность территории за ним могут сделать ареной выражения
и столкновения городских интересов сам забор,
который тем самым радикально трансформируется:
из линии, обозначающей границу между плоскостями,
он сам становится плоскостью, на которой
разворачиваются практики и конфликты.**

Дыра в заборе (как и любой другой неочевидный способ срезать путь, будь то проходной двор, подъезд или торговый центр с двумя выходами) часто присутствует в ментальных картах горожан. В этом качестве дыра приобретает дополнительную функцию: она становится частью локального знания, отличающего местного жителя, владеющего секретами эффективного передвижения по району, от неместного (например туриста), который в своих передвижениях руководствуется картой и не умеет или даже боится пользоваться вернакулярной инфраструктурой. Например, в парке может возникнуть «вход для туристов» (официальный, иногда даже снабженный кассой для приобретения входных билетов и ведущий в самую густонаселенную, «попсовую» и шумную, часть парка) и «вход для местных» – дыра в заборе, приводящая на малолюдные и тихие части.

Знание таких входов для местных – важный ресурс, который не просто улучшает качество жизни в районе, но и является основой статуса «своего». В некоторых ситуациях этот статус дополнительно подкрепляется умением правильно пользоваться дырой: например, не попасться на глаза охране, успешно пройти по территории режимного объекта, в принципе рискнуть зайти на небезопасную огражденную территорию (заброшенного здания, стройки) и так далее. Закрытая от посторонних и огороженная территория воинской части тоже может стать «парком для местных» – через дыру в заборе туда пролезают выгуливать собак и собирать грибы. Дыра оказывается еще и способом перераспределения иного блага – самой территории. Например, воинские части нередко воспринимаются жителями ближайших районов как захватчики, неизвестно зачем присвоившие большой кусок земли и практически никак его не использующие, что в глазах жителей легитимизирует попытки несанкционированно проникнуть внутрь через дыру в заборе, чтобы погулять, особенно если в районе недостаточно парков.

Упоминание кассы приводит нас к необходимости обсудить еще одну функцию дыры в заборе. Иногда она становится способом бесплатно получить платные блага (например попасть на каток), а иногда – и каналом «теневого» экономики. Например, воспоминания жителей СССР о 1950–1980-х изобилуют рассказами, как через дыры в заборе осуществлялся вынос продукции с заводов или даже ее продажа тут же на месте. Более современная практика – передача через щели в ограждении пропусков на территорию образовательных учреждений, больниц, предприятий, лишаящая забор его основной социальной функции: отделять имеющих доступ на территорию от чужаков.

Владельцы территории, как правило, пытаются воспрепятствовать несанкционированному пользованию находящимися там благами и даже самому присутствию посторонних, закрывая дыры, выставляя около них охрану или высылая патрули. Однако ремонт инфраструктуры – а по сути, ремонт фрейма взаимодействия между людьми внутри ограды и снаружи – нередко обречен на провал: горожане в ответ «ремонтируют» дыру или воспроизводят ее в другом месте. Встречаются ситуации, когда владелец территории прекращает ремонт забора, делая дыру непроходимой – утыкая стеклом, обмазывая пачкающей одеждой солидолом (как, например, случилось с одной воинской частью на территории Москвы) и так далее.

Значит ли это, что у забора не может быть мирной жизни и что, видя забор, горожанин непременно будет стремиться проникнуть за него хотя бы взглядом, а когда это невозмож-

но – выразит свой протест надписью на заборе или жалобой в городскую администрацию? Значит ли это, что идеальный город – это город без заборов вообще, демократичный и прочищаемый? Тезис соблазнительный, но, следуя ему, мы сводим агентность горожанина по отношению к публичной инфраструктуре всего к двум опциям – подчинению и протесту (в том числе символическому). Наблюдение за взаимодействием горожан и заборов, однако, показывает, что существует еще один тип практик. Назовем его «приручением».

Под приручением мы будем подразумевать поиск и практическую реализацию возможностей объекта, не предполагавшихся при его создании, а ставших результатом его тотальной семантической трансформации – то есть разрыва связи между материальными и семиотическими свойствами. Поскольку забор часто бывает стационарным сооружением с прочным фундаментом, его используют как опору для более мобильных объектов – например, приковывая к нему велосипеды или приваривая скамейку, чтобы ее невозможно было унести. На высокий забор можно опереться, чтобы отдохнуть или чтобы пробраться, цепляясь за него руками или даже перебираясь по горизонтальной перекладине, мимо глубокой лужи или обледеневшего участка тротуара. Он удобен для наблюдения сверху: например, во время массовых мероприятий (праздников, митингов) как минимум несколько присутствующих займут удобные обзорные места на опорах забора. Невысокие же заборчики и бордюры используются как замена отсутствующих лавочек и в повседневных ситуациях; именно поэтому совмещение ограждений с лавкой так органично воспринимается горожанами.

Прирученный таким образом забор, сохраняя свои материальные свойства, превращается в иной тип инфраструктурного объекта – городскую мебель, подменяя собой отсутствующие настоящие скамейки, велопарковки, поручни и даже (в случае особенно глубоких луж) сами улицы. Тот факт, что он разделяет два пространства, перестает быть важным: прирученный забор предохраняет от падения, повреждения, агрессии посторонних людей и среды не только то, что находится за ним, но и тех горожан или те объекты, которые являются внешними по отношению к оберегаемому забором пространству. Приручение не равно завоеванию: в ходе этой трансформации горожане не меняют физические свойства забора (разве что несколько усиливают его износ) и не претендуют на то, что за ним находится. Скорее это выстраивание временного альянса с потенциально конфликтной инфраструктурой.

Итак, забор оказывается больше, чем материальным воплощением границ территорий, принадлежащих различным город-

ским агентам. Забор – это социальный фильтр, разделяющий горожан на группы, контейнер для обеспечения сохранности объектов и защиты людей; маршрутизатор, направляющий потоки мобильности; семиотический инструмент, проявляющий статус городского агента и самого города. Но, кроме того, это территория выстраивания взаимодействия официально санкционированных и вернакулярных практик. Забор не только поле битвы интересов и поиска компромиссов между людьми, институтами, идеями, потоками, но и субъект этого взаимодействия, вступающий в конфликтные или союзнические отношения с остальными участниками городской жизни.

В декабре 2018 года я наблюдала первое дело с участием присяжных в районном суде Санкт-Петербурга. На сайте суда был указан зал, закреплённый за судьей, председательствующим в этом деле. Однако все заседания с участием присяжных проводились совершенно в другом зале. Для того, чтобы попасть туда в качестве публики, мне пришлось оповещать судью или секретаря о том, что я хочу послушать дело, спуститься на этаж ниже и сидеть у большой металлической двери, отделявшей публичную зону суда от лестницы, по которой конвои перемещают подсудимых по зданию. Пройти за эту дверь самостоятельно у посетителя суда нет никакой возможности, так как она закрыта на магнитный ключ. Поскольку мне пришлось просидеть перед этой дверью немало времени, я запомнила ее чуть ли не лучше обстоятельств слушающегося дела. Не только я, но и участники дела (свидетели, эксперты) сидели в тупике коридора и ждали. Ждали, когда за ними придут приставы и сопроводят в зал. Обычно меня приглашали в зал вместе с первым свидетелем, таким образом, я почти всегда пропускала какую-то часть *de jure* открытого судебного заседания. Однажды меня совсем забыли пригласить – и, что удивительно, на самом процессуальном значимом этапе: обсуждении вопросного листа.

Оставив за скобками вопрос, насколько законен такой порядок – ведь все судебные слушания по этому делу должны быть открытыми и доступными для публики, – сосредоточимся на инфраструктуре зала. В этом небольшом помещении пришлось создавать зону для размещения присяжных: на небольшом возвышении-подиуме возле окон поставили восемь мягких и, на сторонний взгляд, удобных кресел, которые были маркированы номерами. Кресла были выставлены в два ряда и отделены от остального зала стационарным барьером. Присяжные рассаживались так же по номерам: шесть основных и двое, под номерами 7 и 8, запасных. Именно таков минимальный состав коллегии присяжных, требуемый законом для уровня районных судов.

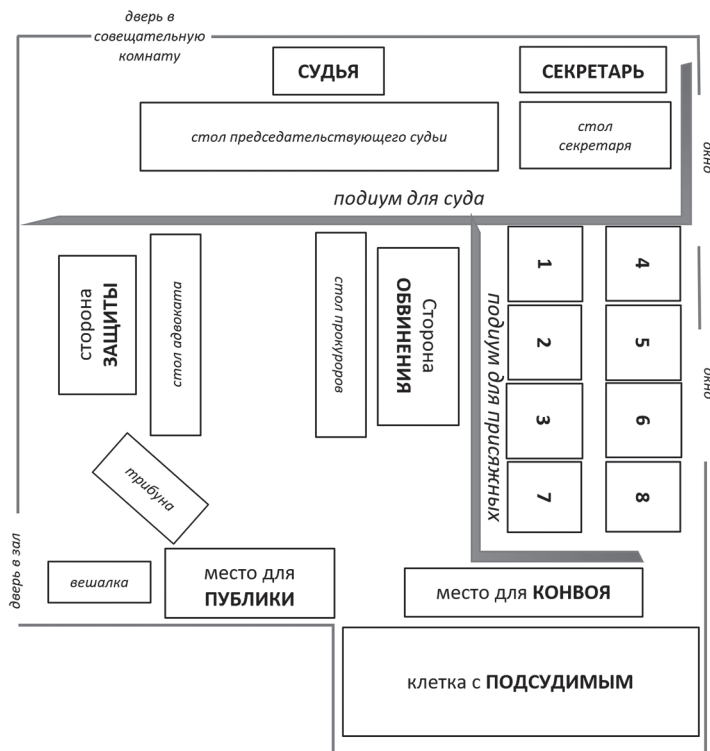
Остальным участникам пришлось серьезно потесниться. Сторона обвинения (две женщины – работницы районной и городской прокуратуры) была притиснута к присяжным спиной, сторона защиты (один мужчина-адвокат) плотно прижата к стене напротив присяжных. Но они остались расположенными друг напротив друга, что является традиционной рассадкой сторон

Екатерина Ходжаева (р. 1976) – научный сотрудник Института проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге.

в российских судах (илл. 1). Поскольку в этом зале клетка с подсудимым размещена в угловой нише стены, по диагонали от адвоката, из-за тесноты защитник не мог постоянно контактировать со своим подзащитным во время слушаний, как это обычно бывает. Иначе ему пришлось бы каждый раз протискиваться со своего места. Подсудимому и его защитнику обычно разрешалось поговорить только до заседания и после. В это время в зал старался никто больше не входить, чтобы не нарушить конфиденциальность разговора. Для публики была оставлена единственная скамейка у самого входа. Тут же поставили трибуну для свидетелей и вешалку для одежды: гардеробы в российских районных судах – большая редкость, и потому все непостоянные участники и просто слушатели вносят верхнюю одежду в зал. Над всеми нами, на возвышении располагался стол судьи, и сбоку от него – стол секретаря. Эту зону, поскольку она очерчена подиумом, нельзя ужать, так что судья и секретарь не сильно пострадали от перестановки.

В итоге, в этом зале зона присяжных заняла примерно одну пятую всего пространства, резко сокращая возможности передвижения – прежде всего для обеих сторон. По словам работников суда, это самый большой зал в старом здании и ничего, что он расположен в конвойном отсеке, зато хоть как-то можно развернуться.

Илл. 1. Схема зала суда со стационарной зоной для присяжных.

С июня 2018 года возможность ходатайствовать о рассмотрении дела с участием присяжных получили обвиняемые в некоторых типах преступлений, подсудных судам районного звена. До этого все дела с привлечением в качестве судей обычных граждан проходили в зданиях областных и равных им судов, обеспеченных всем необходимым для проведения заседаний. В каждом областном, республиканском и краевом суде оборудованы просторные залы для участия присяжных и отдельные комнаты для коллегий. Исключение из этого правила составляли немногочисленные присутствия (удаленная работа части судей на постоянной или выездной основе) областных судов в малодоступных населенных пунктах, которые обычно располагались в зданиях судов районного звена. Здесь тоже – еще до 2018 года – были оборудованы залы для участия присяжных, но обычно не такие просторные, как в областных судах.

В связи с изменением законодательства в 2018 году администраторам судов (это должности работников районного суда, подчиненных региональным управлениям Судебного департамента) необходимо было предпринять усилия по созданию условий для размещения присяжных в здании суда, непосредственно в судебных залах, для организации прохода и тому подобное. Однако нельзя сказать, что практика проведения процессов с присяжными получила распространение во всех судах одновременно. Сегодня, после трех лет реформы и более 1800 дел с участием присяжных, все еще остаются районные суды, где слушания с присяжными до сих пор не проводились. Такая неравномерность связана с тем, что, в отличие от практики в англосаксонских странах, где некоторая группа дел обязательно рассматривается судами равных (например, когда подсудимому грозит смертная казнь или пожизненный срок), в России решение, состоится ли такой процесс, принимает обвиняемый. Для российских судов районного звена – это чаще всего слушания об убийствах (часть 1 статьи 105 Уголовного кодекса Российской Федерации – УК РФ), в том числе и незаконченных (статья 30 УК РФ); умышленном причинении тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего (часть 4 статьи 111 УК РФ), и покушение на сбыт наркотических средств в особо крупном размере (часть 5 статьи 228.1 УК РФ).

Еще на этапе подготовки к реформе в кругу работников судебной системы (суды и территориальные управления Судебного департамента) обсуждались именно инфраструктурные проблемы. Далеко не в каждом районном суде есть просторный зал, где можно разместить стационарные зоны для присяжных – место для их рассадки, отделенное неразборным барьером. Кроме того, присяжным необходима отдельная комната, в ко-

торой они могли бы ожидать начала заседания или проводить время в перерывах и, главное, проводить обсуждения для вынесения вердикта. По рекомендациям Судебного департамента расположение этой комнаты должно исключать возможность воздействия на присяжных со стороны других лиц как изнутри здания суда, так и снаружи (например через окна). Желательно, чтобы эта комната была оборудована туалетом, иначе аппарату суда и приставам придется решать вопрос организации посещения присяжными общей для суда туалетной комнаты так, чтобы исключить общение с другими участниками процесса или с посетителями. Идеальной ситуацией было бы наличие отдельного для присяжных прохода к залу, чтобы они вообще не могли сталкиваться с участниками и публикой. И наконец, в тех же целях необходимо было продумать, как переоборудовать зал судебного заседания, чтобы разместить присяжных, участников и всех пришедших на слушание.

Ниже – на материалах полевых исследований Института проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге – я опишу, как были решены эти инфраструктурные вызовы в отдельных районных судах. С декабря 2018 года по июнь 2021-го при поддержке «Фонда Хамовники» были проведены полевые выезды для включенного наблюдения в двенадцати районных судах и для экспертных интервью в райцентрах и столичных городах (всего 32 районных суда), где шла подготовка к судам с участием присяжных или уже были рассмотрены первые дела с присяжными.

Вызов первый: какой зал выбрать для организации процесса с участием присяжных? За редким исключением такие процессы проводятся в том же суде, в котором дело принято к рассмотрению. Это означает, что каждое здание районного суда и избранный судебный зал должны соответствовать названым выше условиям. При этом такой нормативный идеал в некоторых районных судах объективно недостижим. Например, в старом здании часто нет отдельного входа для судей или нет просторных залов. В некоторых отдаленных сельских районах встречаются здания судов, не оборудованные туалетными комнатами, и всем участникам, включая присяжных, приходится пользоваться уличной уборной. Однако лишь в редких случаях принималось решение о том, что для проведения слушаний с участием присяжных председательствующий в деле судья может использовать инфраструктуру другого суда. Так, из всех известных нам регионов, где в столичных городах действуют несколько районных судов, по такой схеме организует судопроизводство с участием присяжных лишь Ростовская область. В Ростове-на-Дону и Волгодонске все заседания в такой форме

судопроизводства проводятся на базе наиболее оборудованного районного суда. Также нам известны случаи и из других регионов, когда отдельные слушания переносились в здания других судов – но это были скорее исключения из правил, вызванные, например, необходимостью проведения допроса по видеоконференцсвязи, ремонтом или переездом суда. Так, в одном районном суде областной столицы зал, который был выбран для процесса с присяжными, не был оборудован видеоконференцсвязью. Когда она понадобилась для проведения допроса свидетеля из другого региона, на одно заседание всем пришлось переместиться в областной суд, где в зале есть и инфраструктура для присяжных, и видеосвязь. В Москве также известны случаи переноса заседаний с присяжными в Московский городской суд в связи с большой загруженностью единственного оборудованного для присяжных зала в суде районном (когда там рассматривались одновременно два дела). Но обычно заседания с участием присяжных проводятся в том суде, где дело принято к производству, вне зависимости от того, есть ли в нем необходимые условия или нет.

Мало где есть возможность организовать отдельный зал, который использовался бы только для процессов с участием присяжных. Среди наших примеров – это крупные здания судов, где была возможность выделить отдельное помещение под новый зал, или же малосоставные суды, где залов больше, чем работающих судей. Обычно такой роскоши, как свободный зал, не имеется, и для проведения слушаний с участием присяжных отдается самый просторный зал в суде – и неважно, за каким судьей он закреплен. В российских районных судах чаще всего судья, рассматривающий уголовные дела, помимо своего кабинета, имеет и закрепленный преимущественно за своими процессами зал судебных заседаний. Иногда судьям, чей зал лучше оборудован или более просторен, приходится уступать его коллегам, если те рассматривают резонансное дело и требуется пространство, например, для публики или присяжных. Очень редко используется не самый большой зал в здании. Так, в одном суде для процессов с участием присяжных был выбран достаточно скромных размеров и не оснащенный видеоконференцсвязью зал (хотя там был другой, более просторный и оснащенный). Выбор был сделан по соображениям безопасности: этот зал – единственный в суде – располагался на первом этаже, и здесь же работники суда освободили свой кабинет для совещательной комнаты. В результате присяжные практически не перемещались по суду и не сталкивались с другими участниками: они входили в здание, проходили 15 метров до своей совещательной комнаты. Для того, чтобы пройти в туалет, им надо было преодолеть еще меньше – метров 10. А вход

в зал суда располагался в 4 метрах от их комнаты. Так аппарат суда решил проблему их безопасности – тут же, у входа в суд, на том же этаже, располагался пост приставов.

Важно отметить, что представления о просторном зале в разных судах разные. Мы встречали действительно просторные помещения (и в крупных городах, и в маленьких райцентрах – 10 на 15 метров). Но чаще всего это зал в среднем 7 на 9 метров или даже меньше, в котором оборудована зона для председательствующего, секретаря, сторон, а также есть клетка или стеклянная кабина («аквариум») для тех подсудимых, которые находятся под предварительным арестом; должны быть также скамьи для публики и для потерпевших. Так что не всегда слова «просторный зал» подразумевают, что места достаточно для всех.

Если судья слушает дело не в своем зале, то в те дни, когда слушание не предполагает участия присяжных (на них обсуждаются исключительно процессуальные вопросы, тогда как присяжным, как судьям факта, доводятся только сведения по существу самого события преступления), он имеет возможность выбрать – остаться в чужом или вернуться в свой. Чаще судьи предпочитают свои залы, к которым и они, и секретари привыкли.

В очень редких случаях в зале, где проходят слушания с участием присяжных, для них оборудуется отдельная стационарная зона с непереносным и неразборным барьером. Так бывает, если в суде нашлось свободное помещение, которое удалось оборудовать под такой зал. Во всех известных нам примерах такие помещения раньше принадлежали конвойной зоне суда, которую переоборудовали в отдельный зал, а конвой потеснили (см. пример помещения без окон на *илл. 3*). Но в типовом случае стационарная зона отсутствует, и для обозначения места присяжных используются разборные, временно установленные барьеры (их еще иногда называют «трансформерами»). В остальное время, пока слушание еще не завершено, но зал используется для судебных заседаний по другим делам, эти барьеры не разбираются, но могут незначительно сдвигаться, так что зона, предназначенная для присяжных, пустует.

Итак, в типовом случае слушания с присяжными проводятся в самом большом и оборудованном зале суда, где для них организуют временную, отделенную разборным барьером зону. В условиях районных судов понятие «просторность» далеко не всегда означает действительно большой зал – чаще речь идет о залах довольно скромных размеров. В редких случаях в судах организуется отдельный зал, который могут использовать все судьи. Обычно все же кто-то из судей считает зал своим и либо сам председательствует в деле с присяжными,

либо уступает этот зал коллеге, которому выпало вести дело с присяжными.

ЕКАТЕРИНА ХОДЖАЕВА

ЗАЛ СУДЕБНОГО
ЗАСЕДАНИЯ

Вызов второй: *где разместить присяжных на время процесса?* Закон обязывает организовать совещательную комнату – отдельное помещение, в котором присяжные будут обсуждать вердикт. Где-то в трети случаев – это совмещенная с залом совещательная комната судьи, из которой выносятся его личные вещи и где размещается необходимая мебель для основных и запасных членов коллегии присяжных. Однако дизайн большинства этих помещений устроен так, что попасть в них можно, только пройдя через весь зал. А если в нем уже проводятся процессуальные обсуждения, это может быть неудобно сторонам. Более того, дверь в таких совещательных комнатах часто недостаточно плотная, и организаторы суда опасаются, что присяжные могут услышать из процессуальных обсуждений то, что им не полагается (например о недопустимых доказательствах). Стоит отметить, что не все доказательства в деле могут быть представлены присяжным, даже если стороны этого хотели бы. Например, нельзя обсуждать личные характеристики подсудимого и потерпевшего, если они не связаны с самим событием преступления, а также судимость, профессию, наличие детей – все это обсуждается без присяжных. Кроме того, совещательная комната судьи должна использоваться по прямому назначению – председательствующему судье она нужна для вынесения некоторых решений по ходатайствам сторон в ходе процесса.

Поэтому чаще всего для присяжных в здании суда организуется еще одна отдельная комната, не связанная с залом суда. Это может быть помещение, «позаимствованное» у кого-то из аппарата суда, или даже отдельный зал судебных слушаний. Там присяжные размещаются до начала заседания, там же ожидают в перерывах, там же обсуждают свое решение, если отсутствует совмещенное с залом суда помещение или оно используется председательствующим.

Если для размещения присяжных отдается отдельный зал судебных заседаний, рассмотрение других дел назначается на другое время или переносится в личные кабинеты судей. Так, например, в двух наблюдавшихся мною случаях суды оказались практически парализованы: из трех залов суда, оборудованных для рассмотрения дел, два были заняты под дела с участием присяжных – в одном они размещались для отдыха, а в другом слушалось дело. Почти все слушания по другим уголовным делам были передвинуты на другие дни, чтобы освободить для присяжных эти два зала. Гражданские и административные дела судьи рассматривали в своих кабинетах, а не в залах. На этот случай почти в каждом районном суде стра-

ны судьи-цивилисты оборудуют в своем личном кабинете зону с государственной символикой (герб, флаг) и создают места для сторон гражданского процесса.

Третий вызов: *как разместить присяжных в зале?* Неважно, стационарно или временно оформляется зона для присяжных в зале, общее правило таково, что ее – за редчайшими исключениями – размещают вдоль стены с окном. Это делается не потому, что аппарат судов заботится, чтобы у присяжных было достаточно света, а потому, что другого выбора обычно нет. В большинстве судебных залов клетка или стеклянная кабина для подсудимого и стол защитника располагаются возле капитальной стены без окон, по правую или по левую руку от судьи. По правилам, присяжные должны располагаться напротив подзащитного, и так они автоматически оказываются спиной к окнам.

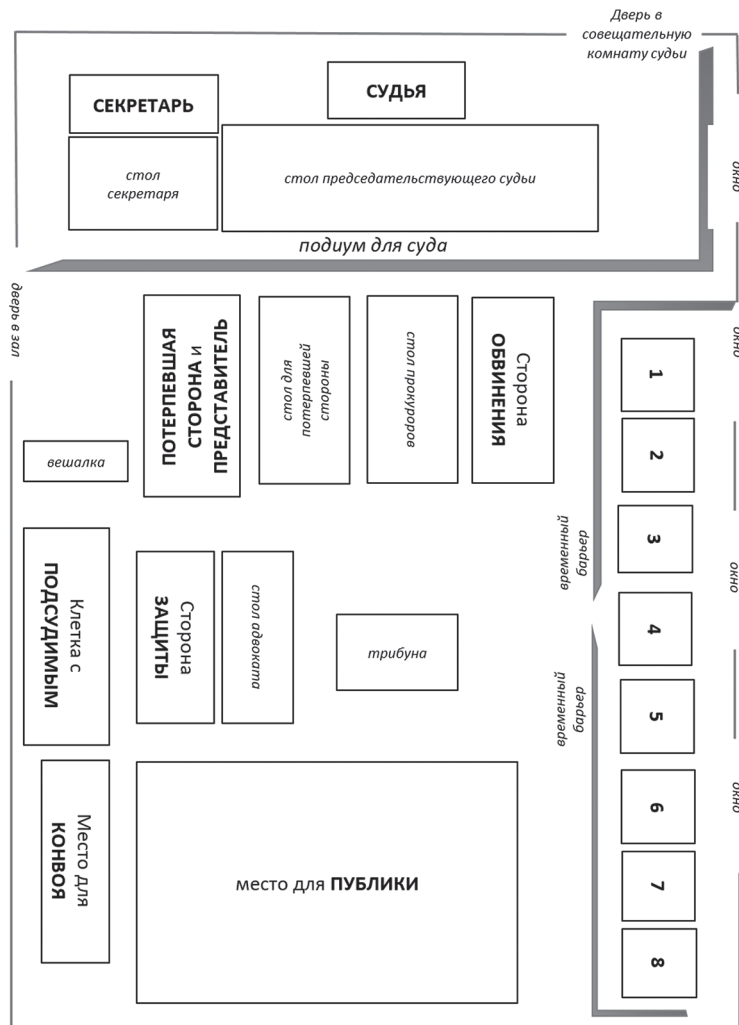
Адвокат Сергей Насонов в лекции, прочитанной в октябре 2019 года в Северо-Западном филиале Российской академии правосудия, рассказал о случае из собственной практики, когда размещение стеклянной кабины напротив незатемняемого окна привело к тому, что световые блики на стекле «каквариума» мешали присяжным видеть подсудимого. Это, по мнению защиты, нарушало основной принцип суда с участием присяжных: граждане, вершащие правосудие, должны видеть человека, чью судьбу решают.

В некоторых случаях присяжных размещают не строго напротив клетки подсудимого. Они могут оказываться в углу помещения (так было у нас в одном деле): группа присяжных наблюдала за происходящим из угла, практически с того же места, где часто размещают публику, тогда как клетка располагалась посередине стены. Либо, как в другом деле, наоборот, клетка с подсудимым находилась в углу, а присяжные были приближены к столу председательствующего (см. илл. 5). В обоих случаях подсудимый лишается важного права говорить перед присяжными, находясь лицом к ним.

Бывают очень редкие исключения, когда зона для подсудимого располагается рядом с окном. Так было лишь в одном случае в Санкт-Петербурге. Здесь для конвоя был обустроен отдельный проход в зал из закрытой для публики конвойной зоны и стеклянная кабина для подсудимого располагалась у окна, ближе к этому проходу. Другое исключение тоже из Санкт-Петербурга – в деле, описанном в самом начале статьи: клетка для подсудимого была оборудована в нише капитальной стены, напротив председательствующего судьи (илл. 1). При этом защитник располагался традиционно рядом с судьей и был отделен от подзащитного всем пространством судебного зала.

Как рассадить присяжных? Некоторые суды выбирают опцию «рассадить всех в одну линию», особенно если зал длинный и узкий (илл. 2, 3). В этих случаях часть присяжных оказывается значительно ближе к председательствующему и сторонам, а другая – к публике, которую обычно размещают у стены, напротив председательствующего.

ЕКАТЕРИНА ХОДЖАЕВА
ЗАЛ СУДЕБНОГО
ЗАСЕДАНИЯ

Илл. 2. Пример рассадки присяжных в одну линию.

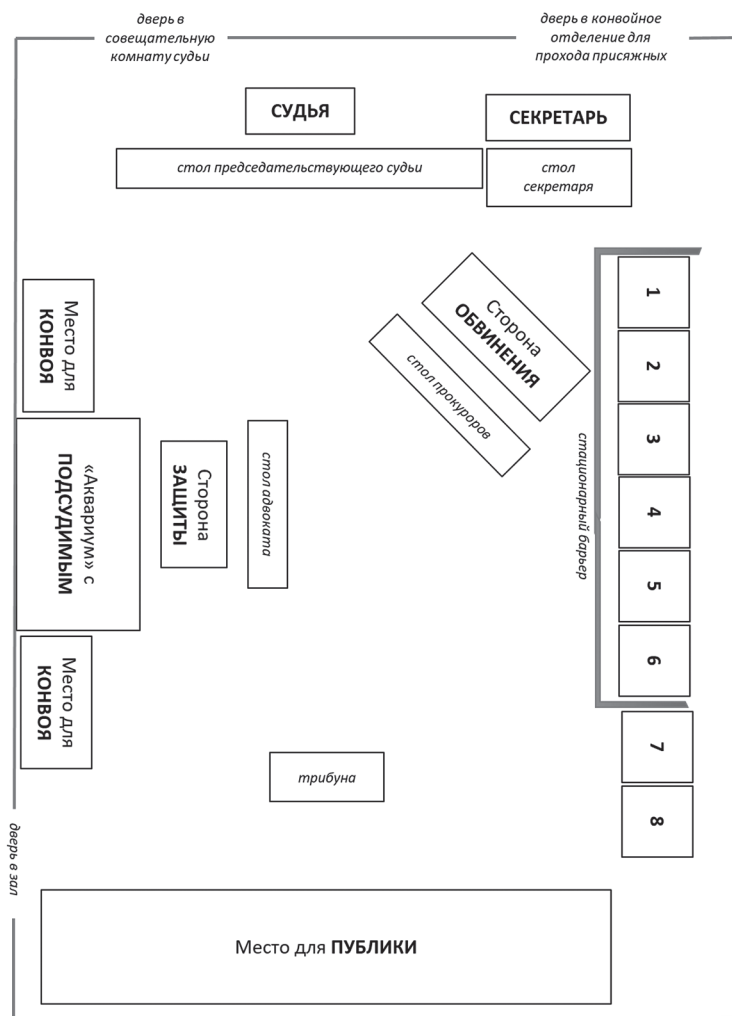
Другие суды организуют зону для присяжных так, что они сидят в два ряда (илл. 1, 4, 5). И тогда они располагаются как бы единой группой, более компактно. Важно, что присяжные не должны общаться и переговариваться во время заседания (как, впрочем, и обсуждать дело в совещательной комнате до того момента, пока перед ними не поставлены вопросы) – им это разъясняется председательствующим во вступительном слове.

Однако нередко создаются микрогруппы из близко сидящих присяжных, которые кратко переговариваются или обмениваются взглядами, жестами одобрения или сомнения. Поэтому рассадка так или иначе влияет на возможную сплоченность этих микрогрупп. Так, в одном деле основная коллегия состояла из трех мужчин (включая старшину) и трех женщин. Двое запасных были женщинами. Мужчины оказались первыми тремя по номерам и сели рядом (илл. 2), оказавшись ближе к основному «действию»: все участники были им видны и слышны лучше, чем остальным присяжным, отодвинутым в глубину зала. В результате уже на первом заседании эти трое сформировали сплоченную группу единомышленников: они переговаривались не только во время заседания, но и после суда – я видела, как они стояли втроем и жарко что-то обсуждали возле входа в здание.

Поскольку чаще всего присяжных размещают напротив подсудимого и защитника, то незавидным оказывается положение обвинителя, стол которого в российском суде всегда расположен напротив стола защиты и перпендикулярно к столу председательствующего судьи. Так обвинитель оказывается спиной (реже боком – если зал длинный и узкий) к присяжным. В редких случаях обвинители остаются сидеть на своем обычном месте, не передвигая стола (илл. 1, 2). Тогда он или она вынуждены, выступая перед присяжными с длительной речью, разворачиваться к ним лицом со своего места или проходить к трибуне для свидетелей. Но во время слушаний такой обвинитель будет ограничен в возможности наблюдать за присяжными и обращаться к ним с краткими репликами с места (ему придется все время разворачиваться к ним лицом). Поэтому значительно чаще обвинители устраивают «танцы со столами». До начала первого заседания с присяжными сторона обвинения передвигает свой стол так, чтобы видеть присяжных, тем самым уравнивая свои шансы на визуальный контроль со стороны защиты. Некоторые обвинители, если позволяет пространство помещения, оставляют стол на месте, но размещают его под углом в 45 градусов к линии рассадки присяжных (илл. 3).

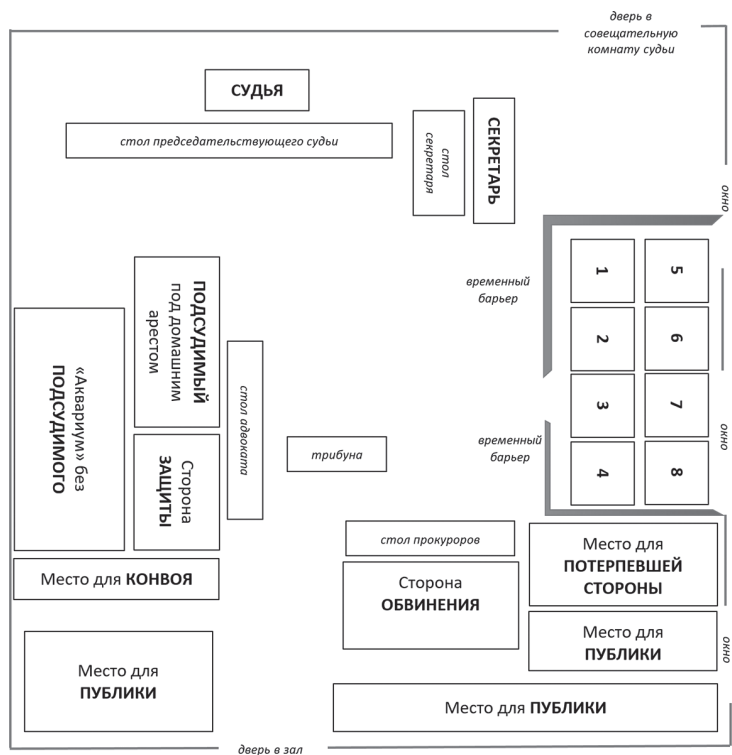
Чаще же обвинение полностью разворачивает стол и ставит его параллельно публике. Получается, что клетка, подсудимый в ней и защитники располагаются лицом к присяжным, а прокуроры – боком. Если в деле участвует потерпевшая сторона (а это бывает не всегда), она также располагается рядом с прокурорами на скамейке, наиболее близкой к присяжным. Обычно потерпевшая сторона в районных судах – это родственники убитых, реже – лица, оставшиеся в живых при покушении. Потерпевшие не всегда сотрудничают с обвинением. Некоторые из них не считают суд справедливым, больше сочувству-

Илл. 3. Схема зала суда, переоборудованного из конвойного помещения, со смещенным на 45 градусов столом обвинителей.

ют подсудимому (особенно если разбирается насильственный конфликт внутри семьи) и приходят в суд только для дачи показаний. Но если позиция потерпевшей стороны совпадает с позицией обвинения, то работники прокуратуры не упускают возможности аффективного давления на присяжных. Плачущие матери и жены, которые, опираясь на барьер, утирают слезы рядом с присяжными, – широко распространенный прием эмоционального воздействия на коллегию. В экспертных беседах это признают и сами обвинители. Поэтому тот факт, что сотрудничающий с обвинителями потерпевший оказывается близко к присяжным (как на илл. 4), обвинителям на руку. Значительно реже (всего два примера) потерпевшие размещаются лицом к присяжным и в одну линию с защитой (илл. 2).

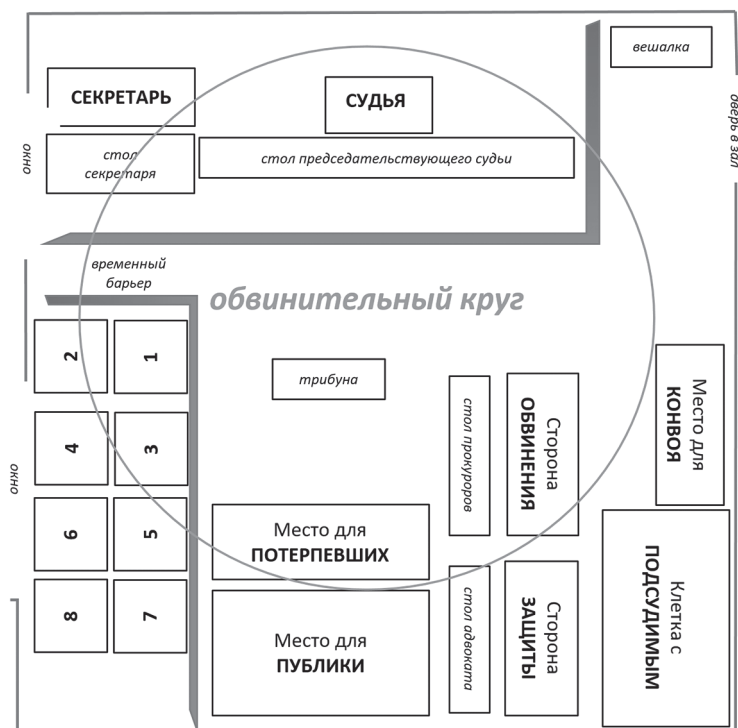

Илл. 4. Схема зала суда с полностью передвинутым столом обвинителей.

В одном случае стол прокурора был развернут так, что оба обвинителя и защитник расположились в единую линию лицом к присяжным (илл. 5). Причем именно сотрудники прокуратуры оказались напротив основного состава коллегии, а подсудимый в клетке и его защитник сместились в угол и остались практически невидимыми для присяжных, так как их разделяла еще и публика. Интересно, что в этом случае на первой скамейке, стоящей перпендикулярно к линии присяжных и линии рассадки обвинения–защиты, сидели потерпевшие, которые как бы замыкали «обвинительный круг», еще более вытесняя защиту на периферию зала.

По сообщениям практикующего адвоката Сергея Насонова, в некоторых московских судах обвинители развернули не только свой стол, но и стол защитников так, чтобы никто из профессиональных участников не оказался лицом к присяжным. Обвинители мотивировали это стремлением к обеспечению равенства сторон в пространстве зала суда, и председательствующие судьи поддержали эту позицию. Так же поступали в некоторых случаях и в малых городах, где мы были с визитами для экспертных интервью после процессов с присяжными. Такая рассадка сторон больше похожа на то, что мы видим в американских фильмах – с той лишь разницей,

Илл. 5. Схема зала суда, где сторона обвинения и присяжные оказались на одной линии, сместив защиту в угол.

что подсудимый располагается не рядом с защитником за столом, а чаще всего в клетке. Интересно, что в одном суде маленького уральского города эту рассадку оставили: она оказалась удобной и судье, и прокурору и в обычных делах без присяжных.

Таким образом, российские районные суды, организуя суды присяжных, среди прочих проблем столкнулись с инфраструктурными вызовами. Какой зал отдать, если нет свободного? Как рассадить присяжных и стороны в зале? Как организовать их размещение в здании суда, чтобы исключить давление на коллегию? Администраторы судов и профессиональные участники (судьи, обвинители, защитники) прекрасно понимают, что это значимые для исхода дела, хотя часто и внешние по отношению к нормам уголовно-процессуального права, факторы. Их очень важно, но и очень сложно контролировать. Иногда рассадка кардинально влияет на исход рассмотрения. Так в одном деле о покушении на убийство, где потерпевший (довольной крупный и сильный молодой человек) остался жив и предстал в суде уже без каких-либо телесных повреждений, именно рассадка, по мнению организаторов, повлияла на оправдательный вердикт. Дело в том, что «танцы со столами» завершились в этом зале тем, что стол потерпевшей стороны

был поставлен в линию со столом защиты. И присяжные все время видели двух сидящих рядом участников драки – крупного, сильного потерпевшего и худого, болезненно-бледного от долгого содержания в СИЗО подсудимого. Вердикт был вынесен в пользу последнего, причем присяжные отрицали даже те факты нанесения ударов, которые были зафиксированы уличной видеокамерой и которые подсудимый сам признал.

В мае 2018 года сразу после фуршета, завершающего конференцию «Internet beyond Disciplines», мы с несколькими докладчиками из разных стран стояли у входа в метро «Бауманская», обсуждая, как водится, в последний момент самое важное. Разговор зашел о том, что такое интернет с точки зрения *internet studies*. Я адресовал этот вопрос британской исследовательнице Ади Кунцман. Она ответила афористически: «Ты, как приедешь домой, выдерни провод из роутера. Чего тебе будет не хватать в следующие часы, то и есть интернет». В этом тексте – в порядке заочной полемики с Ади – я хотел бы представить другой взгляд: со стороны исследований инфраструктур. Однако прежде, чем сделать это, нужно убедиться, что набор методов и описаний, принятых в этой области исследований, действительно способен предложить новый ответ.

Ади воспроизвела привычное для социологии различие: есть пользователь и есть технология с ее социальным и культурным смыслами. Отсоединяем провод – появляется ощущение нехватки, позволяющее установить смысл технологии для пользователя. Например, «интернетом» тут могли бы быть связь с родственниками, доступ к онлайн-курсам или участие в жизни сетевого сообщества. Сам провод играет только функциональную роль. Исследователь инфраструктур, напротив, видит интернет как большую технологическую систему (*LTS – large technical system*). Его интересовали бы кабели, организационные особенности провайдеров, экономические аспекты их работы, образовательные программы и регулирование. В таком исследовании ничего бы не было сказано о действиях пользователя и о смысле, которым он наделяет технологию. Интернет здесь – это просто соединенные локальные сети, *connectivity*. Исследователи такого типа будут утверждать, что есть инфраструктуры *par excellence*: электрические сети, дороги, трубопроводы, интернет – системы с сильным технологическим ядром, позволяющие осуществлять множество различных видов деятельности.

В *infrastructure studies* существует и другое понимание инфраструктур – реляционное. Нет такого типа объектов, как инфраструктура – а есть наблюдаемые инфраструктурные отношения. Ключевой пример: лестница для человека со здоровым опорно-двигательным аппаратом будет инфраструктурой, нужной, чтоб подняться с этажа на этаж; она же для человека

Леонид Олегович Юлдашев (р. 1992) – социолог, координатор клуба интернета и общества, сотрудник Международного центра цифровых гуманитарных исследований Университета ИТМО.

с особыми потребностями станет препятствием. Если так посмотреть на интернет, то провода уйдут на второй план: внимание исследователей теперь привлекают не провайдеры и сетевые технологии, а веб, совокупность сайтов, сервисов и приложений. Инфраструктурами тут будут считаться системы делегирования IP-адресов и доменных имен, протоколы передачи данных, алгоритмы формирования лент социальных сетей и поисковой выдачи.

В обоих случаях речь идет об инфраструктуре, хотя ее понимают разными способами. Отсюда и сложности. Прежде всего – каждый раз теряется какой-то из компонентов интернета. Исследования LTS обходят вниманием пользователя. Они могут ответить на вопрос (а он является ключевым в *infrastructure studies*), почему интернет в конкретном месте имеет ту или иную конфигурацию, – но роль пользователя в этом ответе будет минимальной. Получается, что одомашнивание технологии, разные способы ее использования и пользовательская эвристика, которой так много можно обнаружить в истории интернета, остаются в слепом пятне. Исследователи веба не смотрят на материальную оснастку: если алгоритмы социальных сетей – это инфраструктура власти, не так и важно, каким образом устроен к ним доступ: через компьютер или смартфон, по оптоволокну или телефонному проводу. Интернет оказывается разделен на две части, провода и веб, и каждый из двух инфраструктурных подходов может работать только с одной из них.

Чтобы сформулировать ответ на вопрос, что такое интернет как инфраструктура, необходимо установить связь между тремя компонентами – материальной инфраструктурой, цифровой инфраструктурой и действиями пользователя. Я предлагаю «взять провод и пойти по нему», как поступают, когда хотят найти обрыв. Говоря менее метафорически, следует обратиться к материальной инфраструктуре как к отправной точке и внимательно проследить ее историю начиная с того момента, когда она только начинала формироваться. Так мы сможем увидеть, как провайдеры, владельцы сайтов и сервисов, а также пользователи вместе создают нечто, позже ими же названное интернетом.

Интернет в России появился в 1990-м. В отличие от некоторых других стран, в частности, от Франции, США и Чили, в России нет предшествующей истории общенациональной компьютерной сети. К тому же до конца 1990-х – начала 2000-х не было государственного контроля и правовой базы. Инфраструктура интернета выростала в каждом населенном пункте из действий провайдеров, городской власти, муниципальных служб, групп пользователей. И даже деятельность больших агентов распространения сети (фонды, университеты, феде-

ральные провайдеры) с неизбежностью отличалась от города к городу.

ЛЕОНИД ЮЛДАШЕВ

ИНТЕРНЕТ

В начале 1990-х сформировался рунет. До сих пор это слово используется для обозначения всей совокупности сайтов на русском языке. Но, если мы обратимся к географическому расположению заметных персоналий и сайтов рунета, список получится такой: Москва, Санкт-Петербург, ученые и эмигрантские сообщества в Эстонии (Тарту), США и Израиле, Екатеринбург, Новосибирск, Воронеж и еще несколько крупных городов. В состав рунета не входят веб-проекты из Сыктывкара, Уфы или Челябинска, хотя уже в середине 1990-х к интернету были подключены все областные центры. Значит, рунет – это только часть российского интернета. Где недостающие сайты?

Чтобы сформулировать ответ на вопрос, что такое интернет как инфраструктура, необходимо установить связь между тремя компонентами – материальной инфраструктурой, цифровой инфраструктурой и действиями пользователя.)

Мы найдем их в городах, где были другие «-неты». Можно разделить их на три группы: городские (новонет в Новосибирске, краснет в Красноярске и так далее), языковые или национальные (татнет в Татарстане или просто на татарском языке, башнет в Башкирии, удмнет в Удмуртии, якнет в Якутии и другие) и сети, образованные на неких особых технических основаниях (например тонет в Томске, «Нижегородское кольцо», екатеринбургская городская сеть, сети провайдеров «Ботик» в Переславле-Залесском и «GoodLine» в Кемерово). Для последней группы общим признаком будет собственная политика маршрутизации трафика. Это определенного рода соглашение между провайдерами – об обмене трафиком – или такие случаи, когда провайдер всего один.

Зафиксируем: «-нет» – это сегмент интернета. Его организаторы, руководствуясь своей практической метафизикой, определили составные части и границы сегмента и назвали его «интернетом». Остается только узнать, как это произошло. Соответственно, наиболее продуктивным масштабом, позволяющим увидеть и разнообразие инфраструктур интернета, и схождения между ними, будет масштаб «-нета». Он соотносится с географическим масштабом нелинейно: иногда «-нет» соответствует городу (новонет), иногда выходит за административные границы, а в других случаях может превышать по размеру страну (рунет).

Оставшаяся часть статьи посвящена одному «-нету», томскому. На этом примере можно увидеть, как появляется, где располагается и из чего состоит интернет.

Первыми провайдерами Томска были, как и во многих других городах, коммерческие фирмы и университеты. В 1991 году, в дни путча, компьютерные сети использовались для получения информации о событиях в Москве: распечатки с сообщениями из сети *Usenet* вывешивали на щите возле здания администрации, эти же сообщения зачитывали в эфире местного телеканала ТВ-2. В 1998 году провайдеры «Томика», «СТЭК» и Томский государственный университет (ТГУ) договорились об обмене трафиком друг с другом. В следующие два года к соглашению присоединились другие провайдеры Томска и соседнего Северска. Пользователи могли заходить на томские сайты не через Москву, как это было прежде, а напрямую, внутри города – быстрее и бесплатно.

Веб-сайт – это совокупность веб-страниц, расположенных на каком-то сервере, то есть на одном компьютере или совокупности компьютеров. В те годы операторы связи и пользователи платили за интернет помегабайтно. Причем если для пользователя любой мегабайт скачанных материалов стоил одинаково – 3 рубля, то условия для провайдеров несколько отличались. Стоимость трафика зависела не от того, где находится сервер с тем или иным сайтом, а от маршрута, по которому «идут» мегабайты. Для нашего рассуждения достаточно будет сказать, что московские сайты в те годы были расположены в Москве, тверские – в Твери и так далее, хотя в первой половине 1990-х эта картина бывала более причудливой.

Представим себе, что томич открывает сайт *lib.ru*: трафик «пойдет» по сети томского провайдера и дальше по сети магистрального провайдера в Москву. А если томич открывает сайт Томского государственного университета? В том случае, если его провайдером является сам университет, трафик будет внутрисетевым, то есть страница откроется быстро, ТГУ ничего никому не должен, пользователь заплатит 3 рубля за мегабайт. Если же провайдером у этого томича является «Томика» или другой томский оператор связи, трафик «пойдет» через точку обмена, где соединяются провайдерские сети. Ближайшая такая точка была в те годы в Москве, MSK-IX. Так, внутригородской по сути трафик – томский пользователь открывает томский сайт – становился междугородним. Понятно, что соглашение между томскими провайдерами об обмене трафиком существенно снижало издержки для всех участников.

Однако простой экономической прагматики не достаточно, чтобы объяснить, как провайдерам удалось договориться: будь дело исключительно в деньгах, такие соглашения существ-

вовали бы в каждом городе. Но в соседней Тюмени операторы связи договориться не смогли. Дважды они садились за стол переговоров, и дважды практика конкуренции оказывалась более привлекательной. У соглашения томских провайдеров было твердое технологическое основание: «СТЭК» и ТГУ строили и эксплуатировали сети совместно. При этом «СТЭК» был коммерческой компанией, а ТГУ – университетом, который не мог брать деньги за услуги связи. Ни один, ни другой не смогли договориться с местным телефонным провайдером «Томск-телекомом» о сотрудничестве. В середине 1990-х те не были уверены в продуктивности интернета как технологии и не желали предоставлять телефонную инфраструктуру в аренду. Провайдеры вынуждены были использовать для строительства сети куда более дорогой оптоволоконный кабель. По отдельности «СТЭК» и ТГУ не могли приобрести достаточное количество такого кабеля и потому работали вместе. В конце 1990-х ТГУ провел инвентаризацию сетевых мощностей, и оказалось, что для некоторых участков сети вовсе нет документов о собственности, то есть нельзя сказать, кому эти участки принадлежат в юридическом смысле – ТГУ или «СТЭКу». Это позволило двум существенно разным организациям легко договориться друг с другом. Директор третьего провайдера, «Томика», пригласил с руководителем интернет-центра ТГУ. Личные отношения, имевшие к тому же прочное организационно-технологическое основание, сделали возможными соглашения об обмене трафиком – несмотря на различия в «программах действий» коммерческих и некоммерческих провайдеров и в представлениях о том, зачем абонентам нужен интернет.

Представления провайдеров двадцатипятилетней давности достаточно сложно реконструировать по архивным материалам. Известно, что ТГУ подключал к своей сети школы, библиотеки, больницы, учреждения культуры и другие бюджетные и некоммерческие организации, а «Томика» предоставляла коммерческие услуги информационного характера для своих абонентов-юрлиц. Даже в названии провайдера есть указание на это: «Томика» образовано от «ТомИКА», «Томское информационно-коммуникационное агентство». Для «СТЭКа» интернет был перспективной технологией; эта компания с энтузиазмом относилась к возможностям его развития и распространения. Поэтому «СТЭК» довольно долго инвестировал в свои сетевые разработки без особой финансовой отдачи, а зарабатывал на продаже компьютеров и комплектующих.

В результате межпровайдерского соглашения появился тонет, томский сегмент интернета с собственной политикой маршрутизации трафика и системой коммерческих расчетов. Абоненты должны были оплатить подключение к томской сети и за не-

большую ежемесячную плату получали безлимитный доступ к сайтам, расположенным в городе. Каждый мегабайт, который уходил за пределы Томска, тарифицировался отдельно; это называлось «внешка», «внешний интернет». В этих условиях в тонете с огромной скоростью стали появляться сайты: в 1998 году их почти не было, а уже в мае 2000-го каталог «Весь Томск» включал 546 сайтов. Еще через год – 944. Это были личные страницы, форумы, чаты, бесплатные системы электронной почты, торренты, веб-аукцион. Провайдеры не только предоставляли доступ к сайтам, но и размещали эти сайты на своих серверах, а в некоторых случаях даже спонсировали работу администраторов. Впоследствии это использовалось для маркетинга: «Подключайтесь к нам, в нашей сети находятся такие-то популярные в городе ресурсы, и вы получите к ним самый быстрый доступ». Структура ссылок между томскими сайтами позволяла пользователю оставаться в тонете, не выходя за его пределы, во «внешку». Таким образом, структура ссылок стала второй инфраструктурой томского интернета.

В первые годы существования тонета у провайдеров было сравнительно мало абонентов из-за высокой стоимости подключения. Поскольку сети были построены с использованием оптоволоконных кабелей, подключение стоило шесть средних месячных зарплат. В этом могли быть заинтересованы только коммерческие организации и обеспеченные индивидуальные пользователи. Поэтому с 2001 года в Томске появляются домашние сети, организованные группами энтузиастов. Сперва они соединяли в локальную сеть свои компьютеры – например, для того, чтобы вместе играть. Затем у кого-то из них появлялся доступ в интернет – от компании или через телефонный кабель, от университета. Дальше оставалось только предложить соседям подключиться к этой сети, чтобы разделить затраты на связь и немного заработать. Если же пользователей набиралось достаточно много, такая сеть могла оплатить и подключение оптоволоконной линии.

У многих абонентов доступ во внешнюю сеть был принудительно отключен, чтобы случайно не скачать какие-нибудь обновления для операционной системы или программы, ведь за каждый мегабайт пришлось бы платить. Кроме того, количество и разнообразие томских сайтов позволяли удовлетворить запросы пользователей вовсе без выхода в глобальную сеть; да и каждый пользователь мог практически бесплатно завести себе страницу. Более того, некоторые томские сайты и были доступны только для томичей: например, музыкальный сайт *mp1.tomsk.ru*.

Не все томские операторы связи участвовали в соглашении. «Томсктелеком» взимал одинаковую плату за посещение лю-

бых сайтов, разницы в скорости тоже не было – тем не менее абоненты этого провайдера чаще посещали томские сайты, чем сайты из других городов. Это значит, что тонет, возникший из соглашения провайдеров, обладал собственной привлекательностью для томичей, несводимой к скорости или стоимости трафика. Для многих томских пользователей тонет фактически и был интернетом.

Можно сказать, что интернет – то есть то, что абонент томского провайдера назвал бы интернетом, скажем, в 2004 году, – это эффект двух взаимно соединенных инфраструктур: материальной, возникшей из соглашения провайдеров, и цифровой, появившейся позже. Сперва провайдеры строили свои сети, кооперируясь друг с другом, затем соединяли их и формировали инфраструктуру тонета, характеризовавшуюся скоростью прохождения сигнала, стоимостью использования, протяженностью (не всякий дом в Томске можно было подключить к оптоволоконной сети «Магистраль» просто из-за размеров этой сети, расположенной преимущественно в центральном районе города). В этом раннем интернете достаточно быстро в сравнении с другими городами начали возникать веб-сайты. Когда домовые сети, в инфраструктурном смысле ставшие продолжением провайдерских сетей, стали предлагать пользователям подключение, тонет уже выглядел как совокупность томских сайтов, отделенных «пэйволлом» от всех остальных сайтов. Для пользователей домашних сетей интернет выглядел именно так. В этом интернете можно было общаться на форумах и чатах, скачивать фильмы, книги и компьютерные игры, слушать музыку, причем и в формате стриминга тоже, читать новости, публиковать и обсуждать художественные тексты, смотреть погоду – в общем, примерно все, что может прийти в голову, включая «зеркала» сайтов из других городов: того же *lib.ru*, *bash.org* и даже сайта с обзорами мобильных устройств и программ для них *mobile-review.com*.

В 2007 году провайдер «Tomtel» ввел безлимитные тарифы, и «пэйволл» перестал существовать. Конечно, это произошло не одновременно, и даже пять лет спустя в тарифных сетках томских провайдеров сохранялось разделение на платный внешний трафик и доступ во внутреннюю сеть. Можно предположить, что представление жителей Томска об интернете изменилось – и для того, чтобы узнать, каким оно стало теперь, нужно провести дополнительные изыскания. Они были бы основаны на тех же принципах: масштаб исследования нужно было бы выбрать такой, который свойствен самому объекту, инфраструктуре; начать с материальных компонентов и проследовать к цифровым, к действиям пользователей, обращая внимание на юридические и организационные аспекты функ-

ционирования инфраструктур. Мы наверняка увидим и в этом случае – как и в случае с тонетом, – что интернет остается локальным в каждой точке, хотя и называется WWW или, как предложил перевести Роман Лейбов, *Повсеместно Протянутой Паутиной*. Более того, в каждой точке интернет представляет собой *interconnectedness* материальной и цифровой инфраструктур, вместе формирующих опыт и представления пользователя.

Кадастр (инженерных сетей)

ЕВГЕНИЯ
ПОПОВА

Инфраструктура – это то, работая незаметно, обеспечивает наше существование. Но иногда сама эта незаметность становится проблемой, требующей специальных решений.

Иллюстрация первая, драматическая: прорыв в системе теплоснабжения зимой, минус тридцать, целый микрорайон остается без отопления. Ситуация осложняется тем, что место аварии никак не удается определить. Кипяток течет, аварийная служба копает, но в месте выхода воды трубы целые. Копают дальше, но место прорыва по-прежнему не могут обнаружить – в принципе, вода может течь под землей из любого другого района города. Во время совещания сотрудники предприятия пытаются решить, что делать в такой непростой ситуации. Одному из них приходит в голову идея: нужно отправить запрос в городскую службу такси, чтобы таксисты, передвигающиеся по всему городу, сообщили диспетчеру о случаях наблюдения пара над землей. В течение 15 минут «Теплоэнергия» получила необходимую информацию и выехала на фактическое место аварии. Так служба, совершенно не связанная с ЖКХ, помогла решить проблему.

Инфраструктура – то, что должно делать наш, находящийся в состоянии постоянного изменения, мир устойчивым и повторяемым¹. Любая авария – это всегда новая ситуация, часто с непредсказуемым набором актантов, пересборка сети. С одной стороны, регламенты технических работ, карты, ведение журналов аварийных служб, а теперь и программное обеспечение, с помощью которого можно провести сборку и репрезентацию объекта прямо в кабинете главного инженера и/или специалиста аварийной службы, позволяют определить тип происшествия и спрогнозировать его возможные последствия. Это дает возможность рутинизировать процесс поломок-ремонтов, являющийся частью повседневной работы служб ЖКХ. С другой стороны, взаимодействие множества актантов с различными свойствами снижает прогнозируемость событий. Например, текучесть воды – ее базовое свойство – делает неопределенным место аварии. Часто технические сети ведут

Евгения Владимировна Попова (р. 1975) – доцент, исполняющая обязанности заведующего кафедрой антропологии и этнологии Национального исследовательского Томского государственного университета.

1 Важно отметить, что в данном тексте понятие «инфраструктура» – это не привычная нам в обиходном языке «инфраструктура ЖКХ», указывающая на техническую систему, а теоретический концепт, связывающий техническое, социальное и культурное; прошлое и настоящее. Это способ установления стабильности в сетях, «распределяющих конвенции между актантами» (Сюзан Ли Стар).

себя непредсказуемым образом, и тогда специалисты ищут союзников в разных системах. И одним из важнейших инструментов, помогающих снизить неопределенность в инфраструктуре ЖКХ – одновременно и технической, и социальной, имеющей в каждом своем сегменте определенную и часто довольно запутанную историю эксплуатации, – становится кадастр инженерных сетей (далее – КИС).

Здесь важно подчеркнуть, что городские коммунальные сети – это трубы и кабели нескольких предприятий. Они все переплетаются под землей. Особенностью большинства сетей городского хозяйства является то, что они размещаются, как правило, рядом с другими видами инженерных сетей. Поэтому для правильного проектирования, реконструкции и эксплуатации тех или иных инженерных сетей необходимо наличие адекватной информации о них самих и об их соседях. Это требует согласованной работы разных структур, а добиться такой согласованности всегда сложно.

Иллюстрация вторая, рутинная: представьте, вы сотрудник одного из коммунальных предприятий, вам нужно делать плановый ремонт трубы, закопанной в одном из районов города. Вы находите на карте вашего предприятия нужную трубу; звоните в городской департамент архитектуры, сотрудники которого владеют сводной информацией о трубах и кабелях других предприятий; узнаете о находящихся рядом технических системах, получаете разрешение на раскопки, договариваетесь с другими предприятиями о дате и времени общего выезда на место будущих раскопок, приезжаете на место, начинаете копать – а трубы нет... Это довольно частое явление в работе коммунальных предприятий. Причин здесь много. Во-первых, часть бумажных карт инженерных сетей может просто отсутствовать: строились сети долго, карты терялись или изменялись. Во-вторых, причиной может стать изменение градостроительных планов: планировался дом по одному проекту, а построили его намного выше и других размеров. В результате он оказался намного ближе к трубе, а карты показывают первоначальный план. В-третьих, причиной может оказаться вмешательство жилищных компаний и горожан. Метки о прохождении подземных коммуникаций указывают на фасадах домов и при покраске их могли не нанести повторно, или дом мог быть уничтожен пожаром, или дорогу немного сдвинули и не отразили это на карте, а трубы привязывают на карте к объектам на местности.

Еще больший хаос в нашу историю вносят старые трубы и кабели, которые – даже не работающие – остаются в земле до полного уничтожения коррозией. Есть сети, которые эксплуатируются сейчас, есть сети, которые эксплуатировались ранее, разобратся в ситуации в момент раскопки – планового ремонта –

оказывается очень сложно. Эти, по словам респондента, «дела бесхозные» усложняют работу коммунальных предприятий. До появления КИС карты старой и новой инфраструктур не сводили воедино – без компьютера это было сделать сложно. Вот и сталкивались в момент раскопок прошлое и настоящее.

Начиная с 2000-х функция информирования о находящихся в городе подземных сетях постепенно делегировалась компьютерной системе – КИС. Эта система существенно облегчала первый этап длительного согласования между предприятиями необходимых раскопок и ремонтов. Поскольку именно технологии предполагают стабильность и предсказуемость, обязанность поддерживать определенные устоявшиеся способы функционирования часто передается от людей машинам. Для обозначения этого используется термин «передача» или «делегирование».

Методологически важным является то, что делегируется не вся работа целиком, а лишь отдельные компетенции. Происходит не столько замещение человека нечеловеком, сколько перераспределение определенного вида действий или компетенций. И в случае кадастров такое распределение зависит от множества факторов: квалификации специалистов в отделах информатизации, воли мэра или соответствующего заместителя, объема выделяемых средств. В одном случае это просто оцифровка топоосновы – отражение бумажной версии в чуть более удобной цифровой форме. (По словам специалистов, как только заканчивается поддерживающее ее финансирование, заканчивается и работа этой цифровой формы.) В другом случае это карта, которая создается одновременно с оргсхемами, связывающими множество организаций – держателей информации и ее пользователей, – в единую структуру. На этапе планирования кадастра формируются правила: кто, как, с какой периодичностью, в каком виде и на каких основаниях передает необходимую для функционирования карты информацию, а также правила доступа и формы защиты данных. Есть кейсы, в которых ассамбляж компьютера, организаций и технологических объектов ЖКХ позволяет кадастру выполнять множество действий. Такая «живая карта» (как назвал ее один из специалистов-разработчиков) связывает реальные операции на технических объектах с их цифровой репрезентацией, а часть задач по управлению задвижками и другими техническими элементами выполняется посредством компьютерных команд.

Мы видим, что «нечеловеки» (как и люди) избирательно компетентны, им передается не весь объем работ. Каждый кейс с использованием кадастра – всякий раз отдельная и конкретно специфическая история делегирования. Это формирует различный баланс квалифицированности между актантами. Например,

вполне типовой для кадастровых инженеров вопрос «Как определить протяженность и указать ее в техническом плане, если в одной траншее два и более кабелей?» – может содержать разные варианты ответа. В зависимости от вложенных в систему скриптов поведения пользователей и цифровой карты пользователь либо находит ответ внутри системы, содержащей конкретную опцию, либо должен выполнить множество действий для приведения документации в порядок в случае отказа компьютерной системы брать это в работу. Разработчики вписывают один из множества возможных скриптов, и далее уже технология предписывает определенные действия и вводит запрет на другие, унифицируя способы презентации сетей ЖКХ в городе.

Перед формированием КИС необходимо, чтобы каждое предприятие провело инвентаризацию всех своих сетей: данные о точном местоположении труб и кабелей могли устареть или вовсе отсутствовать. Например, данные «Водоканала» одного из российских городов показывали, что только сети водопроводной канализации отражены полностью. Сети бытовой канализации отражены на 70%, а сети ливневой канализации – лишь на 10%. Как указывают представители городской администрации, работающие над созданием КИС, во время создания цифрового адресного плана по бумажным материалам Управления архитектуры города было обнаружено, что большинство новых объектов недвижимости не числятся в Управлении вообще.

Этот кейс демонстрирует, что инфраструктура – «текущий» объект, который постоянно меняется. Этот парадоксальный объект сочетает структурную долговременную устойчивость и постоянные изменения на микроуровне – изменения, которые должны учитываться в соответствующих документах. Именно поэтому возникает необходимость в постоянной репрезентации.

Иллюстрация третья, историческая: в СССР не существовало единого кадастра ресурсов страны. Каждое ведомство отвечало за ведение собственного кадастра – земельного, лесного, водного и так далее. Однако все эти многочисленные кадастры не были согласованы друг с другом – не существовало единых для всех отраслей принципов инвентаризации. Работы по сбору и вводу информации многократно дублировались, сведения разных кадастров часто не соответствовали друг другу, периодичность сбора данных также отличалась по разным ведомствам. Использовать такую информацию для ведения городского хозяйства на местах было невозможно, поскольку разные кадастры предлагали разные ответы на вопрос «Где чья земля, вода, труба, газопровод и так далее?».

Жилищно-коммунальный сектор в советских городах находился под двойным подчинением и управлялся администрациями различных уровней. Формально городская администрация

(исполком) была главным актантом в этом секторе. В ее юрисдикцию входили поддержка чистоты в парках и на улицах, оказание медицинских и образовательных услуг, ведение жилищно-коммунального хозяйства и прочее. Однако реально исполком был ограничен и в своих полномочиях по координации производства необходимых услуг для местного населения, и в объеме финансовых ресурсов для работы с материальной инфраструктурой города. Действительным агентом, имеющим деньги на проведение городской политики, были местные предприятия, обеспечивающие жилищные и коммунальные услуги, впрочем, как и другие социальные услуги в городе – школы, детские сады, больницы и так далее. В случае Череповца, например, часть труб теплоснабжения принадлежала Череповецкому металлургическому комбинату. Он обеспечивал теплом большую часть домов центрального района города. А большинство котельных были построены местными промышленными предприятиями для обеспечения своих жилых домов – интересы города в целом здесь не учитывались. Главный инженер коммунального предприятия назвал их руководителей «мелкими монархами», которые строили котельные без какого-либо планирования. Ситуация мало изменилась и в первые годы после перестройки. Во многих городах была утрачена часть картографо-геодезического фонда (местные власти не занимались ее поддержанием и обновлением; по данным, касающимся Череповца, на конец 1990-х 70% схем геодезической сети города требовали уточнения). Кроме того, после приватизации того или иного предприятия информация о подземных коммуникациях становилась его собственностью, и городские власти уже не могли его заставить поделиться этой информацией. В результате, как говорил главный инженер другого коммунального предприятия, «где проходят мои сети, я примерно знаю». Это «примерно» в устах руководителя техническими работами хорошо показывает всю степень неопределенности знания предприятия о вверенном ему хозяйстве, увеличивающуюся в геометрической прогрессии, когда мы представляем все трубы всех предприятий во всех районах города.

Чтобы понять значение кадастра в городской политике, важно помнить, что технические объекты не просто пассивны и инертны, будучи фоном коммуникаций и социальных действий человека. Они такие же участники взаимодействий и играют ту же роль в установлении социального порядка, что и люди, социальные группы или представители органов власти. Технологии – онтологически – способны к социальному действию, могут иметь власть и способность влиять на человеческое общество и человека, и это влияние неотлично от привычных нам свойств человеческих взаимодействий. Здесь важно, что граница между человеческим и нечеловеческим – результат по-

стоянных переопределений в конкретных ситуациях. Ничто не может по умолчанию быть человеческим или нечеловеческим, техническим или политическим. Нет никакого *a priori* разделения, как нет и какого-либо базового списка способностей кого и чего бы ты ни было. Все это появляется в процессе взаимодействия различных актантов. Именно в ходе взаимодействия распределяются действия между людьми и нелюдьми и решается вопрос, каким конкретно социальным группам будут делегированы власть и полномочия, а какие окажутся дискриминированы. Инфраструктуры лишь отражают эти взаимодействия, стабилизируя некоторые конфигурации социальных, культурных и технических объектов и их взаимодействий.

Инфраструктура сочетает структурную долговременную устойчивость и постоянные изменения на микроуровне – изменения, которые должны учитываться в соответствующих документах. Именно поэтому возникает необходимость в постоянной репрезентации.

Представленные кейсы показали всю сложность инфраструктуры городского хозяйства. С одной стороны, закопанные трубы и кабели лежат десятки лет в земле, формируя устойчивый каркас городского хозяйства. С другой стороны, в случае поломки именно они оказываются видимой частью большой городской системы и собирают вокруг себя разных, часто непредсказуемых, агентов в конкретной ситуации. Подземные сети связывают все технические объекты жилищно-коммунального хозяйства города в единую сеть. И увидеть эту скрытую даже от глаз специалистов систему можно лишь частями – во время поломки или ремонтов, когда ведутся раскопки труб, либо через КИС, призванный упорядочить, репрезентировать разные системы. КИС делегируют ряд функций, выполняемых ранее человеком и бумажными картами. Но мы могли наблюдать, что не всегда замещение человека технологией оказывается полным; скорее происходит перераспределение определенного вида действий между человеческими и нечеловеческими актантами, зависящими от конфигурации сети в конкретной ситуации. Кейс кадастров, встраиваемых в существующую инфраструктуру ЖКХ, показал, что в силу длительности сборки инфраструктуры, перемещения центров власти, намеренной ее скрытости и одновременности ее существования на всех уровнях – микро-, мезо- и макро- – инфраструктура становится спутанной, переплетая эти уровни в пространстве и времени и, если можно так выразиться, соконструируя их.

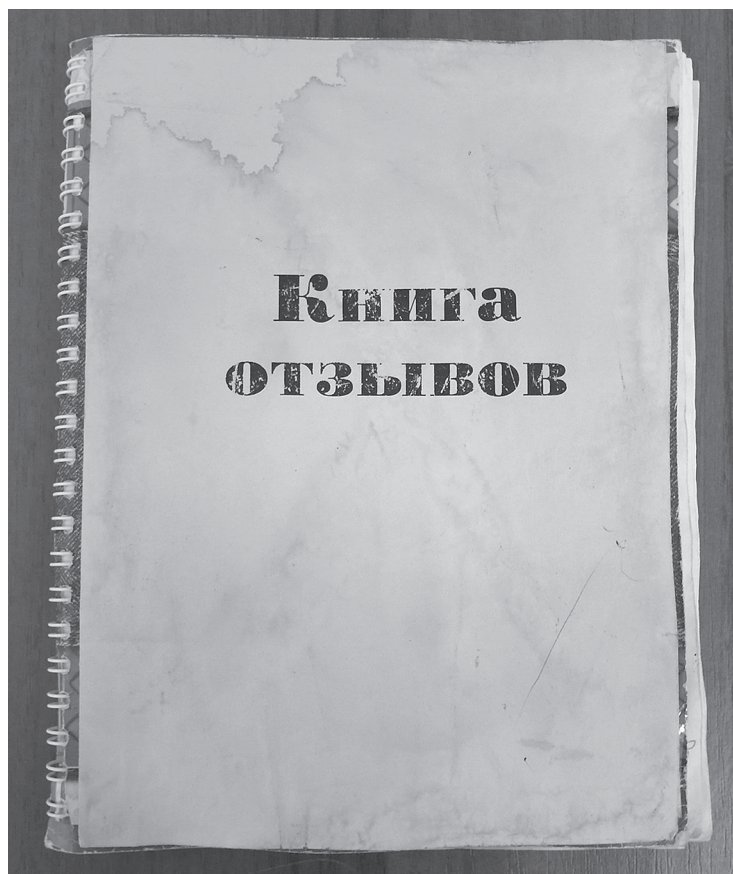
Краеведческий музей

АЛИСА
МАКСИМОВА

На фотографии, сделанной в краеведческом музее в небольшом городе на севере европейской части России, – книга отзывов на одну из выставок. Книга отзывов представляет собой общую тетрадь на пружинах. Поверх разноцветной оригинальной обложки тетради наклеена более строгая, с надписью «Книга отзывов», причем, похоже, что этот лист не просто распечатан сотрудниками музея, а отрезан от старой книги отзывов и таким образом использован повторно. Разводы на обложке и страницах указывают (а смотрительница несколько смущенно подтверждает), что книга пережила небольшое «наводнение»: лежала на столе с комнатными растениями и попала в лужу воды при поливе.

*Алиса Сергеевна
Максимова (р. 1990) –
социолог, независимая
исследовательница.*

*Илл. 1. Книга отзывов
в краеведческом музее.*

Предполагается, что посетители музея сталкиваются с книгой отзывов на выходе, посмотрев выставку, и могут выразить в ней свои впечатления. Мы же, наоборот, начнем именно с нее. Что может рассказать о краеведческих музеях этот «экспонат»?

В нем отражается ключевое для музея стремление записывать и запоминать, документировать и сохранять. Это двойная задача: здесь совмещаются и производство исторического (фиксирование информации о прошедших выставках), и бюрократический учет (обязанность регистрировать обратную связь). Книжки отзывов стали типичным атрибутом музея в советское время и по-прежнему широко, если не повсеместно, распространены. Кроме того, что эти книжки предоставляют посетителям возможность поделиться опытом просмотра экспозиции, они также вписывают конкретный музей и конкретное место в географию страны и даже мира: авторы записей, как правило, оставляют под отзывом не только дату и подпись, но и название своего города. Формат отзывов предоставляет посетителям возможность «отдаться» музею и его сотрудникам: помимо описания эмоций от посещения музея, записи чаще всего содержат благодарность за «сохранение старины», «возможность окунуться в прошлое», «красоту и доброту» и так далее. Особая материальность этой конкретной книги, сделанной из тетради, напоминает об ограниченных ресурсах и практиках экономии, приспособления, использования подручных средств для обеспечения работы музея. Волнистые страницы и пятна на них указывают на регулярно случающиеся в музейной жизни сбои и поломки. Неприятность, произошедшая с книгой отзывов, незначительна, но нечто похожее случается и с гораздо более важными объектами. Музей продолжает существовать, обладая многочисленными неисправностями, не имея возможности их устранить – точно так же, как он продолжает существовать с намоченной и высушенной книгой отзывов.

Почти в любом городе России есть краеведческий музей. С большой вероятностью вы найдете их похожими и, имея даже небольшой опыт посещения, уже на входе в любой из них будете знать, чего ожидать: там будет археология, чучела, много про Великую Отечественную войну, немного про дворянский быт и про местную промышленность. Сеть краеведческих музеев сформировалась в первой половине XX века, тогда же возникла структура их экспозиций, включавшая разделы о природе, истории и обществе. Экспозиции могли меняться, но за всеми новациями проглядывало типовое внутреннее устройство, закреплённое в первые десятилетия советской власти.

Но, помимо этой очевидной структуры, есть много неочевидных процессов, которые делают музеи именно такими, какими их привыкли видеть посетители. Далее я опишу положение

краеведческих музеев в небольших российских городах и постараюсь показать, как, несмотря на существенные ограничения и стесненные условия, им удастся продолжать свою деятельность.

В чем проявляется нестабильность и противоречивость положения краеведческих музеев?

Во-первых, музеи могут размещаться в самых разных зданиях: во впечатляющем старинном особняке, в купеческом доме, в бывшей гимназии, в избе или церкви. Музей бывает рассредоточен по городу – иногда к его ведению относятся памятники старины, которые он призван сохранять. Здания почти всегда требуют ремонта, современного оснащения или по крайней мере постоянного ухода. В некоторых случаях отведенные помещения практически непригодны для размещения экспозиции или приема посетителей: они не имеют проведенных коммуникаций или не защищены от превратностей погоды (а вместе с ними не защищены и коллекции). Иногда на здание претендует другая организация – например, РПЦ. Хотя где-то музей и церковь сотрудничают, совместно используя архитектурный объект, часто музеи считают, что «церковь забирает все, что поприличнее», и по этой причине порой опасаются реставрировать находящиеся на их балансе храмы.

Во-вторых, экспонаты музейной коллекции всегда под угрозой. Чтобы поддерживать их в надлежащем состоянии, реставрировать, оберегать от внешних воздействий, нужны труд, средства и экспертиза. В отдельных случаях коллекции музеев несут урон в ходе реорганизации, процедур переподчинения, изменения статуса и так далее. Часто в этих случаях наиболее ценные предметы передаются в более крупные центральные музеи.

В-третьих, символический комплекс, куда вписан музей, постоянно переопределяется – спрос на исторические и культурные символы изменчив, а требования разных акторов противоречат друг другу. Туристы и обслуживающие их туроператоры хотели бы больше местных легенд, интерактивных костюмированных представлений и удобных точек для фотографирования. Не менее важен для них и запоминающийся бренд места. Государство поддерживает развитие просветительских и экспозиционных проектов, посвященных либо древнерусскому периоду истории, по отношению к которому вроде бы существует общественно-идеологический консенсус, либо военным победам вообще. Негосударственные фонды могут быть более благосклонны к народным промыслам, этнографии и социальной истории. Местным жителям важно, чтобы в музее было что-то для детей, а сами они рады вспомнить советское прошлое – собственное детство или молодость. С этими разными интересами музею приходится считаться.

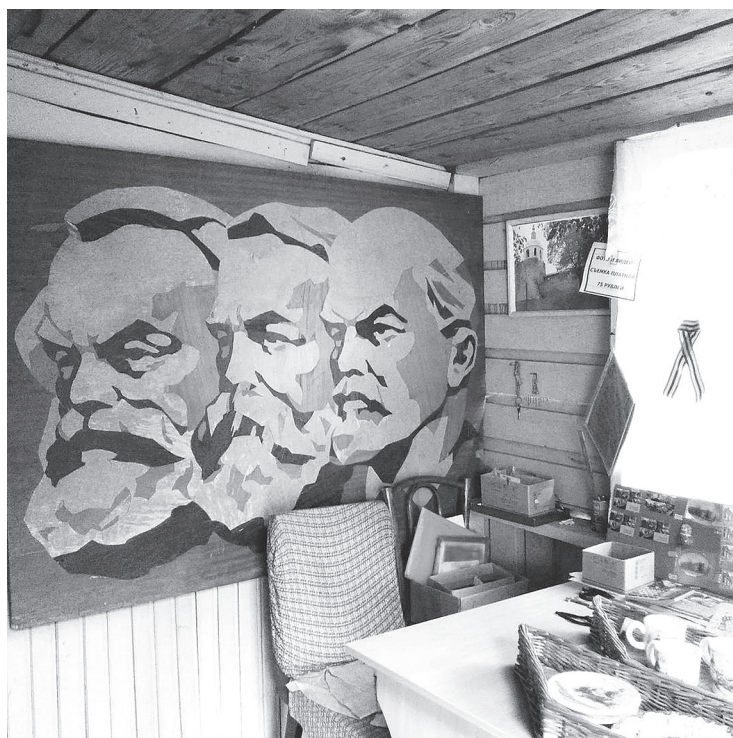
Наконец, проблему представляет то место, о котором музею предписано рассказывать, – место, прошлую и настоящую жизнь которого он должен отражать. Возможности трудоустройства, общественное внимание, молодое население – все это перемещается в одном направлении, в более крупные города. И, как считают многие жители городов малых, заодно уходят и надежды на будущее.

Краеведческие музеи подчиняются государству. Они могут иметь муниципальное или региональное подчинение, могут быть филиалом более крупного музея, расположенного в другом городе. Бюджет муниципальных музеев обычно настолько мал, что его еле хватает на текущие нужды и точно не достаточно, чтобы развиваться, открывать хорошие новые выставки, привлекать в штат специалистов. Областное подчинение дает больше ресурсов и больший вес. Из одной категории можно перейти в другую. Изменение статуса сулит лучшую обеспеченность, но в то же время грозит необходимостью демонстрировать более высокие и трудно достижимые показатели эффективности.

Краеведческий музей поддерживается и управляется не только локально, но и из центра. Главный шанс получить большое финансирование выпадает, когда старинный город готовится к очередному юбилею. Выделенные под празднование федеральные деньги, однако, считаются одновременно и благом, и проклятием. С одной стороны, именно такие ресурсы нужны для масштабной реставрации и благоустройства. С другой, есть печальные случаи, когда деньги не доходили до города, а начавшиеся строительство, ремонт и реставрация в итоге оказывались заморожены или реализовывались из рук вон плохо (вплоть до угрозы потери ценных объектов наследия).

Как государственные учреждения музеи получают бюджетные деньги и отчитываются о своей работе. Среди основных показателей работы музея – количество посетителей. В среде музейных специалистов известно, что этот показатель крайне ненадежен. Поскольку именно от посещаемости зависят некоторые управленческие решения, музеи заинтересованы в том, чтобы ее завышать. Если исключить прямые фальсификации, то, похоже, наиболее распространенный способ такого завышения – это учет посетителя каждой отдельной выставки в музее как отдельного посетителя музея в целом. Вход в каждый следующий зал превращает вас в нового посетителя. Действует искусная техника «производства посещаемости».

Сильная ограниченность ресурсов приводит к тому, что значительные изменения – например, обновление всей постоянной экспозиции – невозможны. Вместо этого музей меняется постепенно и фрагментарно: временные выставки становятся

Илл. 2. Рабочее место кассира/смотрительницы.

постоянными, ремонтируются и обновляются отдельные залы или даже их части. Получить деньги на такие обновления можно, как правило, благодаря юбилеям и памятным датам или благодаря работе по тем тематическим направлениям, которые поддерживаются государством или частными фондами.

Как происходит расширение музея? Только в редких случаях оно означает создание полностью обновленной экспозиции. Скорее, когда музею выделяются дополнительные помещения (например по случаю юбилея города), старая экспозиция сохраняется и распределяется по увеличившимся площадям. Однако новое пространство заполняется не только подлинными музейными экспонатами, но и временными «бриколажными» объектами, сделанными, по сути, из подсобных материалов. Последние выполняют скорее декоративную функцию, чем просветительскую, – с ними новые залы не кажутся полупустыми. Такие временные решения могут остаться в музее на годы.

Что касается тематических направлений, то, учитывая, что память о войне служит главным фокусом современного «патриотического воспитания», экспозиция может быть расширена за счет создания «Зала воинской славы» на основе еще советских музейных наработок о Великой Отечественной войне. При расширении в такой зал могут включаться и другие «военные дела» – от княжеских дружин и средневековых сраже-

ний до афганской и чеченской войн. Или, скажем, создание новой части музея приурочено к годовщине железной дороги в том населенном пункте, где музей расположен. Такое расширение становится возможным благодаря тому, что местный житель решил отдать в дар музею свою коллекцию связанных с железнодорожной темой объектов. В отличие от крупных музеев, такой подарок в небольшом музее сразу может превратиться в значимую часть постоянной экспозиции, а не просто пополнить недоступные широкой аудитории фонды. Вместе с экспонатами музей получает заинтересованного, хорошо разбирающегося в теме «хранителя»-любителя, который способен консультировать сотрудников и выступать экскурсоводом на добровольных началах.

Не только коллекции энтузиастов и находки краеведов появляются в залах музеев. Даже увлечения местных жителей могут стать предметом музейного интереса. В одном музее, напротив зала, показывающего дворянский быт второй половины XIX века, стояли две вертикальные стеклянные витрины, наполненные декоративными статуэтками слонов. Фигурки были современными и напоминали содержимое сувенирного отдела. Коллекция принадлежала местной жительнице. Такое сотрудничество позволяет музею содержательно разнообразить экспозицию и выполнять планы по количеству временных выставок, а выставляющимся на музейной площадке коллекционерам (в других случаях – ремесленникам, фотографам или художникам) приобрести городскую славу.

Краеведческие музеи пополняются и современными технологиями – например, в них появляются проекторы, планшеты и плоские экраны. Это редко происходит в результате планомерной реализации хорошо продуманной программы по включению в экспозицию мультимедийных технологий. Для государства оснащение культурных учреждений новыми технологиями является естественным шагом в их «модернизации». Закупить технику проще и выгоднее, чем развивать образовательные проекты и продумывать новые подходы к обращению с прошлым (в российских школах в 2010-х сложилась похожая ситуация с «цифровизацией»). Для государства технологии служат символами прогресса и обновления, но не более: за их внедрением редко стоят новые идеи о способах взаимодействия посетителя с музейным пространством и информацией. В итоге мультимедийные устройства – это приятный, но непрошенный подарок. Многие руководители музеев выбрали бы получить что-то более с их точки зрения полезное и решить более насущные проблемы, чем нехватка техники.

Мультимедийные устройства получают конкретное применение в соответствии с местными задачами, условиями и

данными (а иногда и вовсе оказываются ненужными). Экраны используются сотрудниками музеев, чтобы анимировать в остальном статичные залы. Даже простая презентация, например, посвященная усадьбам района, рассматривается как способ погрузить публику в историю – особенно это касается экскурсионных групп, но и индивидуальных посетителей тоже. В презентацию входят старые и современные фотографии, портреты бывших владельцев, имена и даты, иногда цитаты из стихотворений или пейзажи; дополнять изображения может классическая музыка. Цифровизация предоставляет стесненным в средствах учреждениям возможность создавать недорогие проекты, сохраняя материальное наследие в нематериальном виде. Распространенной формой работы становится снабжение важных точек в городе табличками с текстами о находившихся там объектах, старыми фотографиями, QR-кодами, отсылающими к более подробному описанию в интернете. Это посильная задача, которая не требует физического восстановления архитектурных памятников или участия рассказчиков-экскурсоводов.

АЛИСА МАКСИМОВА
КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

Для государства технологии служат символами прогресса и обновления, но не более: за их внедрением редко стоят новые идеи о способах взаимодействия посетителя с музейным пространством и информацией.)

В исторических городах местные краеведческие музеи встроены в туристическую инфраструктуру. Они связаны с дорогами, причалами, гостиницами и кафе. Порой для того, чтобы доставить туристов на место, нужно преодолеть немалые трудности. Проложить хорошую трассу до города требует огромных вложений и политических решений на высоком уровне. Оборудовать причал для теплоходов, может быть, чуть легче, но для этого все равно необходимы шаги, предпринять которые в городе не всегда кто-то способен. Помимо того, что инвесторы и государство не проявляют интереса к местной инфраструктуре, в организацию туристической логистики вмешиваются природные условия – дожди, превращающие участки уже существующих дорог в топи, или озеро, снова и снова приносящее к причалу массу песка. Приехавших, несмотря ни на что, туристов необходимо попытаться удержать (приезжие часто не доверяют качеству услуг в малых городах и потому не склонны там долго задерживаться), разместить и накормить. В музеях и вокруг них складывается особая экономика времени и внимания:

важно попасть в программы туристических операторов; важно, чтобы туристы не прошли мимо; важно, чтобы интересных занятий для приехавших хватило больше чем на несколько часов.

Часто условия развития туризма зависят от неконтролируемых и изменчивых обстоятельств (политическая и экономическая обстановка, вкусы турагентств, капризы государственной поддержки). В итоге получается, что планы по развитию туристического направления у музеев краткосрочные и, в общем, не очень серьезные. Туристические перспективы слишком туманны, а вот школьники и местные жители со своими детьми – это реальная аудитория, которая никуда не денется. «Честно говоря, – рассказывает директор одного музея в интервью, – выбирая между созданием англоязычной версии нашего сайта и покупкой новых костюмов для новогодних представлений, я остановлюсь на втором».

Музеи считаются примером инфраструктуры, производящей знание. Здесь стоит отметить, что сотрудники краеведческих музеев, как предполагается, должны заниматься исследовательской работой. Как ученым им предписывается иметь какой-то тематический интерес, изучать некоторую проблему – историческую, этнографическую или искусствоведческую, – публиковать статьи и монографии, защищать диссертации, выступать на конференциях. В действительности это мало кому удается и мало кто готов этим вообще заниматься. Формально соответствующие показатели выполняются, но то, что нужно для обеспечения и поддержания научной работы, недоступно. Архивы находятся далеко, поездки для архивных исследований не финансируются. Организационные возможности для проведения научных мероприятий и проектов ограничены. Конечно, поиск информации и научную коммуникацию сейчас облегчает интернет. Но тем не менее среди других задач исследовательская работа в музеях по-прежнему стоит далеко не на первом месте. Главные, насущные задачи – привлечь посетителей, как местных, так и приезжих; обеспечить выживание (сохранить здание и фонды, рабочие места, возможность вовремя платить зарплату, поддерживать снабжение – услуги охраны, электричество, отопление и так далее); найти ресурсы для развития (которое понимается как обновление устаревших экспозиций, оснащения, зданий).

Краеведческие музеи производят знание о месте – не только о его давней и недавней истории, но и о его настоящем. Они – когда намеренно, когда случайно – фиксируют, что происходило и происходит в городе или селе. Через выставки местных художников и/или коллекционеров-любителей они показывают, кто здесь живет и какую роль играет. Музеи становятся центрами работы с наследием и прошлым вообще,

в том числе работы неинституционализированной: если вы не имеющий официального статуса исследователь-любитель, активист или даже просто немного интересуетесь историей. В небольших городах музеев – это место, куда стоит обратиться за советом или для поиска единомышленников. Зависимость таких музеев от государственной поддержки и, соответственно, их ориентация на государственную историческую политику, участие в ней в качестве агента «народного просвещения» по-прежнему сохраняются. Но государство имеет ограниченное влияние на вид и содержание краеведческого музея.

Из-за своего неустойчивого, стесненного, бедственного положения краеведческие музеи в малых городах оказываются в ситуации, когда выжить им помогает открытость. Крупные музеи традиционно предстают в качестве цитаделей научного знания – искусствоведческого, исторического или технического. Работающие в них или с ними люди обладают специальным статусом. Сложные квалификационные барьеры защищают систему от непосвященных. Напротив, в маленьких провинциальных музеях институциональные границы, дисциплинарные или тематические рамки и экспертные статусы подвижны и незначительны. На музей никто не смотрит свысока – ни изнутри ни снаружи, – а потому в экспозиции и экскурсии включаются легенды, краеведы-любители на пенсии становятся практически частью команды музейных сотрудников, частные учреждения кооперируются с государственными, а в старинных интерьерах легко проводятся свадьбы и интерактивные программы, собираются клубы рукодельниц, поэтов и садоводов. С ремонтом или уборкой территории, а порой и с созданием новой выставки бывает не справиться без участия волонтеров. В залах можно видеть мирное сосуществование вещей, созданных и привнесенных разными агентами: древнерусский костюм, изготовленный историческими реконструкторами; макеты церквей и чучела животных, сделанные местными мастерами; документальный фильм о деревне, снятый женщиной по собственной инициативе и изначально адресованный ее внукам. Для местных краеведческих музеев характерно менее строгое отношение к мифу, развлечению, ко всему самодельному, любительскому.

В то время как некоторые городские крупные музеи принимают установку на открытость разным аудиториям или местному сообществу по соображениям идейного характера, краеведческие музеи приходят к тому же вследствие своих организационных и материальных условий. Более того, музей и окружающая его среда – люди, природа, постройки – не только включены в практики выживания, но и просто живут совместной жизнью. Когда территория сельского музея – это опушка леса, люди приходят в музей собирать грибы.

Краеведческие музеи похожи на многие другие инфраструктуры в России. На протяжении последних ста лет они пережили как периоды большого внимания и поддержки со стороны государства, так и периоды забвения. Они сформировались в советское время как мощная система, символически связывающая огромную территорию и репрезентирующая для населения общее прошлое и совместное настоящее. Но с тех пор эта система устарела и постепенно разрушается. Хотя краеведческие музеи до сих пор ценятся, а их образовательное и культурное значение не вызывает сомнений, нет ни стимула, ни ресурсов, чтобы существенно изменить их жизнь. Но изменения все равно происходят – время от времени, фрагментарно, за счет разнородных подручных материалов. Изменения – это и поломки, сбои, потери, но и ремонт этих поломок, отладка и спасение. Как мы видим, существование музеев возможно благодаря усилиям на местах – как уже вовлеченных институтов, людей, объектов, так и неожиданных агентов, случайно оказавшихся помощниками и союзниками. Усилия, предпринимаемые сверху, хотя и весьма важны, порой неадекватны и не учитывают реальность музеев. Малый размер и неустойчивое положение краеведческих музеев приносит много проблем, но одновременно дает пространство для маневра вне поля зрения больших институтов и властей, позволяя творчески использовать любую появившуюся возможность.

В среде верующих инфраструктура, то есть техническая оболочка жизнеобеспечения, нередко становится предметом активного осмысления и даже прямым источником религиозных размышлений. Во-первых, триггером для запуска семиотической рефлексии в религиозных культурах является технологичность инфраструктуры, ее кажущаяся автономность от человека. Памятным примером тому стала первоначальная реакция разных религиозных групп – от евангелических христиан в Америке до российских православных – на расширение роли интернет-коммуникации в повседневной жизни. Во всемирной сети этим людям виделись механизмы для осуществления тотального контроля над человечеством и даже своего рода конкуренция с контролем божественным. Пользование интернетом поначалу запрещалось религиозными сообществами среди своих и осуждалось среди чужих. Во-вторых, инфраструктура может пониматься как воплощение модерности, которая прячет от человека суть вещей и отдаляет его от собственной истинной личности или же от бога. Среди разных групп верующих считается, что полезно отказаться от обеспечиваемого инфраструктурой комфорта в пользу «голой жизни» и, скажем, печь хлеб самим, а не покупать готовый в магазине. Такой отказ от технологических удобств, конечно, чаще всего бывает избирательным, так что использование домотканой одежды или непокупного хлеба не обязательно предполагает также отказ от современных средств связи или транспорта.

Еще один типичный пример религиозного творчества, связанного с осмыслением технологий жизнеобеспечения, касается ситуаций, обнажающих бедную инфраструктуру. Чтобы объяснить духовную пользу и вообще осмысленность тяжелого ручного труда на полях в маленьком монастыре где-нибудь в Вологодской области, религиозная община соглашается с тем, что физический труд является формой молитвы. В результате словесная молитва в храме, на которую у изнуренных тяжелым трудом монастырских насельников в любом случае не остается сил, признается необязательной, а отказ от использования сельскохозяйственной техники – актом свободного выбора, а не суровой экономической необходимостью.

Самым ярким случаем обнажения инфраструктуры, предоставляющим широкие возможности для запуска механизмов религиозной герменевтики, является ситуация поломки. В ус-

Жанна Владимировна Кормина (р. 1971) – сотрудник лаборатории «Общества, религии, секуляризм» Практической школы высших исследований (Париж).

ловиях поломки инфраструктура перестает быть для человека невидимой второй природой. Поломка создает неудобства в осуществлении движения людей, вещей или веществ в обычном режиме или даже невозможность такого осуществления. Поломка заставляет думать о непривычном и неудобном, вынуждает сталкивающееся с нею сообщество каким-то образом восполнять образовавшиеся бреши. Можно латать их механическим путем, ремонтировать или заменять отказавшие фрагменты в системе, но одной технической починки часто бывает недостаточно: человеку – особенно человеку религиозному – требуется выстроить такое объяснение поломки, которое позволило бы включить ее в свою тотальную систему понимания мира, где нет места случайностям; вернее, кажущиеся случайности в действительности являются элементами недоступного человеку порядка вещей. Сбои в работе системы, существующей в норме независимо от использующего ее человека, успешно перекодируются верующими в эпизоды божественной интервенции в земной порядок вещей. Поломка в этой логике становится в глазах участников еще одним доказательством существования бога и свидетельством его вездесущности. Более того, инфраструктурная поломка делает пострадавших избранными, свидетелями чуда и участниками коммуникации с миром божественного.

Как эта логика работает на практике? Представим себе группу православных горожан, отправляющихся в паломничество выходного дня. Такие поездки в больших и малых городах России предлагают паломнические агентства при епархиях, приходах и монастырях, некоторые туристические операторы, а также индивидуальные предприниматели и просто инициативные граждане. Собственно, такую поездку может организовать кто угодно при наличии некоторых организаторских способностей, собственного опыта паломничества, договоренностей с хранителями святых мест или простого понимания, как устроен доступ к таким местам. Наличие собственного транспорта или возможность договориться о транспортных услугах также входит в число неперемных условий для того, чтобы устроить паломническую поездку. Хотя перемещаться к месту паломничества можно любым способом, главным средством передвижения здесь чаще всего становится автобус. Нередко организаторы паломнических поездок создают устойчивый тандем с водителем автобуса или устанавливают постоянное сотрудничество с определенным транспортным предприятием.

Автобус для современного паломничества – больше, чем механическое средство передвижения, а паломники не просто пассажиры, получающие транспортную услугу. С момента по-

садки в автобус в заранее назначенном месте руководитель поездки начинает готовить ее участников к предстоящему переживанию встречи со святыней. Во время поездки паломники приглашаются к совместному чтению молитвы или последовательности молитв, им рассказывают об истории святых мест и о случаях свершившихся там чудес, предлагают другие способы перейти в режим ожидания встречи с чудесным. Автобус с паломниками на время поездки становится своего рода мобильным приходом, религиозной общиной на колесах, где руководитель группы играет роль наставника в вере и проводника в особое пространство, которое для многих участников является новым, необжитым и чужим. Паломники часто не имеют собственного убедительного опыта религиозной жизни и отправляются в поездку именно для того, чтобы такой опыт приобрести.

Немаловажным условием производства паломнической коллективности становится общий физический опыт участников поездки. Дело не только в том, что они будут есть одинаковую пищу в трапезной монастыря или в церкви у святого места, не имея ни возможности отказаться от предложенной еды, ни возможности выбрать, или что им придется пользоваться необорудованными «зелеными остановками» где-нибудь посреди леса, чтобы справить естественную нужду в пути. Сам автобус во всей его материальности создает условия для особой паломнической телесности.

Паломнический автобус обычно легко определить по двум признакам: по иконе на лобовом стекле и общей технической изношенности. В паломническом автобусе часто будут давно немые окна и грязноватый салон, который при движении наполнится звуками громко работающего мотора. Весьма вероятно, что спинки сидений не будут откидываться и что поездка будет сопровождаться малоприятными техническими запахами. Весь этот телесный дискомфорт, однако, принимается путешественниками безропотно как одно из условий получения паломнического опыта. Паломник, в отличие от туриста, готов терпеть неудобства, и если теперь он не идет к святому месту пешком, с посохом в руке и котомкой за спиной, рискуя быть ограбленным, ночуя по добрым людям, побираясь и рискуя умереть вдали от дома, то претерпеть лишения, минимизированные до телесного дискомфорта, он считает правильным и даже обязательным для получения аутентичного паломнического опыта. Дело не в том, что такого рода малые страдания абсолютно необходимы, а скорее в том, что для настоящего паломника правильно не обращать лишнего внимания на земную суету.

Маловероятно, чтобы паломник стал жаловаться на низкое качество обслуживания. Он не имеет возможности быть недо-

вольным клиентом, не получившим оплаченную им услугу, – и не только потому, что такую жалобу будет некуда отправить, а прежде всего по той причине, что паломничество в норме не понимается как услуга. Опыт соприкосновения с сакральным, ради которого люди отправляются в эти поездки, нельзя приобрести, подарить или украсть – его можно только сотворить совместными усилиями всех участников путешествия. Паломничество сопротивляется идеологии упрощающих реальность рыночных отношений; вместо этого, его организаторы предлагают участникам думать о своем путешествии в соответствии с принципами моральной экономики, дара и реципрокного обмена. Если же участник паломнической поездки не получает ожидаемого, он должен винить лишь самого себя, поскольку, в конце концов, объем духовной пользы от путешествия напрямую связывается опытными верующими с работой путешественника над собой, его готовностью эту пользу воспринять.

Опыт соприкосновения с сакральным нельзя приобрести, подарить или украсть – его можно только сотворить совместными усилиями всех участников путешествия. Паломничество сопротивляется идеологии упрощающих реальность рыночных отношений.

Что же происходит, если инфраструктура, обеспечивающая паломническое путешествие, подводит: старый автобус ломается в дороге; священник, не предупрежденный организаторами поездки о приезде группы, отказывается обслуживать неожиданных гостей или, например, водитель сбивается с пути, так что путешественникам вообще не удается добраться до цели своей поездки? Будет ли такая поломка означать неуспех паломничества? Как в таком случае оценивается ущерб и каким образом осуществляется компенсация за понесенные потери?

Паломнический автобус обозначает границы временной религиозной общины: ее нельзя распространить за пределы автобуса, но из нее невозможно и выйти. Маршруты паломничества выходного дня в России обычно пролегают из обжитых мест (как правило, городов) в места, не вполне обжитые, вроде возрождающихся монастырей или деревенских святынь и могил старцев. Путь из центров на периферию, где воздух чище и плотность населения ниже, означает и перемещение в незнакомую среду, чужую и пугающую, с иными принципами организации жизни – от перемещения в пространстве до обес-

печения себя едой. Автобусы здесь ходят редко, продуктовые магазины пусты, общественных уборных нет. Это перемещение в экзотические места вынуждает группу к солидарности.

Слабая инфраструктура – старый транспорт, плохие дороги, ненадежные каналы гостеприимства – в случае паломничества становится поводом для сплочения группы, оказавшейся в ситуации чрезвычайного положения. Руководитель и согласная с ним – обычно более опытная в делах веры, а потому авторитетная в глазах остальных – часть группы проводят обсуждение поломки, во время которого ситуация инфраструктурного фиаско предстает в воображении всех переговорщиков как нечто совершенно противоположное, а именно, как доказательство божественного сопровождения группы. Опытный руководитель паломнической поездки не только не примет обвинения в собственной некомпетентности, он также не позволит искать виноватых внутри своей временной паствы, из-за чьей недостаточной моральной чистоты (плохо молился и много грешил) или духовной подготовленности страдает вся временная община. Напротив, обратившись за помощью к группе поддержки, состоящей из более опытных верующих, которые уже имеют навык разглядывания обыкновенных житейских ситуаций на предмет признаков проявления в них божественной воли, руководитель убедит паломников в том, что произошедшая неожиданность повышает ценность их путешествия. Если автобус сбивается с маршрута, то это происходит не из-за непрофессионализма водителя, который не озаботился тем, чтобы иметь при себе карту, лучше изучить маршрут или побеспокоиться заранее о техническом состоянии своей машины, – а по «духовным» причинам.

Большие и малые препятствия, неожиданно возникающие по мере продвижения группы к святому месту, православные объясняют искушениями. Это помехи, которые постоянно сопровождают стремящегося к ведению праведной жизни православного человека. По мере увеличения праведности усиливаются и соблазны: чем ближе паломнический автобус к святому месту, тем выше риск искушений. Они проявляются в виде конфликтов внутри группы или между группой и руководителем, неготовностью хранителей святого места к приему гостей – словом, любых неудач, грозящих неуспехом всей поездке. Искушения считаются неизбежными, и участники паломнических поездок стремятся толковать их позитивным образом – как знаки расширения божественного присутствия и даже как своего рода критерий качества паломнического маршрута.

Инфраструктурная поломка создает идеальные условия для реализации религиозной педагогики, когда более опытные верующие получают возможность объяснять остальным осно-

вы повседневной герменевтики чудесного. Принципы толкования сводятся к двум основным идеям: гиперсемиотизации и произвольности знака. Первый принцип основывается на допущении, что любое, даже самое заурядное событие – во фрагментарно доступной человеческому разуму тотальной логике – может значить больше, чем кажется на первый взгляд: случайно купленная во время паломничества иконка («А вот почему мне вдруг именно эта понравилась?»), увеличившийся в объеме кошачий корм («Покупала 200 граммов, а пришла домой – оказалось 400»), разговор с соседкой о судьбе общего знакомого (попал в тюрьму невинно, долго ожидает суда) выстраиваются опытным верующим в связанную цепь событий, которая ведет от их собственной личности прямиком к миру божественного, посылающему им знаки-загадки (святой на иконке, как оказалось, помогает сидящим в тюрьме, а после того, как иконка была передана знакомому, суд, наконец, состоялся, и было вынесено оправдательное решение). Принцип произвольности знака напоминает идею Фердинанда де Соссюра, согласно которой связь между означающим и означаемым случайна, то есть мы именуем нашу верхнюю конечность «рука» только потому, что следуем существующей договоренности, в самой конечности нет ничего, что заставляло бы нас использовать именно этот набор звуков для ее названия. Если эта связь произвольна, то она может быть признана относительной, и увеличившийся в объеме кошачий корм будет означать не ошибку продавца, а знак божьей милости и малое чудо (корм был куплен после возвращения из паломничества на последние деньги) – что в свою очередь указывает на избранность рассказчицы и добавляет убедительности ее истории о чудесном освобождении из тюрьмы.

Инфраструктурная поломка создает идеальные условия для реализации религиозной педагогики, когда более опытные верующие получают возможность объяснять остальным основы повседневной герменевтики чудесного.

Религиозная педагогика воспитывает прежде всего особую семиотическую чуткость. Мы не всегда знаем, что именно хотели сказать своим вмешательством в наши планы высшие силы, но мы должны оттачивать в себе умение обнаруживать чудесное в обыденном и ждать со всем вниманием, на какое способны, прорывов чудесного в нашу жизнь. Между, казалось бы, независимыми событиями может существовать связь,

незначительные происшествия могут иметь глубокие духовные смыслы. Развитие такого рода внутреннего слуха является частью личного религиозного обращения в современном православии, то есть постепенного превращения в церковного человека. Уверенное же владение навыками повседневной герменевтики обеспечивает верующему почетное место в религиозном сообществе, будь то приход, паломническая группа или широкая группа единомышленников, объединенная посредством социальных сетей.

Будет неверным утверждать, что паломник ожидает инфраструктурных сбоев или никогда не требует компенсаций за неудавшееся путешествие. Однако, в отличие от своего номадического собрата туриста, для которого исключительно важно, чтобы инфраструктура была частью экономики удовольствий, в лучшем случае восхитительной, в худшем невидимой и в скандальном – ломающейся, паломник учится воспринимать инфраструктуру как часть окружающей среды, непредсказуемой и не всегда приятной, но не зависящей от человеческой воли. Превращаясь на время путешествия в религиозного человека, он усваивает холистический взгляд на мир как на систему, где все между собой связано – и связано отнюдь не механистически. Попытки потребовать компенсацию – за то, что не доехали до обещанного старца или не посетили запланированного дальнего монастыря, – приводят к тому, что паломничество признается неудачным, религиозные компетенции скандалиста низкими, и, вместо обсуждения опыта встречи с чудесным, автобусники получают ситуацию бытовой ссоры. Так тоже бывает, но чаще группа совместными усилиями справляется с задачей по пере-квалификации инфраструктурной поломки в чудо.

Лидия Яковлевна Рахманова (р. 1989) – социальный антрополог, старший преподаватель Департамента истории Санкт-Петербургской школы гуманитарных наук и искусств Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Переправа – результат отсутствия дороги. Этой нехваткой она питается и ее же восполняет, вступая в союз с людьми. Однако век хорошей переправы недолог: чем лучше она служит, чем глубже создает иллюзию непрерывной связи между берегами, тем скорее у ее пользователей созревает смертельная для нее самой идея построить мост. В этом моменте биографии переправы и речного парома, несомненно, проглядывает горькая ирония: строители моста используют паром как инструмент в своих целях. Впрочем, все существование переправы пронизано иронией – если мы попытаемся дать ей определение исходя из ее ключевой функции в контексте транспортных и социальных инфраструктур, организующих жизнь любого региона, то оно всегда будет негативным. Переправа существует на месте отсутствующего дорожного полотна, будь то грунт дамбы или мостовые конструкции. В ее ритмизованной жизни также существуют много маленьких пауз и «отсутствий»: в летнее время переправа не работает ночью (она дискретна); в форме зимника, напротив, она функционирует независимо от времени суток (следовательно, непрерывна). Это странное «мерцание» составляет саму сущность переправы – особенно речной. Речные переправы постоянно смещаются вдоль берегов, оставляя следы своих прежних локаций. Когда местный житель назначает тебе встречу в летний вечер, он может просто указать место «у зимней переправы», и если ты не бывал в поселке в другие сезоны, то легко можешь попасть впросак: зимняя «точка схода» – место пересечения реки транспортом и людьми, где размещается контрольный пункт, на котором следят за толщиной льда, меняют тоннаж на дорожных знаках и стендах, – может располагаться за три–пять километров от места швартовки летнего парома. Удивительное свойство переправы, существующей в тандеме (и постоянном диалоге) и с рекой, и с техникой, – это ее способность проявляться, пульсируя, возникая то тут то там, иногда не по сезону из-за внезапных зимних оттепелей или позднего половодья.

Переправа, по сути, приглашает человека к диалогу, ритм и правила которого известны далеко не каждому. Если бы дело заключалось только в том, чтобы «воспользоваться переправой» или «переправиться без проблем, вовремя и с комфортом», то переправа потеряла бы значительную часть своей сложности, многосоставности, гибкости и, соответственно, утратила бы

интерес для исследователя и читателя. Я же хочу показать, каким образом переправа может стать партнером в бизнесе, пространством конкурентной борьбы, местом работы или же отдыха и развлечений, клубом для мужского общения. Мы также рассмотрим ее как одну из составляющих комплексной транспортной инфраструктуры – ту, к которой государство относится с некоторой двусмысленностью: ведь с точки зрения развития региона, «позаботиться о переправе» и стабильной реализации ее функции означает ее уничтожить, превратив в мост и обычную дорогу. Героем истории, которую я хочу рассказать, как раз и является трудяга-паром, пересекавший реку раз за разом в стремлении компенсировать разрывы в дорожной инфраструктуре, этой рекой образованные. И каждый новый рейс этого паромы был своего рода инвестицией в собственную гибель: он сам себя обрекал на то, чтобы, в конечном счете, покрыться ржавчиной на приколе в тени нового моста. Но прежде, чем перейти к этой истории, необходимо еще немного рассказать о переправах в целом.

Переправа, по сути, приглашает человека к диалогу, ритм и правила которого известны далеко не каждому.

Переправа может стать партнером в бизнесе, пространством конкурентной борьбы, местом работы или же отдыха и развлечений, клубом для мужского общения.

«Тело» переправы представляет собой сочетание машин, механических объектов, воды, льда, снега, ствола березы под надписью «Поддай утопающему» и многих мельчайших деталей, которые то включаются в работу, то отпадают за ненужностью. Этот ассамбляж живет и постоянно сопротивляется попыткам людей контролировать его эффективность (с точки зрения транспортной связности и доступности). Сопротивление выражается не только в поломках судна, паромы, системы лебедок, разрывах канатов, но и во внезапно возникающих трещинах во льду и в полынье на зимнике, которые могут с легкостью поглотить целиком грузовик. Более того, переправа может сопротивляться эффективному использованию через нефункциональность персонала – например, запой капитана и моториста-рулевого (особенно в день военно-морского флота). Сложная и семиотически живая, активная структура – переправа – использует природные силы и человеческие тела, чтобы проявить свою независимость, автономию и неподвластность инженерной мысли конструкторов, административной мысли чиновников и смекалке людей, желающих переправиться.

Как вообще выглядит сибирская речная переправа? Летом она начинается с пыльной грунтовой площадки на самом берегу реки. После дождя пыль превращается в грязь, которую месят колеса машин. Возле места, куда причаливает паром, может располагаться небольшой вагончик или бытовка. Указатели на переправе зачастую снабжаются стендами с расписанием паромов и даже информацией о тарифах для перевозки пассажиров, легковых и грузовых автомобилей, автобусов. Как правило, на низком и болотистом берегу места весенней и летней переправы различаются, тогда как на высоком берегу расположение причала остается постоянным. Переправы также являются местом парковки автомобилей и прицепов для катеров, если выделенная площадка позволяет им там разместиться. Паром на реках Сибири бывает обычно двух видов: наиболее распространенный вариант – это баржа, плоскодонное безмоторное судно-платформа, куда заезжает транспорт, пассажиры и помещаются грузы. Баржа работает в сцепке с буксиром или тягачом – небольшим судне на моторе. Второй вариант – самоходный паром, располагающий погрузочной платформой и встроенным двигателем.

Илл. 1. Паром на летней переправе: пассажиры покидают судно первыми. Фото автора, 2019 год, Томская область.

Наиболее загадочный элемент парома в любой конфигурации – аппарели, то есть пандусы для беспрепятственного заезда транспорта на баржу. Большинство российских паромов обладают двумя аппаратами – на въезд и на выезд, – что предполагает сквозное прохождение автотранспорта. Однако в большинстве случаев работает лишь одна из них. На мои удивленные вопросы «Почему?» капитаны паромов и мотористы-рулевые, осуществляющие швартовку и регулирующие заезд транспорта на паром, отвечали, что вторая аппаратель яв-

ляется запасной, ведь если одна сломается, то погрузку можно будет осуществлять через вторую. На некоторых паромах этот запас прочности был исчерпан, так как закрытая аппарель уже давно была сломана и вся система могла полностью выйти из строя. Паром, как и любой инфраструктурный «персонаж», постоянно сталкивается с поломками внутри и вокруг себя. Поднятая аппарель, сохраняемая про запас, показывает, что судно готово к возможной поломке – последняя всегда уже учтена в работе переправы. Между тем необходимость заезжать и выезжать через один съезд создает множество проблем, конфликтов и напряжений как для водителей и пассажиров, так и для людей, обслуживающих паром. Парковка машин в миллиметре друг от друга, с постоянными подсказками водителям, в какую сторону выкрутить руль и как маневрировать, двигаясь задним ходом, – это своеобразный танец, который вынужден исполнить каждый участник движения на пароме с одной работающей аппарелью. В некоторых случаях у водителя с городским опытом оказывается недостаточно навыков для подобных маневров и им приходится уступить место за рулем «профессионалам».

Когда паром отчаливает, у кассира (иногда эту роль выполняет моторист-рулевой, но, как правило, женщина, работающая по найму в летний сезон) есть 20–25 минут (10–15 минут в случае относительно узких по сравнению с Обью и Енисеем рек), чтобы «обилетить» водителей автотранспорта, пока паром пересекает реку и заходит на швартовку чуть ниже по течению, обходя прибрежные мели. На более крупных специализированных паромах водители сами подходят к окошку кассы для оплаты.

Однако все самое интересное происходит на берегу до начала погрузки и посадки на паром: машины подъезжают к берегу, разворачиваются багажником к реке и встают «елочкой» в порядке очереди слева и справа от проезда. На последние рейсы очередь занимают за 30–60 минут, чтобы наверняка поместиться на платформу. Правда, в некоторых случаях частный паром берет дополнительные рейсы «до последнего клиента», чтобы успеть перевезти на другой берег всех желающих – уже вне расписания. В ожидании рейса водители и их спутники, занявшие очередь на погрузку, выходят из машин, курят, угощают друг друга чаем из термоса, порой с согревающими добавками. Это время предназначено для того, чтобы узнать последние городские новости у транзитных пассажиров; выяснить, чьи внуки и племянники едут навестить деревенского родственника на выходные; договориться о бартерном обмене местной рыбы на алтайский мед или домашних настоек на запчасти от снегохода.

В течение трех–пяти минут происходит швартовка судна, иногда из-за сильной речной волны или шторма этот момент становится самым напряженным в рейсе. Первыми на сушу выходят пешеходы и пассажиры транспортных средств, затем машины – начиная с той, что последней заезжала задним ходом на паром на противоположном берегу. Таким образом, на летней переправе работа парома обеспечивается тремя профессионалами: капитаном, мотористом-рулевым и кассиром.

Илл. 2. Неотъемлемый элемент зимней переправы – стенд «Поддай утопающему». Фото автора, 2020 год, Томская область.

Когда после многодневных морозов река, наконец, «встает», переправа возникает вновь, но уже в другом обличье – в форме зимника. На зимнике, проходящем через замерзшую реку, вы не увидите никого, кроме дежурного в бытовке, из трубы которой валит дым, растворяясь в морозном воздухе. Таким образом, в холодное время года водители и пассажиры на переправе оказываются более независимыми от государственных и частных услуг перевозчика. Зимние и летние режимы функционирования переправы составляют единый цикл, включающий простои в период ледостава и ледохода, намораживание переправы и постановку толкача с баржей на прикол. Описать это функционирование невозможно, не принимая во внимание микроритмов ее работы, определяемых количеством рейсов в день, поломками судна, его ремонтом, запретом на выход на реку в период крупных штормов.

Работа переправы похожа на работу четырехтактного двигателя, в ходе двух фаз которой происходит сжатие топлива и циркуляция газов, а в двух других формируется усилие, необходимое для приведения механизма в движение. Однако возникает вопрос: является ли переправа тождественной самой

себе в межсезонье, когда с ее помощью пересечь реку человеку, автомобилю, любому существу невозможно? Можно ли сказать, что в этот период переправа исчезает? В физическом пространстве остаются точки зимней и летней переправы, отметки на карте, остаются площадки, выровненные сотнями машин. Однако с точки зрения сетевого пространства переправа оказывается невидимой на карте коммуникаций и связей, наступает сетевой сбой. Но, исчезнув на определенный период, переправа возрождается вновь, сохранив свою природу и функционал.

В моей истории об одной переправе не обойтись без этой игры разных заинтересованных сторон, каждая из которых пытается присвоить переправу себе, но никак не может до конца подчинить ее собственному контролю. С точки зрения государства и регионального правительства, переправа является свидетельством нехватки, образом видимого разрыва между трассой на одном берегу и продолжением той же трассы на другом. Вечная дилемма управления переправой с административной точки зрения заключается в том, что поддерживать переправу в рабочем состоянии означает ухаживать за речным флотом муниципальных паромов, держать их на ходу, а в периоды до установления зимника – намораживать переправу параллельно с маршрутом прохождения осеннего паррома, пробивать ледоколом весенний лед, расчищая шугу (скопление небольших кусков льда на поверхности реки) для первых весенних рейсов.

Иными словами, поддерживать жизнь переправы означает сокращать периоды транспортной изоляции населенных пунктов, борясь с нерегулярностью паромного сообщения, и стремиться к практически полной нормализации транспортной инфраструктуры. Налаженная переправа позволяет региональным властям отложить принципиальное решение проблемы инфраструктурного неравенства, несомненно, имеющей и социальное, и политическое измерения. Однако не все так просто. Согласно меткому выражению Донны Харауэй, природа обладает отличным чувством юмора – переправе, связанной с рекой тесными узами, также не занимать остроумия. Ее невозможно постоянно поддерживать в таком состоянии, чтобы она функционировала безупречно, без сбоев, подобно хорошо заасфальтированной (и расчищенной от снега) автомобильной дороге. Эта неопределенность и игра переправы тревожит государство, но она же вдохновляет предпринимательский гений, который воспринимает мерцающую, провоцирующую переправу как источник процветания микрорегиона, а перспективу строительства дороги и моста – как начало отмирания удивительных местных инициатив. Крупные переправы, например, через

реку Обь, требуют серьезного технического обеспечения: на них конкурируют муниципальные и частные паромы. Меж тем небольшие реки – притоки Оби – вызывают меньше пристального внимания контролирующих органов, и на них создается больше возможностей для организации достаточного крепкого и прибыльного бизнеса. Такова была и та переправа, о которой я хочу рассказать. Фактически она была неотъемлемой частью федеральной трассы. В период с конца мая до ноября водная переправа работала непрерывно, и от желающих переправиться не было отбоя. Здесь проезжали командировочные и вахтовики, детские туристические группы, частные автомобили с семьями, направляющимися в отпуск к бабушке в отдаленный поселок, фуры с продовольствием, бензовозы. В отличие от грунтовых дорог, ведущих в тупиковый «куст» деревень на другом берегу реки, это транзитное место было очень бойким и само порождало конкуренцию среди перевозчиков. Буксиры стояли, выстроившись в ряд, ожидая клиентов.

Сложная и семиотически живая, переправа использует природные силы и человеческие тела, чтобы проявить свою независимость, автономию и неподвластность инженерной мысли конструкторов, административной мысли чиновников и смекалке людей, желающих переправиться.

Паром, который был в распоряжении одного из предпринимателей, ничем существенным не отличался от других, а меж тем от оборотистости этого предприятия зависело, окупится ли топливо и ремонт «кормильца» семьи. Река невелика по ширине, но из-за длительного и мучительного процесса причаливания и разворота платформы под девяносто градусов к берегу двигатель «съедал» неимоверное количество солярки. Первое нововведение, придуманное владельцем, – отказаться от использования толкача и оставить только саму платформу, которая передвигается между берегами на тросах. Эта идея позволила сделать процесс швартовки филигранным и четким, а солярка расходовалась только на приводные механизмы, обеспечивающие работу тросов. Такая конструкция оставила почти всех конкурентов «за бортом», поскольку паром стал делать несколько рейсов за час и мог отправляться в путь даже с небольшим количеством пассажиров, не ожидая, пока наберется достаточно клиентов: себестоимость рейса была сравнительно мала.

Капитаны пришвартованных рядом паромов кусали локти, наблюдая за работой предпринимателя, а их флот начинал ржаветь и приходить в негодность. Последним ударом по конкуренции стало решение установить на пароме холодильник с навесом для продажи пива и мороженого. В жаркий полдень, ожидая парковки туристического или рейсового автобуса, который медленно и неуклюже вползал на платформу, дети и родители наслаждались прохладой в тени навеса, утоляя жажду пивом и лимонадами. Это маленькое, казалось бы, новшество, не только поставило паром вне конкуренции для транзитных, приезжих граждан, но и сформировало своего рода клуб на правом берегу реки у места переправы. Многие приезжали к парому не для того, чтобы переправиться на другой берег, а чтобы узнать последние новости, перекинуться парой слов с командировочными. Холодильник с пивом и мороженым превратил переправу в этом районе из необходимости в удовольствие. Переправа уже больше не являлась точкой потери времени. Она стала процессом его приятного препровождения, общения и созерцания, отдыха и передышки в долгом пути, процессом, который даже хочется – до некоторой степени – продлить.

Переправа с монополией фактически одного перевозчика стала легендой. Если движешься на север вдоль Оби, объехать ее в летний сезон невозможно. Однако спустя несколько лет для повышения пропускной способности трассы и обеспечения ее бесперебойного функционирования в межсезонье было решено построить мост через реку. Из федерального и регионального бюджетов были выделены средства. Подрядчик, реализовывавший проект, появился в селе после схода льда. Когда строишь мост, действовать нужно сразу на двух берегах – и здесь без парома не обойтись. В это лето паром начал работать в две смены: перевозил путешественников, как и прежде, осуществляя связь двух половинок трассы, но также курсировал, нагруженный спецтехникой и строительными материалами для возведения опор моста, укрепления насыпи.

Поскольку в удаленных поселках переправа структурирует темпоральности сельской жизни, она оказывается чрезвычайно живучей и, как я уже говорила выше, проявляет себя даже в топонимике – «у летней переправы», «на бывшем причале», – хотя в разные сезоны находится в различных точках физического пространства. Если посмотреть на карту местности и отметить все места, которые связаны с переправой, можно увидеть, как она охватывает прибрежную зону и включает в себя множество элементов. Пример паромных перевозок как успешного бизнеса показывает: успешность обеспечивается своего рода многозадачностью – кафе на пароме, клуб на причале яркий тому пример.

Подобная переправа перерастает свою основную функцию по перевозке людей, грузов, транспорта с берега на берег и проявляет избыточность социальных смыслов. Но именно в этой избыточности можно увидеть ее «влечение к смерти» – к моменту, когда она станет ненужной и будет заменена дорогой. Даже охватив многие сферы социальной жизни, она не может устоять перед появлением простых монофункциональных объектов – дороги и моста, – которые созданы для обеспечения бесперебойности движения. Будучи источником и заложником дискретности пространства и времени, переправа расцветает на почве неопределенностей, которые питают социальную жизнь и обогащают ее. Отмирая за ненадобностью, уступая место мосту и непрерывному потоку машин, она уносит с собой и часть разнообразия сельской жизни.

Плавмагазин

Михаил
Агапов

Летом на Обском севере у каждого села можно увидеть пришвартованное к пирсу или уткнувшееся носом в берег судно, до самого мостика загруженное коробками с холодильниками, мебелью, плитами пеноплекса, пластиковыми окнами и велосипедами. Впервые оказавшись внутри такого судна, я словно перенесся в начало 1990-х: больше всего его чрево напоминало типичный для тех лет коммерческий магазин (*комок*), предлагавший в тесном, ограниченном, как правило, подвальном пространстве неограниченный ассортимент товаров. На разделенных узким проходом, упирающихся в невысокий потолок прилавках было буквально все: бытовая химия, инструменты, строительные материалы, сантехника, одежда, кошачий и собачий корм; в соседнем отсеке – овощи и фрукты, посуда, кондитерские изделия, рефрижератор с мороженым; посреди всех отсеков грудились холодильники, стиральные машины и микроволновки. Над прилавками висело объявление «Подберем под вас и матрас, и унитаза». Так выглядит типичный обский плавучий магазин, именуемый так же плавмагазином, плавником или плавиком (далее – ПМ).

Михаил Геннадьевич Агапов (р. 1974) – социальный антрополог, сотрудник Лаборатории исторической географии и регионалистики Тюменского государственного университета.

Плавмагазин. Село Мужы, Шурышкарский район Ямало-Ненецкого автономного округа. Фотография автора, июнь 2019 года.

«Золотой век» ПМ пришелся на середину 1990-х – начало 2000-х, когда платежеспособность и потребительский спрос местного населения уже заметно возросли, но слабая транспортная инфраструктура еще не могла обеспечить поступление товаров с «большой земли» в требуемом объеме. В этих условиях ПМ оказались чрезвычайно прибыльным бизнесом. Им занялись предприниматели из портовых городов южной части Обского бассейна – Тобольска, Тюмени, Омска, Томска. Все начинали, как правило, с одного ПМ, который приобретался или арендовался. Наиболее востребованными были так называемые «немки» – суда типа ПМ-600 и ПМ-700, построенные в ГДР на судостроительных заводах «Edgar André» в Магдебурге и «Rosslauer Schiffswerft» в Росслау в 1969–1974 годах. Те, кто не мог приобрести типовые ПМ, переделывали под них суда типа СТ (самходный теплоход), ГТМ (грузовой теплоход малый), «Колхозница» (малое грузовое судно), прогулочные теплоходы и баржи. Приобретение собственного ПМ считалось выгодным вложением средств.

Вместе с тем плавмагазинный бизнес был сопряжен с высоким риском. Рассказы предпринимателей об истории *своего дела на реке* похожи на вестерны, с такими типичными для них сюжетами, как открытие новых путей сообщения, первоначальное неприятие приезжих торговцев местными жителями, войны с бандитами и борьба с конкурентами, установление отношений с местными властями и так далее. Большинство владельцев ПМ со временем заняли узкие ниши (например занялись продажей исключительно строительных материалов), лишь немногие смогли создать собственные судоходные компании, включающие пять–семь ПМ и корабли-подвозчики. Сегодня ПМ – это уже уходящая натура. Их число заметно сократилось к середине 2010-х, когда наземные пути сообщения дотянулись до большинства населенных пунктов Средней и Нижней Оби, в какие-то из которых пришли крупные торговые сети. В настоящее время на Оби насчитываются, по разным данным, от десяти до пятнадцати ПМ, что составляет до половины всех ПМ, зарегистрированных в России. Кроме Сибири (Обь, Енисей), ПМ работают на реках европейской части страны (Волга) и Дальнего Востока (Лена, Амур).

Обские ПМ открывают навигацию в начале мая, как только с реки начинает сходить лед, двигаются, буквально упираясь носом в льдины, и завершают навигацию в конце октября, когда лед начинает вытеснять их из акватории. Для северных поселков прибытие первого и отбытие последнего плавмагазина являются значимыми событиями, маркирующими смену времен года. Стремясь охватить как можно больше населенных пунктов, ПМ передвигаются по часто труднопроходимым «бо-

ковым рекам» и протокам. Рабочая зона обских ПМ делится на два района: «Река» и «Губа». Из-за постоянных штормов навигация в «Губе» крайне сложна. Речники часто называют Обскую губу морем. Все типовые ПМ и перестроенные под них суда относятся к типу речных или озерных, вследствие чего не имеют права выходить в Обскую губу. Официально губа открыта только для морских судов и судов смешанного плавания «река–море», однако на практике там работают и ПМ.

МИХАИЛ АГАПОВ

ПЛАВМАГАЗИН

Для северных поселков прибытие первого и отбытие последнего плавмагазина являются значимыми событиями, маркирующими смену времен года.

Районы «Река» и «Губа» называются также «кругами», поскольку в каждом из них ПМ ходят по кругам, охватывающим в зависимости от типа ПМ и наличия или отсутствия у него подвозки товаров от трех до десяти населенных пунктов. Небольшие ПМ, работающие, как правило, без подвозки, делают в сезон один–три круга. ПМ крупных компаний с отлаженной системой подвозки товаров ходят по своим кругам в течение всего сезона, заходя в каждое включенное в круг село в среднем один раз в семь–десять дней и торгуя там от одного до трех дней. Крупные компании ПМ имеют достаточно разветвленные и протяженные сети поставок, регулярность которых обеспечивается специальными судами-подвозчиками (сухогрузными теплоходами), курсирующими между базовым портом (Тобольск, Томск, Омск) и рабочими зонами ПМ. Подвозка товаров производится также авто- и железнодорожным транспортом через расположенные в непосредственной близости от рабочей зоны ПМ пункты (для «Реки» это поселок Приобье Ханты-Мансийского автономного округа, для «Губы» – город Лабытнанги Ямало-Ненецкого автономного округа).

Будучи заинтересованными в сбыте всех своих товаров, владельцы ПМ предпочитают торговать по предварительным заказам, которые оформляются через сайты (группы в социальных сетях «ВКонтакте», «Одноклассники» и/или официальные сайты – такие, как, например, *флоттомск.рф*). Крупные компании ПМ представляют на своих сайтах широкий ассортимент товаров, объединенных в группы: бытовая и цифровая техника, мебель, окна, строительные материалы и инструменты, текстиль, товары для спорта, хозтовары. Типовые ПМ – настоящие супермаркеты на воде. Крупные компании ПМ также успешно участвуют в конкурсах и реализациях тендерных подрядов в рамках

северного завода. Компании, состоящие из одного–двух ПМ, обычно специализируются на торговле двумя–тремя видами товаров. Все ПМ торгуют свежими овощами и фруктами.

Хотя в поселках всегда есть высокий спрос на алкоголь и сигареты, крупные компании ПМ их не реализуют. Дело заключается не только в том, что продажа алкоголя разрешается лишь в стационарных точках. Внушительные транспортные расходы заставляют владельцев ПМ *«работать оборотами»*. Поэтому ПМ загружаются товарами, которые пользуются стабильным спросом; продаются по *«хорошей»* цене; компактны и просты в транспортировке. С этой точки зрения алкоголь оказывается невыгодным товаром, проигрывая в первую очередь бытовой и цифровой технике – лидирующей группе товаров средних и крупных ПМ. Кроме того, наличие на борту алкоголя провоцирует экипаж на запойное пьянство, а местных жителей – на конфликт с экипажем из-за постоянных требований продать алкоголь в долг.

Внутреннее пространство ПМ разделено на две части: «верх» и «низ». «Верх» – это отделы ПМ, расположенные в надстройке (на несерийных ПМ – в переделанных каютах), «низ» – отделы ПМ, расположенные в трюмной части судна. Обычно «внизу» размещаются продуктовые отделы («заморозка», «овощи и фрукты») и собственно места хранения продуктов, а «наверху» – все остальные отделы («бакалея», «одежда», «бытовая химия», «бытовая техника», «мебель», «инструменты», «охота и рыбалка»).

Экипажи ПМ делятся на судоводительскую и коммерческую команды. Первая формируется из профессиональных речников и возглавляется капитаном, в ее составе на матросских должностях часто работают студенты-речники. Вторая команда состоит из продавцов-консультантов и грузчиков, она подчиняется директору ПМ. Вопросы передвижения судна обсуждаются совместно директором и капитаном, при этом решающий голос принадлежит капитану. Позиции капитанов и директоров ПМ престижны и высокооплачиваемы. На должности сотрудников ПМ среднего и низшего звена чаще всего трудоустраиваются люди, оказавшиеся в сложной жизненной ситуации. Работа на ПМ дает возможность сбежать от домашних проблем, сэкономить средства (обе команды находятся на полном довольствии судовладельца) или даже извлечь выгоду (сдать свою квартиру на время отсутствия). Дополнительный заработок продавцам дает реализация «левого» товара, завышение стоимости товаров, подработка в селах (например сборка и установка мебели, подключение и настройка бытовой и цифровой техники). Свои «серые» заработки есть и у судоводителей (продажа солянки, как правило, разбавленной; «левые» закупки рыбы и так да-

лее). Вместе с тем тяжелые условия работы и проживания (общие небольшие каюты по четыре–шесть человек) являются причиной значительной *текучки* продавцов-консультантов.

Общим для всех обитателей ПМ является тезис о привлекательности *«кораблядской жизни»*. При этом смысловое поле данного понятия чрезвычайно широко: для разных людей оно включает в себя такие аспекты как пьянство, сексуальные приключения (половой состав обеих команд смешанный, среди продавцов преобладают женщины), *«северная романтика»* и тому подобное. Следует заметить, что, хотя на работу на ПМ нанимаются люди буквально со всех концов страны, представителей индигенных народов на ПМ нет. Это объясняется как неготовностью последних оставлять свои занятия на *«земле»* на весь летний период, так и недоверием со стороны директоров ПМ, считающих ненцев и хантов *ненадежными работниками*.

ПМ работают не только на *завоз*, но и на *вывоз*. В настоящее время *вывоз* составляет прежде всего металлолом. Его регулярно вывозят суда-подвозчики и в конце навигации сами ПМ. Металлолом скупается у местного населения или подбирается как *бесхозный*. В 1990-е ПМ брали у местного населения рыбу на *реализацию в счет оплаты*. Однако такие схемы перестали работать уже в 2000-е. Сейчас рыба составляет второй по значимости после металлолома объект обратного вывоза ПМ. Обратно вывозятся и нереализованные товары, которые затем хранятся на складах до следующей навигации.

Главными конкурентами ПМ считаются поселковые магазины, однако на практике между ними складывается своеобразный симбиоз. Дело в том, что летом северные поселки заметно пустеют. Непродуктовые отделы поселковых магазинов на лето обычно закрываются – ПМ фактически замещают их. Несмотря на рост цен на ГСМ, водный транспорт все еще остается самым дешевым средством доставки товаров, в том числе всегда востребованных на Севере фруктов, овощей и *«скоропорт»*. Заметим, если «русское» население северных поселков, как правило, закупает предметы *«сельской роскоши»* (мебель, бытовую технику) зимой в местных стационарных магазинах, то представители коренного населения приобретают товары той же группы обычно летом на ПМ. Некоторые ПМ принимают заказы на изготовление индивидуальной мебели. В наиболее отдаленных северных поселках едва ли не вся *«сельская роскошь»* приобретается на ПМ.

Бассейны крупных рек часто являются естественной, а в случае отдаленных северных территорий зачастую и единственной наземной, транспортной инфраструктурой, обеспечивающей функционирование локальных систем мобильностей. Следует заметить, что на севере реки служат путями сообщения не толь-

ко в летнее, но и в зимнее время, когда по ним прокладываются снеголедовые дороги (*автозимники, зимники, «ледники»*). Однако не стоит преувеличивать естественность водно-транспортных локальных систем. Как в летнее, так и в зимнее время реки превращаются в пути сообщения только благодаря целому комплексу масштабных работ, обеспечивающих судоходные/автодорожные условия. С одной стороны, работа ПМ опирается на уже существующую транспортную инфраструктуру (причалы, система радио- и телесвязи, система навигационных знаков и так далее), с другой стороны, постоянно развивая свои торговые сети, в том числе и за пределами хорошо освоенных районов, ПМ создают новые устойчивые маршруты, взаимосвязи между поставщиками и потребителями, отдельными поселками. Таким образом, неформальные агенты способствуют расширению формальной инфраструктуры, дотягивая ее до наиболее удаленных северных населенных пунктов.

Полевой туалет

ВЛАДИМИР
КАРТАВЦЕВ

В археологической экспедиции, где я отработал пять полных полевых сезонов, существовало правило, запрещающее насилие: ни один из ее участников ни при каких обстоятельствах (и ни в каких состояниях) не имел права выяснять отношения с кем-либо из коллег при помощи кулаков. Пацифистами участники экспедиции, конечно, не были, однако это правило соблюдалось свято – как, например, и правило не есть грибы, собранные в окрестностях лагеря. Правил такого рода было много и, как это бывает в устойчивых сообществах единомышленников, их соблюдению придавалось большое значение. Сообщество принуждает – а то сообщество, к которому искренне хочется принадлежать, принуждает с удвоенной силой: мысль, что правила созданы, чтобы их нарушать, кажется глупостью.

Соблюдение правил всеми и каждым составляет жизнь сообщества, упрочивая его идентичность и структурируя повседневность. Сознательное решение сообщества нарушить то или иное (доселе незыблемое) правило – событие экстраординарное, отчаянная мера в отчаянные времена.

Это был закат сезона, людей в полевой партии осталось мало, каждый день кто-то уезжал. Тем утром в Москву уехал один из *старых костяков* (так называют тех, кто проработал в экспедиции максимально долго, например, с момента ее основания). Когда снимается человек, проживший в своей палатке месяц или около того, на земле остается след – бледный многоугольник примятой травы. Каково же было наше удивление, когда после очередного отъезда, на месте бывшей стоянки, ровно в геометрическом центре того самого многоугольника, совсем неподалеку от общей кухни обнаружилась здоровенная куча – явно человеческого, что было изучено отдельно – дерьма. Это обстоятельство вызвало бурное обсуждение за завтраком, поток шуток в обед и коллективное решение признать случившееся эксцессом ближе к ночи: площадь раскопок велика, до туалета – в случае крайней нужды – можно просто не успеть добежать. Тем не менее решение решением, однако тревожное ощущение общей неразрешенности ситуации терзало, кажется, всех, порождая нехорошие предчувствия.

Надо отметить, что уехавший в город археолог сразу оказался вне всяческих подозрений. Тем более что в течение последовавших за его отъездом нескольких дней случаи дерьмо-

Владимир Владимирович Картавец (р. 1986) – директор Центра прикладных и полевых исследований Института исследований культуры Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

вого – во всех смыслах – акционизма стали повторяться. Это происходило в самых немислимых местах: на отвале раскопа, на тропинках, между палатками. Разумные объяснения происходящему довольно скоро оказались исчерпаны. Экспедиция погрузилась в охоту на ведьм: те, кто на время отлучался куда-либо без очевидных на то причин, должны были заранее озаботиться алиби, а еще лучше – свидетелями. Дотошно вычислялось точное время, когда – гипотетически – имела место очередная акция. Составлялись списки тех, кто мог ее совершить, а кто – нет, потому что был, например, в отъезде, на дежурстве, на реке и тому подобное. Под подозрением оказались все.

Соблюдение правил всеми и каждым составляет жизнь сообщества, упрочивая его идентичность и структурируя повседневность. Сознательное решение сообщества нарушить то или иное правило – событие экстраординарное, отчаянная мера в отчаянные времена.

Стоит сказать заранее, что виновник этих досадных проделок в итоге так и не был обнаружен; возможно, благодаря тому, что экспедиция, явно устав от жизни в атмосфере всеобщего недоверия, а также в виду явно экстраординарных обстоятельств, сознательно приняла решение нарушить одно из своих базовых правил. О том, что экстремист в случае поимки подвергнется неиллюзорному физическому насилию со стороны коллектива, было весьма красноречиво и нецензурно донесено до всего личного состава по завершении одного из завтраков. Злоумышленнику предлагалось пользоваться – как это и делают все нормальные люди – общим туалетом, поборов все свои предрассудки, а также имеющиеся физические и/или психические расстройства.

Внушение возымело свое действие: неуместная и явно злонамеренная вакханалия прекратилась. Несмотря на то, что виновный, как уже было сказано, так и не отыскался, версии о его мотивах продолжали циркулировать. Одна из них заключалась в том, что общий туалет оказался настолько отвратителен одному из новых членов экспедиции (подозрение на которого пало в первую очередь, конечно же), что он решил не пользоваться им вовсе. Нельзя сказать, что это соображение отвечало на все вопросы, связанные со сложившейся ситуацией, однако и отрицать некоторой его справедливости тоже было нельзя: туалет в стационарной полевой экспедиционной партии совершенно точно может отпугнуть человека, не привычного к бивучачной жизни.

Если вы работаете именно *в поле*, то есть на природе, за пределами городской или сельской черты (здесь будет уместно напомнить, что раскопки могут проводиться и в московском Кремле, и на территории действующего монастыря, и на обочине оживленной автотрассы), то скорее всего вы копаете на территории археологического памятника. Если его границы и конкретные объекты, находящиеся в этих границах, определены, то устроить яму под туалет где попало не получится. Во-первых, яма не должна находиться на том месте, где в будущем (например в следующем сезоне) начнут проводиться раскопки – по очевидным причинам. Во-вторых, лучше, чтобы туалет находился, с одной стороны, не слишком далеко от лагеря, а с другой, чтобы его расположение было по возможности укромным. Любопытно, что мест, отвечающих каждому из этих критериев, обычно не так уж и много: копая туалетную яму для нового сезона, всегда рискуешь наткнуться на засыпанную прошлогоднюю яму – глаз «сам падает» именно на подходящее место.

Устройство полевого туалета естественно, примитивно и знакомо каждому. Яма (она же шурф) имеет в сечении *подпрямоугольную* форму. Ее глубина выбирается на глаз, однако напрямую зависит от двух переменных: срока, который экспедиция проведет в поле, и количества ее участников. Чем дольше и больше, тем глубже. По углам ямы вкапываются колья высотой примерно в человеческий рост. В качестве кольев могут использоваться срубленные или найденные на месте подходящие по размеру жердины, старые черенки от лопат или *косовища* (черенки от косы, которые обычно длиннее тех, которые используются для лопат).

На колья натягивается непрозрачная материя (полиэтилен, ткань от старой палатки и тому подобное), закрывающая яму либо с трех, либо с четырех сторон (если с четырех, то одна из сторон должна откидываться и иметь временные крепления, имитируя входную дверь). Такой материал всегда привозится с собой, потому что на месте ничего подходящего найти, как правило, невозможно (за исключением естественных материалов, которые не используются в силу трудоемкости процесса). Мы, например, всегда привозили с собой старый брезент, который использовался только для этих целей.

Сверху яма обычно ничем не прикрыта. Поперек ямы (с достаточным промежутком между собой) укладываются две доски – *лыжня*. Готово, можно пользоваться. Кстати, уже через несколько дней лыжня начинает выполнять дополнительную функцию – если перед использованием туалета по ней постучать ногой, то взлетят скопившиеся на отходах мухи и прочие насекомые, что даст сидящему несколько относительно спокойных мгновений для завершения накопившихся дел. Если

этого не сделать, то насекомые будут активнее досаждают пометителю – лучше их спугнуть.

Обустройством полевого туалета, несмотря на всю кажущуюся примитивность его конструкции, доверяют заниматься только опытным членам экспедиции. Именно они смогут правильно выбрать место, рассчитать необходимую глубину ямы и грамотно установить лыжню. В одном из сезонов кто-то ошибся, в результате чего доски были уложены под углом, и сидящему приходилось балансировать, запрокинув голову к небу. Ошибку пришлось исправлять, потому что никто из копателей был не готов заниматься подобной эквилибристикой.

Другими словами, если в начале полевого сезона кому-либо поручили вырыть туалет, это вполне можно считать определенным признанием опыта и навыков – другого человека такое сделать не попросят. То же самое касается и закапывания отработанной туалетной ямы в конце сезона – зарыть что-либо в археологии не всегда проще, чем откопать. Закапывание отработанного шурфа, если делать это в соответствии со всеми правилами проведения земельных работ в археологии, подразумевает восстановление ландшафта в исходном виде – вплоть до высевания травы на месте зарытой ямы.

В экспедиции полевых туалетов было несколько. Во-первых, они делились на мужские и женские. Конструктивно они не отличались, естественно, никак, однако бытовало стойкое – на уровне фактической убежденности – мнение, что женские туалеты заполняются значительно быстрее мужских. По этой причине их выкапывалось больше: на один мужской приходилось два женских.

Экспедиция занимает значительную площадь. Все ее рабочее пространство поделено на несколько раскопов. Год от года их количество может меняться – это зависит от размера полевой партии; от конкретного плана работ, предусмотренных на данный сезон; от наличия отдельных специалистов. Например, если в этом году не приехали коллеги, которые занимаются неолитом, раскоп на месте неолитической стоянки (которая находится на территории большого средневекового памятника) не разбивается. То же самое касается и поселения *дьяковцев* – изучением этой загадочной культуры так же занимаются профильные специалисты.

Короче говоря, экспедиция раскидана на большой площади, раскопов около десятка. От некоторых из них до туалета идти достаточно далеко. Время – это то, за чем в экспедиции следят строго; тратить его на походы на другой конец лагеря не очень вежливо по отношению к коллегам: пока ты ходишь, им приходится брать на себя часть чужой работы. Ко всему прочему на раскопе периодически возникают задачи (например

зачистка), которые не подразумевают длительных отлучек – их надо выполнять быстро и без перерывов. В связи со всем этим отдаленные раскопы оснащались собственными туалетами, расположенными поблизости. Они ничем не отличались от прочих, однако были скромнее по размерам и не предполагали гендерных различий. Это была своего рода эрзац-версия общего экспедиционного туалета.

Учитывая, что всякий туалет закрывается с трех или четырех сторон непрозрачным материалом, возникают правила деликатного доступа: всякий новый посетитель не хочет застать на лыжне уже находящегося там коллегу. В этой связи действовали несколько негласных правил, которые помогали обозначить, что туалет в данный момент используется и новому посетителю следует подождать своей очереди. К туалету ведет тропинка (мы помним, что обычно он располагается в укромном месте, на отдалении от часто используемых пространств). Когда вы идете по ней по направлению к лыжне (слово «лыжня» используется и метонимически, обозначая весь туалет в целом, и для названия досок, которые, собственно, ее и составляют), следует издать какой-то звук, обозначая свое присутствие: либо сказать что-то, либо деликатно покашлять. Если из туалета ничего не доносится в ответ – можно смело входить. Второй способ – и это уже делается по желанию того, кто в данный момент туалет использует, – заключается в том, чтобы, заняв лыжню, повесить на один из кольев свой головной убор. Этот знак дает понять, что туалет занят – на колу висит пилотка, бандана, платок, видные издали.

В экспедиции, помимо общих туалетов и тех, которые располагались поблизости от удаленных раскопов, существовали туалеты *командирские*. Они были средних размеров, выкапывались в удобных местах (что означает, например, что к ним не надо было прорубать тропинку в зарослях борщевика) и предполагали доступ ограниченного круга лиц.

Право посещать командирский туалет имел руководитель экспедиции, начальники раскопов и старые костяки. Начальниками раскопов становились либо коллеги из регулярного состава экспедиции, доказавшие за много лет своего участия в ее работе общую вменяемость, лояльность, работоспособность, ответственность и обладание специфическими навыками (в первую очередь навыками планирования работ и умением делать чертеж раскопа), либо отдельные приглашенные специалисты – как в случае с неолитчиками или дьяковцами. Обладание профильным историческим образованием в данном случае не играло большой роли – важнее были навыки именно археологические. Клуб старых костяков был и остается закрытым – в него входят исключительно те люди, которые на-

чинали (на собственном энтузиазме) работать в экспедиции в мифологические времена ее становления.

Понятное дело, что наличие командирских сортиров служило задачам внутренней стратификации коллектива, к которой экспедиция также относилась крайне внимательно. Помимо данного, были распространены и другие подобные правила и привилегии, базировавшиеся в основном на старшинстве: кто дольше проработал в экспедиции, тот имеет больше гласных и негласных прав в сравнении с остальными ее членами. Надо заметить, что правило ограниченного доступа к командирскому сортиру не было совсем уж жестким: если у кого-то случалась авария с пищеварением, не было ничего, что помешало бы использовать командирский туалет не по статусу. Тем не менее в остальных случаях негласное правило работало четко: не положено – не ходи, пользуйся общим туалетом.

Суммируя, стоит сказать, что полевой туалет в археологической экспедиции является объектом, назначение которого выходит далеко за пределы чисто утилитарного. Во-первых, сортир выполняет маркирующую функцию: если новый член коллектива оказался настолько нежным белоручкой, что не может справиться нужду, восседая на лыжне, следовательно, и ко многому другому, что составляет базовые рутины экспедиции, он вряд ли окажется способен. Такому человеку надо задуматься, действительно ли ему стоит проводить свое свободное время именно в археологической партии.

{ Полевой туалет в археологической экспедиции является объектом, назначение которого выходит далеко за пределы чисто утилитарного.

Во-вторых, пространственная организация системы полевых туалетов – а правильно говорить именно об их системе – отражает общую структуру социальных отношений, характерных для экспедиции. В этом смысле показательны и разделение туалетов на мужские и женские, и правила очереди.

В-третьих, туалет выполняет внутреннюю стратификационную функцию для экспедиционного коллектива. Никто не отправит новичка заниматься его обустройством в первые дни экспедиции, никто – за исключением экстраординарных обстоятельств – не отправится, не имея на то права, в командирский сортир.

В-четвертых, сам по себе туалет, взятый в виде законченного материального объекта, несмотря на кажущуюся примитивность, предполагает довольно непростое устройство на уровне имплицитной эргономики, воспроизвести которую в деталях,

не имея наработанных годами навыков, достаточно проблематично: кейс с неправильным углом, выбранным для лыжни в одном из сезонов, тому подтверждение.

ВЛАДИМИР КАРТАВЦЕВ
ПОЛЕВОЙ ТУАЛЕТ

Если взглянуть на вещи с этой точки зрения, становится понятно, что бунт неводержанности, с описания которого начался наш рассказ о полевом туалете, был не просто немотивированным и заранее обреченным на провал восстанием против общественной гигиены, а сознательной акцией по разрушению набора фоновых ожиданий, сложившихся в сообществе за годы его существования и скрепивших это сообщество множеством гласных и негласных правил коллективного поведения. Этот бунт показал, что повседневные инфраструктуры дают отпор не только тогда, когда мы решаем использовать их не по назначению или каким-то образом модифицировать, но и когда мы ими пренебрегаем – в таком случае им приходится актуализировать свой социальный потенциал, выраженный в принуждающей силе сообщества.

Макар Романович Терёшин (р. 1996) – социальный антрополог, докторант университетского колледжа Лондона, участник исследовательского проекта ЭТНО-МКС.

Поля падения

В 1957 году в Архангельской области, вблизи железнодорожной станции «Плесецкая», был заложен военный научно-исследовательский полигон для испытания межконтинентальных баллистических ракет. Позднее, в 1963 году, полигон становится центром испытания и размещения ракетно-космических комплексов для запуска космических аппаратов. Несмотря на то, запуски ракет с космодромов, расположенных ближе к экватору, требуют меньшего расхода топлива и позволяют выводить большее количество груза за счет вращения планеты, местоположение Плесецка оказалось стратегически важным, поскольку позволило запускать спутники на полярные орбиты, где они могли периодически охватывать любой участок земной поверхности для передачи сигнала или для наблюдения.

В тысяче километров к северо-западу от Плесецка расположились районы падения отделяющихся частей ракет-носителей. Проще говоря, в такие районы сбрасываются топливные баки ракет – ступени, используемые для вывода космического аппарата на орбиту Земли. Траектория полета рассчитана так, что ступени падают в малонаселенных районах, на удалении от деревень, в безлюдных лесах и болотах. Однако эти места не всегда так пусты, а земная жизнь космических ракет продолжается и после вывода спутников на орбиту.

В конце 1980-х в одной из деревень в бассейне реки Мезень охотники нашли первую ступень, упавшую в воду. С Плесецка запускались несколько видов ракет – «Союзы», в которых использовался керосин, и «Циклоны», которые заправляли гептилом, высокотоксичным и опасным для здоровья топливом. Обеспокоенные возможностью загрязнения реки местные жители через сельсовет и районную администрацию вышли на командование космодрома с просьбой провести проверку. После этого военные прилетели на вертолете и попросили нескольких охотников слетать с ними и показать место падения. Одним из пассажиров на этом рейсе стал Алексей, работавший в своей деревне на радиоузле. Пролетая над окрестными лесами, он увидел десятки ступеней, оставшихся после запусков с Плесецка. В те годы территории полей падения были засекречены – совхозные карты не отражали реальную топографию местности, ограничивая жителей в доступе к информации об использовании окрестных лесов. Взгляд с вертолета предоставил Алексею другую перспективу. Он увидел леса и болота

МАКАР ТЕРЁШИН

ПОЛЯ ПАДЕНИЯ

Илл. 1. Ракета, упавшая в мезенских лесах. 2006 год. Фотография предоставлена Сергеем Конниковым.

с разбросанными там ступенями так, как их видят военные, которые точками отмечают упавшие блоки на картах.

В те же годы на одном из северных озер, куда Алексей ездил рыбачить, стало мало рыбы. В поисках новых мест для рыбалки Алексей срубил избушку к югу от деревни, которая, как оказалось после полета, вплотную примыкает к району падения. Имея опыт работы на радиоузле, он предположил, что в аппаратуре ступеней могут быть ценные металлы, которые можно было бы сдать на переработку. Вскоре после полета он отправился в поля падения.

Это лишь один из примеров того, как поля падения становятся частью знакомого ландшафта бассейна Мезени, где охотились, рыбачили и впоследствии начали собирать ступени местные жители. Случайная возможность увидеть эти поля с высоты спровоцировала интерес, а затем через дальнейшее распространение информации среди жителей деревни привела к тому, что другие сельчане также стали выбираться в лес, чтобы, как они называют это, «заготовить» детали от ракет для использования в хозяйстве.

Ракетные ступени начали осваиваться как удобный и качественный материал. Листы дюралюминия, вырезанные из корпуса, стали надежной основой для изготовления лодок и саней. Излишним находилось применение в хозяйстве – от изготовления водостоків и лопат до кладбищенских оград. Однако с распадом СССР отношение к космическому металлу меняется. За резкими социальными и экономическими переменами в стране последовало закрытие совхоза и сокращение рабочих мест в деревне. С сокращением большинства регулярных, зачастую бюджетных,

Илл. 2. Могила мастера, клепавшего лодки из ракет. Ограда сделана самим лодочником из обрезков ракет, оставшихся после работы. 2019 год. Фотография автора.

ставок жители переключились на режим временного трудоустройства и совмещения нескольких источников дохода – одним из которых стал сбор и переработка ступеней на металлолом.

За 1990-е количество сельчан, проводивших в лесу все больше времени, резко возросло. Для многих из них поля падения были достаточно удалены от привычных мест и не граничили с местами охоты и рыбалки, как в случае Алексея. Поэтому бригады, собиравшиеся для «заготовки» ракет, должны были выстраивать новые порядки добычи ступеней и сети взаимодействия в прежде незнакомом ландшафте.

Многие мужчины, отправившиеся в поля падения, были по совместительству опытными промысловиками. Навыки и знания, приобретенные во время охоты и рыбалки, пригодились им и в новом виде деятельности. Так, в случае охоты, избушка, построенная в лесу, сообщала о присутствии охотника на этой территории и обозначала центр его угодий. На дистанции от избушки располагались путики – охотничьи тропы, по которым ходит мелкая дичь, а за ней, расставляя ловушки, и сами охотники. Схожим образом между сельчанами делились озера. Избушка, построенная на берегу небольшого озера, позволяла хозяину «застолбить» его целиком, если же озеро было побольше, то оно делилось на равные доли, учитывая те места, где нерестится рыба. Обозначение собственных территорий предполагало запрет на добычу дичи или рыбы другими, однако не исключало возможности пользования этими другими самой инфраструктурой.

Схожим образом строительство избушек, а также создание и поддержание транспортной инфраструктуры стали основой для освоения и организации территории полей падения. Бригады, которые могли позволить себе такое строительство, начинали заготавливать все больше металла. Однако строительство избушек не предполагало установления права на все ступени вблизи нее, как это могло бы быть по аналогии с охотой. Более того, не все бригады строили личные избушки, поскольку для многих металл был нужен лишь для разового использования в хозяйстве. В таких случаях можно было переночевать в самой ступени или в ближайшей охотничьей избушке. Строительство промышленной инфраструктуры в первую очередь оставалось делом тех, кто заготавливал ступени на переработку. Поэтому при добыче космического металла важнее всего оказывалось первым найти и заклеить ступень – написать или надрезать свои инициалы или оставить любую другую метку.

Заклеймив ступень, промысловик маркировал свое право на находку, подобно тому, как обозначают принадлежность охотничьих угодий или найденных ценных материалов. Такой порядок признавался другими, а строительство избушек позволяло освоиться в полях падения и давало ее хозяину приоритет в «заготовке» ступеней вблизи своих угодий. Это устанавливало его авторитет среди других сборщиков и подтверждало право на найденную добычу.

Виктор, потерявший работу в «Госстрахе» в начале 1990-х, одним из первых в районе организовал бригаду по добыче ступеней. Срубив избушку в 35 километрах от деревни, каждое лето вместе с напарниками он уходил в поля падения на несколько недель. Захватив с собой сухпаек и палатку, они начинали обходить ближайшие к избушке леса и болота. Первая найденная ступень служила ориентиром для поиска еще трех: зная по опыту первых походов, что ступени падают в квадрате до четырех километров, Виктор начинал обходить территорию отрезками с дистанцией по пятьдесят метров. На большем расстоянии заметить ступень было уже почти невозможно.

Так, за сезон его бригада могла проходить до тысячи километров. На найденные ступени ставили метку, а затем возвращались снова, чтобы распилить их и приготовить для транспортировки. Позднее, к концу зимы, когда устанавливается твердый снежный покров, бригада накатывала дороги и строила небольшие мосты через овраги и склоны замерзших рек, после чего вывозила заготовленный металл в деревню, а оттуда – на переработку в райцентр или город.

Через строительство и обустройство угодий охотники осваивались в ландшафте и организовывали его как пространство своей жизни и деятельности. Основываясь на собственном опы-

Илл. 3. Василий Петрович позирует с деталью от ступени ракеты-носителя «Союз». 2019 год. Фотография автора.

те, вкладывая свой труд и время, охотник приобретал знания и статус, позволяющие претендовать на самостоятельные отношения с землей, и заявлял право на пользование определенной территорией.

Однако обозначение собственных угодий и права на найденную ступень не было чем-то фиксированным, отчасти оставаясь претензией/утверждением, которое могло быть оспорено и пересмотрено другими промысловиками. Это случалось, если другая бригада, заготовив большее количество металла на конкретном участке и закрепившись на местности надежнее других, решала оспорить ступень, заклеименную вблизи ее избушки, или, если другой охотник воспользовался дорогой чужой бригады при вывозе ступени, найденной неподалеку.

Государственная военно-космическая индустрия и ее проектировщики не всегда учитывают сложные отношения, складывающиеся на территории, отведенной под нужды космодрома. Поля падения – это не просто необитаемая территория, загрязненная частями ракет-носителей. Здесь становится возможным проследить, как в условиях постсоветского кризиса жители мезенских деревень, начиная добывать ступени, включают новые территории в обитаемый ландшафт через строительство промысловой инфраструктуры. Постепенно расширяя привычные промысловые маршруты, охотники переопределяют периферию наземной космической инфраструктуры как часть обитаемого ландшафта, открывая новые возможности для утверждения собственного статуса и создания новых жизненных траекторий.

Выражение «наши бабушки и в поле рожали» используется сейчас как метафора того, что деторождение может пониматься (и практиковаться) как «естественный» процесс, не требующий ни специальной подготовки, ни особенной инфраструктуры. Тем не менее эта метафора не совсем верно описывает те практики родов, которые были распространены в России несколько веков назад, и никак не отражает ту материальную среду, которая обеспечивала реализацию этих практик. Женщины действительно могли до последнего работать в поле и, если роды приходились на период сбора урожая, сразу после них снова начинать работать, что приводило к довольно высоким рискам для жизни новорожденных (как, например, в истории Матрены Тимофеевны у Некрасова), да и самих матерей. Однако традиционно, особенно в случае первых родов, женщины не рожали в одиночку и вдали от дома, но приглашали «повивальную бабу» (повитуху), а само событие происходило в бане, хлеву или избе.

Само слово «родовспоможение» предполагает, что во время родов женщине нужна если и не медицинская, то социальная, физическая или символическая помощь. Иначе говоря, в любом обществе любого периода роды предполагают наличие той или иной инфраструктуры родовспоможения как системы, обеспечивающей поддержание этой деятельности. Так, в родах, практиковавшихся в деревнях вплоть до 1920-х, были задействованы определенный специалист (повитуха), пространство (баня или изба), в некоторых случаях технические приспособления (например доска, чтобы изменять положение роженицы; вожжи, чтобы она могла на них висеть) и целая система ритуалов (роженицам расплетали косы, водили их по дому, пугали и так далее).

В то же время роды у женщин из других сословий – в первую очередь дворянского – предполагали еще более сложную и медикизованную инфраструктуру. Например, в некоторых случаях в домах устанавливались специальные кресла и приглашались специалисты – повивальные бабки, акушерки и врачи-акушеры (как, например, в сюжете про роды маленькой княгини в «Войне и мире»), в том числе иностранные, если это позволял доход семьи. Врачи и иностранные акушерки не только использовали множество медицинских инструментов, но могли применять и современные на тот момент методы

Анастасия Андреевна Новкунская (р. 1989) – социолог, сотрудница Института междисциплинарных медицинских исследований Европейского университета в Санкт-Петербурге.

обезболивания: хлороформ, морфий, закись азота, кокаин или опиум. Такой подход тем более не предполагал, что роды – это естественный процесс, а привлекаемые элементы социальной инфраструктуры и инструменты указывают на то, что дворянками это предприятие понималось как очень рискованное. На символическом же уровне оно встраивалось в более широкий круг социальных отношений – в отличие от крестьянских семей, мужа дворянок часто поддерживали рожениц и присутствовали при родах.

Впрочем, для всех социальных групп роды, несмотря на разную степень медикализации и «исключенности», оставались внутрисемейным делом, не требующим особой заботы государства. Лишь с середины XVIII века эта сфера становится объектом государственного внимания: для стандартизации помощи в родах и повышения квалификации повивальных специалистов была введена система аттестации «бабичьева дела» (и появились образовательные центры), а чуть позже, уже при Екатерине II, в Москве и Петербурге открылись первые родильные госпитали. Зарождающаяся общественная инфраструктура родовспоможения реагировала на очень конкретный социальный процесс – появление в российских городах бедного населения, выходцы из которого не могли себе позволить пригласить на дом акушерку или врача. Открытый в 1771 году первый повивальный госпиталь в Санкт-Петербурге (в настоящее время Родильный дом № 6 имени профессора В.Ф. Снегирева) так и назывался «для незамужних и неимущих родильниц».

С конца XVIII повивальное дело (акушерство) стало предметом в том числе и научного интереса: в системе родовспоможения появились повивальные институты, которые становились образовательными центрами и расширяли юрисдикцию медицинского знания в вопросах родоразрешения. Кроме повивальных бабок, стали появляться врачи-акушеры (мужчины), а практики родовспоможения начали дополняться хирургическими операциями. Инфраструктура родовспоможения усложнялась, интегрируя научные открытия, новейшие медицинские подходы и меняющиеся представления о деторождении. Например, основанный в 1797 году Императорский повивальный институт (в настоящее время Научно-исследовательский институт акушерства, гинекологии и репродуктологии имени Д.О. Отта), располагавшийся в старинном особняке, на рубеже XIX–XX веков переместился в новый акушерско-гинекологический комплекс на Васильевском острове, построенный под руководством архитектора Леонтия Бенуа в координации с директором самого института.

Этот инфраструктурный объект достоин отдельного внимания: отвечая основным представлениям того времени о под-

держке в родах, он практически в неизменной форме функционирует и сейчас. Сама планировка помещений и техническое устройство вентиляции, освещения и других систем ориентировались на гигиенические принципы: полы были покрыты плиткой, чтобы легче мыть и дезинфицировать; высокие своды, особая система вентиляции и большое количество окон обеспечивали обилие воздуха и света. Примечательно, что архитектурный комплекс включал в себя не только медицинские объекты, но и, например, внутренний сад, оранжерею, библиотеку для больных и крестильню, предполагая, что родовспоможение включает заботу не только о физическом состоянии, но и о духовном. Кроме того, в новом здании Института перинатологии был установлен орган – музыка, на нем исполняемая, полагалась «средством лечения и исцеления больных». Организация акушерского стационара также включала передовые технологические инновации начала XX века: в каждой палате, возле коек родильниц, кроме часов и детских кроваток, были установлены телефоны, через которые можно было слушать органную музыку, а в ванной комнате – специальные шкафчики для согревания белья.

Революция и новый политический режим привели к изменению многих социальных систем – в том числе и родовспоможения. Среди первых указов 1917–1918 годов был издан декрет о создании «отдела по охране материнства и младенчества». Новое государство по-новому определяло приоритеты социальной политики, а его основные идеологические принципы всеобщего равенства отражались и на инфраструктуре родовспоможения: с 1920-х начали активно строиться детские и женские консультации и родильные дома, увеличивая доступность медицинской помощи во время беременности, родов и после них. Так создавалась одна из самых широких в мире сетей учреждений родовспоможения, обеспечивающая универсальный доступ к социальным и медицинским услугам, но вместе с тем стандартизированная и негибкая, то есть не предполагающая ни индивидуального подхода, ни механизма дифференцированного получения помощи. Советская система родовспоможения – одна из наиболее модернизированных и медиализированных в мире на тот момент – по своим организующим принципам практически ничем не отличалась от любой другой инфраструктуры, от теплоснабжения до предприятия тяжелой промышленности. В таком контексте все вовлеченные социальные агенты становились частью отлаженного механизма: врачи, акушерки и медсестры действовали не столько как профессионалы, руководствующиеся знаниями и опытом, сколько как представители государственного аппарата, обеспечивающие биополитический контроль над телами.

Организационно каждое конкретное учреждение родовспоможения конструировалось как промышленная линия, а роды в советских роддомах, по воспоминаниям рожавших женщин, напоминали конвейер: четкая последовательность перемещения между отделениями, рассчитанная по времени этапность и коллективность процесса были ключевыми характеристиками любого из них. В отличие от дореволюционного устройства роддомов, в которых детские кюветы (кроватки) располагались рядом с кроватями родильниц, в советских роддомах для женщин и их новорожденных детей предназначались отдельные палаты. Идея, что государство с самого рождения лучше позаботится о гражданах, чем они сами, воплощалась и пространственно, и организационно: матери могли увидеть своих детей не сразу, а через несколько дней после родов, когда тех приносили покормить (по расписанию). Также каждое учреждение предполагало наличие молочной кухни – отделения, ответственного за детское питание, которое в том числе изготавливалось из «коллективного» сцеженного молока пациенток.

Советская система родовспоможения по своим организующим принципам практически ничем не отличалась от любой другой инфраструктуры. Врачи, акушерки и медсестры действовали не столько как профессионалы, руководствующиеся знаниями и опытом, сколько как представители государственного аппарата, обеспечивающие биополитический контроль над телами.

Советская система родовспоможения не предполагала ни индивидуального подхода к роженице (поэтому родзалы были рассчитаны на несколько рожениц одновременно), ни того обстоятельства, что в этом процессе ей может быть необходима социальная или психологическая поддержка. Фактически роддом оказывался закрытым учреждением (как завод или даже промышленный комбинат), куда могли попасть или работающие в нем медицинские профессионалы, или сами роженицы в определенный момент родов – для их родственников или других близких людей он оставался недоступным. Инфраструктура «родообеспечения» имела дело не столько с гражданами, сколько с беременными и рожаящими телами, которые, как механизмы, требовали профессионального контроля со стороны медицинских специалистов, и «починки» в случае «неисправности». Такой технократический подход отражал нечувствительность государства к потребностям и ожиданиям самих

женщин – от отсутствия доступных гигиенических средств до невозможности избежать госпитализации в родах или тех манипуляций и взаимодействий, которые стандартно в них практиковались. Акушерская помощь в этом контексте во многом выстраивалась как процесс «укрощения тел», включая обязательную «гигиеническую» подготовку беременной женщины (клизма и бритье), отлучение новорожденного после родов, его тугое пеленание. Эти и другие научно фундированные практики становились среди прочего инструментом, с помощью которого государство дисциплинировало население.

В 1990-х вместе с изменением политического устройства, децентрализацией управления системы здравоохранения и коммерциализацией медицинских услуг инфраструктура родовспоможения также претерпела изменения. Как минимум в течение десятилетия после распада СССР сам комплекс зданий и расположенных в них учреждений продолжал функционировать в том же виде, что и в период перестройки, однако в рамках старых институций появлялись новые подходы, менялись материальные условия и практики родовспоможения. С 1995 года при поддержке Детского фонда ООН и Всемирной организации здравоохранения была запущена федеральная целевая программа «Безопасное материнство» по реорганизации службы акушерской и гинекологической помощи в России. Врачей и акушерок стали обучать более пациенто-ориентированному подходу, в роддомах стали появляться отделения «совместного пребывания матери и ребенка», а их работа перестраивалась с расчетом на профилактику грудного вскармливания. Те роддома и родильные отделения, которые интегрировали новый подход и обеспечивали его материальное поддержку, получали статус «клиники, доброжелательной к ребенку».

В этот же период начали открываться частные роддома и платные отделения в бюджетных учреждениях родовспоможения. Это был ответ на множественные пациентские запросы на более комфортные условия пребывания, возможность партнерских родов и выбор той или иной практики родоразрешения. В некоторых учреждениях стали появляться индивидуальные родильные залы, оснащенные в том числе бассейнами (для родов в воду), кроватями-трансформерами (для вертикальных родов) и другими устройствами. В структуре роддома могли быть организованы семейные палаты (для пребывания с партнером во время и после родов), обустроенные максимально приближенно к домашним условиям. Наряду с техническими инновациями практически в неизменной форме продолжала работать «советская» модель родовспоможения, а в качестве ее альтернативы стали активно распространяться практики домашних родов с особой (законодательно уязвимой) социальной инфра-

структурой «домашнего» акушерства и новыми материальными объектами, вовлекаемыми в процесс рождения (как, например, ванны и надувные бассейны).

Как и в других социальных сферах в 1990-е, государство ушло с авансены организации медицинской помощи и контроля помощи в родах. Основными механизмами, формирующими инфраструктуру родовспоможения, становились запрос пациентов на новые, более мягкие, подходы к родам, а также международные стандарты и технологии, ставшие более доступными. Например, в отличие от советского родовспоможения, не слишком озабоченного проблемой облегчения боли в родах, стали чаще использоваться возможности эпидуральной анестезии и других способов обезболивания и/или психологической/социальной поддержки (дыхательные практики, партнерские роды, фитболы, особые условия в родзале и так далее). Многообразие форм, практик и инструментов родовспоможения сформировали новый рынок услуг, в котором при наличии социальных или экономических ресурсов женщины и семьи могли реализовать потребительский выбор.

Начиная с середины 2000-х уже устаревающая инфраструктура родовспоможения и очередной демографический спад вновь привлекли внимание государства к этой сфере. Целый ряд государственных проектов (национальный проект «Здоровье», система «родовых сертификатов», программа «Модернизации здравоохранения» и другие инициативы) был направлен на «реанимацию» как всей системы здравоохранения, так и его отдельных профилей. Дополнительное финансирование позволяло не только «чинить» поломанную инфраструктуру, но и создавать новые объекты. Усиление государственного контроля и централизации управления отразилось в новой модели родовспоможения, которая с 2012 года начала функционировать как трехуровневая система помощи беременным, роженицам и новорожденным. Во всех регионах первый уровень представляет собой самые небольшие родильные отделения, задача которых помогать с неосложненными, физиологическими родами; такие учреждения, как правило, расположены на периферии и оказываются наиболее доступными частями инфраструктуры. Второй уровень составляют родильные дома и отделения большего размера и более технически оснащенные – туда направляются женщины с определенными рисками осложнений и патологиями. Наконец, третий уровень родовспоможения представлен наиболее крупными учреждениями (например перинатальными центрами), расположенными в региональных центрах и оказывающими помощь в самых сложных случаях.

Концентрация самых сложных и патологических случаев родов и беременности теперь происходит за счет системы маршру-

тизации – направления беременных с определенной степенью риска на соответствующий уровень родовспоможения. Обеспечение каждого региона учреждениями всех уровней предполагает создание нескольких десятков перинатальных центров как особых инфраструктурных объектов (процесс продолжается и в настоящее время). Некоторые перинатальные центры и по своей архитектуре, и по внутреннему устройству напоминают космические станции: новейшие системы мониторинга; роботы, ассистирующие во время операций; раздвижные стеклянные двери в палатах интенсивной терапии; пневмопочта (для ускорения обмена материалами в огромном медицинском учреждении) – все это действующие технологические решения для помощи в родах в настоящее время.

Система помощи в родах развивается по пути все большей медиализации и технологизации. Инфраструктура родовспоможения предполагает, что роды – очень рискованный процесс, который не может быть «встроен» в повседневность семьи

Развитие высокотехнологичной медицинской помощи в родах в российских регионах во многом происходит за счет сокращения широты ее охвата: чем больше акушерских коек открывается в региональных центрах (на третьем уровне), тем меньше коек остается на периферии. Так возникают инфраструктурные разрывы, когда для получения необходимой помощи приходится прилагать все больше времени и усилий самим женщинам. Путь до роддома для жительниц сельской местности и малых городов становится все дальше и дольше, что, учитывая специфику родов (непредсказуемость начала и временная неопределенность течения), может привести к критической ситуации.

С точки зрения современного законодательства родовспоможение по-прежнему не может осуществляться вне медицинских стационаров (родильные отделения и дома, перинатальные центры) и без помощи медицинских специалистов. Более того, вся система помощи в родах, включая ее материальную составляющую, развивается по пути все большей медиализации и технологизации. Инфраструктура родовспоможения предполагает, что роды – очень рискованный процесс, который не может быть «встроен» в повседневность семьи (происходить дома, например). В центре внимания государства снова оказываются «поломанные» и «недостаточно здоровые» тела, тогда как женщины и семьи, ожидающие индивидуального

подхода и поддержки, но не имеющие ресурсов на получение платной услуги, остаются на его периферии.

На протяжении более двух веков организация родовспоможения представляла собой поле конкуренции государства и семей из разных социальных групп за право определять правила и практики родов. И если на первых порах государство очевидно проигрывало (например за первые 70 лет работы первого роддома империи число рожениц не превышало 500 в год), то в советское время государственный патернализм стал доминирующим принципом организации, который практически не оставил альтернативных форм и практик родов.

Пожалуй, одним из ключевых свойств этой системы в настоящее время является то, что практически все описанные формы родовспоможения работают одновременно. Даже в пределах одного города – в зависимости от медицинских показаний, экономических возможностей конкретной семьи (или социальных связей и знакомств), а также везения – роженица может оказаться как в новейшем перинатальном центре, так и в родильном доме, недавно отметившем свое 245-летие, или же в одном из выстроенных в советское время учреждений с многоместными родзалами и отдельным пребыванием родильниц и новорожденных. Это отражает и ключевые принципы социального устройства в настоящее время: государство по-прежнему считает себя ответственным за обеспечение помощи в родах и прикладывает множество усилий по модернизации ее инфраструктуры, но при этом остается нечувствительным к меняющимся ожиданиям и запросам беременных женщин (и их семей) и к профессиональным взглядам медиков.

Современная инфраструктура родовспоможения и попытки ее изменить по-прежнему во многом задаются логикой государственного патернализма, но теперь вместе с усилением конкурирующих логик рынка (запроса пациентов) и профессиональной автономии в ней возникают ниши альтернативных практик. Вместе с тем в определенных сегментах системы могут, напротив, возникать инфраструктурные разрывы: закрывающиеся роддома, неработающее оборудование и увеличивающиеся расстояния между местами проживания и родов.

По одной из версий, название деревни Путилково произошло от слов «путь», поскольку несколько веков назад по ближайшей к поселению реке проходил торговый маршрут. В наши дни Путилково представляет собой «многоэтажную деревню» в Московской области, расположенную почти на самой границе со столицей. В ней по-прежнему остаются частные дома, но в последние годы она активно застраивается новыми жилыми комплексами (ЖК). Самый крупный из них – «Путилково» (бывший «Мортонград») – образует целый микрорайон, в котором находится 31 дом высотой от 12-ти до 25 этажей, школы, детские сады, участковый пункт полиции, предприятия сферы услуг. Именно там мы с коллегами проводили исследование в 2019 году. Первые дома здесь были сданы застройщиком в 2014-м, и с тех пор число жителей постоянно увеличивалось. Но, несмотря на значительные трансформации, административно Путилково по-прежнему остается деревней. Для новых жителей ее название стало злой шуткой, поскольку путь из ЖК и обратно представляет для них проблему. Трудности связаны, с одной стороны, с дорожной инфраструктурой – двухполосное шоссе не может справиться с потоком машин, и в пиковые часы возникают большие пробки. Вторая сторона проблемы – недостаточная развитость общественного транспорта. С самого момента заселения жилого комплекса инфраструктура общественного транспорта в Путилково скорее препятствовала стабильной связи ЖК с Москвой и областью, нежели обеспечивала ее: отсутствие маршрутов до ближайшей станции московского метро, нерегулярный график движения, неожиданная отмена маршрутов, огромные очереди в часы пик и так далее. Даже когда ситуация с транспортом относительно стабилизировалась – он стал ходить чаще и по более-менее постоянному расписанию, – нагрузка на него в часы пик оставалась довольно высокой. В результате транспортная инфраструктура по-прежнему плохо справлялась со своими функциями, а зависимые от нее жители новостроек продолжали терять время и силы.

В ситуации, когда общественный транспорт не мог удовлетворить потребности ЖК, возникла альтернативная инфраструктура, главными агентами которой стали сами жители – участники онлайн-чата для организации совместных поездок «Попутчики». Чат стал одной из первых онлайн-площадок

Яна Александровна Багина (р. 1995) – независимая исследовательница, социолог.

Илл. 1. Очередь на остановке. 23 мая 2019 года, 9:18. Фотография местного жителя – участника исследования.

в новом районе наряду с форумом жителей. Он был создан в *WhatsApp* в мае 2015-го, а позже переключался в *Telegram*. В чате жители, передвигающиеся на общественном транспорте, могут найти владельцев автомобилей, готовых взять их в качестве попутчиков. Также в нем объединяются для совместной поездки на такси или каршеринге. С помощью «Попутчиков» путилковцы могут, например, добираться до ближайших станций метро или конкретных мест в Москве и области. Чат является хорошим примером формирования так называемой «человеческой инфраструктуры» (городской исследователь Абдумалик Симон еще называет этот феномен «люди как инфраструктура»), то есть объединения усилий жителей для обеспечения той или иной функции, значимой для района.

Что приводит к формированию такой «человеческой инфраструктуры»? Любая инфраструктура становится более понятной, когда мы смотрим на социальный контекст ее возникновения. Чат «Попутчики» представляет собой не просто сочетание определенных людей, объектов, пространств и практик – он является продуктом более широких процессов, формирующих социальную жизнь нового района. Можно выделить три таких процесса: активное использование онлайн-площадок для коммуникации, приспособление к инфраструктурным неравенствам и кооперация местных жителей. Все вместе они создают условия, в которых возможно появление «человеческой инфраструктуры». Рассмотрим каждый из этих процессов отдельно, не забывая об их взаимосвязи.

В первую очередь чат «Попутчики» вписывается в практику онлайн-взаимодействий, с помощью которых решается мно-

ЯНА БАГИНА

ЧАТ

Илл. 2, 3. Два типа маршруток в сравнительно «благополучный» период. Сверху – остановка у метро «Планерная» (март 2019 года). Фото автора. Внизу – маршрутка до метро «Сходненская» на остановке в Путилково (июнь 2019 года). Фото Оксаны Запорожец.

жество проблем в жилом комплексе. Пространство района является гибридным, то есть взаимодействия происходят одновременно в физической среде и онлайн, при этом оба формата признаются людьми значимыми. Местные жители создали достаточно большую онлайн-сеть, которая включает в себя группы и аккаунты в социальных сетях, тематические чаты, чаты домов и подъездов, ботов, информационный канал в мессенджере *Telegram*. «Попутчики» являются лишь частью этой разветвленной сети. Как организован чат? Доступ в него условно ограничен – его контролирует инициативная группа. Инструкция о том, как присоединиться к чату, распространяется на рай-

онных онлайн-площадках. Для вступления нужно запросить у *Telegram*-бота «Путильч» список чатов, выбрать нужный, отправить свой адрес и телефон. Летом 2020 года в чате состояли чуть больше 600 человек – не так много, как в предыдущие годы, когда потребность в чате была существенно выше. Взаимодействия внутри «Попутчиков» также контролируются администраторами. В правилах чата зафиксированы общий режим общения и форма, в которой нужно писать предложения/просьбы о поездке и ответы на них. Участники публикуют короткие сообщения: водители пишут время и место отправления и назначения, количество свободных мест, а потенциальные пассажиры откликаются на их предложения или сами спрашивают о наличии мест на нужные время и маршруты. Например, сообщения могут выглядеть так: «Завтра в 6.35 еду до Планерной», «Метро Алтуфьево, через 10–15 минут», «От Сходненской может кто-то забрать до деревни?». Кроме просьб/предложений о поездках, участники чата пишут о ситуации на дорогах и загрузке общественного транспорта, предупреждая водителей и пассажиров о проблемах. Общение на посторонние темы внутри чата не приветствуется и может пресекаться администраторами. Например, они могут напомнить, что для разговоров на посторонние темы есть отдельный чат – «Флудилково». Часто участники просто кратко обмениваются комментариями, не развивая дискуссию. После того, как водитель и пассажир нашли друг друга, дальнейшая коммуникация обычно происходит в личных сообщениях. Благодаря таким правилам и контролю со стороны администраторов онлайн-взаимодействия сфокусированы на одной теме – поездках. При этом правила выходят за пределы онлайн-среды, распространяясь на взаимодействие пассажир–водитель в ситуации самой поездки. Денежная благодарность остается на усмотрение пассажира, но не является обязательной. Таким образом, будучи активными пользователями социальных сетей и мессенджеров, жители новостроек формируют собственную транспортную инфраструктуру, адаптируя привычный онлайн-способ коммуникации.

Основанная на онлайн-взаимодействии инфраструктура местных жителей – это попытка справиться с последствиями инфраструктурного неравенства в новом районе своими силами. Неравенство возникает в результате неравномерного развития городских инфраструктур – в результате жители той или иной территории оказываются ограничены в доступе к социальным благам и сервисам. Например, в Путилково оно проявляется в виде затрудненного доступа к качественной мобильной связи, местам в ближайших к дому детских садах, оперативно реагирующим экстренным службам (скорой помощи, пожарным). В случае общественного транспорта инфраструктура развива-

лась с опозданием – она отставала от темпов развития района, который в свою очередь воспроизводил уже городской образ жизни.

ЯНА БАГИНА

ЧАТ

Бывшая деревенская инфраструктура оказалась не приспособлена для потребностей многолюдного района, жители которого ежедневно выезжают в Москву и города Подмосковья. В результате люди проводили долгое время в больших очередях в ожидании автобуса, а затем – в дороге. Они не могли уехать или вернуться домой поздно вечером. Столкнувшись с проблемами, местные жители развернули борьбу за свое право на инфраструктуру, требуя изменений у администрации района. С 2016 года активисты привлекали к проблеме внимание СМИ, писали открытые письма и обращения, собирали подписи для коллективных жалоб. Однако изменение материальной инфраструктуры требовало времени, а людям необходимо уезжать и возвращаться домой ежедневно. «Спасение утопающих – дело рук самих утопающих», – написал один из местных жителей в районной группе в «ВКонтакте», комментируя инфраструктурную проблему. Для утопающих, то есть жителей в ситуации транспортного неравенства, альтернативой общественному транспорту были «Попутчики». Например, участники чата могли прислать фотографии очередей на маршрутку и попросить кого-нибудь из водителей довезти их до метро, поскольку не были уверены, что их очередь подойдет быстро. Другие же, наоборот, заранее договаривались о поездке с водителем сразу на несколько дней. Однако попутчики могли и не найтись, и тогда людям приходилось и дальше стоять в очереди или заказывать такси. «Попутчики», таким образом, не могли полностью ликвидировать транспортное неравенство – чат стал решением проблемы для относительно небольшой части жителей.

Совместное приспособление к транспортным ограничениям и создание чата стали возможны за счет стремления жителей к кооперации. Заселяясь в микрорайон, люди осваивали новое для них пространство и сталкивались с одинаковыми проблемами на уровне квартиры, дома, двора, района: обустройство жилья, устройство детей в школы и детские сады, парковка автомобилей, общение с управляющей компанией, выезд из района и так далее. Обсуждение этих вопросов, в том числе онлайн, делает повседневный опыт коллективно разделяемым и открывает путь для формирования солидарностей. Так, например, жители Путилково начали называть свой комплекс «Мордором» и «деревней»/«вилладжем», подчеркивая тем самым общие проблемы. Особую роль в коллективных обсуждениях играют наиболее активные жители, которые указывают на проблемы, призывают к действию и действуют сами. Сосед-

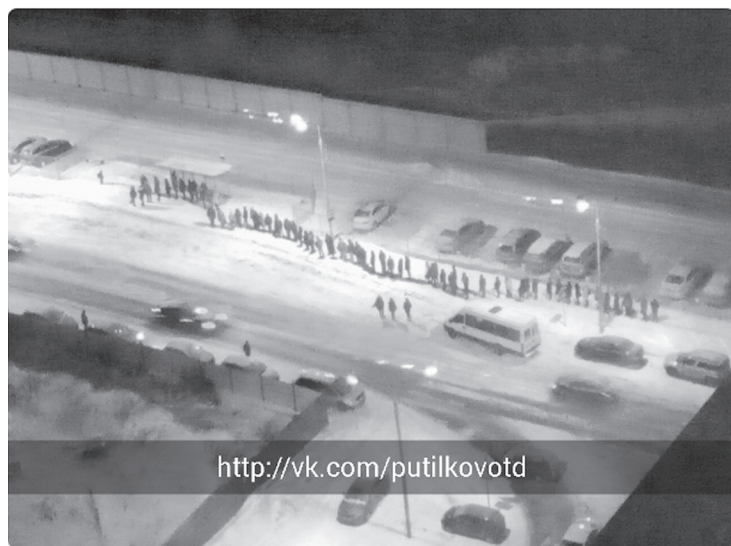

Доброе утро, деревня!

На дворе декабрь, а проблема с транспортом не решена. Ждать маршрутку в -14°C особенно "приятно".

Вступайте в группу "Попутчики" в телеграм, помогите соседям выбраться из деревни и вернуться обратно.

Илл. 4. Приглашение присоединиться к чату в сообществе в социальной сети «ВКонтакте».

ская солидарность становится фундаментом для совместного действия. Люди безвозмездно помогают друг другу и объединяются для достижения общих целей: делятся информацией, совместно закупают продукты, возвращают потерянные вещи и ищут животных, добиваются изменений в районе. Инфраструктура «Попутчиков» – один из примеров такой кооперации.

В ежедневных практиках, которые производят эту инфраструктуру, проявляются разные типы солидарностей. Автомобилисты помогают тем, кто передвигается на общественном транспорте, и рассказывают другим водителям про аварии и пробки, дают советы по выстраиванию маршрута. Пассажиры объединяются между собой, помогая друг другу сэкономить на такси, также они пишут в чате о ситуации на остановках. Эти практики показывают если не стремление к кооперации в целом, то как минимум готовность к определенным совместным действиям. Но, несмотря на это, масштаб работы «Попутчиков» крайне ограничен. Кооперация тем самым еще раз подчеркивает транспортное неравенство, которое чат не может и не должен ликвидировать.

Итак, чат «Попутчики» как «человеческая инфраструктура» возникает в новом микрорайоне, для которого характерно запаздывающее развитие общественного транспорта. Унаследо-

ванная инфраструктура оказывается недостаточной, а новая, соответствующая потребностям жителей, еще не появилась. Жители в свою очередь пытаются приспособиться к этому инфраструктурному неравенству, в том числе за счет кооперации друг с другом, потенциал которой в новостройках оказался довольно высоким. В качестве альтернативы общественному транспорту путильковцы начинают организовывать совместные поездки. Причем они делают это в чате мессенджера – привычном для них способом общения и решения бытовых проблем. Все эти социальные процессы создали условия для возникновения чата «Попутчики». Применительно к изучению инфраструктур этот кейс иллюстрирует их укорененность в конкретных социальных условиях и значимость подвижных и гибких «человеческих инфраструктур», формирующихся как альтернатива масштабным, долговременным, материальным. В то же время он показывает, что искоренение инфраструктурных ограничений как таковых требует вмешательства властных агентов.

ЯНА БАГИНА

ЧАТ

Андрей Михайлович Корбут (р. 1978) – социолог, этнометодолог, независимый исследователь.

Когда-то эскалатор был «чудом» большого города, одним из иконических элементов инфраструктуры мегаполисов. Умение пользоваться им отличало «настоящего» горожанина от «гостя». Хотя это вроде бы крайне простая, сама себя объясняющая технология, она все равно требует определенных навыков: понимания того, как заходить на ступени, где стоять, как стоять, за что держаться. И даже пустой эскалатор обладал особой притягательностью (которой быстро начали пользоваться кинематографисты), выступая – со своим постоянно движущимся полотном, издающим размеренные звуки, – чуть ли не символом безликого существования, на которое обрекают мегаполисы своих жителей. Эскалатор – это конвейерная лента, на которой едут изготовляемые на урбанистической фабрике стандартные тела-горожане. Теперь эскалаторами мало кого удивишь даже в небольших городах. Вместе с волной торговых центров, катящейся по России, эскалаторы входят в повседневную жизнь все большего числа людей, включая тех, которые никогда не спускались в метро и не бывали в крупных аэропортах и офисных зданиях.

Как часть повседневной инфраструктуры эскалатор выполняет очень конкретную функцию – перемещение людей в пространстве. Но этим его инфраструктурное существование не исчерпывается. Его функциональность имеет значение лишь постольку, поскольку она создает условия для появления специфических форм жизни (повседневной социальности), которые не предопределяются техническими особенностями эскалатора, но и не полностью независимы от них. Скорее люди используют предполагаемую эскалатором функциональность, воплощенную в особой материальной конфигурации элементов и процессов, для упорядочивания своей деятельности. Поэтому важно посмотреть не на то, *для чего* используется эскалатор, а *как* он используется.

Технология никогда не бывает «голой». Ей всегда сопутствует видимая, полувидимая и невидимая работа людей, обеспечивающих ее проектирование, функционирование и использование. Очевидно, есть те, кто рисует чертежи эскалаторов; есть те, кто их строит; есть те, кто их проверяет, ремонтирует и модернизирует; есть те, кто их моет и чистит. Но есть и те, кто на них ездит и наблюдает за теми, кто на них ездит. В этом пассажирском опыте эскалатор предстает специфическим объек-

том, не столько предопределяющим практики едущих на нем людей, сколько становящимся предметом рассуждений и рассматривания, подставкой, местом для ходьбы, бега, стояния и сидения, поверхностью для наклеек и надписей. В этом смысле повседневный опыт использования эскалатора обладает рядом устойчивых характеристик, которые можно обнаружить как в мегаполисе, так и в небольшом городе вне зависимости от типа эскалатора. Эскалатор – стабильный повседневный объект. Каков эскалатор *внутри* опыта тех, кто на нем едет?

АНДРЕЙ КОРБУТ

ЭСКАЛАТОР

Люди используют предполагаемую эскалатором функциональность, воплощенную в особой материальной конфигурации элементов и процессов, для упорядочивания своей деятельности. Важно смотреть не на то, для чего используется эскалатор, а как он используется.

Во-первых, эскалатор – интересное *техническое* устройство, которое для пользователя представляет предмет не только действия, но и любительского технического анализа. Пассажиры не могут заглянуть внутрь эскалатора (за исключением случаев его ремонта), но его внутренности все равно «просвечивают» через его работу. Например, нередко пассажиры замечают, что резиновые поручни эскалаторов рассинхронизированы с основным полотном, и выдвигают свои версии того, почему так происходит и кто в этом виноват. Дело в износе оборудования? Может, поручень растягивается или за что-то цепляется? Или дело в неправильной настройке скоростей полотна и поручня? На ступенях также встречаются загадочные надписи, чаще всего номера. Что они значат? Они точно не имеют никакого значения для пассажиров, но зачем-то кому-то они нужны, и пассажиры могут строить догадки на этот счет.

Любительский технический анализ эскалатора бывает как совершенно отвлеченным, так и прагматически ориентированным. Та же рассинхронизация становится предметом размышлений, когда пассажир пытается приспособиться к ней, смещая руку назад (если поручень опережает ступени) или вперед (если поручень отстает). Тело постепенно уезжает вперед, и сам собой возникает вопрос, можно ли сделать так, чтобы этого не происходило. Другой пример – имеющиеся на некоторых эскалаторах щетки, расположенные у самых ступеней. Возможно, они там для того, чтобы человек не прислонялся вплотную к боковой части эскалатора и тем самым не возникал риск затягивания одежды в щель. Но пассажиры постоянно используют

эти щетки, чтобы чистить обувь. Или, скажем, в конце эскалатора, там, где ступени уезжают под пол, есть такие характерные зубцы, попадающие в канавки на ступенях. По всей видимости, это тоже должно снизить вероятность затягивания одежды или шнурков. И это очевидно пассажирам, когда они смотрят под ноги, собираясь сойти с эскалатора. Но далеко не все перепрыгивают это опасное место или высоко поднимают ноги, переступая через него. Некоторые только немного задирают носок ботинка и ждут, пока лента сама «вынесет» их на площадку, поскольку зубцы скошены так, что нога не упирается в них, а «наползает» сверху.

Такая технопрагматика использования эскалатора, задействующая его внутреннее устройство и наблюдаемые физические характеристики, указывает, что эскалатор для пассажира является также *эргономическим* объектом. С одной стороны, эскалатор – объект, совершающий определенную работу. Эта работа очевидна даже тому, кто сталкивается с эскалатором впервые. Кроме того, она часто может быть осуществлена другими средствами (например иногда мы можем подняться на следующий этаж не по эскалатору, а по лестнице). Благодаря эскалатору мы можем перемещаться, не прилагая собственных усилий. Он также позволяет перемещаться с тяжелыми сумками. Или получить возможность отдохнуть. Или присесть. При этом он также позволяет нам двигаться быстрее, чем предусматривает базовый способ его использования: мы можем идти или даже бежать по нему, поскольку ступени хорошо приспособлены для этого. Выбор во многом зависит от длины эскалатора: на коротких эскалаторах движение пассажиров гораздо более активное, чем на длинных.

С другой стороны, эскалатор выступает предметом *рационализации* и соответствующего упорядочивающего взгляда, который на него направляют те, кто следит за ним на месте или дистанционно. В метро, например, дежурный постоянно оценивает поток людей, стремящихся попасть на эскалатор, особенно в часы пик, и дает соответствующие указания по громкой связи. Такие же указания могут развешиваться в определенных местах метро, чтобы приучить пассажиров к определенному способу использования эскалатора. В этом случае последний рассматривается с точки зрения его пропускной способности, определяемой прежде всего шириной ступеней и скоростью. Чаще всего ступени рассчитаны на двух человек, стоящих рядом, что позволяет гибко управлять плотностью потока. Но такой рационализаторский взгляд не является чем-то внешним и чуждым опыту тех, кто едет на эскалаторе. Они сами могут занимать определенные места так, чтобы снизить другим время ожидания входа на эскалатор и уплотнить стоящих.

У эскалатора как эргономического объекта есть, однако, одно принципиальное ограничение. Оно хорошо заметно на простом примере. После объявления «Пожалуйста, занимайте обе стороны эскалатора» очень редко что-то меняется. Люди продолжают занимать лишь одну сторону. Это обстоятельство говорит о том, что эскалатор является не только техническим и эргономическим, но и *социальным* объектом. Внутри эскалатора, вокруг него и благодаря ему происходят определенные социальные взаимодействия, принимающие специфическую форму в связи с естественной материальной конфигурацией эскалатора. Чтобы выделить некоторые принципиальные характеристики этой социальности, лучше обратиться к случаю эскалатора в метро, где эскалаторная социальность наиболее выразительна.

Прежде всего, если вернуться к упомянутой ситуации, в метро люди обычно занимают правую сторону, оставляя свободным проход слева. Слева, соответственно, люди чаще идут и лишь в некоторых случаях стоят. Эту склонность к социальной организации на движущемся эскалаторе не могут перебороть никакие инструкции со стороны дежурных по станции или администрации метрополитена. (Причины появления такой склонности – а она могла возникнуть вследствие прошлых усилий тех же сотрудников метрополитена, принуждавших людей стоять справа, – здесь не столь важны.) Практические соображения оказываются сильнее, и связаны они в первую очередь с тем, какого рода социальным объектом является эскалатор. Людей, встающих слева, когда перед ними есть свободный проход, идущие сзади просят уступить дорогу. Это деление эскалатора на «здесь стоят» и «здесь идут» настолько очевидно, что люди придерживаются его, даже когда они на эскалаторе одни. Причина заключается не в каких-то особенностях «менталитета» пассажиров в России, а в том, что метро – это пространство, с одной стороны, для городской мобильности и, с другой – для метро-мобильности, для перемещений внутри самого же метро. Эти последние могут служить символом внутригородских перемещений – бегущий по эскалатору общается всем, что спешит в определенную точку города. В другой обстановке такое объяснение не работает. Например, на эскалаторах в торговых центрах люди крайне редко ходят и тем более бегают, поскольку в торговом центре оправдать свою спешку необходимостью успеть куда-то практически невозможно (хотя можно оправдать ее необходимостью встретиться с кем-то). Таким образом, как социальный объект эскалатор предполагает определенную смесь внутренних и внешних оправданий действий, ориентированных на других участников разворачивающихся ситуаций.

Другой аспект эскалаторной социальности носит чисто внутренний характер и присущ любым типам эскалаторов в любых местах: речь идет о соблюдении дистанций между людьми. Этот момент тоже может регулироваться ответственными лицами в соответствующих местах (в метро, например, могут просить по громкой связи «становиться на каждую ступень эскалатора»), однако подобные инструкции неэффективны. Как и в случае с правой/левой стороной, на эскалаторе люди стараются не становиться на следующую ступень после той, на которой уже стоит пассажир. Обычно выдерживается дистанция в одну–две ступени. Это связано не столько с физическим неудобством (например на спине впередистоящего может быть большой рюкзак), сколько с типом социальных отношений, подразумеваемым близкой дистанцией: стоять на соседних ступенях могут только люди, едущие вместе. Эскалатор своим устройством вводит некоторый принцип организации пространства. Оно становится дискретным, поскольку измеряется ступенями, хотя и само пространство ступени допускает некоторые маневры, пусть и довольно ограниченные.

Пользователями эскалатора, конечно, могут быть не только одиночки, но и группы, и тогда пространство эскалатора становится площадкой для выстраивания и поддержания соответствующих социальных отношений. Едущие вместе вынуждены решать задачу поддержания коммуникации в обстановке, которая для этого не предназначена. Эскалатор в некотором смысле принуждает людей молчать и не смотреть в лица друг другу, а это является необходимым условием взаимодействия. Едущие вместе различными способами обходят это принуждение. Они могут становиться на соседние ступени лицом друг к другу или становится на одну ступень рядом друг с другом. Они могут также комбинировать эти варианты: стоящий выше может занимать одну сторону, а стоящий ниже – другую. Однако в любом случае организация коммуникации между более, чем двумя, участниками на эскалаторе настолько сложна, что обычно компании из четырех и более человек разбиваются на диады. Когда вместе едут три человека, такая разбивка становится затруднительной (кого-то придется оставить в одиночестве), поэтому в подобных случаях едущие занимают обе стороны эскалатора, чтобы каждый участник мог в каждый момент видеть лицо другого.

Эскалатор также предоставляет возможность для специфических зрительных практик. Стоящему на эскалаторе пассажиру некоторое время нечем заняться, и тогда он или она может начать глазеть по сторонам, в том числе на других людей. Это глазение не абсолютно свободно. Как и в других ситуациях, незнакомые между собой люди не могут слишком долго фикс-

сировать взгляд друг на друге, даже если объект рассматривания этого не замечает. Тем не менее мимолетные взгляды допустимы, если им не может быть приписано какое-то специфическое нелегитимное намерение. Это должен быть скучающий и блуждающий взгляд человека, который убивает время. Конечно, такие возможности могут эксплуатироваться, например, для завязывания знакомств. Кроме того, пассажир может случайно наткнуться взглядом на уже знакомого человека, что потребует демонстрации соответствующих знаков узнавания и внимания.

Но эскалатор является социальным объектом и еще в одном смысле. Как пространство социальных взаимодействий он позволяет давать моральную оценку своим и чужим действиям. Люди не просто координируются для упорядочивания происходящего на эскалаторе, но и делают это «правильно» либо «неправильно». Соответственно, «неправильно» ведущие себя пассажиры становятся потенциальными объектами порицания. Например, бывает, что пассажир занимает левую сторону эскалатора, хотя перед ним и позади него все свободно. В этом случае чаще всего он или она время от времени будет проверять, не приближается ли кто-нибудь сзади, чтобы пропустить идущего. Если идущий появляется, но его не пропускают, он имеет право попросить (словами или жестами) пропустить его, и мешающий должен это просьбу удовлетворить. Не пропустить желающего пройти – значит совершить проступок, нарушающий моральный порядок ситуации. Другая «накаленная» точка эскалатора – входная площадка. Люди, подходящие к эскалатору, должны распределить очередность входа на него таким образом, чтобы ни у кого не возникло ощущения, что его или ее «кобошли». Очередь в данном случае не так жестко ориентирована на эгалитарный принцип «первым обслуживается пришедший первым», как в других случаях, но некоторая слабая версия данного принципа все равно работает, заставляя людей формировать очередь еще до входной площадки и не «лезть без очереди» слишком откровенно.

Отдельный предмет для моральной оценки и моральных предосторожностей на эскалаторе – вещи, принадлежащие пассажирам. Люди всегда имеют при себе определенные вещи (если не сумки и тележки, то хотя бы одежду). Они должны учитывать присутствие других людей и не позволять своим вещам создавать для них неудобство. Нередко можно видеть, что на эскалаторах (особенно в метро) люди размещают свои вещи так, чтобы те не мешали остальным: держат или ставят перед собой, прижимают к телу, снимают с плеч или перевешивают на другое плечо. Все эти действия призваны создать видимость нормальной моральной среды, в которой люди не мешают друг

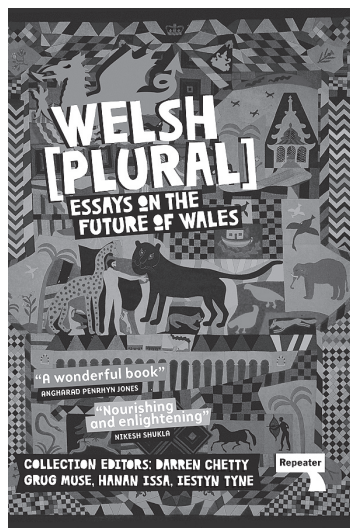
другу и должным образом учитывают присутствие друг друга. Необходимо избегать того, чтобы твои вещи прикасалась к другим, мешали проходу или занимали место, которое мог бы занять другой человек.

Таким образом, эскалатор выступает тройким объектом – техническим, эргономическим и социальным. Соответственно, люди, едущие на нем, являются повседневными технологами, эргономистами и социологами, которые в течение непродолжительного времени выстраивают особые отношения с эскалатором, отличающиеся от служебных отношений, выстраиваемых профессионалами (например ремонтниками). Как элемент социальной и материальной инфраструктуры эскалатор становится продолжением и отражением социоматериальных конфигураций, выходящих за пределы локальных практик его использования. Но в то же время он не предопределяет эти практики. Эскалатор должен «создаваться» заново всякий раз, когда его используют, поскольку использование заключается не в следовании уже готовым сценариям, а в придании смысла этому устройству здесь и теперь. Поэтому следить за «эволюцией» эскалатора – значит следить одновременно за тем, как воспроизводится его специфическая социоматериальная упорядоченность в качестве тройного объекта, и за тем, какие ситуативные действия обеспечивают это воспроизводство.

Рецензии

Welsh (Plural). Essays on the Future of Wales

London: Repeater Books, 2022 – 262 p.

Одетая в никаб женщина сидит в автобусе в Уэльсе и тихо разговаривает со своим сыном. Услышав непонятный язык, сидящий рядом мужчина обращается к ней: «Вы находитесь в Великобритании, здесь говорят по-английски». Сидящая перед ними пожилая женщина оборачивается и отвечает: «Она находится в Уэльсе и говорит по-валлийски».

ХАНАН ИССА. «Слышали анекдот про женщину в никабе?»

В 1994 году я провел месяц в Уэльсе: неделю в Суонси, две недели в Аберистуите и несколько дней в Бангоре. Одним ноябрьским утром, завершив свое пребывание в Аберистуите, я сел на автобус до Бангора. Несмотря на ужасно ранний час, я старался не уснуть: виды из окна автобуса были столь величественными и захватывающими, что, хотя за двадцать с лишним дней любования чистой красотой валлийских гор я уже должен был к ним привыкнуть, я все равно изо всех сил пытался не сдать-ся на милость низменным биологическим потребностям.

НОВЫЕ КНИГИ

Кроме того, я хотел мельком увидеть Махинллет – место, где Овайн Глиндур¹ учредил первый валлийский парламент. Махинллет был первой крупной остановкой на маршруте. Я ехал в автобусе один. За окном неторопливо проплывали красивые горы, долины, и ритм езды, в конце концов, усыпил меня. Я проснулся от странного шипения. Сперва я было подумал, что водитель со скуки решил развлечь себя, имитируя раздраженную змею, но потом понял, что он просто пытался объявить следующую остановку. Маккантлит, Мах-х-хнслф-ф, Мх-хнс-с-слес². С каждым разом он терпел все большую неудачу, пока не сдался окончательно: «Мх-х-х-х-х-х». Водитель был из Англии: перед посадкой я перекинулся с ним парой слов.

Это еще один случай в автобусе, который, по идее, должен быть забавным – как и тот, что я использовал в эпиграфе к данной рецензии. В обеих историях язык выступает в качестве маркера и инструмента власти: политической, культурной, этнической и расовой. Английский водитель автобуса в 1994 году старался соблюдать правила и даже быть уважительным по отношению к стране, в которой работал, изо всех сил пытаясь выговорить местное название города на местном языке. И не смог. Примерно 20–25 лет спустя пассажир-англичанин в отвратительной манере, свойственной ксенофобам во всем мире, не смог распознать местный язык (и даже саму страну). Валлийский язык оказался линией разделения между «настоящим Уэльсом» и этими людьми. Но проблема в том, что они оба – и вежливый водитель автобуса, и мерзкий пассажир-расист – тоже часть Уэльса. Они валлийцы. Другими словами, все эти люди разного происхождения, разного веро-

исповедания, с разными габитусами и разными взглядами на все на свете – все они и составляют «настоящий Уэльс». Вот почему название этой книги такое точное: «Уэльс (множественное число)». Речь в ней идет о множестве различных «Уэльсов» и о множестве разных людей, в них живущих, но каждый человек в этой стране так или иначе должен выстроить свое отношение к валлийскому языку – или, если точнее, к валлийскому как к *главному* языку. Валлийский всегда присутствует у вас в сознании, часто благодаря самому факту его отсутствия. Я вернусь к этой основной теме книги позже, а сейчас должен сказать еще несколько слов об автобусах.

Обе истории о валлийском языке – моя собственная и апокрифическая, пересказанная в блестящем личном эссе Ханан Иссы, – произошли в автобусах. Паутина автобусных маршрутов и валлийский язык являются, пожалуй, сильнейшими скрепами, которые удерживают вместе эту вечно разделяемую чем-то нацию. Если вы захотите поехать из Кардиффа в Аберистуит на поезде, вам придется выехать из Уэльса, а затем снова въехать в него. До эпохи Маргарет Тэтчер вдоль части побережья полуострова пролегла железная дорога. После того, как печально известная госпожа премьер-министр уничтожила местную промышленность, та же участь постигла и эту железную дорогу. В своем эссе для сборника «Уэльс (множественное число)» Дэн Эванс цитирует Гуина Альфа Уильямса, который утверждал, что «деиндустриализация и растущая аккультурация в 1980-е были... гораздо более значительной и коварной угрозой для жизни и национальной самобытности валлийского рабочего класса, чем даже вторжения римлян, саксов или норманнов».

1 Owain Glyndŵr (ок. 1354 – ок. 1415) – потомок нескольких древних валлийских династий, участник Столетней войны, в начале XV века возглавил последнее мощное восстание валлийцев против английской короны. – *Примеч. перев.*

2 Machynlleth – произносится очень непривычно и сложно для неваллийского уха, что-то вроде «Махнслет». – *Примеч. перев.*

Не считая необъяснимого исторического анахронизма («рабочего класса» в нашем понимании не существовало ни во времена римлян, ни англосаксов, ни норманнов), это лишь скромное преувеличение. При Тэтчер Уэльс лишился своего «второго сердца» (или одной из двух своих «истин», в терминологии Рэймонда Уильямса). Ни Светоний, ни Паулиң, ни Генрих I не изменили местного способа ведения сельского хозяйства; их правление сводилось в основном к надстраиванию высшего уровня собственной власти и управления уже существовавшими экономической, социальной и даже правовой местными системами. Разумеется, природа валлийской идентичности менялась после каждого завоевания территории Уэльса, но это происходило медленно. По сей день только две вещи коренным образом изменили Уэльс за довольно короткий исторический период: индустриализация и деиндустриализация. Первая дала Уэльсу железные дороги, вторая ликвидировала многие из них. Изувеченный общественный транспорт выжил и стал лучшим местом для разговоров о валлийцах и их языке.

Теперь пора вернуться к ключевой теме большинства из девятнадцати эссе, собранных в этой крайне интересной и познавательной книге. Валлийская идентичность – что бы ни означал этот исторически переоцененный термин. Валлийский язык, который, кажется, является сердцем валлийской идентичности. Валлийскость как плод непростого союза валлийской идентичности и валлийского языка. Профессии авторов эссе разнообразны – от общественного деятеля до академика, от фолк-музыканта до журналиста. Преобладают среди них писатели, что вполне объяснимо: литераторы – эти «инженеры человеческих душ», по выражению советского писателя Юрия Олеши, – профессионально занимаются языком; и в то же время они имеют дело с общественным мнением. По крайней мере так было до изобретения со-

циальных сетей. Но в Уэльсе под почтенным словом «традиция» до сих пор понимают «литературную (поэтическую) традицию» и «музыкальную (хоровую) традицию». И традиционно традиция считается краеугольным камнем валлийскости.

Несмотря на представленное многообразие профессиональных, социальных и культурных точек зрения, большинство опубликованных в сборнике текстов можно описать одинаково: они *свидетельствуют* о валлийской идентичности авторов, об их вовлеченности в эту идентичность, об их отношении к ней и (конечно же!) о том, каких усилий требует построение этой идентичности. Эмоционально-лирический настрой в некоторых текстах сильнее рационально-концептуального, но в любом случае эти свидетельства опыта принадлежности к сущности под названием Уэльс бесценны. Во-первых, они могут многое объяснить про Уэльс широкой публике. Во-вторых, они станут богатым материалом для будущих историков, социологов или политических мыслителей. Похоже, это и было главной целью издания: сделать *современный Уэльс* со всеми его сложными внутренними членениями более заметным. Причем речь идет не об уникальных локальных или региональных проблемах – их локальность и региональность глобальны. Старомодные марксисты называли это «диалектикой единичного, особенного и всеобщего».

Но несколько эссе из этого сборника посвящены рефлексии – политической, социальной, культурной – как таковой. Мартин Джонс пишет о фоне (а до недавнего времени и неизбежном горизонте) любой дискуссии об Уэльсе и валлийскости – истории. Национальное возрождение XIX и начала XX веков вызрело из истории угнетения и страданий под иностранным правлением, а лихорадочный романтизм времен расцвета индустриального и колониального капитализма сделал из этой истории Историю

с большой буквы. А История мгновенно превратилась в Традицию. С большой буквы. Она исключает всех, кроме бриттов и саксов (иногда к ним добавляют англо-нормандцев) и их потомков – и это можно назвать отправной точкой идеологии валлийской национальной исключительности (а также умеренного расизма). Большой частью сборник «Уэльс (множественное число)» состоит из голосов из-за пределов этого за-костенелого двухкомпонентного мира идеологии позднего романтизма. Майк Паркер и Дэн Эванс подходят к проблеме с разных точек зрения. Паркер считает, что будущее валлийцев лежит на пути, очерченном австрийским эмигрантом Леопольдом Кором и валлийской писательницей Ян Моррис: на пути «срединности» в противоположность «большому миру» и особенно – большому английскому/лондонскому миру крайностей. Эванс завершает свое краткое описание/деконструкцию существующих исторических форм валлийскости запросом на «новую, доступную идентичность, которая могла бы дополнить все сильней ветшающую структуру чувства³, как-то пережившую тот образ жизни, что ее породил».

Один из ключевых текстов книги – эссе Моргана Оуэна «Призрак или отражение? Мертир, валлийский язык и идентичность». В XIX веке этот небольшой городок близ Кардиффа превратился в промышленный ад на земле, а сегодня выступает как локальный/глобальный символ постиндустриального упадка, запустения, депрессии. Но и по сей день там есть жизнь – и жизнь эта валлийская. В Мертире история рабочего класса стала частью национальной истории, и наоборот. Национальное/этническое/религиозное угнетение зачастую

является замаскированной и видеоизмененной формой угнетения классового. Классический – и особенно современный – национализм пытается скрыть эту истину, поэтому большинство свежих дискуссий об идентичности и политике идентичности столь безнадежно пусты. Идентичность оторвана от классового сознания, которое, хотя и рядится в традиционные народные одежды, по природе своей интернационально и даже глобально. В 1831 году в Мертире произошел один из важнейших эпизодов истории борьбы рабочего класса против капиталистической эксплуатации. Местные шахтеры и металлурги не только мужественно отстаивали свои права, но и продемонстрировали, насколько хорошо они способны к военной и гражданской самоорганизации. И, конечно же, именно в Мертире красный флаг был впервые использован как символ восстания рабочего класса.

Ник Лукас

Перевод с английского Марии Ермаковой

Brittle with Relics: A History of Wales, 1962–1997

RICHARD KING

London: Faber and Faber, 2022 – 526 p.

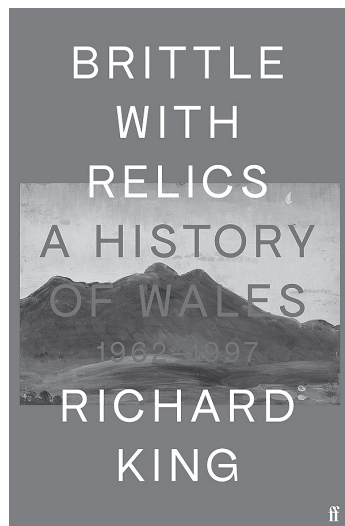
От одной деревушки до другой там всего по паре километров, но в каждой есть собственный регбийный клуб и внушительное количество часовен и церквей.

Ричард Кинг

В 1960 году появился новый исторический журнал – «The Welsh History Review».

3 Структура чувства – термин, введенный британским литературным и культурным теоретиком валлийского происхождения Рэймондом Уильямсом для обозначения специфического свойства социального опыта, исторически отличного от других специфических свойств, и дающего представление о временном периоде или поколении. Структура чувства отражает некий общественный совместный опыт восприятия в процессе живого и непрерывного настоящего момента и неотъемлемо принадлежит временному промежутку в целом. – *Примеч. перев.*

В предисловии к первому номеру редакция поясняла, что, несмотря на наличие нескольких уже существующих периодических изданий, посвященных истории Уэльса, новый журнал все равно необходим. Предполагалось, что областью его академических интересов будет *Уэльс в целом*, его история и география, в то время как уже существовавшие издания были либо локальными, либо больше касались периодов Античности и Средневековья. Иными

словами, появление «The Welsh History Review» должно было ознаменовать ключевой момент в академическом осмыслении истории этого региона как истории *современной страны, а не пережитка прошлого*. Такое видение *современного Уэльса* было бесценно, потому что обычно этот регион воспринимался как нечто древнее и сверхтрадиционное, как земля, населенная поэтами, чародеями, королями Артурами, пастухами, бродячими певцами и непримиримыми правителями, бесконечно воюющими друг с другом и с английскими завоевателями. Книга, которой посвящена моя рецензия, называется «Испещренная реликвиями: история Уэльса, 1962–1997». Главный вопрос, который в ней ставится – возможно, ненаме-

ренно, – о природе тех самых реликвий, об исторической материи, из которой они сделаны. Взять, к примеру, отголоски Средневековья: руины замков, «Хронику правителей» («Brut у Tywysogion»), поэзию Давида ап Гвилима. Или заброшенные угольные шахты, закрытые железные дороги, выцветшие газеты, чьи страницы рассказывают душераздирающую историю катастрофы в Аберфане. Как можно понять из подзаголовка после двоеточия, книга эта о современных реликвиях, но реликвии древние выступают в ней как невидимый фон, чье присутствие ощущается через его очевидное отсутствие.

Ричард Кинг, который записал, собрал и отредактировал десятки интервью с жителями Уэльса (или валлийцами – оба варианта в наши дни не идеальны), а затем скомпоновал их в свой невероятный том, предпочитает вести отсчет *этой* истории Уэльса с 1962-го, а не с 1960 года. Что в общем справедливо, потому что перед нами не плод академической историографии – это своего рода «народная историография», но сделанная со строжайшей академической объективностью и основательностью. У Кинга история Уэльса начинается с одной радиолекции, записанной и прозвучавшей в эфире Би-би-си:

«Эта история Уэльса начинается в 1962 году с речи по радио, произнесенной в качестве предупреждения о том, что валлийскому языку, а также связанным с ним идентичности и образу жизни грозит исчезновение. Речь под названием “Судьба языка” (“Tunged уг Iaith”) была произнесена в формате радиопередачи ее автором Сондерсом Льюисом – бывшим лидером Партии Уэльса. Эффект и влияние этой речи давно стали поводом для обсуждений; несомненно одно: полемика Льюиса помогла тем, кто сопротивлялся усиливавшейся маргинализации языка, вновь убедиться в ценности такого сопротивления» (р. 6).

Символично, что книга в жанре устной истории начинается с политического и культурного высказывания, сделанного в устном жанре радиопередачи. Сам выбор этого формата красноречиво говорит, о какой современности в основном идет речь в тексте: о современности радио и телевидения, тяжелой «дымной» промышленности, кейнсианской экономической и социальной политики. Речь идет о судьбе высокого модернизма в определенной части Великобритании. Хронологически книга завершается в 1997 году победой движения за деволюцию в Уэльсе, которая в некотором смысле затмила предшествующий ей триумф – принятие Закона о валлийском языке (1993). На первый взгляд, 1993 год больше подходит для завершения сборника Кинга: начавшись с провозглашения кампании против маргинализации местного языка, он, по идее, должен кончаться законодательным актом, приравнивающим этот язык к государственному. Но внутренняя логика валлийской истории, прекрасно представленная в этой книге, демонстрирует, как региональная политическая и социальная повестка постепенно переключалась с языка на автономию. После 35 лет экономических и социальных изменений, кризисов и кампаний Уэльс в 1997 году оказался совсем другой страной, чем когда Сондерс Льюис призывал спасти валлийский язык от исчезновения.

Рецензируемая книга – это коллективная история этого временного периода, рассказанная почти сотней голосов – от 104-го архиепископа Кентерберийского и бывшего лидера Лейбористской партии до борцов за сохранение валлийского языка, продюсеров звукозаписи, школьных учителей, пожарных и поэтов. Путь от 1962-го к 1997-му включает шестнадцать вех, или глав; каждая глава, являясь неотъемлемой

частью общей картины, в то же время может быть прочитана как отдельный рассказ. Составитель (автор) этой книги – музыкальный писатель и журналист, соучредитель бристольского лейбла «Planet Records». Тот факт, что Ричард Кинг родился в двуязычной семье в Южном Уэльсе, а последние двадцать лет живет в деревне, в валлийском графстве Поуис, сильно проясняет его личную мотивацию. Он написал книгу по истории страны, которая сформировала его таким, какой он есть.

Итак, все началось с борьбы за выживание валлийского языка в стиле «Action française»⁴, объявленной элитаристом и традиционалистом Сондерсом Льюисом. За этим последовал умеренный активизм, вызывавший недовольство валлийских лейбористов. Взаимоотношения между националистическим движением и местным отделением общенациональной партии рабочего класса – наиболее интересный идеологический и исторический сюжет книги. Он и сегодня доказывает свою актуальность во многих странах мира.

Начало этих отношений уходит корнями в историю валлийского национального движения и английского социализма. Одним из наиболее поразительных моментов в «Судьбе языка» является выявленная Льюисом связь между валлийским языком, валлийской идентичностью и нонконформизмом⁵. В первой части книги немало страниц отдано голосам, повествующим о нонконформизме как об особой «валлийской церкви». Ричард Кинг пишет:

«Присутствие нонконформизма во многих сообществах сделало ощутимым древнее представление об Уэльсе как о “*u werin bobl*”: бесклассовом, культурном, уважаемом обществе “людей из народа”» (р. 18).

4 Французская националистическая организация, особенно активная в период Третьей республики (1870–1940). – *Примеч. перев.*

5 Религиозное течение, отошедшее от англиканской церкви. – *Примеч. перев.*

Более того, существует связь между методизмом⁶ и особым «валлийским социализмом». Роуэн Уильямс подчеркивает этот момент: «Превратилось в клише, когда люди говорят, что социализм в Уэльсе бóльшим обязан методизму, чем марксизму» (р. 19). Изначально социализм в Англии многим обязан христианству (в том числе и в его протестантских формах, но, в отличие от валлийского социализма, влияние на английских социалистов конца XIX – первой трети XX века оказала идея всеобщей, а не местной справедливости и равенства). Конечно, было бы неразумно переоценивать этот исторический факт, но именно здесь кроется один из истоков взаимной неприязни валлийского национального движения и Лейбористской партии, которая настаивала на универсальной, по крайней мере общебританской, классовой повестке дня. Партия Уэльса и лейбористы были – и остаются – главными конкурентами:

«Лейбористская партия [...] болезненно реагировала на любые угрозы. Рассматривая Партию Уэльса и рост валлийского национализма как угрозу, лейбористы оказались в позиции противников валлийского языка» (р. 42).

Долгое время национальное движение (особенно группы прямого действия, борющиеся за валлийский язык) и местные лейбористы двигались в разных направлениях. Сондерс Льюис – как об этом пишет Роуэн Уильямс – выглядел как правый политический активист из континентальной Европы 1930-х:

«Он хотел видеть свою партию валлийской версией “Action française”, но неприятные фашистские отголоски того раннего периода, на мой взгляд, были с успехом похоронены к 1960-м» (р. 34).

Последователи Льюиса вспоминают себя в 1960-е как пылких националистов старой школы:

«В тот момент я с кристальной ясностью осознал, сколь страшная сила любви двигала нашими brave предками – такими, как Карадог, Боудикка, Артур, Глиндур, Лливелин; моя кровь пела мне о родовой памяти, о заточенье и смерти за правое дело, и я был погружен в столь необоримый жертвенный экстаз, что принял бы боль с распростертыми объятиями» (р. 54).

В первой половине 1970-х такого рода политические устремления достигли своего – весьма логичного – апофеоза. Родилась идея о «чистом валлийском этносе», населяющем «настоящий», «чистый» Уэльс (преимущественно сельские территории): о «создании в глубине страны гипотетической колонии – поселения для истинных валлийцев».

«Эмир Лливелин, ведущий член Общества валлийского языка [Cymdeithas yr Iaith Gymraeg], [...] исследовал возможность преобразования зоны преобладания валлийского языка [Y Fro Gymraeg] из абстрактного идеала в конкретный, обособленный периферийный регион для моноязычного населения, говорящего на валлийском, – тем самым предлагая своеобразную интерпретацию утопии» (р. 133).

Звучит как осовремененная версия средневекового разделения Уэльса на так называемую «Валлийскую марку» (области, завоеванные и колонизированные англо-нормандскими лордами) и «исконный Уэльс», *Pura Wallia*, все еще не покоренный, управляемый валлийскими принцами. Этакая ретроспективная утопия, где старомодный ксенофобский национализм встречается с бессмысленным хиппарским лозунгом «Назад к корням!». Своего рода обратная этническая/языковая/культурная «чистка», замаскированная под хиппи-утопию. Археолог,

6 Крупнейшая конфессия в рамках валлийского неконформизма. – Примеч. перев.

писатель и радиоведущий Рис Муин снабжает читателя историческим контекстом: «Это остатки идеализма 1960-х до наступления абсолютно дерьмовых и жутких 1970-х, принесших с собой реализм» (р. 134).

Валлийское национальное движение 1960–1970-х было не таким уж однородным⁷, но, видимо, тем, кто разделял позицию лейбористов, все было кристально ясно:

«На том митинге все подняли тост за Овайна Глиндур, а я – нет, и помню, как сказал тогда Глину: “Я не люблю Глиндур”. Как по мне, то с позиции классовой борьбы он представитель поместного дворянства, и я часто в шутку спрашивал Глина: “Кто такой Глиндур с точки зрения марксизма?” – и у него никогда не было ответа. Я всегда вбрасывал это. “Что сказал бы о Глиндуре Эньурин Бивен⁸?” Тут националисты сразу же начинают бусковать. Ведь какой стройный нарратив: Глиндур – национальный герой; но что будет, если добавить аспект классовой борьбы? Это ставит их в тупик» (р. 49).

В этой ситуации валлийским лейбористам выпадала прекрасная возможность стать проводниками прогресса, соблюдая немалую дистанцию как от вестминстерских властей, так и от местных традиционалистов. Они воспользовались ею в 1960-х, но чуть не утратили свои позиции в 1970-е. Лейбористами тогда была недовольна вся Британия, и причины в основном совпадали, приобретая местный колорит лишь в мелочах. Вот как дела обстояли в Уэльсе:

«Лейбористское правительство 1974–1979 годов, которое возглавлял Уилсон, а затем Каллаган, не внушало вдохновения, и, разумеется, ему пришлось столкнуться с огромными проблемами вроде последствий глобального инфляционного кризиса,

вызванного ОПЕК в 1973 году; было огромное количество потрясений – промышленных, экономических и социальных. Многим молодым людям левых взглядов лейбористское правительство совершенно не импонировало. Более локально в Суонси, [...] как и в других местах во всей Великобритании, [...] коррупция в местных органах власти носила системный характер. Суонси – это образцовый пример: лидер местных лейбористов Джеральд Мерфи получил срок за коррупцию, затем лейбористы утратили преимущество в совете в пользу Независимой партии налогоплательщиков, а вскоре после этого лидер Партии налогоплательщиков тоже получил срок за коррупцию» (р. 122).

А потом наступил настоящий переломный момент. Конечно, деиндустриализация Уэльса началась намного раньше, чем Маргарет Тэтчер пришла к власти, но то была скорее трансформация промышленности, чем полное ее исчезновение. Даже процесс восстановления и рекультивации бывших промышленных площадок и территорий начался еще в 1960-е:

«Тогда шли замечательные процессы [...] вроде благоустройства и повторного озеленения долин. [...] Толчком к этому послужила катастрофа в Аберфане. Частью реакции на нее было финансирование правительством повторного озеленения и рекультивации ландшафта. Гвин однажды дал мне слайд, который я стал часто использовать. На нем двое маленьких детей с гордостью сажают дерево рядом с вывеской “Старый завод по производству мышьяка. Не входить”. Долина Суонси была по-настоящему заражена, там было полно тяжелых металлов» (р. 118).

Но то, что случилось с Уэльсом после 1979 года, не продолжило эти тенденции.

7 «В рамках валлийского национализма существует спектр, простирающийся от закоренелых коммунистов/националистов из рабочего класса в долинах Южного Уэльса вплоть до взглядов в духе Сондерса Льюиса: “Давайте рожать больше носителей валлийского!”» (р. 137).

8 Британский левый лейборист валлийского происхождения, одна из ключевых фигур глубоких социальных реформ в Соединенном Королевстве после Второй мировой войны. – *Примеч. перев.*

1980-е полностью изменили экономический и социальный ландшафт страны. Последствия этого резкого изменения были решающими для местных сообществ и для самой валлийской идентичности.

Взаимосвязь индустриализации и валлийской идентичности не так проста, как кажется на первый взгляд. Очевидно, что в первой половине XX века националисты считали индустриализацию угрозой валлийскому языку и идентичности. Современность убивает Традицию. По иронии судьбы, положение дел после 1980-х частично возродило эту старомодную идею. Проводимая Тэтчер деиндустриализация, вогнавшая в нищету значительную часть страны, подготовила благодатную почву для укрепления позиций валлийского языка. Но Закон о валлийском языке 1993 года в некотором смысле закрыл проблему в целом – вплоть до маргинализации самого языкового вопроса в валлийской общественно-политической повестке:

«Мне кажется, к 1997 году валлийский язык в определенной мере деполитизировался, так что, когда Уин Робертс – министр из Консервативной партии – сделал его обязательным в школах, я не думаю, что многие обратили внимание на этот факт» (р. 428).

Но в проблеме «индустриализация против валлийской идентичности» важнее всего то, что в 1960–1970-е последняя определялась первой:

«В этих сплоченных сообществах занятость была неотъемлемой частью идентичности – атрибутом, значение которого возрастало в процессе секуляризации Уэльса, набравшей силу к 1960-м» (р. 7).

Таким образом, когда неолиберальные реформы 1980-х ликвидировали занятость в сфере промышленности, это нанесло сокрушительный удар по местной валлийской идентичности. Сообщества, конечно, пытались сопротивляться, и их сопротив-

ление дало почву для прежде невозможной коалиции валлийских националистов и лейбористов (и не только):

«По завершении забастовки шахтеров образовалось несколько маловероятных дотоле союзов. Общество валлийского языка, отвечавшее во время забастовки за продуктовые наборы, организацию праздников и прочие меры поддержки в знак солидарности с шахтерами, продолжило принимать активное участие в различных инициативах. Параллельно со своей деятельностью, ориентированной на валлийский язык, Общество активно участвовало в женском движении, кампании солидарности с Никарагуа и движении в защиту прав ЛГБТ, а также время от времени вступало в диалог с ирландской партией Шинн Фейн – все это происходило на протяжении 1980-х, десятилетия, когда Общество впервые избрало на пост председателя женщину» (р. 330).

Большая часть книги посвящена забастовке шахтеров 1984–1985 годов. И не только потому, что это было самое драматичное событие в послевоенной истории Уэльса. Агрессивный тэтчеризм представлял экзистенциальную угрозу валлийскому рабочему классу и Уэльсу в целом. «Закрывая шахту, вы убиваете сообщество» (р. 371). Старый уклад высокого модернизма раскололся на части; осколки его быстро стали реликвиями. С тех самых пор Уэльс наполнился реликвиями нового типа.

Название книги заимствовано из стихотворения Роналда Стюарта Томаса «Валлийский пейзаж»:

В Уэльсе нет настоящего,
И будущего нет;
Есть одно лишь прошлое,
Испещренное реликвиями.

Томас, как и многие выдающиеся литературные деятели XX века, был ярким ретроградом, валлийским националистом, одержимым прошлым. Как общественный деятель и англиканский священник, он

прославился своей резкой критикой «машинной цивилизации». Сын Томаса вспоминает проповеди своего отца, в которых тот обрушивал гнев на холодильники, стиральные машины, телевидение и другие современные вещи. Томас считал, что сам он принадлежал к «былым временам», доиндустриальному периоду. На самом же деле он жил *в свое* время – в период высокого модернизма – и принадлежал к нему, хотя и ненавидел современную жизнь. Ричард Кинг переосмысливает стих, давший название его книге. Реликвии, которыми испещрен Уэльс, – это не осколки какой-то сказочной были, это реликвии модернизма. И мы осознаем их как нечто, вплетенное в социальную ткань нашей сегодняшней жизни.

Ник Лукас

Перевод с английского Марии Ермаковой

До конца времен. Сознание, материя и поиски смысла в меняющейся Вселенной

БРАЙАН ГРИН

М.: Альпина нон-фикшн, 2021. – 548 с. – 5000 экз.

Книга Брайана Грина переведена на русский язык и издана по программе «Книжные проекты Дмитрия Зимина», что заранее снимает все сомнения относительно качества этой литературы. Плашка «Бестселлер *The New York Times*» лишь подтверждает статус издания.

«До конца времен» не первая научно-популярная работа американского физика и математика, профессора Колумбийского университета, специалиста в области теории струн и страстного популяризатора науки Брайана Грина: ранее в русском переводе вышли его книги «Эlegantная Вселенная» (1999), «Ткань космоса» (2003),

«Икар на краю времени» (2008), «Скрытая реальность» (2011). Переводчица Наталья Лисова в целом достойно справилась со своей работой, и при имеющемся адекватном переводе можно, пожалуй, заключить, что Грин все-таки пишет более тяжеловесно, чем другой знаменитый физик-теоретик и популяризатор космологии Стивен Хокинг. Впрочем, Грин изначально ориентируется на «продвинутого» читателя, а в примечаниях даже приводит – для особо дотошных – математические выкладки. Да и можно ли простым языком говорить о сознании и материи в их бесконечных проявлениях, когда целью научной деятельности автора является ни много ни мало как создание «единой теории всего»? Грин – ученый до мозга костей, и для объяснения Вселенной от начала времен ему нет нужды прибегать к идее Творца, если можно опереться на фундаментальные законы физического мира – энтропию и эволюцию, действующие в области как элементарных частиц, так и сложных форм материи. В сочетании с аппаратом квантовой физики энтропия и эволюция становятся своего рода универсальными отмычками ученого.

Грин применяет этот подход не только для объяснения происхождения вселенной,

вещества, галактик, но и для объяснения сознания, языка, мифа, религий, искусства. Автор начинает свое повествование от начала времен, то есть с момента Большого Взрыва. Грин не пишет о том, что было до Большого Взрыва (об этом высказался Хокинг в своей последней книге «Краткие ответы на большие вопросы»), его интересуют возникновение и эволюция Вселенной в результате процесса, который автор называет «энтропийным тустепом» – снижения энтропии (то есть меры беспорядка) в системе за счет увеличения ее в среде. Благодаря этому образуются упорядоченные структуры – звезды, планеты, затем жизнь и люди, – хотя суммарное количество беспорядка во Вселенной при этом растет, согласно второму закону термодинамики. «Именно этот энтропийный тустеп координирует подъем жизни и разума» (с. 63).

Книга Грина интригует тем, что он изначально помещает свое повествование в космологическую перспективу, которая предполагает, что условный конец времен существует, даже если он осуществится таким способом и в такие сроки, о которых человеку, не склонному к мистическому трансцендированию, трудно и помыслить. Что значит – галактики будут разбегаться со скоростью, превышающей скорость света? Это значит, что свет звезд будет не виден; правда, к тому времени эти звезды уже некому будет созерцать, то есть во Вселенной не останется не только разумной жизни, но и жизни вообще. Да, это случится очень нескоро, и, как говорится, на наш век хватит, но интерес ученого жаждет преодолеть и этот «горизонт событий», в чем ему помогает математическая физика.

Космологическая перспектива для каждого отдельного пытливого ума становится перспективой экзистенциальной. Грин как физик ставит себя на пересечение этих перспектив и из этой точки сообщает нам, что феномены жизни и разума во Вселенной ограничены так же, как и срок челове-

ческой жизни. «В самом деле, наступит скорее всего момент, когда организованная материя любого рода будет невозможна» (с. 13). Мысль эта способна привести в трепет любого человека, которому хватит мужества, ума и воображения дойти в своих размышлениях до этой точки.

Подобный шок однажды испытал и автор. Поэтому книга написана так, что помогает справиться с этой экзистенциальной проблемой, не привлекая религиозных аргументов. В этом смысле «До конца времен» – это психотерапия космологией, хоть и пригодная в основном для атеистов. Будущее, лишённое звезд, планет и мыслящих существ, оставит человека ограниченного равнодушным. У кого-то эта мысль может вызвать чувство дискомфорта или даже страха. У человека рефлексирующего идея конца времен, как полагает автор, должна вызвать благоговение, приведя его к осознанию «простой, но удивительно тонкой истины», что жизнь происходит здесь и сейчас.

Концепция «здесь и сейчас» сама по себе обладает мощным организующим потенциалом, который, в частности, используется в психотерапии. Гуманистический психолог Ирвин Ялом, например, никогда не скрывал своих атеистических убеждений, что не мешало ему успешно работать с запросами о смысле жизни. Идея «вечности в каждом мгновении» для Грина больше, чем избитая метафора:

«Я обнаружил, что эта точка зрения становится еще более осязаемой, когда мы погружаемся во время во всей его полноте – от начала до конца; такой космологический фон придает ни с чем не сравнимую четкость представлению о том, насколько уникально и мимолетно на самом деле “здесь и сейчас”» (с. 31).

Цель этой книги, по словам ученого, дать читателю эту четкость. Грин делает это, не внося в уравнение жизни параметра религиозной мистики.

Впрочем, религии автор посвящает целую главу и относится к ней вполне серьезно – опять же с позиций эволюции и естественного отбора. Социальные психологи видят адаптивную роль религии в том, что обещание жизни после физической смерти помогло людям не превратиться в комки дрожащей от страха биомассы. Группа, объединенная общим верованием, на заре человеческой истории и позже демонстрировала лучшую сплоченность и успешность в работе и в сражении. Грин признает, что в научном мире нет полного согласия в оценке религии как социального клея. Но многие исследования показывают, что на уровне индивида адаптивное влияние религии проявляется наиболее очевидно. Положение индивида в группе, то есть репутация, зависит от соблюдения групповых правил. Нарушитель может стать изгоем и утратить возможность продолжения рода. Вера в наличие незримого могущественного свидетеля помогает соблюдать правила общежития. Как следствие, верующий человек «с большей вероятностью оставит потомство и передаст ему свое инстинктивное благочестие. Предрасположенность к религии защитит его генетическую линию и таким образом станет самовозобновляющейся» (с. 259).

Искусство для Грина и авторов, на которых он ссылается, также представляет собой адаптивный механизм, подобный религии, – как в социальном, так и индивидуально-личном плане. Наскальная живопись может показаться бесполезной с точки зрения естественного отбора, но Грин предполагает, что искусство сыграло важную роль в тонкой взаимной настройке людей, которая позволяла предугадывать эмоциональные реакции друг на друга и увеличивала шансы на успешное сотрудничество: род *Ното* победил в эволюции благодаря своей социальности. На уровне отдельного человека искусство «позволяет разуму прыгать, вертеться и спотыкаться, исследуя

всевозможные воображаемые новшества» (с. 297). Разум человека, творящего искусство или потребляющего его, учится «свободно пересекать границу между реальным и воображаемым», в результате чего «набирается опыта и научается выходить за рамки стандартного мышления» (с. 298). Работа с языком, цветом, формой, метафорой, ритмом и мелодией формирует «цветущий когнитивный ландшафт индивида», безопасно тренирует воображение и способность к инновациям, становится «полигоном человеческого познания» (с. 299). То же делает для человека рассказывание мифов, сказок, легенд и прочих вымышленных историй. Это тоже репетиция взаимодействия с реальным миром, выстраивание стратегических ответов на потенциальные жизненные факты, мозговая версия игровой активности для тренировки жизненно важных навыков, которые генетически закрепляются в следующих поколениях. Для этого мозг, по мысли автора, и запрограммирован на увлечение вымышленными историями.

Очевидно, Брайана Грина можно было бы назвать последователем линии Демокрита, чья атомистическая теория, космология и принцип изонимии предвосхитили современную квантовую физику и космологию. Если в гуманитарной области линия Платона оказалась более плодотворной, дав начало целому пучку идеалистических философий, то в естественных науках Демокрит победил. Грин признает, что наука не может отказаться от изучения феномена сознания – это означало бы, что наука выживает из-под себя свою основную опору, – но строго научного объяснения сознания пока не существует. Грин знает, что мысли не состоят из атомов и молекул, и предполагает, что для объяснения сознания, по его словам, «потребуется концептуальная революция, сравнимая с революциями, связанными с квантовой физикой и теорией эволюции» (с. 160). Но, признавая это, он

все же надеется, что «когда-нибудь мы сумеем объяснить сознание при помощи одних только общепринятых представлений о частицах, из которых состоит вещество, и о физических законах, которые этими частицами управляют» (там же).

Грин в своей книге добросовестно излагает конкурирующие теории происхождения сознания, языка, религии, искусства, оставаясь при этом последовательным физикалистом, что, очевидно, и позволяет ему занимать свое место в науке и искать объяснения сложных явлений, пользуясь вероятностными расчетами. Это продолжение линии Демокрита, который полагал, что если какое-то явление возможно и не противоречит законам природы, то следует допустить, что в беспредельном времени и на беспредельном пространстве это явление либо когда-то уже имело место, либо когда-нибудь наступит (принцип изономии). Развивая эту идею, современные ученые додумались до концепции «больцмановского мозга» – случайно сформировавшейся «на пути в вечность» макроскопической структуры, способной осознать свое существование. Вероятность этого бесконечно мала, но не равна нулю, поэтому на огромных промежутках времени появление такой конфигурации частиц гипотетически возможно: «Давно исчезнувшая мысль ненадолго вернется» (с. 382).

Последняя глава книги, «Благодетельство бытия», получилась самой философичной, даже поэтической. Это глава о поисках смысла. Она чрезвычайно актуальна, потому что за те несколько лет, что прошли с момента написания книги, человечество, похоже, максимально подтолкнуло себя к «концу времен» и балансирует на этой грани. Природа равнодушна, и у оснований реальности не было никакого изначального смысла, говорит автор, но человеческому разуму, который поднимает себя над безразличием природы, ценность и смысл необходимы. Люди, обладающие самосо-

знанием, в свой срок растворятся в небытии, и с этим человеку надо что-то делать. Как утверждал Николай Бердяев, преодоление смерти есть основная проблема любой философии. Человеческий род, жизнь и разум во Вселенной умрут в результате действия физического закона – для природы этот факт зауряден, но он не зауряден для человека. Бессмертие недосыгаемо, и «размышления о бесконечной жизни проясняют значение жизни, которая имеет конец» (с. 406).

В ответ на признание человеком своей конечности у него рождается мечта о будущем, населенном потомками, потому что бессмертие биологического вида (хотя бы на выпавшем нам космологическом отрезке времени) необходимо для присутствия смысла существования. Смертельный диагноз одного человека вызывает разные чувства, в том числе и умиротворения, но смертельный диагноз человечеству вызвал бы подавляющее чувство тщеты.

«Мы эфемерны. Мы недолговечны. Тем не менее наше мгновение редко и необыкновенно, и признание этого позволяет сделать недолговечность жизни и редкость самосознания основой для системы ценностей и фундаментом для благодарности» (с. 412).

Жизнь и разум во Вселенной случайны, мы в наших физических телах находимся здесь по милости слепого шанса. Грин восхищается той мыслью, что при астрономическом разнообразии возможных вариантов его молекулярная конфигурация вообще существует в данный момент (что верно для каждого из ныне живущих). Волнение и восторг автора увеличиваются от того, что он убежден в отсутствии изначального великого замысла. Вместо этого, есть человек – «мыслящий набор частиц», – живущий в субъективном мире и создающий для самого себя цели. Поэтому единственное направление, по которому

человек может двигаться в попытке познать себя, – это внутрь себя, по пути построения собственного смысла.

СЕРГЕЙ ГОГИН

Радость жизни. Философия стоицизма для XXI века

Уильям Ирвин

М.: Манн, Иванов и Фербер,
2021. – 304 с. – 3000 экз.

В начале XXI века философия стоицизма, зародившаяся более двух тысячелетий назад, обретает новое дыхание. Всего лишь за одно поколение стоическая мудрость, преодолев привычные рамки философской доктрины, удивительным образом превратилась в стиль жизни миллионов людей по всему земному шару. Не останавливаясь на причинах этого явления – теме, безусловно, интригующей, но заслуживающей отдельного и подробного разговора, – стоит подчеркнуть, что оно затронуло и Россию. Спрос на стоические добродетели стимулирует соответствующее предложение; отечественные издательства, по крайней мере до рокового 2022 года, исправно переводили многие значимые и яркие книги современных стоиков, в основном англосаксонских. Имя Уильяма Ирвина, чей труд обозревается здесь, хорошо знакомо специалистам-античникам: этот профессор философии, преподающий в Государственном университете имени братьев Райт (Дейтон, штат Огайо), был одним из зачинателей нынешнего «стоического ренессанса» – в свое время именно рецензируемая книга, вышедшая в 2009 году под названием «A Guide to the Good Life: The Ancient Art of Stoic Joy», сумела заинтересовать стоическими теориями многих читателей. Как справедливо отмечает в предисловии научный редактор русского перевода Станислав Наранович,

в своих многочисленных работах Ирвин «предпринял образцовую попытку воскресить наследие античных стоиков и научить современных людей жить благой (в стоическом понимании) жизнью» (с. 12).

Предваряя чтение, стоит иметь в виду, что, раскрывая потенциал стоической заботы о себе и о ближних в нынешнем мире, автор ориентирован в первую очередь на римский стоицизм, поскольку, как он считает, поздние стоики, в отличие от стоиков ранних, вынуждены были иметь дело с примерно таким же глобальным беспорядком и приблизительно с тем же катастрофизмом мировосприятия, которые столь знакомы нашим современникам. По Ирвину, предметом первейшего интереса для римских стоиков выступал поиск спокойствия и отрешенности, в то время как греческие стоики больше заботились об обретении добродетели. Умиротворенность, причем в самом буквальном смысле, сейчас оказалась в острейшем дефиците, а обретение добродетели во всех ее смыслах вынужденно отодвинулось на будущее, более ровные, этапы человеческой истории. Именно эта конфигурация позволяет римским стоикам общаться с современным читателем от лица стоицизма в целом.

Во введении автор признается, что примерно до сорока лет он, подобно многим своим современникам, вел жизнь «просвещенного гедониста», сосредоточенного в основном на обретении достатка, статуса и удовольствий. Поворот произошел около 2000 года, когда Ирвин начал писать философское исследование, посвященное феномену желания. Автор тогда увлекался дзен-буддизмом, используя его методологию в качестве основы для собственных теоретических построений. В ходе работы, однако, дзен-буддизм сначала вывел его на стоическую мудрость, а потом и вовсе отступил перед ее величием. Оба учения, отмечает Ирвин, фокусируются на созерцании преходящей природы бытия и выте-

кающего из нее усмирения желаний, оба ориентированы на спокойствие духа и объясняют, как его достигнуть и удержать. Тем не менее автор понял, что стоицизм гораздо ближе рационально-аналитическому складу ума сегодняшнего человека, чем буддизм. «В результате, к вящему изумлению, я поймал себя на том, что подумываю стать не дзен-буддистом, а практикующим стоиком», – пишет он (с. 22).

Поясняя во введении практическую значимость этой доктрины, автор обращается к понятиям «высшей цели» жизни и «стратегии» ее достижения. Оба концепта, с его точки зрения, идеально проработаны стоиками. Практикуя «искусство жить», римские стоики настолько органично комбинировали мировоззренческие и психологические учения, что практическая значимость этого синтеза не растрчена и по сей день. В своей книге, которая ни больше ни меньше «советует, как жить» (с. 20), Ирвин разъясняет секреты маркетингового успеха стоических философов. Уже два тысячелетия назад стоики осознали, что жизнь, отравленная негативными эмоциями – такими, как гнев, тревога, страх, горе или зависть, – не может быть полноценной. Работая над этой проблемой, они сумели предложить эффективные техники предупреждения или подавления состояний подобного рода. Американский профессор признается, что на первых порах он воспринимал мудрецов-стоиков как эмоционально закрепощенных людей, однако позднее ему стало ясно, что стоики очищались не от эмоций вообще, а лишь от негативных эмоций. Что было еще неожиданной – в лице стоических мыслителей автор увидел людей, умеющих наслаждаться радостью жизни и превозносить ее.

Узнав о стоицизме подробнее, Ирвин начал экспериментальным образом применять его в качестве собственной философии жизни. «Поскольку до сих пор эксперимент был достаточно успешным, – пишет

он во введении, – я считаю себя обязанным сообщить о результатах всему миру» (с. 25). Увлекая читателя еще больше, он предьявляет несколько бесспорных плюсов стоицизма в контексте XXI века. Во-первых, стоическая практика не требует выделения для нее каких-то особых промежутков времени. Разумеется, нынешнему стоику приходится анализировать свою жизнь, но эти размышления можно встроить в те моменты дня, когда мы не заняты ничем конкретным: например, стоим в пробке или лежим в постели в ожидании сна. Во-вторых, и это особенно важно для нынешнего цивилизованного человека, ничто не мешает быть одновременно практикующим стоиком и последовательным агностиком. Обязательства, накладываемые стоицизмом, гораздо мягче тех дисциплинирующих ограничений, каким человеческую личность подвергают традиционные религии – и это дает ему дополнительные преимущества.

Представленная книга поделена на четыре части, первая (и самая короткая) из которых посвящена азам: возникновению и распространению философии стоицизма («Рождение стоицизма»). Особого внимания в этом контексте удостоен Сократ, а также влияние его поучений на стоическое мировоззрение. Одной из веских причин, обеспечивших привлекательность стоической философии, стал отказ от предшествовавшего ей кинического аскетизма: образ жизни стоиков, хотя и тяготел к простоте, все же допускал земные блага. Вместе с тем, наслаждаясь «хорошими вещами», с которыми они сталкивались на жизненном пути, стоики готовили себя к расставанию с ними в любую минуту. Того, кто живет в гармоничной согласии с природой – иными словами, человека, в совершенстве освоившего стоическую практику, – стоики называли мудрецом. Причем, по мнению Ирвина, статус этой фигуры в стоицизме был примерно эквивалентен статусу «достигших просветления» в буд-

дизме. Надо сказать, что спорадические параллели с восточной мудростью сопровождают все его повествование.

Во второй и третьей частях, на которые приходится основной массив текста («Психологические техники стоиков» и «Советы стоиков»), Ирвин разъясняет, что значит быть практикующим стоиком в наши дни. Описывая психологические техники, созданные римскими философами для обретения и поддержания спокойствия, он на конкретных примерах демонстрирует, как они работали и продолжают работать в человеческой жизни. В частности, автор подробно анализирует переписку Сенеки с женщиной по имени Марция, за три года до общения с философом потерявшей сына, но так и не сумевшей выйти из состояния бескрайнего горя. Римский стоик предлагает безутешной матери обратиться к тому, что нынешние психологи назвали бы негативной визуализацией. Радуюсь обществу близких, поучает он свою корреспондентку в одном из сохранившихся писем, следует периодически отвлекаться и вспоминать о том, что такая радость ни в коем случае не долговечна и ей когда-нибудь придет конец. Причем, как пишет Эпиктет, словно подхватывая мысли Сенеки, среди всех смертей, которые следует мысленно созерцать, несомненно, должна быть и наша собственная. Предлагая одному из своих друзей проводить каждый день так, как если бы он был последним, Сенека не останавливается на этом: по его мысли, жить надо так, как будто бы последним является не просто нынешний день, но «уже *этой самый миг*» (с. 88). Разумеется, говорит Ирвин, подобные поучения вовсе не означают, что каждый из нас должен незамедлительно перестать заполнять свой ежедневник планами на завтра; из них вытекает лишь, что, помня о дне завтрашнем, мы одновре-

менно должны ценить день сегодняшний. В целом же, как представляется автору, размышляя о скоротечности своего удела, современный человек, подобно своим античным собратьям, «может заметно увеличить наслаждение от жизни» (с. 89).

Углубление в тематику жизненных радостей заставляет Ирвина подчеркнуть, что стоицизм ни в коем случае не является философией богатых. По его мысли, люди, испытывающие нужду, тоже могут извлекать пользу из стоических опытов: «Бедность может ограничивать их во многом, но для упражнений в негативной визуализации она не помеха» (там же). Более того, эта практика, да и стоицизм в целом, помогают смягчить тяжелую участь, делая обездоленных менее несчастными⁹. Другим лекарством, рекомендуемым тем, у кого дела идут не слишком хорошо, выступает стоический фатализм. Как пишет император-мудрец Марк Аврелий, «если мы отвергаем решения судьбы, то горе, гнев и страх разрушат наш покой» (с. 119). Признание детерминизма, однако, не означает, что стоики были готовы принимать будущее со смирением – напротив, из исторических хроник нам известно, что они без усталости делали попытки повлиять на грядущие события. Автор снимает это кажущееся противоречие, указывая на своеобразии стоического фатализма, устремленного не столько в будущее, сколько, как ни странно, в прошлое. Стоики, полагает Ирвин, пользовались «ограниченной версией» фаталистического мировоззрения: для них было важно напоминать людям, что прошлое навсегда останется неизменным (с. 121). И такой подход, по оценке американского философа, удивительно современен, поскольку большинство из нас, людей XXI века, тоже отказываются сопрягать будущее с предопределенностью. Но, твердо

⁹ Воспринимая эту часть авторских рассуждений стоически, я откажу себе в соблазне рассуждать о том, как могло бы идти изучение Эпиктета и Сенеки в манильских трущобах или, скажем, в лагерях беженцев-рохинджа.

вера в свои силы в отношении завтрашнего дня, «мы с готовностью признаем, что прошлое нельзя изменить, и поэтому вряд ли будем оспаривать стоический фатализм» (с. 122).

Ирвин убеждает своего читателя в том, что стоицизм – вдобавок к своим терапевтическим функциям – способен еще и делать человека более успешным в социальном плане. Хотя стоики не искали мирского успеха, добавляет он, им нередко удавалось обрести его как бы «автоматически». Хорошими примерами здесь выступают Музоний и Эпиктет: являясь руководителями популярных философских школ, они вовсе не добивались общественного признания специально, но так или иначе обретали его. Иначе говоря, просто будь стоиком, а остальное приложится. Рассуждая в том же русле, Марк Аврелий дает универсальный совет: невзирая на любые невзгоды и огорчения, надо «продолжать упражняться в стоицизме – “хотя и не думаешь преуспеть”» (с. 140). Достижению стоиками прочного социального положения, по мысли автора, помогало недоверие к телесным удовольствиям и связанное с ним самоотречение: отказ от наслаждений, на разные лады повторяли они, сам по себе способен стать удовольствием. Впрочем, по мнению Сенеки, «окончательное доказательство прогресса принесет лишь встреча со смертью»: только тогда мы узнаем, был ли наш стоицизм истинным (с. 139).

Далее автор обращается к практической рекомендации стоиков, касающимся взаимодействия с миром и другими людьми. В высшей степени ценя безмятежность, стоики отнюдь не жили отшельниками. Марк Аврелий, испытывая регулярные приступы мизантропии, каждый день пересиливал себя, продолжая с «неутомимым рвением исполнять обязательства, продиктованные высоким постом» (с. 147). С этим умением делать что-то через силу соседствует талант отгораживаться от избыточных внеш-

них раздражений. Зная о том, насколько назойливыми порой могут быть другие люди, стоики разрабатывали технические приемы, помогавшие им не переживать из-за нанесенных обид. Реконструируя их советы, Ирвин рекомендует отвечать на оскорбления шуткой или молчанием: ведь «стоическому мудрецу, существу он на самом деле, оскорбления собратьев-людей, вероятно, казались бы собачьим лаем» (с. 160). Так, Эпиктет полагал, что лучший способ противостоять оскорблениям не наказывать обидчиков, а обучать пострадавших техникам психологической самообороны. Помимо техник, помогающих правильно реагировать на оскорбления, автор рассматривает стоические стратегии, направленные на преодоление горя и гнева, причем в этом отношении он также оптимистичен:

«На мой взгляд, практикуя стоицизм, можно избежать множества эмоциональных кризисов, которым подвержены люди. А оказавшись во власти негативных эмоций – совладать с ними без посторонней помощи» (с. 172).

Одной из наиболее болезненных негативных эмоций выступает тревога о том, позитивно ли нас воспринимают окружающие. Марк Аврелий, Эпиктет и другие стоики на этот счет единодушны: следует пренебрегать тем, что думают о нас другие, а потому нашей целью должно быть безразличие к чужому мнению.

Особое внимание автор уделяет теме, которая волновала людей в любую эпоху – старению и смерти. И хотя он рекомендует принимать стоицизм в молодости, ибо это лучший способ встретить старость, «даже самые дряхлые и немощные старики способны читать стоиков и размышлять над их идеями» (с. 208). Людям на склоне лет вполне под силу заниматься негативной визуализацией и не переживать о вещах, находящихся вне их контроля – то есть не

проводить свои последние дни в бессмысленных стенаниях о том, что жизнь могла бы сложиться по-другому. Нынешнему читателю порой кажется, что стоики едва ли не одержимы смертью, – на деле же, постоянно размышляя о ней, эти философы старались минимизировать ее присутствие в человеческой жизни. Рассуждая о самоубийстве, стоики рассматривали его вполне допустимым, не видя ничего зазорного в добровольном уходе из жизни старых или больных людей; в конечном счете, по их мнению, едва ли чье-то благополучие будет сильно зависеть от старого или больного человека. Для них главный вопрос заключался не в том, как скоро человека настигнет кончина, а в том, умрет он легкой смертью от собственных рук или тяжелой смертью по естественным причинам. В этой связи «Музоний призывает не только жить хорошей жизнью, но и окончить ее, когда это возможно, хорошей смертью» (с. 213).

В отдельной главе, которая называется «Как стать стоиком?», автор предлагает ряд советов тем, кто хотел бы приступить к повседневному использованию стоицизма. Он вполне отдает себе отчет в том, что для человека XXI века это нелегко: немалых усилий потребует негативная визуализация и еще больших практика самоотречения. Кроме того, понадобится сила воли, позволяющая распрощаться с прежними целями – такими, как слава и богатство, – и перейти к новой цели, которой должна стать безмятежность. Ирвин понимает, что сочувствие со стороны окружающих новоявленному стоику вовсе не гарантировано; но, по его мнению, насмешек можно избежать, если не выставлять напоказ свою философскую позицию, пробуя то, что автор называет скрытым стоицизмом. Более того, вслед за Эпиктетом он призывает приступать к стоической практике безотлагательно: «Откладывать подготовку –

роскошь, которую мы не можем позволить себе. Мы должны начать прямо сегодня» (с. 219). Короче говоря, *just do it*.

Завершая книгу, в ее четвертой части («Стоицизм в современной жизни») Ирвин пытается отразить некоторые критические выпады против стоицизма; здесь же он переосмысливает стоическую психологию в свете современных научных открытий. Многие считают, что счастье должен принести им кто-то другой, будь то психотерапевт или политик, напоминает автор – но стоицизм отрицает это. Стоическая доктрина учит, что мы в большей мере, чем кто-либо, несем ответственность как за свое счастье, так и за свои беды. Только взяв ответственность на себя, человек получает реальный шанс стать счастливым, и «это, безусловно, не то, что хотела бы услышать преданная аудитория психотерапевтов и политиков» (с. 236). До XX века все, кто имел то или иное отношение к философии, практически наверняка были знакомы со стоиками, однако в прошлом столетии интерес философов к стоицизму угас. Как показывает собственный опыт автора, можно было провести на философском факультете десять лет, ни разу не взяв в руки книг стоиков. Хотя автор открыл для себя стоицизм только к своему пятидесятилетию, он смог окунуться в стоическую мудрость с таким энтузиазмом, которому остается только позавидовать. Согласно Ирвину, если стоицизм полезен для него на шестом десятке, то на восьмом или девятом он скорее всего будет незаменим. А самые большие испытания, говорит американский стоик, еще впереди – и у него самого, и у любого, читающего эти строки. Автор очень надеется, что ему удастся в полной мере освоить стоическую мудрость еще до того, как эти испытания начнутся.

Юлия Крутицкая

Summary

The 147th *NZ* issue contains two main themes, as well as additional pieces that deal with individual cases from the history of politics and culture.

The issue opens with Vladislav Inozemtsev's regular column *IMPERIAL CHRONICLES*, which introduces two following thematic blocks. His text, entitled "*A Post-Imperial Empire*", is devoted not to Russia's history and current state of affairs, but to the European Union, which many contemporary Russian politicians and propagandists tend to call – right along with the United States – "a main geopolitical opponent of the Russian Federation". The author proposes his own classification of the types of post-imperial formations that have emerged in Europe since the end of World War II. The first type is an empire that has not responded to the challenge of the end of the colonial era, an empire that holds (or tries to hold) its national provinces by force. According to Inozemtsev, the USSR was such an empire, and post-Soviet Russia has continued on the same course. A different type of empire is the new kind of voluntary, non-violent post-empire, such as the European Union. Ergo, Inozemtsev believes that the nature of the current confrontation between the Russian Federation and the EU is not only (and not so much) geopolitical, but rather ideological and conceptual.

The main conflict between Russia and the European Union is unfolding around Ukraine, whom Russia is trying to return, one way or another, to its sphere of influence. The first two collections of materials in this *NZ* issue are devoted to the domestic

and foreign policy aspects of this conflict, the aspects that have to do with Russia.

The first block is called "RUSSIA UNDER THE NEW/OLD REGIME"; it contains articles on the transformation that Vladimir Putin's regime (the "old" one, because it had already taken shape by 2022) has undergone during the first year of the military conflict (thus acquiring a "new" flavour). Sergey Ryzhenkov analyses the internal logic of the transformation of Putin's regime in the context of the history of dictatorial regimes in the 20th and early 21st centuries, from Europe to Latin America ("*Putin and Rationality. Some Considerations on the Metamorphoses of Russia's Regime*"). Alexey Makarkin writes about the Russian Orthodox Church, which by now is an almost state-run institution, and has played a significant role in this transformation. Lastly, Petr Alekseev continues his series of essays analysing the mechanisms of the rhetoric of the Russian side during the conflict in Ukraine ("*Partially Total Corrections*"). The theme of the metamorphoses that have taken place over the past year in domestic politics and public opinion in Russia concludes with a new installment of Alexei Levinson's regular column *SOCIOLOGICAL LYRICS* ("*So We Have Got off the Needle*"). At the same time, Levinson's column acts as a lead-in to the second block of materials, since it largely deals with the changes in Russia's international prospects resulting from the conflict with Ukraine, the EU and the United States – and with the alleged attitude of the Russian public towards those changes.

The following block is called "THE NEW/OLD REGIME AND THE WORLD". Andrey Me-

dushevsky discusses the consequences of the current situation for the legal foundations of international relations (*"The Crisis of International Law and the Ukraine Conflict"*). Developing this topic further, professor at the University of Ottawa, Paul Robinson, attempts to trace the shifts in the system of international relations that could determine the "world-wide agenda" in the following decade. Danila Krasnov's article has as its subject the recent history of the relationship between the different types of autocratic regimes and their practice of starting military conflicts with neighbors.

The second big theme of the 147th *NZ* issue has more to do with the field of social and cultural anthropology. This collection, entitled "A GLOSSARY OF INFRA-STRUCTURES", is an experiment: *NZ* has offered its pages to a collective project aiming to describe various infrastructures that make it possible for us and our society to function. Among such infrastructures the authors and the block's compiler Denis Sivkov count a wide variety of phenomena,

from paving stones covering city streets to cadasters of urban engineering structures, from latrines used on archaeological expeditions, to the Internet as a way of the network society arrangement. This collection contains 16 short essays (many of them illustrated), preceded by an introductory piece written by the compiler.

The POLITICS OF CULTURE section is taken up by Vadim Mikhailin and Galina Belyaeva's voluminous article *"The Symbolic Language of Pavel Kuznetsov: Materials for a Dictionary"*, which proposes an unexpected socio-cultural interpretation of the artist's work. He started out before the revolution as a symbolist, and later found a place for himself within the new socialist realist canon – without, according to the authors, really changing his artistic lexicon or his way of artistic thinking.

As usual, the 147th *NZ* issue concludes with the NEW BOOKS section, among which we can single out the response of the historian Nick Lucas to two books on the contemporary history of Wales and the current situation in the country.

Оформить подписку на журнал можно в следующих агентствах:

«Подписные издания»: подписной индекс ПЗ832 (только по России) <https://podpiska.pochta.ru>

«МК-Периодика»: подписной индекс 45683 (по России и за рубежом) www.periodicals.ru

«Экстра-М»: подписной индекс 42756 (по России и СНГ) www.em-print.ru

«Ивис»: подписной индекс 45683 (по России и за рубежом) www.ivis.ru

«Информ-система»: подписной индекс 45683 (по России и за рубежом) www.informsystema.ru

«Информнаука»: подписной индекс 45683 (по России и за рубежом) www.informnauka.ru

«Прессинформ»: подписной индекс 45683 (по России и СНГ) <http://pinform.spb.ru>

«Урал-Пресс»: подписной индекс: 45683 (по России и за рубежом) www.ural-press.ru

Приобрести журнал вы можете в следующих магазинах:

В Москве:
«Московский Дом Книги» ул. Новый Арбат, 8 +7 495 789-35-91

«Фаланстер» М. Гнезниковский пер., 12/27 +7 495 749-57-21

«Фаланстер» (на Винзаводе) 4-й Сыромятнический пер., 1-6 (территория ЦСИ Винзавод) +7 495 926-30-42

«Циолковский» Пятницкий пер., 8 +7 495 951-19-02

В Санкт-Петербурге:
На складе издательства Лиговский пр., 27/7 +7 812 579-50-04 +7 952 278-70-54

В Воронеже:
«Петровский» ул. 20-летия ВЛКСМ, 54а (ТЦ «Петровский пассаж») +7 473 233-19-28

В Екатеринбург:
«Пиотровский» ул. Б. Ельцина, 3 («Ельцин-центр») +7 343 312-43-43

В Нижнем Новгороде:
«Дирижабль» ул. Б. Покровская, 46 +7 831 434-03-05

В Перми:
«Пиотровский» ул. Ленина, 54 +7 342 243-03-51